

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2015. № 9(81)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся изданий и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям **“Ulrich’s Periodicals Directory”**

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@szipa.ru, uk@szags.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2015
- © Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2015
- © Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2015
- © Все права защищены

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Шамахов В. А.** — директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — председатель совета, главный редактор;
- Елисеева И. И.** — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Еремеев С. Г.** — доктор экономических наук, профессор, декан факультета политологии СПбГУ, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);
- Сморгунов Л. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Субетто А. И.** — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург);
- Комаровский В. С.** — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);
- Макаров В. Л.** — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Квинт В. Л.** — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, председатель совета (Москва);
- Крастиньш А. В.** — почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);
- Лезеан Э.** — PhD, доктор философии по политическим наукам (Франция);
- Хань Лихуа** — профессор, директор Института Конфуция при Российском гуманитарном университете (Москва), профессор Института международной экономики Университета международного бизнеса и экономики (Пекин, Китай);
- Вольман Х.** — PhD, доктор права, профессор (Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Косов Ю. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург), заместитель главного редактора;
1. *По политическим наукам:*
- Акопов С. В.** — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Вульфович Р. М.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Казанцев А. А.** — доктор политических наук (Москва);
- Колесников В. Н.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Малькевич А. А.** — кандидат политических наук, доцент (Омск);
- Полякова Т. М.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Теребнёв Л. В.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
2. *По истории*
- Вершель В. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ежова Г. В.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Исаев А. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Лушин А. И.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Морозов В. И.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Новикова И. Н.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Сергеев В. М.** — доктор исторических наук, профессор (Москва);
- Шумилов М. М.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
3. *По экономике*
- Балашов А. И.** — доктор экономических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Запорожан А. Я.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Каранатова Л. Г.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Куклина Е. А.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Халин В. Г.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ходачек В. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Цыгалов Ю. М.** — доктор экономических наук, профессор (Москва);
- Яновский В. В.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург).

EDITORIAL COUNCIL

- Shamakhov V. A.** — Director of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg) — Chairman of the board, Chief Editor;
- Eliseeva I. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
- Eremeev S. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Dean of the Faculty of Political Science of the Saint-Petersburg State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (Saint-Petersburg);
- Smorgunov L. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg);
- Subetto A. I.** — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg);
- Komarovsky V. S.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPa and regional academies of public administration (Moscow);
- Makarov V. L.** — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic-Mathematical Institute (Moscow)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Kvint V. L.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Board (Moscow);
- Krastins A. V.** — Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
- Lezean E.** — PhD in Political Sciences (France);
- Han Lihua** — Professor, Director of Institute of Confucius at the Russian Humanities University (Moscow), Professor of Institute of the International Economy of University of the International Business and Economy (Beijing, China);
- Wolman H.** — PhD, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany)

EDITORIAL BOARD

- Kosov Yu. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg), Deputy Chief Editor;
1. *Political Sciences*
- Akopov S. V.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);
- Volkov V. A.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Vulfovich R. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Kazantsev A. A.** — Doctor of Science (History), Moscow Это в политические науки;
- Kolesnikov V. N.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Malkevich A. A.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Omsk);
- Polyakova T. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Terebnev L. V.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
2. *History*
- Vershel V. P.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Ezhova G. V.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Isaev A. P.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Lushin A. I.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Morozov V. I.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Novikova I. N.** — Doctor of Science (History), Professor (Saint-Petersburg)
- Sergeev V. M.** — Doctor of Science (History), Professor (Moscow)
- Shumilov M. M.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg).
3. *Economics*
- Balashov A. I.** — Doctor of Science (Economics), Associate Professor (St. Petersburg)
- Zaporozhan A. Ya.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Karanatova L. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Kuklina E. A.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Halin V. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Khodachek V. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Tsygalov Yu. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
- Yanovskiy V. V.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 8 КОЗЫРЕВ А. А., ГОРЯЧЕВА Д. А.**
Ценностные ориентации государственных служащих: гендерный аспект

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 20 КИРИЛЕНКО В. П., АТНАШЕВ В. Р.**
Правовые аспекты защиты прав человека в странах малайско-индонезийского региона (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины)
- 30 САНИНА А. Г., ПАВЛОВ А. В.**
Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы
- 41 НЕМЦОВ Ю. И.**
Проблематика возврата в российскую экономику активов, выведенных в иностранные юрисдикции

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 47 ИСКАКОВ И. Ж.**
О некоторых аспектах изучения обычного права в Казахстане

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 54 КЕЛЬБАХ С. В., СИГОВА М. В.**
Анализ международной практики реализации и финансирования проектов государственно-частного партнерства в развитии региональной инфраструктуры
- 64 ЦАЦУЛИН А. Н.**
Аналитический индекс цены Варзара как инструмент измерения эффектов инфляции затрат
- 81 БЕЛОВ В. И., СТЕПАНОВА Т. В.**
Организационные и правовые условия использования типологического подхода в управлении социально-экономическим развитием субъектов РФ и муниципальных образований
- 87 ДЕСЯТНИЧЕНКО Д. Ю., ДЕСЯТНИЧЕНКО О. Ю.**
О необходимости учета ресурсных ограничений микроуровня при реализации стратегии модернизации экономики России
- 96 БЕЗЛЕПКИН М. Н.**
Методологические подходы к управлению социально-экономическим развитием территорий Санкт-Петербурга
- 105 ЧАРКИНА Е. С.**
К вопросу об опережающем социально-экономическом развитии отдельных территорий регионов России

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 112 ВАСИЛЕНКО Л. А., КАШИНА М. А.**
Будущее гендерной политики в глобализирующемся обществе: российский кейс

- 120 МУРАШОВ С. Б.**
Антирисковый потенциал управленческой социализации
- 130 ЗАХАРОВ В. П.**
Энергосбережение как фактор развития регионов

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 140 АЛЕКСАНДРОВ В. Б.**
Человеческая телесность: постмодернизм перед лицом русской философии
- 149 БАРЫШНИКОВ В. Н., БОРИСЕНКО В. Н., КУЗНЕЦОВА Ю. И.**
Тамвортские манифесты Роберта Пиля и процесс консолидации консерваторов в первой половине 1830-х годов
- 159 КОВАЛЕВ Н. В.**
Инвестиционная привлекательность яхтенных марин и способы ее повышения

A LINEA

- 164 РЫБЧАК П. Н.**
Доверие как категория политологического анализа
- 175 КУРБАНОВ С. Г.**
Консульская служба в России от истоков и до современности: развитие и становление
- 183 ЯКОВЛЕВ А. В.**
Анализ различий ресурсного потенциала региональных продовольственных рынков
- 189 ДОРОГОЙ К. Б.**
К вопросу об определении понятия «системности реформ» в контексте социально-политической ситуации в современной России

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 198 ГАНЧЕРЕНОК И. И.**
Словарь-справочник по английскому языку для государственных служащих как инструмент формирования компетенции эффективной профессиональной коммуникации
- 204 КОЛЕСНИКОВ В. Н., КУЗЬМИН А. Е.**
Рецензия на учебник «GR и лоббизм: взаимодействие бизнеса и органов власти»

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 8 KOZYREV A. A., GORYACHEVA D. A.**
Value Orientations of Civil Servants: the Gender Dimension

POLICY AND LAWFUL STATE

- 20 KIRILENKO V. P., ATNASHEV V. R.**
Legal Aspects of the Human Rights Protection in States of the Malay-Indonesian Region (Indonesia, Malaysia, Singapore, Philippines)
- 30 SANINA A. G., PAVLOV A. V.**
State Identity: Towards the Definition of a Concept and Problem Statement
- 41 NEMTSOV Yu. I.**
Recovery of Assets Withdrawn from the Russia's Economy and Hidden in Foreign Jurisdictions

EURASIAN STUDIES

- 47 ISKAKOV I. Zh.**
About Some Aspects of Customary Law Study in Kazakhstan

POWER AND ECONOMY

- 54 KELBAKH S. V., SIGOVA M. V.**
The analysis of the International Practice of Realization and Financing of Projects of Public-Private Partnership in Development of Regional Infrastructure
- 64 TSATSULIN A. N.**
The Analytical Index of Varzar Like Instrument Measure the Effects of Cost-Push Inflation
- 81 BELOV V. I., STEPANOVA T. V.**
The Organizational and Legal Conditions for the Use of the Typological Approach in the Management of Socioeconomic Development of Russian Regions and Municipalities
- 87 DESYATNICHENKO D. Yu., DESYATNICHENKO O. Yu.**
About Necessity Take Into Consideration Resource Restrictions at the Microeconomic Level When Implementing the Strategy of Modernization of the Russian Economy
- 96 BEZLEPKIN M. N.**
Methodological Approaches to the Management of Socio-Economic Development in St. Petersburg
- 105 CHARKINA E. S.**
To the Question about Advanced Socio-Economic Development of Certain Territories of the Russian Regions

SOCIETY AND REFORMS

- 112 VASILENKO L. A., KASHINA M. A.**
The Future of Gender Policies in the Globalized World: Russian Case

- 120 MURASHOV S. B.**
Anti-risk Potential of Administrative Socialization
- 130 ZAKHAROV V. P.**
Energy Conservation as a Factor of Regional Development

HISTORY AND CULTURE

- 140 ALEKSANDROV V. B.**
Human Corporality: Postmodernism in the Face of the Russian Philosophy
- 149 BARYSHNIKOV V. N., BORISENKO V. N., KUZNECOVA Ju.I.**
Robert Peel's Tamworth Manifests and the Process of Conservative Consolidation in the First Half of 1830s
- 159 KOVALEV N. V.**
Yacht Marinas Investment Attractiveness and Ways to Improve it

A LINEA

- 164 RYBCHAK P. N.**
Trust as a Category of Political Analysis
- 175 COURBANOFF S. G.**
Consular Service in Russia from Sources and to the Present: Development and Formation
- 183 YAKOVLEV A. V.**
Analysis of Distinctions of Resource Capacity of the Regional Food Markets
- 189 DOROGOY K. B.**
On a Question of Definition of Concept «Systemacity of Reforms» in the Context of a Social and Political Situation in Contemporary Russia

SCIENTIFIC LIFE

- 198 HANCHARONAK I. I.**
The Dictionary Reference on English for Public Servants as the Instrument of Formation of Competence of Effective Professional Communication
- 204 KOLESNIKOV V. N., KUZMIN A. E.**
Review on the Tutorial «GR and Lobbying: Interaction of Business and Government Departments»

Козырев А. А., Горячева Д. А.

Ценностные ориентации государственных служащих: гендерный аспект

Козырев Александр Александрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры стратегии, территориального развития и качества жизни
Кандидат экономических наук, доцент
kosyrew@mail.ru

Горячева Дарья Андреевна

Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)
Стажер-исследователь научно-учебной группы департамента государственного администрирования «Экономика и социология изменений»
dgoryacheva@hse.ru

РЕФЕРАТ

В рамках постмодернистской теории, описывающей экономические, социальные и политические изменения, происходящие в современном обществе, анализируются роль женщин в государственном управлении и изменения ценностных ориентаций государственных служащих. Сегодня в высших органах государственной власти существует не объективное гендерное неравенство (процент женщин на высших постах государственной службы России составляет около 23%), которое может привести к неэффективности государственного управления. Целью исследования, положенного в основу статьи, является выявление различий в ценностных ориентациях государственных служащих в контексте гендерных отношений. Для выявления ценностных ориентаций респондентов был использован анкетный опрос, проведенный среди 72 муниципальных служащих (49 женщин и 23 мужчин) в двух районах Санкт-Петербурга. Вопросы анкеты были основаны на теории Д. Налбандиана о разделении ценностных ориентаций государственных служащих на политическую и административную группы. На примере служащих муниципальных районов Санкт-Петербурга можно сказать, что женщинам, состоящим на муниципальной службе, в большей степени присущи административные ценностные ориентации, тогда как мужчины в своей работе руководствуются обеими группами ценностей. Различия в ценностных ориентациях государственных служащих — женщин и мужчин — подчеркивают важность присутствия представителей обоих полов на всех уровнях государственной власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

теория постмодернизма, гендер, женщины в государственном управлении, политические и управленческие ценностные ориентации

Kozyrev A. A., Goryacheva D. A.

Value Orientations of Civil Servants: the Gender Dimension

Kozyrev Aleksandr Aleksandrovich

North-Western Institute of Management — branch of the Russian President Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Strategy, Territorial Development and Quality of Life
PhD in Economy
kosyrew@mail.ru

Goryacheva Darya Andreevna

National Research University Higher School of Economics
Researcher at the research group for the Public Administration Department "Economics and Sociology of Changes"
dgoryacheva@hse.ru

ABSTRACT

The world has entered the era of postmodernism, which is characterized by social, economic and political changes in society. Under these conditions, on the one hand, the role of women in public administration increases, and on the other hand, the value orientations of public servants change. However, today the highest state authority biased gender inequality exists, which can lead to poor governance. The purpose of this research is to identify the differences in the value orientations of civil servants on the basis of gender. We use a questionnaire in order to identify the gender dimension of value orientations of civil servants which based on the theory of J. Nalbandian of the division values of civil servants on the political and administrative values. A questionnaire survey was conducted among municipal officials of the two districts of St. Petersburg. The survey involved 49 women and 23 men. The findings reveal that women consisting in the municipal service, to a greater extent inherent administrative value orientations. Men in their work are guided by not only administrative, but also political value orientations. The differences in the value orientations of civil servants of women and men underscore the importance of the participation of both sexes at all levels of public authorities.

KEYWORDS

theory of postmodernism, gender, women in public administration, politic and administrative value orientations

Государственный служащий выступает в роли связующего звена между государством и обществом, поэтому определенный набор ценностей служащего государственной власти может определить вектор усовершенствования социальной действительности. В контексте теории постмодернизма рассматривается важная роль женщины в государственном управлении. Считается, что женщины обладают демократическими и в большей степени социально направленными ценностными ориентациями, чем мужчины. Такие ценностные ориентации являются основой для построения менее иерархичной и более либеральной системы государственного управления, которая способна привести к улучшению качества жизни населения. Однако на данном этапе развития женщины на высших постах государственной службы встречаются нечасто, что ограничивает их влияние на изменение социальной действительности. Выявление и осознание различий в ценностных ориентациях государственных служащих в контексте гендерных отношений способны привести к построению более эффективной системы государственного управления. Эта проблема становится все более актуальной в условиях трансформации государственной идентичности, изменения ценностей государственных гражданских служащих в эпоху современности [10].

Государственное управление в контексте теории постмодернизма

Конец XX — начало XXI вв. вносит свои коррективы в социальную, экономическую, политическую и другие сферы жизни общества. Человечество входит в эпоху постиндустриализма, которая характеризуется качественными изменениями в развитии государств и приводит к формированию постмодернизма как нового общественного явления. В контексте теории постмодернизма меняются основные характеристики предшествующей, индустриальной, эпохи, задавая новый вектор развития, который ведет к проявлению следующих тенденций: стратегической важности информации, переходу к производству персонифицированного товара, увеличению роли нематериальных ценностей, важности индивидуальности личности, развитию культурного плюрализма и др. [9].

В условиях постмодернизма растут миграционные потоки. По данным статистики глобальной миграции ООН, в 1990 г. число международных мигрантов составило 154 млн человек, к 2000 г. их число увеличилось до 175 млн, а в 2013 г.

количество мигрантов составило 232 млн человек [23]. Наблюдается активное вхождение в общественную жизнь новых информационных технологий. Интернет, например, является одним из показателей вступления страны в глобальное пространство. И если в 1993 г. количество пользователей интернета было чуть больше, чем 14 млн чел., то к 2014 г. это число увеличилось больше чем в 200 раз и составило около 3 млрд пользователей [22].

Положительное влияние постмодернизм оказывает на международные отношения, указывая на важность таких проблем, как экология, права человека, демократия и безопасность. Постмодернисты начинают говорить о создании единого гражданского общества и стирании границ между государствами. Появляется новое информационное сообщество, для которого теряют свое значение понятия времени и пространства. Трансформируются старые и появляются новые механизмы устройства общества. Сами государства и их граждане постоянно взаимодействуют друг с другом, впитывая при этом ценности других культур. Государственное управление в данном контексте не может оставаться прежним и начинает свою трансформацию с изменения взгляда на мир государственного служащего [8].

Согласно теории Р. Инглхарта, все произошедшие изменения привели к появлению новых ценностей и изменению образа жизни государственных служащих. Материальные ценности отошли на второй план, уступив дорогу нематериальным, главным приоритетом которых стал фокус на самовыражение и улучшение качества жизни. Несмотря на господство системы иерархии, постмодернистские ценности подчеркнули человеческую индивидуальность и способность быть автономным. Ценностные ориентации в данном контексте направлены в большей степени на достижение высокого уровня жизни, чем на экономическую эффективность.

Происходит реформирование системы государственного управления и внедрения системы Нового государственного менеджмента, развивается две концепции: менеджмеризм, направленный на развитие экономических ценностей в обществе, и менеджмент публичных ценностей, указывающий на важность этических ценностей государственных служащих и их клиентоориентированность.

Концепция менеджмента публичных ценностей, которая указывает на приоритетное развитие клиентоориентированности управления государством и провозглашает ориентацию на граждан, как основную ценность государственного служащего, в настоящая момент становится наиболее приоритетной. Д. В. Тютин говорит о том, что на первый план выходит степень удовлетворенности потребителя качеством оказываемых услуг [11, с. 179–181]. В этом контексте большое внимание уделяется производству социальных услуг, которые в большей степени направлены на поддержание не материальных, а моральных или духовных ценностей.

Государственные служащие являются исполнителями тех задач, которые ставит перед ними государственное управление и само общество. Они должны работать на благо общества, создавая все условия для постоянного улучшения уровня жизни, быть ответственными и честными людьми, продвигать принципы гуманизма. Ч. Кинг также отмечает, что в данном контексте появляется множество новых социальных движений, которые пытаются самореализоваться в условиях становления постмодернистского стиля жизни и изменения системы ценностей [17, с. 524].

Так, в период постмодернизма, начавшегося, по мнению А. Тойнби, в 1870-х гг., развивались и сменяли друг друга три волны феминизма [2, с. 138]. В настоящее время активно развивается «Третья волна» феминизма, указывающая на важность экономической независимости женщин. Феминистки «третьей волны» самостоятельно реализовываются во всех жизненных сферах и указывают на нейтральность полов в современном обществе. Эти женщины хотят не только быть экономически независимыми, но и принимать участие в управлении страной.

Роль женщины в государственном управлении через призму гендерного подхода

Одним из важных факторов эффективности государственного управления является полноценное использование потенциала всех специалистов, без какой-либо дискриминации, в том числе по половому признаку, считает Радшелдерс [19, с. 181]. В данном контексте начинает работать гендерный подход, который меняет взгляд на понятие вторичного и первичного пола мужчины и женщины и показывает важность женщин на государственной службе.

К. Стиверс считает, что гендерное неравенство влияет на эффективность административного правления, которое рассматривает вопросы иерархии, полномочий и стиля управления и изучает эту проблему через призму феминистской теории [12]. Система государственного управления может быть менее иерархичной и более демократичной, если в нее будут входить представители обоих полов. Теория феминизма предполагает, что власть может выступать не только в роли доминирования, но и одним из видов предоставления и реализации возможностей граждан. Лидерство становится инструментом помощи, а государственные служащие, в целом, выполняют свою работу, не только думая о выполнении своего долга перед ведомством, но и сотрудничают с самим населением, которое непосредственно ощущает на себе их действия.

К сожалению, несмотря на принятие Генеральной Ассамблеей ООН 20 декабря 1954 г. Конвенции о политических правах женщин, где за женщинами впервые на таком высоком уровне были официально признаны равные права на участие в управлении государством [20], эти права на данный момент, зачастую, остаются декларативными. Хотя женщины имеют большую долю в представительстве сектора государственного управления, они, в большинстве случаев, занимают более низкие позиции, чем мужчины. На постах государственной службы по-прежнему преобладают женщины, их около 53% от всех служащих государственного сектора, однако это обусловлено тем, что женщины, в основном, занимают младшие должности государственной службы: 59% гражданских служащих низших чинов женщины, а на высших должностях государственной службы их всего 38% [21]. В России, по данным Росстата за 2013 г., на должностях государственной гражданской службы находится 561,1 тыс. женщин и 225,3 тыс. мужчин, однако высшие должности доступны только 23,3% женщин, но 76,7% мужчин [1, с. 298].

С точки зрения Р. Черил, женщинам свойственен несколько иной стиль управления, чем мужчинам. Выстраивая систему управления, они, прежде всего, думают о тех, на кого будут действовать их решения, и заботятся об их благополучии, создавая ценности для населения [13, с. 8]. Кроме того, женщины готовы отказаться от принципов строгой иерархии, им в большей степени импонирует демократический стиль правления, используя который, они могут узнать о предпочтениях народа и помочь в их реализации.

В частности, мы можем сказать, что женщины в большей степени поддерживают социальную политику, которая является наиболее благоприятной, например, для контроля над уровнем выпуска и продажи огнестрельного оружия, а также поддерживают инициативы в области здравоохранения, образования, пенсионного страхования и т. д. В этом контексте некоторые феминистские авторы, такие как М. Гроган и К. Стиверс, утверждают, что женщины могут сыграть решающую роль в преобразовании руководящей роли государственного сектора в сторону большей социальной активности и являются важным звеном в системе построения эффективного государственного управления [15].

Сущность и содержание понятия «ценностные ориентации»

Вопрос о ценностях и их влиянии на становление и развитие не только отдельной личности, но и всего общества отражается при формировании ценностных ориентаций государственного служащего. Он выступает связующим звеном между государственной властью и гражданским обществом и от наличия у него определенного набора ценностных ориентаций зависит, какой вектор развития получат те или иные преобразования, касающиеся благополучия граждан. Как пишет в своем исследовании В. П. Кайсарова, «ученые сходятся во мнении, что результатами деятельности государственных организаций является как прямой внешний «выпуск» (услуги), так и внешние косвенные результаты (повышение качества жизни). Кроме того, к результатам деятельности этих организаций относится внутренний «продукт» (услуги повышения квалификации и переподготовки кадров, эксплуатации и ремонта зданий и сооружений), что является необходимым условием обеспечения внешних выходов и косвенных результатов» [4, с. 107].

В контексте изменений, произошедших в эпоху постмодернизма и развития концепции Нового государственного управления, К. Худ выделяет три группы административных ценностей, которые он определяет как исключительно ценности «хорошего управления»: тета, сигма и лямбда [16]. Каждая из этих ценностей определяет сущность реформ, проводимых госслужащими. Если служащий государственных органов будет руководствоваться «лямбда» ценностями: надежностью и безопасностью, его действия будут направлены в большей степени на поддержание высокого уровня запасов для противостояния кризисам.

Для развития в государственном управлении и самом обществе ценностей семьи «тета», которые определяются как честность, прозрачность и открытость, государственные служащие будут смещать акцент с экономических показателей эффективности на показатели прозрачности процесса выполнения функций государственного управления. Основные усилия будут направлены на борьбу с коррупцией посредством создания антикоррупционных ведомств, обеспечение общедоступности информации и проведение публичных слушаний перед принятием очередного закона.

Если же государственный управленец является приверженцем «сигма» ценностей — его действия будут направлены в большей степени на улучшение экономических показателей. В государстве будут проводиться реформы, направленные на избегание неэффективности и сокращение затрат.

Таким образом, по мнению А. С. Калгина, в условиях социально-экономических изменений ценностные ориентации государственного служащего являются важным фактором формирования определенной стратегии государственного управления [5]. «Публичные ценности, как считает В. П. Кайсарова, исходят из соотнесения индивидуального опыта с опытом социальным, общечеловеческим. Это постепенное осмысление и постижение последних, принятие их как личностных установок и ориентиров развития. Для потребностей они выступают в качестве критерия перспективной значимости с точки зрения обеспечения целостности и устойчивости общества. При определении приоритетных направлений социальной политики крайне важно понимать, что она должна аккумулировать актуальные ценности для общества. Они являются важным функциональным элементом социума, определяют нормы поведения, критерии восприятия власти» [3, с. 70].

Кроме того, для государственного управленца высокий уровень приверженности ценностям, присущим государственной службе, обычно генерирует общественное доверие к служащему и уверенность в себе, считает М. Картхейг [18]. И, наоборот, слабое применение ценностей или продвижение несоответствующих ценностей может привести к снижению важнейших элементов демократического управления, а также к отстранению этических норм.

Описание методики исследования

Для выявления ценностных ориентаций муниципальных служащих в контексте гендерных отношений в феврале-марте 2015 г. было проведено эмпирическое исследование, основным методом которого стал анкетный опрос. Анкета для проведения данного исследования была составлена на основе теории Д. Набалдиана, который предполагал, что ценностные ориентации государственных служащих делятся на два типа: управленческие (стабильность, коллектив, квалификация/опыт/подготовка, коррумпированность, осознание того, что работа приносит пользу обществу, аккуратность, исполнительность/дисциплинированность, образованность) и политические (независимость, престижность, публичность, информированность, самостоятельность в работе, самоконтроль, смелость в отстаивании своих взглядов, адаптивность) ценностные ориентации [14].

Анкета была выполнена в виде набора вопросов, каждому из которых соответствовал набор ответов закрытого типа. Всего анкета содержала 11 вопросов, в 5 из которых содержались ценности, относящиеся либо к политическим, либо к управленческим ценностным ориентациям, а в других 6 были отражены такие характеристики, как наличие образования и уровень должности, материальное положение и выслуга лет, пол и возраст государственного служащего.

Мы обратились к рассмотрению ценностей муниципальных служащих, так как в основу нашего теоретического исследования положена феминистическая теория, а в муниципальных образованиях Санкт-Петербурга самое высокое соотношение между женщинами и мужчинами (80% женщин к 20% мужчин), по сравнению с органами других уровней власти. Основной базой для проведения исследования стали муниципальные служащие Кировского и Калининского районов Санкт-Петербурга. Данная выборка была сформирована по принципу различия районов по качеству жизни, где Калининский район занимает одно из первых мест, а Кировский — одно из последних. Такая структура выборки имела целью проверить предположение о связи специфики ценностных ориентаций чиновников и уровня развития территории, которой они управляют.

Основной гипотезой нашего исследования стало то, что мужчинам в большей степени присущи политические ценностные ориентации, а женщинам — управленческие. Кроме того, мы хотели проверить мнение о том, что политические ценностные ориентации влияют на уровень занимаемой должности чиновника. Также было сделано предположение о том, что увеличение степени приверженности муниципального служащего к определенной группе ценностных ориентаций: управленческих или политических, ведет к снижению степени приверженности к другой. Предполагалось и то, что степень приверженности к той или иной группе ценностных ориентаций зависит от выслуги лет муниципального служащего, его возраста, материального положения и уровня образования.

Всего было получено 72 ответа от муниципальных служащих Кировского и Калининского районов Санкт-Петербурга. В опросе приняли участие 49 женщин и 23 мужчины. Результаты анкетного опроса были проанализированы с помощью компьютерной программы для статистической обработки данных SPSS Statistics.

Анализируя данные, мы использовали таблицы сопряженности, которые являются средством исследования связи между двумя переменными. Проверка гипотезы о наличии связи между двумя факторами, в нашем случае, совершалась с помощью критерия хи-квадрат, в зависимости от значения которого она либо принималась ($\alpha > 0,05$), либо отвергалась ($\alpha < 0,05$). С помощью данного анализа мы выявляли связь между степенью приверженности к политическим или управленческим ценностным ориентациям и полом, а также связь между степенью приверженности к той или иной группе ценностных ориентаций и определенным районом.

Для более удобной обработки данных мы рассчитывали сумму политических и управленческих ценностей у каждого респондента, после чего была составлена градация по степени приверженности муниципального служащего к той или иной ценностной ориентации. Мы считали, что сумма политических или управленческих ценностных ориентаций у отдельного респондента от 6 до 5 выражает сильную приверженность муниципального служащего к группе «политиков» или «управленцев», от 4 до 3 — среднюю, от 2 до 1 — слабую, а 0 означает полное отсутствие приверженности. В статистическом пакете анализа SPSS Statistics, эти данные были закодированы следующим образом: 6–5, 4–3; 2–1; 0.

Используя корреляционный анализ, с помощью которого можно спрогнозировать величину одного показателя, зная другой, мы выявляли наличие взаимосвязи между двумя группами ценностных ориентаций: политическими и управленческими. Кроме того, данные были проанализированы с помощью дисперсионного анализа ANOVA, целью которого является оценка и проверка влияния различных факторов на полученные результаты. Посредством данного анализа мы выявляли влияние такого фактора, как должность, на степень приверженности к определенной ценности.

Ценностные ориентации муниципальных служащих Кировского и Калининского районов Санкт-Петербурга в контексте совершенствования практики публичного управления

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на степень приверженности муниципальных служащих к политическим и управленческим ценностным ориентациям. По данным исследования, большинство муниципальных служащих (59,7%) имеют среднюю степень приверженности к управленческим ценностным ориентациям, тогда как сильная приверженность наблюдается только у 12,5%. Интересно то, что ни у одного из опрошенных респондентов не обнаружилось полного отсутствия приверженности к ценностным ориентациям «управленца». Рассматривая же степень приверженности к ценностным ориентациям «политиков», мы увидели несколько иную ситуацию. У 15,3% муниципальных служащих полностью отсутствует приверженность к политическим ценностным ориентациям, а наибольший процент респондентов имеет слабую приверженность (51,4%).

Выявляя различия в ценностных ориентациях муниципальных служащих, мы выдвинули предположение о том, что мужчинам в большей степени присущи политические ценностные ориентации, а женщинам — управленческие. Результаты исследования частично подтвердили нашу главную гипотезу и показали, что женщинам в меньшей степени свойственно обладание политическими ценностными ориентациями, чем мужчинам. В основном женщины обладают слабой приверженностью к политическим ценностным ориентациям, а сильная степень приверженности к ним не обнаружилась ни у одной из них. Тогда как у мужчин, в большинстве случаев, видна средняя степень приверженности к группе политических ценностных ориентаций, а у двух респондентов можно наблюдать сильную степень приверженности.

С помощью сводных таблиц, на 95% доверительном уровне мы смогли отвергнуть гипотезу об отсутствии связи между полом и выраженностью политических ценностей, что подтвердило наше предположение о том, что мужчинам в большей степени свойственны ценностные ориентации «Политика». Однако гипотеза о том, что женщинам в большей степени, чем мужчинам, соответствуют управленческие ценности — не подтвердилась.

Исходя из специфики нашей выборки, было интересно посмотреть, есть ли связь между степенью приверженности муниципального служащего к определенной группе ценностных ориентаций и районами, которые различаются по уровню качества

жизни. Для анализа данной взаимосвязи были построены таблицы сопряженности, которые показали, что коэффициент значимости выше 0,05, поэтому гипотеза об отсутствии связи между районом и выраженностью политических ценностей в одном случае и управленческих в другом не подтверждена.

Еще одной гипотезой стало то, что муниципальный служащий с более выраженными ценностными ориентациями «политика» занимает более высокие должности. Однако проведение дисперсионного анализа ANOVA эту гипотезу не подтвердило. В каждой группе политические ценности распределены примерно одинаковым образом (табл. 1).

Таблица 1

Связь между степенью приверженности к политическим ценностным ориентациям и уровнем должности государственного служащего

ANOVA					
Степень приверженности к политическим ценностям					
	Сумма квадратов	Число степеней свободы	Средний квадрат	F	Значение
Между группами	1,205	2	0,602	1,134	0,328
Внутри групп	36,670	69	0,531		
Всего	37,875	71			

Используя корреляцию Спирмана и корреляцию Пирсона, мы выявляли наличие взаимосвязи между степенью приверженности к двум группам ценностных ориентаций: политическим и управленческим. Обе корреляции показали наличие взаимной связи между степенью приверженности к политическим и управленческим ценностным ориентациям, исходя из чего можно сказать, что чем выше ценностные ориентации «управленца», тем ниже «политика». Кроме того, с помощью упоминаемых выше методов мы пытались найти взаимосвязь между степенью приверженности к той или иной группе ценностных ориентаций и такими переменными, как: выслуга лет, возраст муниципального служащего, материальное положение и уровень его образования. Во всех случаях мы не могли с точностью интерпретировать данные и опровергать гипотезу об отсутствии взаимосвязи между двумя переменными.

В целом муниципальным служащим в большей степени присущи управленческие ценностные ориентации, которые включают в себя как позитивные ценностные ориентации, такие как: ориентация на граждан, квалифицированность, образованность, так и негативные, например, коррумпированность и неготовность к изменениям. Рассматривая ценностные ориентации в разрезе гендерного аспекта, мы увидели, что у женщин политические ценности выражены менее ярко, чем у мужчин, что, по нашему мнению, могло бы быть связано с тем, что мужчины занимают более высокие должности, чем женщины, однако взаимосвязь между полом и уровнем должности не подтвердилась.

Приверженность женщин к управленческим ценностным ориентациям показывает, что они нацелены на общение с гражданами и являются представительницами социально ориентированного стиля управления, однако порой им не хватает настойчивости в отстаивании своих взглядов и воплощение их благородных целей уходит на второй план.

Расхождение в характере ценностных ориентаций у мужчин и женщин ведет к разнице в управленческом труде как муниципальных, так и государственных служащих обоих полов. В первую очередь эту идею следует рассматривать при распределении ответственности между служащими в органах государственного управ-

ления. Нужно учитывать тот факт, что ценностные ориентации женщин ведут к развитию человеческого потенциала и продвижению социальной политики в государстве. С учетом этих особенностей стоит проводить так называемое разделение труда, где государственные служащие обоих полов будут выступать в роли экспертов и совершенствовать определенную сферу жизни общества.

Такие политические ценностные ориентации, как готовность к переменам, независимость, самоконтроль и способность к отстаиванию своих взглядов, являются очень важными ориентирами, которые способны улучшить действия муниципальных и государственных служащих, направленные на улучшение качества жизни на локальном и государственном уровне. Как муниципальным, так и государственным служащим, и в большей степени женщинам, требуется развивать политическую группу ценностных ориентаций. Эффективной мерой для такого развития может стать создание определенных программ для развития политических ценностных ориентаций у государственных и муниципальных служащих посредством проведения семинаров и тренингов. Возможно, это также станет толчком для продвижения женщин на более высокие должностные позиции служащих органов власти.

Кроме того, нужно понимать, что преобладание в системе государственного управления только одной группы ценностных ориентаций приведет к одностороннему развитию государства, поэтому для построения эффективной системы государственного управления в государственной службе должно быть примерно одинаковое соотношение представителей мужского и женского полов. Одним из наименее затратных и наиболее эффективных способов для обеспечения гендерного паритета, на наш взгляд, может стать нейтральное гендерное квотирование, которое будет корректировать представительство мужчин и женщин в органах государственной власти. Эффективно выстроенная система нейтрального гендерного квотирования не допустит изоляции женщин от политической жизни и будет отстаивать интересы мужчин в тех сферах, где заняты в основном женщины.

Заключение

В контексте постмодернистской теории меняются старые ценностные ориентации государственных служащих и формируются новые. Появляются новые подходы к управлению государством, которые отодвигают материальные ценности на второй план, уступая дорогу нематериальным ценностям ориентациям. В этой связи возрастает роль женщин, обладающих несколько иным стилем управления и имеющих отличные от мужчин ценностные ориентации, в государственном управлении. Выстраивая систему управления, они руководствуются демократическими принципами, направляя вектор развития государственной политики в сторону большей социальной активности и заботясь о благополучии граждан. Однако существует значительный разрыв в соотношении мужчин и женщин, принимающих участие в государственном управлении. Процент женщин, занимающих действительно значимые позиции, ничтожно мал, что означает, что женщины не имеют достаточного доступа к реальным рычагам управления.

Было выяснено, что женщинам, состоящим на муниципальной службе, в большей степени присущи такие ценностные ориентации, как: образованность, ориентация на граждан, исполнительность, квалифицированность, стабильность, которые были отнесены к группе управленческих ценностных ориентаций. Мужчины в своей деятельности руководствуются не только управленческими, но и политическими ценностными ориентациями, такими как: готовность к переменам, независимость, самоконтроль и способность к отстаиванию своих взглядов.

Возможно, различие в ценностных ориентациях мужчин и женщин можно использовать при построении такой системы государственного управления, которая

будет учитывать специфику ценностных ориентаций муниципальных и государственных служащих обоих полов и в соответствии с этим разделять ответственность в совершенствовании определенной сферы жизни общества. Для повышения эффективности государственного управления в целом требуется выравнивание в соотношении мужчин и женщин в органах государственной власти, которое можно достичь посредством нейтрального гендерного квотирования.

С другой стороны, женщинам необходимо обратить внимание на отсутствие в их арсенале той или иной ценности и развивать политическую группу ценностных ориентаций, которая позволит им стать более смелыми в отстаивании своего мнения и, возможно, послужит толчком для продвижения на более высокие должностные позиции в государственных органах власти.

Литература

1. Зимин В. А. Женщины России в политике и структурах власти // Политика и политические науки. 2013. № 10. С. 298.
2. Ирхин Ю. В. Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ // Политика. 2006. № 4. С. 136–161.
3. Кайсарова В. П. Методология и возможности концепции ценностно-ориентированного менеджмента // Экономическое возрождение России. 2014. № 1/39. С. 69–73.
4. Кайсарова В. П. Эффективные методы управления общественным сектором услуг крупного города: теория, эволюция, инновации. СПб. : Изд-во «РОСТ», 2015.
5. Калгин А. С. Административная реформа и административные ценности: анализ реформ в русле Нового государственного управления. М., 2014. С. 8–13.
6. Козырев А. А. Система мотивации трудовой деятельности государственных служащих // Управленческое консультирование. 2010. № 4(40). С. 30–37.
7. Китин Е. А., Санина А. Г. Высшее образование как инструмент развития государственной идентичности государственных гражданских служащих // Управленческое консультирование. 2013. № 4(52). С. 7–12.
8. Рубцова М. В. Управляемость и власть: соотношение понятий в социологии управления // Социология власти. 2009. № 1. С. 57–59.
9. Попков В. П., Балашов А. И., Мячин Ю. В. Обеспечение устойчивого развития предпринимательских структур на основе инвестиционного планирования. СПб. : СПбГИЭУ, 2004.
10. Санина А. Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 57–65.
11. Тютин Д. В. Эволюция нового государственного управления: логика эффективности, результативности и менеджмента публичных ценностей // Теория и практика общественного развития. 2014. № 5. С. 179–181.
12. Шафритц Д., Альберт Х. Классики теории государственного управления: американская школа. М., 2003. С. 632.
13. Cheryl R. *Gender, Women and Leadership* // Agenda: Empowering Women for Gender Equity. 2005. N 65. P. 8.
14. Frederickson H. G., Smith K. B., Larimer C. W., Licari M. J. *The Public Administration Theory Primer*. Colorado : 2012. P. 274.
15. Grogan M. *Laying the groundwork for a reconception of the superintendency from feminist postmodern perspectives* // Educational Administration Quarterly. 2000. N 1. P. 142–177.
16. Hood C. *A public management for all seasons?* // Public Administration. 1991. N 1. P. 3–19.
17. King C. «Postmodern Public Administration»: *In the Shadow of Postmodernism* // Administrative Theory & Praxis. 2005. No 3. P. 524.
18. MacCarthaigh M. *Why public service values?* // Public Service Values, Institute of Public Administration. 2008. N 39. P. 4–7.
19. Raadschelders J. *Identity Without Boundaries: Public Administration's Canon(s) of Integration* // Administration & Society. 2010. N 2. P. 141.
20. Конвенция о политических правах женщины [Электронный ресурс] // URL: http://www.owl.ru/win/docum/un/pol_con.htm (дата обращения: 03.03.2015).

21. How the Civil Service has changed — in six charts [Электронный ресурс] // URL: <http://www.instituteforgovernment.org.uk> (дата обращения: 03.03.15)
22. Internet users in the world [Электронный ресурс] // URL: <https://www.internetlivestats.com/internet-users> (дата обращения: 06.03.2015).
23. United Nations. Department of Economic and Social Affairs [Электронный ресурс] // URL: <https://www.unmigration.org> (дата обращения: 06.03.2015).

References

1. Zimin V. *Russian Women in politics and power structures* [Zhenshchiny Rossii v politike i strukturakh vlasti] // Politics and political science [Politika i politicheskie nauki]. 2013. N 10. P. 298. (rus)
2. Irkhin Yu. *Society and politics in a postmodern looking glass: views, approaches, analysis* [Sotsium i politika v postmodernistskom zazerkal'e: vzglyady, podkhody, analiz] // Polity [Politiya]. 2006. N 4. Pp. 136–161. (rus)
3. Kaisarova V.P. *The methodology and the possibility of the concept of value-based management* [Metodologiya i vozmozhnosti kontseptsii tsennostno-orientirovannogo menedzhmenta] // The economic revival of Russia [Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii]. 2014. N 1/ 9. P. 69–73. (rus)
4. Kaisarova V.P. *Effective methods of management of public sector services of a large city: the theory of evolution and innovation* [Effektivnye metody upravleniya obshchestvennym sektorom uslug krupnogo goroda: teoriya, evolyutsiya, innovatsii]. — St. Petersburg : «ROST», 2015. (rus)
5. Kalgin A. *Administrative reform and administrative value: analysis of reform in line with the new public management* [Administrativnaya reforma i administrativnye tsennosti: analiz reform v rusle Novogo gosudarstvennogo upravleniya]. M. 2014. P. 8–13. (rus)
6. Kozhev A. A. *The system of motivation of labor activity of civil servants* [Sistema motivatsii trudovoi deyatel'nosti gosudarstvennykh sluzhashchikh] // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2010. N 4(40). P. 30–37. (rus)
7. Kitin E.A., Sanina A.G. *Higher education as a tool for development of the state identity of civil servants* [Vysshee obrazovanie kak instrument razvitiya gosudarstvennoi identichnosti gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh] // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. N 4(52). P. 7–12. (rus)
8. Rubcova M.V. *Manageability and power: relations between the concepts in the sociology of management* [Upravlyaemost' i vlast': sootnoshenie ponyatii v sotsiologii upravleniya] // Sociology of Power [Sotsiologiya vlasti]. 2009. N 1. P. 57–59. (rus)
9. Popkov V.P., Balashov A.I., Myachin Y.V. *The ensuring sustainable development of enterprise structures on the basis of investment planning* [Obespechenie ustoichivogo razvitiya predprinimatel'skikh struktur na osnove investitsionnogo planirovaniya]. — SPb. : SPbGIEU, 2004. (rus)
10. Sanina A.G. *Formation of Russian identity: civil-state approach* [Formirovanie rossiiskoi identichnosti: grazhdansko-gosudarstvennyi podkhod] // Sociological researches [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2012. N 12. P. 57–65. (rus)
11. Tyutin D. *The evolution of the new government: the logic of efficiency, effectiveness and management of public property* [Evolyutsiya novogo gosudarstvennogo upravleniya: logika effektivnosti, rezul'tativnosti i menedzhmenta publicnykh tsennostei] // Theory and practice of social development [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya] N 5. P. 179–181. (rus)
12. Shafritts D., Albert H. *Classics of public administration theory: American School* [Klassiki teorii gosudarstvennogo upravleniya: amerikanskaya shkola]. M. : 2003. P. 632. (rus)
13. Cheryl R. *Gender, Women and Leadership* // Agenda: Empowering Women for Gender Equity. 2005. N 65. P. 8.
14. Frederickson H.G., Smith K.B., Larimer C.W., Licari M.J. *The Public Administration Theory Primer*. Colorado : 2012. P. 274.
15. Grogan M. *Laying the groundwork for a reconception of the superintendency from feminist postmodern perspectives* // Educational Administration Quarterly. 2000. N 1. P. 142–177.
16. Hood C. *A public management for all seasons?* // Public Administration. 1991. N 1. P. 3–19.
17. King C. «Postmodern Public Administration»: *In the Shadow of Postmodernism* // Administrative Theory & Praxis. 2005. No 3. P. 524.
18. MacCarthaigh M. *Why public service values?* // Public Service Values, Institute of Public Administration. 2008. N 39. P. 4–7.

19. Raadschelders J. *Identity Without Boundaries: Public Administration's Canon(s) of Integration* // *Administration & Society*, 2010. N 2. P. 141.
20. Конвенция о политических правах женщины [Электронный ресурс] // URL: http://www.owl.ru/win/docum/un/pol_con.htm (дата обращения: 03.03.2015).
21. How the Civil Service has changed — in six charts [Электронный ресурс] // URL: <http://www.instituteforgovernment.org.uk> (дата обращения: 03.03.15).
22. Internetusersintheworld [Электронный ресурс] // URL: <https://www.internetlivestats.com/internet-users> (дата обращения: 06.03.2015).
23. United Nations. Department of Economic and Social Affairs [Электронный ресурс] // URL: <https://www.unmigration.org> (дата обращения: 06.03.2015).

Кириленко В. П., Атнашев В. Р.

Правовые аспекты защиты прав человека в странах малайско-индонезийского региона (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины)*

Кириленко Виктор Петрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой международного и гуманитарного права
Доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Российской Федерации
intl@szags.ru

Атнашев Вадим Рафаилович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры международного и гуманитарного права
Кандидат филологических наук, доцент
vatnash@hotmail.com

РЕФЕРАТ

Статья посвящена особенностям защиты прав человека в законодательстве четырех стран Юго-Восточной Азии, дается сравнение основных положений в конституциях Индонезии, Филиппин, Малайзии, Сингапура. Авторы также рассматривают конституционно-правовые и международно-правовые вопросы гражданства, различия в правовом обеспечении государственных механизмов защиты основных прав и свобод человека и гражданина.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

права человека, конституция, законодательство, гражданство, международные конвенции, международное право

Kirilenko V. P., Atnashev V. R.

Legal Aspects of the Human Rights Protection in States of the Malay-Indonesian Region (Indonesia, Malaysia, Singapore, Philippines)

Kirilenko Viktor Petrovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of International and Humanitarian Law
Doctor of Science (Jurisprudence), Professor
Honored Lawyer of Russia
intl@szags.ru

Atnashev Vadim Rafailovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of International and Humanitarian Law
PhD (Oriental Studies), Associate Professor
vatnash@hotmail.com

ABSTRACT

The article considers specifics of the protection for human rights in the legislation of South-East Asia, compares main stipulations in the constitutions of Indonesia, Philippines, Malaysia, Singapore. The authors also analyze constitutional and international legal issues of citizenship, differences in state guarantees for the protection of human and civil rights.

* Продолжение. Начало см.: Управленческое консультирование. 2015. № 8. С. 15–25.

KEYWORDS

human rights, constitution, legislation, citizenship, international conventions, international law

Малайзия

Как и во многих других государствах, правовой статус личности в Малайзии и Сингапуре включает принадлежность к гражданству данной страны, определенный объем прав, свобод и обязанностей гражданина. Обычно этот статус обуславливается особенностями государственного режима, конституционной системы, влиянием религиозно-этических норм и местных традиций на различные государственно-правовые и общественно-политические институты и органы стран региона.

Как правило, статьи конституции, посвященные правовому статусу личности, помещены в отдельные главы или разделы. Однако некоторые положения относительно этого статуса могут даваться и в других главах. Обращает на себя внимание, что в рассматриваемых конституциях права человека и права гражданина фактически не разделяются.

Учитывая многонациональный и поликонфессиональный характер населения обеих стран, а также особенности региональных миграционных процессов (рабочая миграция граждан разных стран в Малайзию и Сингапур), важное значение имеют правовые вопросы гражданства. В Сингапуре, где особый статус имеют представители нескольких национальностей (китайцы, малайцы, индусы и тамилы), вопросы гражданства имеют особо важное значение.

Действующая Конституция Малайзии 1963 г. является одной из самых пространственных и детализированных не только в Азии, но и во всем современном мире. Часть II Конституции, имеющая название «Основные свободы», включает 9 статей (ст. 5–13). В них отражены основные виды прав и свобод человека и гражданина — личные, социально-экономические и политические.

Согласно ст. 5, посвященной свободе личности, никто не может быть лишен жизни или личной свободы, иначе чем в соответствии с законом¹.

Если в суд поступает жалоба о том, что какое-либо лицо незаконно подверглось задержанию, суд должен ее рассмотреть и при установлении незаконности задержания приказывает доставить это лицо в суд и освобождает его.

Следует отметить, что следующие положения ст. 5 не применяются в отношении «враждебных иностранцев» (п. 5):

- При аресте какого-либо лица ему должны быть сообщены основания ареста и разрешено пользоваться защитой адвоката по своему выбору (п. 3).
- Если какое-либо лицо подвергнуто аресту и не освобождено, то в любом случае оно должно быть в течение двадцати четырех часов доставлено в суд магистрата и без санкции последнего не может дольше содержаться в заключении (п. 4). Таким образом, право на *хабеас корпус* и указанные положения должны распространяться и на тех иностранцев, которые не считаются «враждебными».

Далее в Конституции содержатся гарантии против уголовных законов, действующих с обратной силой, и повторных судебных разбирательств (ст. 7):

1) Никто не может подвергаться наказанию за действие или упущение, которое не являлось наказуемым по закону, когда это действие или упущение было со-

¹ Здесь и далее русский перевод дается, в основном, по английскому переводу конституции Малайзии — *Undang-undang Malaysia Perlembagaan Persekutuan*. Kuala Lumpur, 1983 (Конституция Малайзии, на малайском языке).

вершено, и никто не может быть подвергнут наказанию, большему чем то, которое предписывалось законом во время совершения преступления.

2) Лицо, оправданное или осужденное в связи с каким-либо преступлением, не может быть вторично судимо за то же самое преступление, за исключением случаев, если осуждение или оправдание было отменено и пересмотр судебного дела был назначен судом высшей инстанции по отношению к суду, которым такое лицо было оправдано или осуждено.

Согласно ст. 6 рабство и все формы принудительного труда запрещены, но парламент страны может законом предусмотреть обязательные повинности в интересах государства.

Интересно, что в соответствии с Законом А1130, вступившим в силу 28.09.2001 г., конец данной статьи был изменен следующим образом:

(3) Работа или повинность, налагаемая на какое-либо лицо в результате признания судом виновным, не рассматривается как принудительный труд в смысле настоящей статьи, при условии, что эта работа или повинность осуществляется под надзором и на территории какого-либо органа государственной власти¹.

До этого п. 3 гласил: «Работа, связанная с отбыванием наказания в виде тюремного заключения по приговору суда, не рассматривается как принудительный труд в смысле настоящей статьи». Таким образом, теперь все виды работ, связанных с приговором суда, не рассматриваются как принудительный труд.

В ст. 9 Конституции Малайзии утверждается право любого гражданина свободно передвигаться в пределах Федерации и проживать в любой ее части (п. 2) — речь идет о естественной и неотчуждаемой свободе, которая относится к основным гражданским правам и свободам. Отражение этого понимания и включение ст. 9 в часть «Основные свободы» является достоинством малайзийской (равно и сингапурской) конституции. Для сравнения, поправка о рассматриваемом праве была включена в Конституцию Индии лишь в 1978 г. [2, с. 429].

В соответствии с международными стандартами механизм реализации свободы передвижения и выбора места жительства включает и возможность определенных ограничений [1, с. 200]. В рассматриваемой Конституции они даются во второй части п. 2: «с соблюдением пункта 3 и любого закона, касающегося безопасности Федерации или любой ее части, публичного порядка, народного здоровья или наказания преступников». Данная формулировка близка к тексту ч. 1 ст. 16 Конституции Итальянской Республики 1947 г. [2, с. 203].

Кроме того, в добавленном немного позднее п. 3 говорится: «До тех пор пока в соответствии с настоящей Конституцией любое другое государство находится в особом положении по сравнению с государствами Малайзии, Парламент может законодательно ограничить указанное в п. 2 право передвижения и проживания в отношении данного государства и других государств²». Несмотря на то, что этой редакции ст. 9 уже 46 лет, она действует до сих пор, прежде всего в отношении штатов Сабах и Саравак, где действует особый визовый режим.

Хотя ислам является в Малайзии государственной религией, шариат в соответствии с Законом о мусульманском суде 1965 г. применяется только на уровне морали и в воспитательной деятельности [5, с. 591].

Свободе религии посвящена статья 11, которая гарантирует каждому право исповедовать свою религию, отправлять религиозные обряды и вести религиозную пропаганду. Последнее возможно при соблюдении п. 4: «Закон Государства, а в отношении Федеральных территорий Куала-Лумпур и Лабуан — федеральный за-

¹ The Constitution of Malaysia, 1963 (Конституция Малайзии 1963 г.). Перевод с малайского языка.

² Имеются в виду субъекты Федерации Малайзии.

кон, может контролировать или ограничивать пропаганду любой религиозной доктрины или веры среди лиц, исповедующих мусульманскую религию». Никого нельзя принуждать «уплачивать какой-либо налог, поступления от которого специально предназначаются, полностью или частично, на нужды религии, которую он не исповедует» (п. 2).

В ст. 11 также перечислены следующие права любой религиозной группы (ее определения, однако, не дается):

- а) управлять своими собственными делами в вопросах религии;
- б) создавать и содержать учреждения для религиозных и благотворительных целей;
- с) приобретать и быть собственником имущества, владеть и управлять им в соответствии с законом.

Некоторые формулировки этой статьи во многом совпадают с текстом соответствующего раздела Конституции Индии 1950 г.

Кроме того, в ст. 12 указано, что каждая религиозная группа имеет «право учреждать и содержать детские учебные заведения и вводить в них преподавание ее собственной религии; ни в законах, касающихся таких учебных заведений, ни при осуществлении таких законов не должна проводиться какая бы то ни было дискриминация только лишь по мотивам религии». Тем не менее, федеральным законом может быть предусмотрена специальная финансовая помощь для учреждения и содержания мусульманских учебных заведений или для преподавания ислама лицами, исповедующими эту религию.

Никто не может быть принуждаем изучать религию, иную чем его собственная (п. 3); или принимать участие в каких-либо церемониях или богослужениях, с ней связанных (п. 4).

Наконец, в статье есть замечание в отношении детей: «для целей пункта 3 религия лица, не достигшего 18-летнего возраста, определяется его родителем или опекуном».

Из политических прав в малайзийской Конституции упомянута свобода слова, собраний и объединений, однако перечисленные в ст. 10 право граждан на свободу слова и выражения мнений, право собираться мирно и без оружия, право создавать объединения не являются абсолютными. В той же статье содержится пространная оговорка, согласно которой Парламент может посредством закона установить такие ограничения этих прав, какие он «сочтет необходимыми или целесообразными в интересах безопасности Федерации, публичного порядка или морали» (в отношении права создавать объединения). К этим интересам также добавлена безопасность дружественных отношений с другими странами и мораль (в отношении других прав, указанных в ст. 10).

Кроме того, в отношении права граждан на свободу слова и выражения мнений могут быть введены ограничения, если последние направлены на защиту «привилегий Парламента или любого Законодательного собрания» либо против неуважения к суду, клеветы или подстрекательства к какому-либо преступлению.

Отдельным пунктом предусмотрена возможность ограничения права граждан создавать объединения любым законом, касающимся трудовых отношений или образования (п. 3), причем в Конституции 1957 г. это положение отсутствовало.

Наконец, последующая поправка (п. 4 ст. 10), внесенная Законом АЗО и действующая с 10.03.1971 г.¹, утверждает право Парламента принять закон, запрещающий «обсуждение вопроса, права, статуса, положения, привилегии, суверенитета или прерогативы», которые установлены или защищаются в соответствии с несколькими статьями других частей Конституции, если это обсуждение не относится к применению такого закона. Имеются в виду положения, которые касаются

¹ После отмены чрезвычайного положения в стране [4, с. 265].

вопросов гражданства (см. ниже), государственного статуса малайского языка и особых прав малайцев, а также привилегии правителей штатов Федерации. При этом коренные народы Сабаха и Саравака (Восточная Малайзия) получили те же права и привилегии, что и малайцы.

Принятие Закона АЗО о поправке в конституцию было обусловлено историческими причинами: в феврале 1971 г. в Малайзии было отменено чрезвычайное положение и для стабилизации ситуации в стране парламент принял соответствующий закон [4, с. 265]. Отныне любые изменения в конституцию и законы о правах этнических групп могут вноситься только при условии согласия Совета правителей штатов и одобрения в обеих палатах парламента двумя третями голосов. Как известно, нормальное развитие Федерации Малайзия во многом стало возможным благодаря консенсусу между Объединенной малайской национальной организацией (ОМНО) и Китайской ассоциацией Малайзии (КАМ), представлявших интересы двух главных этносов страны. По справедливому замечанию М.Г. Миронюка, «существование этнонациональных проблем или их обострение является причиной образования политических партий по этническому признаку» [3, с. 117].

Статья 8 Конституции Малайзии утверждает равенство граждан перед законом и право на равную защиту закона и то, что ни в каком законе не должно быть дискриминации граждан в зависимости от религии, расы, происхождения или места рождения, а также при применении любого закона, имеющего отношение к приобретению, владению или отчуждению собственности или к учреждению или осуществлению любого вида торговли, бизнеса, профессии, деятельности или занятия. Кроме того, в ст. 9 Конституции Малайзии сказано, что ни один гражданин не может быть выслан или выдворен из Федерации.

Вопросы гражданства Малайзии регулируются, в основном, ч. III Конституции, под названием «Гражданство» (состоит из 3 глав, включающих 18 статей).

Сингапур

Конституция Сингапура 1963 г., включающая 155 статей, является одной из самых обстоятельных в странах Юго-Восточной Азии.

При этом, конституция Сингапура во многом, а часто даже слово в слово повторяет текст конституции Малайзии 1957 г. Это касается и части IV «Основные свободы», которая почти полностью копирует одноименную часть II первой малайзийской конституции. Обращает на себя внимание тот факт, что эта часть Конституции Сингапура практически не претерпела никаких изменений с момента принятия основного закона, в то время как в Малайзии неоднократно вносились поправки в соответствующие статьи.

Из основных свобод на первом месте стоит свобода личности¹. Никто не может быть лишен жизни или личной свободы, иначе чем в соответствии с законом. В случае получения информации о незаконном задержании, суд магистрата приказывает доставить и освобождает арестованного либо должен дать санкцию на арест данного лица. При этом с момента ареста должно пройти не более 48 ч, то есть на 24 ч больше, чем в Малайзии (ст. 9)².

Однако это право и право пользоваться защитой адвоката не распространяются на враждебных иностранцев или любое лицо, которое арестовано «за неуважение к Парламенту на основании ордера, подписанного Спикером» (п. 5). Такая оговорка нарушает права не только иностранцев, но и своих граждан, и таит в себе опас-

¹ См. выше — раздел об основных свободах в конституции Малайзии.

² The Constitution of Singapore 1963 (Конституция Сингапура 1963 г.). Здесь и далее русский перевод дается, в основном, по английскому тексту конституции Сингапура.

ность произвола, что также иллюстрирует пункт, добавленный позднее в ст. 9 сингапурским законодателем:

«Ничто в настоящей статье не делает недействительным любой закон,

(а) вступивший в силу до 16 сентября 1963 г., который разрешает арест и содержание под стражей любого лица в интересах общественной безопасности, мира и порядка; или

(б) относящийся к злоупотреблению наркотиками или одурманивающими веществами, который разрешает арест и содержание под стражей любого лица с целью лечения и реабилитации, вследствие противоречия такого закона пунктам (3) и (4) и, в особенности, ничего в настоящей статье не влияет на законную силу или действие любого такого закона до 10 марта 1978 г.».

Далее в Конституции говорится о запрете рабства и принудительного труда (ст. 10); гарантиях против уголовных законов, действующих с обратной силой, и повторных судебных разбирательств (ст. 11). Эти положения дословно повторяют текст соответствующих статей Конституции Малайзии.

Как и в малайзийской Конституции, в сингапурской предусмотрено, что в отношении прав граждан на свободу слова, собраний и объединений, законом могут быть установлены ограничения. Отдельно право граждан создавать объединения может быть ограничено посредством закона, касающегося трудовых отношений или образования (п. 3 ст. 14).

Часть XIII Конституции Сингапура «Общие положения» начинается со ст. 152 («Меньшинства и особое положение малайцев»), первый пункт которой возлагает на Правительство обязанность постоянно заботиться об интересах расовых и религиозных меньшинств Сингапура, положение достойное быть включенным в основной закон многих государств мира.

Согласно следующему пункту этой статьи, Правительство осуществляет свои функции, признавая особое положение малайцев, которые являются коренным народом Сингапура, и соответственно обязанность Правительства – защищать, охранять, поддерживать, поощрять и стимулировать их политические, религиозные, экономические, социальные и культурные интересы и малайский язык. Отметим, что малайский язык признается не только официальным, но и национальным языком (ст. 153А).

Законодатель также должен законом предусмотреть регулирование вопросов мусульманской религии и создание Совета по консультированию Президента в вопросах, относящихся к мусульманской религии (ст. 153).

Вопросам гражданства посвящена ч. X («Гражданство») Конституции, состоящая из 22 статей. Согласно ст. 2, «гражданин Сингапура» означает любое лицо, которое, согласно положениям Конституции, имеет статус гражданина Сингапура». Конституция Сингапура провозглашает равенство всех граждан перед законом и их право на его защиту (ст. 12). Имеющиеся исключения «прямо предусмотрены» Конституцией.

В ч. X предусмотрены 4 способа приобретения гражданства: по рождению, по происхождению, по регистрации и по натурализации (ст. 120).

Согласно ст. 121, гражданином Сингапура по рождению является каждый, кто родился в Сингапуре, однако это не относится к детям иностранных граждан, а также детей, которые родились на территории, находившейся под оккупацией врага, и если их отец «был вражеским союзником». Впрочем, правительство может, по своему усмотрению и при наличии заявления, предоставить гражданство и в этих случаях.

Лицо, родившееся за пределами Сингапура после принятия сингапурской конституции, считается гражданином Сингапура по происхождению, если на момент рождения его отец являлся гражданином Сингапура и если это лицо не приобретает по рождению гражданство той страны, в которой оно родилось (ст. 122).

Гражданство по регистрации подразумевает, что любое совершеннолетнее лицо (не младше 21 года), проживающее в Сингапуре, может стать гражданином Сингапура при выполнении ряда требований. В частности, необходимо проживать в Сингапуре в течение 10 лет из 12 лет, предшествующих дате подачи заявления, в том числе находиться в Сингапуре в течение 12 мес. до указанной даты; обладать базовым знанием малайского, английского, китайского или тамильского языка, то есть одним из четырех официальных языков Сингапура¹. Почти такие же требования предъявляются и к кандидатам на получение свидетельства о натурализации.

Упрощенный порядок регистрации предусмотрен для женщин, вышедших замуж за граждан Сингапура: женщина должна «иметь хорошую репутацию», проживать в Сингапуре не менее 2 лет до дня подачи заявления и иметь намерение постоянно там проживать (п. 2 ст. 123). Таким образом, упрощенный порядок регистрации не распространяется на мужчин, заключивших брак с гражданками Сингапура.

Отдельная статья (ст. 124) посвящена регистрации несовершеннолетних детей, в ней установлены следующие требования для регистрации: ребенок должен быть рожден от гражданина Сингапура и проживать в Сингапуре. Однако в особых случаях правительство может зарегистрировать любого несовершеннолетнего.

Обязательным условием для получения гражданства в силу регистрации или натурализации является принесение «Клятвы отречения, верности и лояльности» в форме, определенной в Приложении 2 Конституции.

В Конституции Сингапура закреплены две формы прекращения гражданства: выход из гражданства и лишение гражданства.

Статья 128 предусматривает разрешительный порядок выхода из гражданства: совершеннолетний гражданин (21 год и старше), который является или собирается стать гражданином другой страны, может отказаться от гражданства Сингапура посредством подачи соответствующего заявления. При регистрации правительством такого заявления его податель перестает быть гражданином Сингапура. Разрешен выход из гражданства и замужних женщин младше 21 года (п. 3).

Что касается лишения гражданства, то Конституция предусматривает следующие случаи:

1. Если гражданин по натурализации проявил действием или словом свою нелояльность или враждебность по отношению к Сингапуру, а также если во время войны он поддерживал связь с противником или оказывал ему содействие.
2. Если гражданин по регистрации или натурализации был вовлечен в деятельность, наносящую ущерб безопасности Сингапура, или в любую преступную деятельность.
3. Если без согласия правительства гражданин состоял на службе правительства какого-либо иностранного государства и при этом приносил клятву или давал присягу.
4. Если гражданин по натурализации, не состоящий на государственной службе Сингапура, проживал в другом государстве непрерывно 5 лет и за этот период ежегодно не подтверждал в консульстве Сингапура свое намерение сохранить гражданство.
5. Если брак гражданки Сингапура по регистрации, посредством которого она приобрела гражданство, был расторгнут в течение 2 лет с момента заключения брака (кроме случая смерти супруга).
6. Если регистрация или свидетельство о натурализации были «получены путем обмана, сокрытия какого-либо существенного факта или выданы по ошибке» (ст. 129).

¹ Малайский язык имеет также статус национального языка, и его положение выделено в отдельный пункт конституции [5, с. 188].

7. Согласно ст. 26 (а), отказ от гражданства или лишение гражданства какого-либо лица может повлечь лишение гражданства его детей младше 21 года, которые были «зарегистрированы как граждане Сингапура и как дети данного лица или его супруги (супруга)».
8. Лицо, которое, будучи несовершеннолетним, стало гражданином Сингапура по происхождению, перестает быть гражданином Сингапура по достижении 22 лет, если в течение 12 месяцев до этого не принесет «Клятву отречения, верности и лояльности» в установленной форме и не откажется от другого гражданства или подданства по требованию правительства Сингапура.

Гражданин Сингапура, являющийся гражданином по регистрации или по натурализации, перестает быть таковым согласно распоряжению Правительства.

Следует отметить, что, несмотря на ряд положений о прекращении и лишении гражданства (ст. 23–26 Конституции Малайзии; ст. 128–130, ст. 133–135 Конституции Сингапура), в обеих конституциях предусмотрено, что никто не может быть лишен гражданства, если в результате это лицо не будет гражданином какой-либо страны, то есть налицо стремление законодателя к сокращению числа лиц без гражданства и гарантия защиты права на гражданство.

Так, в Малайзии никто не может быть лишен гражданства, «если Федеральное правительство признает, что в результате этого он не будет гражданином какой-либо страны» (ст. 26 (b)). Аналогичное положение содержится в ст. 137 Конституции Сингапура.

В то же время наблюдается противоречие этого положения со статьей «Запрещение высылки и свобода передвижения» (статья 9 в Конституции Малайзии), согласно которой «ни один гражданин не может быть... исключен из числа граждан». Например, если гражданин по рождению Сингапура или Малайзии поступил на службу и присягнул правительству другого государства, то его лишат гражданства.

При этом в Конституции Сингапура также имеется отдельная статья, посвященная вопросам равенства и имеющая соответствующее название «Равенство» (ст. 12). Она во многом повторяет положения малайзийской конституции, хотя есть добавление о том, что не должно быть дискриминации при назначении на любую должность или приеме на работу в органы государственной власти (п. 2 ст. 12). Любопытно, что в сингапурской конституции отдельно оговаривается положение малайцев, считающихся «представителями местного населения», чьи интересы государство обязуется защищать.

Наконец, и ст. 12 Конституции Сингапура, и ст. 8 Конституции Малайзии содержат извлечение в отношении правовой практики, которая ограничивает должность или занятие, связанные с делами любой религии или религиозного института, относительно лиц, исповедующих данную религию.

Закрепленный в обеих конституциях принцип равенства имеет несомненно демократическое содержание, так как препятствует различным формам подчинения одних групп населения другими. В целом, он соответствует принятому во многих демократических странах принципу равных возможностей. Однако положение о равенстве, очевидно, не распространяется на многие другие аспекты, которые охватываются международными нормами (политические и иные убеждения, имущественное положение и т. д.). В ряде случаев, в отношениях с государством гражданин выступает как «индивидуум, ассоциированный носитель суверенитета народа»

Вообще, большой интерес для исследования представляет попытка лидеров Малайзии и Сингапура создать собственную систему так называемых «азиатских ценностей». Очевидно, это общий процесс для большинства развивающихся стран в постколониальный период. Так, в Африканской хартии прав человека и народов

(1981 г.) говорится о достоинстве исторических традиций и ценностей африканской цивилизации, которые должны найти отражение в содержании концепции прав человека и народов [1, с. 113].

Необходимо отметить, что в странах Нусантары, в целом, сформировалось гражданское общество, состоящее из неправительственных организаций различной направленности, профсоюзов, религиозных организаций, средств массовой информации, научных кругов и частного сектора, которые играют все более активную роль во внутригосударственной системе прав человека. В основном, существующие условия предоставляют им множество каналов для выражения своих мнений и взаимодействия как со своими сторонниками, так и с правительством и международным сообществом.

Представляется, что для дальнейшего развития правозащитных институтов во всех странах необходимо активное привлечение неправительственных правозащитных и других общественных организаций, однако следует законодательно закрепить гарантии их независимости от органов исполнительной власти.

В то же время для эффективной защиты конституционных прав и свобод необходима последовательная трансформация международно-правовых норм в национальные законы в соответствии с международными обязательствами, взятыми на себя государствами при ратификации основополагающих международных договоров в области прав человека (в настоящее время их 7, не считая факультативных протоколов). Однако в регионе все семь таких договоров¹ были ратифицированы только Филиппинами.

Индонезия является участницей Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Международного пакта о гражданских и политических правах, Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенции о правах ребенка.

Малайзия ратифицировала лишь Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Конвенцию о правах ребенка, а Сингапур, помимо этих двух конвенций, также ратифицировал Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Разумеется, реальная и всеобъемлющая защита прав человека в Индонезии и Малайзии невозможна без участия в Конвенции против пыток.

Учитывая тот факт, что именно в Малайзии и Сингапуре трудится большая часть иностранных мигрантов региона, представляется, что эти государства в первую очередь должны были бы стать участниками Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей.

Таким образом, в рассмотренных конституциях, как новых, так и измененных, наблюдается увеличение объема разделов о правах и свободах человека и гражданина, прежде всего под влиянием норм международного права и демократических процессов. Однако для стран Нусантары, как, впрочем, и для большинства государств Азии, характерно несоответствие между положениями основного закона и реальным порядком управления страной. В целом, система прав и обязанностей граждан там по-прежнему отличается незавершенностью, что нередко проявляется в несоблюдении конституционных прав и свобод.

¹ Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах; Международный пакт о гражданских и политических правах; Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенция о правах ребенка; Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей.

Литература

1. Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики / под ред. проф. Ф. М. Рудинского. М.: ТФ «Мир», 2006.
2. Конституции зарубежных государств / сост. В. В. Маклаков. М.: Волтерс Клувер, 2006.
3. Миронюк М. Г. Современный федерализм: Сравнительный анализ. М., 2008. С. 117.
4. Мосяков Д. В., Тюрин В. А. История Юго-Восточной Азии. М., Восточный университет, 2004.
5. Тюрин В. А. История Малайзии. М., Наука, 1980.

References

1. *Civil human rights: modern problems of the theory and practice* [Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики]. Under the editorship of the prof. F.M. Rudinsky. M. : "World"[Mir], 2006. (rus)
2. *Constitutions of the foreign states* [Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv]. Coll. V.V. Maklakov. M. : Wolters Kluwer, 2006. (rus)
3. Mironyuk M. G. *Modern federalism: Comparative analysis* [Sovremennyi federalizm: Sravnitel'nyi analiz]. M., 2008. P. 117. (rus)
4. Mosyakov D.V., Turin V.A. *History of Southeast Asia* [Istoriya Yugo-Vostochnoi Azii]. M. : East University [Vostochnyi universitet], 2004. (rus)
5. Tyurin V.A. *History of Malaysia* [Istoriya Malaizii]. M. : Science [Nauka], 1980. (rus)

Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы

Санина Анна Георгиевна

Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)
Доцент департамента государственного администрирования
Кандидат социологических наук, доцент
anna.g.sanina@gmail.com

Павлов Александр Владимирович

Министерство обороны Российской Федерации (Москва)
Советник начальника Управления культуры МО РФ
av_pavlov86@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена формированию концептуального поля понятия «государственная идентичность», которое в отличие от понятий «национальная идентичность» и «гражданская идентичность» не распространено в отечественной социально-политической науке. Процессы глобализации, информатизации, виртуализации, определяющие ситуацию современности, позволяют говорить (1) о существенных трансформациях в отношениях власти и общества, суть которых состоит в изменении исторически сложившегося распределения функций и конфигурации властного поля, развитии инновационных процессов, соединяющих социальное управление со спонтанными механизмами самоуправления и самоорганизации, и (2) о взаимном влиянии традиционного («реального») пространства взаимодействия и пространства сетевых интеракций на формирование государственной идентичности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственная идентичность, национальная идентичность, гражданская идентичность, государство и общество

Sanina A. G., Pavlov A. V.

State Identity: Towards the Definition of a Concept and Problem Statement

Sanina Anna Georgievna

National Research University «Higher School of Economics», St. Petersburg branch (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate professor of the Department of Public Administration,
Candidate of Science in Sociology
anna.g.sanina@gmail.com

Pavlov Alexander Vladimirovich

Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)
Advisor to the Head of the Department of Culture
av_pavlov86@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the formation of a conceptual field of the «state identity» concept, which, in contrast to the concepts of «national identity» and «civic identity» is not common in Russian social and political science. The processes of globalization, informatization, virtualization in the situation of modernity suggest the significant transformations in the relations between the authorities and society, the essence of which is to change the historically distribution functions, reconfiguring powerful field of innovation processes linking social control mechanisms with spontaneous self-regulation.

KEYWORDS

state identity, national identity, civic identity, state and society

«Национальное», «гражданское» и «государственное» в концепциях социальной идентичности

Взаимодействие человека и государства — традиционная и во многом устоявшаяся практика, сложившаяся в ходе исторических процессов формирования территории, экономических связей, национального языка, культуры и характера. Человек в этом особом, индивидуально-институциональном, взаимодействии выступает в разных ипостасях: не только как управляемый, подданный, но и как избиратель, потребитель и — главное — создатель, формирующий собственное социальное пространство, в которое государство включается лишь как один из объектов идентификации.

В научной литературе широкий круг вопросов, связанный с проблемами взаимодействия государства и гражданина, принято описывать в двух категориальных полях: национального и гражданского. Идет ли речь о национальной самобытности, национальной культуре, национальном характере или о гражданском участии и социальной солидарности — в большинстве случаев мы столкнемся с понятиями национальной и гражданской идентичности.

Понятие «государственная идентичность» используется чаще всего в контексте анализа международных отношений и понимается как своего рода бренд государства, который играет определяющую роль в его внутренней и внешней политике [23]. Применительно же к социальным группам и общностям данного термина избегают или полностью, или частично, соединяя его с другим словом: таким образом формируются концепции «государственно-гражданской» [9], «национально-государственной» [13], «этногосударственной» [8] идентичности.

Объяснить подобное избегание «чистого» термина «государственная идентичность» можно исторической спецификой развития отечественного социального знания. Российская наука унаследовала терминологический аппарат советских ученых, который был во многом сформирован в целях идеологического обоснования национальной политики. Одной из главных характеристик советского дискурса было представление о патриотизме, следовании принципам партии, ответственности перед государством и его «вождями». Патриотизм в СССР стал ключевым концептом политической социализации и государственной идентичности, позволяя на регулярной основе воспроизводить необходимый тип политической лояльности. Главная задача воспроизводства такого патриотизма заключалась в попытке сплотить индивидов вокруг государства, тогда как «глобалистам» и «космополитам» ставилось в вину пренебрежение к национальной культуре.

Сегодня, когда социально-политические реалии изменились, а в научных исследованиях стали все чаще появляться ссылки на труды европейских и американских исследователей, понятие «государственной идентичности» воспринимается как пережиток прошлого, характеризующий тотальную лояльность властным структурам и «слепой» патриотизм. Более того, зачистую понятия «гражданская идентичность» и «государственная идентичность» противопоставляются друг другу как «хорошее — плохое» или «формальное — настоящее». Так, например, в статье Н. А. Галактионовой указывается, что «номинация “россиянин” определяет два аспекта: государственный и гражданский. Государственный выражается исключительно административным закреплением статуса гражданина страны, который присваивается автоматически (по праву рождения или путем специальных процедур получения гражданства для мигрантов и характеризуется как формализованный, предписываемый извне). Гражданский аспект подразумевает ценностно-когнитивное наполнение, реализуемое в рамках патриотических чувств, приверженности ценностям страны» [6, с. 12].

Разделение государственного и гражданского — удобный и иногда необходимый теоретический прием, однако в своих крайних формах он имеет существенные недостатки.

Во-первых, рассмотрение государства исключительно как административного аппарата лишает индивидов значимого «социального целого»: как известно, любое сообщество конституируется через определение своих внешних границ, которое и создает общность между членами группы, и государственные границы в этом процессе — наиболее очевидные, исторически определенные и понятные. Как отмечают К. Болдинг и Э. Смит, размер территории, занимаемой государством, ее ландшафт, климат и природа часто служат смысловой опорой для людей, описывающих свою родину [17, р. 120–131; 27, р. 86]. Потеря или приобретение территорий, то есть изменение территориальных границ, может служить источником изменений социальной идентичности.

Во-вторых, упорное рассмотрение государства как «нечто внешнего» приводит в конечном итоге к восприятию его как врага, нежелательной силы, оказывающей давление исключительно ради воспроизводства властных позиций. Государство начинает восприниматься скорее как структура, препятствующая созданию гражданского общества, нежели как партнер или субъект возможного диалога. Без устойчивого образа государства и лояльности индивидов и социальных групп основные политические институты, административные структуры приобретают характер симулякра — гиперреальности, не имеющей отношения к миру повседневного. Более того, исключение гражданской идентичности из государственной, производимое на теоретическом уровне, приводит к тому, что, попадая в контекст социально-политической и управленческой практики, государственная идентичность начинает сводиться только к одному ее компоненту — формированию легитимирующей картины мира, способствующей сохранению и развитию государственных институтов. В абсолютном большинстве случаев для достижения этой цели лидеры государства проповедуют идею о том, что государство должно быть «государством нации» и служить ее интересам, а государственная идентичность непременно должна «конструироваться». При этом правящие элиты предполагают, как правило, что они сами являются объектами патриотической лояльности, поскольку именно они сформулировали истинную «волю коллективного» [19].

В-третьих, акцент на национальной и гражданской идентичностях и невнимание к идентичности государственной приводит к постепенному нивелированию социальной ответственности и восприятию государства как чего-то «не своего». Самым важным недостатком понятия «гражданская идентичность» является то, что оно исходит из потребности человека в установлении и активизации связи с другими людьми. Данный тезис обычно приводится как само собой разумеющийся, в то время как на самом деле в мире конца XX — начала XXI вв. он весьма неоднозначен. Как отмечает З. Бауман, современный человек воспринимает коллективные действия «в лучшем случае бесполезными, а в худшем — вредными с точки зрения благополучия и счастья отдельной личности» [3, с. 73], что приводит к потере социальных и политических характеристик, которые потенциально формируют гражданина и главное его качество — ответственность за государство.

В новостных лентах последних лет драматические происшествия все чаще сопровождаются комментариями о том, что «люди шли мимо» человека, попавшего в беду, не оказывая ему никакой помощи, не вызывая даже «скорую помощь»¹.

¹ Приведем лишь некоторые цитаты.

На Невском проспекте на девушку упала глыба льда. «Собралась толпа зевак, однако никто не позвонил в „Скорую“» (Новости // «Эхо Москвы» в Санкт-Петербурге. 03.02.2011. URL: <http://www.echomsk.spb.ru> (дата обращения: 22.07.2011).

И это не «внутрироссийская халатность», а общемировая тенденция, обусловленная, в том числе, индивидуализацией и автономизацией общества. Угасание социальной энергии, апатию и безразличие современного человека Ж. Бодрийяр связывает с распространением потоков информации, рассеивающей смысл, усредняющей мышление, нивелирующей различия, превращающего людей в пассивных потребителей образов экранной культуры. По его замечанию, «внутренняя активность людей стала интерактивностью экранов» [4, с. 80]. Современный человек не готов к активным индивидуальным и коллективным действиям и способен проявлять солидарность, лишь находясь у домашнего телевизора и переживая за исход футбольного матча» [4, с. 33]. В этом контексте становится понятным, почему часто, говоря о гражданской или национальной идентичности, исследователи упоминают о ее кризисе.

Государство и государственная идентичность

С точки зрения П. Бурдьё, люди начинают признавать представителей государственной власти и подчиняться их решениям не на уровне сознательного выбора или договора, а посредством подчинения всему ходу повседневной жизни, в который имплицитно включаются когнитивные структуры, в соответствии с которыми эту повседневную жизнь нужно воспринимать. Государство — источник всевозможных правил, классификаций, перечней профессий, академических званий и научных дисциплин, памятных исторических событий, моделей восприятия прошлого и планирования будущего. У государства даже нет особой необходимости давать приказы и совершать физическое насилие, чтобы упорядочить социальный мир: «он будет существовать столь же долго, сколь государство способно производить инкорпорированные когнитивные структуры, согласованные с объективными структурами, и таким образом обеспечивать веру» [5, с. 164], то есть обеспечивать *доксическое подчинение* установленному порядку.

Как отмечает А. Б. Гофман, государственный патернализм следует рассматривать как «вполне рациональный и адекватный способ адаптации к ситуации, в которой государственная власть берет на себя все и вся и выступает как тотальность, вытесняющая и поглощающая все остальные институты, в том числе институты гражданского общества» [7]. Процесс формирования гражданского общества в России в большой степени является государственной инициативой — в программных заявлениях политических лидеров этот мотив появляется достаточно часто; при Президенте РФ есть Совет по развитию гражданского общества и правам человека. Однако в реальности опыт современной России показывает, что региональные и местные власти по-разному проявляют готовность к восприятию гражданских инициатив и развитию гражданского диалога. Тенденции формирования и развития гражданского общества в России во многом определяются федеративной структурой.

Девушку, упавшую в петербургском метро между вагонами, могли спасти элементарные действия свидетелей происшествия. «Как показывает камера видеонаблюдения, было 2 человека. Они находились в двух шагах от этой девушки. Как видно на видео, они даже не остановились, хотя не видеть момент падения Виктории просто не могли (само падение видно на 36-й секунде). Более того, скорее всего, они же возвращаются потом посмотреть на рельсы. Это тоже видно» (Видеозапись момента гибели девушки на станции метро «Невский проспект» // СПб. : Газета. 31.03.2008. URL: <http://www.gazeta.spb.ru> (дата обращения: 22.07.2011).

«Трагедия произошла днем, и люди, которые проходили мимо, видели женщину, лежавшую в луже крови, и стоявшего рядом пьяного мужчину. Однако никто из них не вмешался в кровавую драму: милиция и «скорая помощь» так и не были вызваны» (Люди прошли мимо: никто из свидетелей преступления не вызвал ни милицию, ни скорую // «Российская газета». Приволжье. № 4382. 06.06.2007. URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 22.07.2011).

рой государства, взаимоотношением центра и регионов, а также связями между властными субъектами всех уровней и населением.

Именно поэтому *необходимо говорить не только о национальной и гражданской, но и о государственной идентичности*. Государство при этом трактуется уже не как административный аппарат или система институтов, выполняющих функции принуждения, а как когнитивно и эмоционально близкое индивиду социальное целое, значимый объект самоотнесения, логическая предпосылка идентификационной цепочки «дом — поселение — регион — страна». В мире открытых территориальных и информационных границ государство зачастую становится условным домом для индивида, позволяющим при всей вариативности идентификаций оставаться собой [24]. Э. Бёрк [20] указывает, что государство не следует рассматривать как просто некое партнерское соглашение. Оно представляет собой «нечто» («entity»), живущее собственной жизнью, одновременно отличаясь как от правителей, так и от управляемых и, следовательно, заслуживает выражения лояльности по отношению к себе как от первых, так и от вторых.

М. Вебер также включает в понимание государства элементы взаимодействия и нормативно-ценностный аспект: «Если мы зададим вопрос, что в эмпирической действительности соответствует идее государства, то обнаружим бесконечное множество диффузных и дискретных действий, и пассивных реакций, фактически и юридически упорядоченных связей, либо единичных по своему характеру, либо регулярно повторяющихся; связей, объединенных... верой в действительно значимые нормы... и в отношении господства — подчинения между людьми» [29, р. 200]. Этот подход, раскрывающий аксиологическую перспективу понимания понятия государства, позволяет увидеть государство за пределами его строгих административных очертаний, что, в свою очередь, позволяет *рассматривать государственную идентичность как связь индивида и государства, основанную на когнитивной и эмоциональной привязанности, символических структурах, нормативных представлениях, а также на прозрачной структурированности отношений прав и обязанностей между «ролями власти» и «ролями граждан»* [10, с. 219].

Таким образом, сущность государства подразумевает не только и не столько производство законов и легитимное право на насилие, применяемого с целью обеспечения их выполнения, но прежде всего конструирование социального порядка и формирование социальных отношений и взаимодействий в обществе. С древнейших времен государство является важнейшим агентом, определяющим форму и содержание исторического развития общества, и поэтому феномен государства имеет огромное количество различных значений и трактовок, влияющих, в том числе, на понимание государственной идентичности [1, с. 149]. Однако характеризуя государственную идентичность в ситуации современности, необходимо учитывать две важнейшие тенденции социального развития.

Первая тенденция связана с возрастающей ролью глобализационных процессов. Глобализация стала одним из ключевых понятий в современных социально-гуманитарных науках, описывая «размытие границ», влекущее за собой новый феномен «космополитической идентичности» индивидов, социальных групп и социальных институтов. Как указывает М. Кастельс, в обществе конца XX — начала XXI вв. все типы социальных отношений могут быть основаны на межнациональных связях и объединениях и, в большинстве случаев, не поддерживаться местом, происхождением или национальностью индивидов [21].

Ю. А. Красин подчеркивает, что глобализация мира и технологическая революция привели к социетальному перевороту в отношениях власти и общества, суть которого состоит в изменении исторически сложившегося распределения функций (государство представляет политическую власть в обществе, а гражданское общество, выражая многообразие частных интересов, влияет на формирование публич-

ной политики), изменении конфигурации властного поля, развития инновационных процессов, соединяющих социальное управление со спонтанными механизмами самоуправления, самоорганизации и саморегулирования. Эти новые социальные практики властных отношений «возрождают прямую демократию, прямое влияние постоянно размышляющего общества на политические процессы; происходит становление более высокой формы народовластия, при которой политика погружена в контекст публичной рефлексии» [11, с. 51]. Наряду со снижением уровня традиционных форм политической активности, который отмечается во многих странах мира [14; 22 и др.], развитие получают менее формализованные, неиерархизированные, основанные на спонтанной мобилизации конвенциональные формы политического участия (группы в Интернете, петиции по электронной почте и в социальных сетях, протестные акции и т. п.) [28].

Вторая тенденция обусловлена все более интенсивным развитием так называемого «виртуального пространства», многократно усложняющим и умножающим массив информационных, коммуникативных, когнитивных, технологических, социально-культурных и других потоков в обществе. Кроме того, само государство как поле идентификации перестает быть территориально определенным: об этом свидетельствуют такие явления и процессы, как феномен «электронного правительства», представленность многих государственных деятелей в блогосфере, деятельность форумов по ключевым вопросам развития государства и общества и т. д. В информационно-технологическом пространстве получает гипертрофированное развитие парадокс Г. Зиммеля о том, что житель большого города склонен к интеллектуализму и абстракции, ему безразлично близкое и интересно пространственно удаленное [26, р. 718]. В связи с вовлеченностью в сетевые сообщества все большего числа молодых людей сегодня можно говорить о взаимном влиянии традиционного («реального») пространства взаимодействия и пространства сетевых интеракций на формирование государственной идентичности.

Теоретическая модель государственной идентичности

В отличие от других видов социальных идентичностей (личностной, этнической, религиозной), государственная идентичность приобретает выраженную актуальность для индивида только на этапе вторичной социализации. До достижения определенного возраста человек не вступает с государством в отношения, предполагающие двустороннюю активность: не является, например, налогоплательщиком или военнообязанным. Поэтому, с теоретической точки зрения, можно говорить о том, что государственная идентичность обладает спецификой *преимущественно внешней* (по отношению к индивиду) *конструируемости*. «Ощущение государства» формируется посредством образовательной и идеологической деятельности ключевых социальных институтов, направленной на развитие понимания исторической общности территории, политического и юридического равенства граждан; необходимости государственной власти; социально-культурной активности организаций, призванных сохранять общность гражданской культуры, поддерживать желание и согласие людей быть частью государства.

Исходя из данной логики, можно выделить следующие характеристики идентичности:

- 1) знания о государстве в его исторической и современной перспективе (*когнитивный элемент*);
- 2) эмоциональное отношение к государству/стране/родине (*эмоционально-оценочный элемент*);
- 3) те или иные «идеальные» представления о нормах и ценностях, которые разделяют все люди как граждане государства и которые имеют для самого государства и для граждан понятную значимость (*нормативно-ценностный элемент*);

4) действия, в которых проявляются те или иные установки, связанные с восприятием своего места в государстве (*поведенческий элемент*).

Каждый элемент можно конкретизировать на основе ряда признаков, его раскрывающих. В совокупности данные элементы формируют теоретическую модель государственной идентичности.

Когнитивный элемент включает в себя знания о государственной власти и символике, об основном законе страны и нормативно-правовых основах организации общественных отношений, о правах и обязанностях гражданина, о формах участия народа в управлении государством, о политических событиях, происходящих в государстве, о выборах, партиях и общественных движениях в стране и т. д.

Аккумуляция и трансляция социально значимого знания — информации о государстве и опыте коллективной жизнедеятельности людей — способствуют повышению эффективности взаимодействия индивида и государства, а также снижению остроты и разрешению возникающих противоречий и напряжений. Социально значимое знание выполняет функцию воспроизводства ценностных образцов, которые являются основой функционирования общественной системы в целом и конструирования государственной идентичности, в частности [12, с. 15–16]. В результате накопления индивидуальных и групповых представлений о реальности повседневной жизни, объективированных в языке и материальной культуре, составляется социальный запас знания, доступный индивиду в повседневной жизни.

Х. Питкин отмечает, что конституция как основной закон государства определяет основные нормативные рамки гражданской жизни, что конституирует политическое сообщество. Кроме того, Конституция любого государства отражает непрерывный процесс обретения гражданского опыта (конституции «делаются»), участия людей в общественной и политической жизни [25, р. 167–169]. С этими двумя аспектами конституции связано не только гражданское поведение, но и гражданская лояльность — создание исходного консенсуса вокруг проекта политического сообщества и согласие с результатами его институционализации.

Эмоционально-оценочный элемент характеризует наличие того или иного оттенка равнодушного отношения к социально-политическим событиям, связанным с историей государства или современным этапом его развития; принятие или непринятие своей принадлежности к гражданам государства; восприятие государственных лидеров и оценка действий различных политических акторов.

Как отмечают С. Ю. Барсукова и О. А. Симонова, с социологическим изучением эмоций, возникающих в процессе социального взаимодействия, связаны методологические стратегии преодоления аналитического разделения общества на микро- и макроуровень и объяснения связи отдельных индивидов с социальной структурой [2; 15]. Эмоциональное оценивание явлений является фундаментальной силой, поддерживающей структуру общества и обеспечивающей групповую конформность и согласие. Дж. Александер рассматривает эмоции как одно из фундаментальных свойств социальной среды действия [16], поскольку любые социальные действия и взаимодействия связаны с порождением и выражением эмоций.

Эмоции и эмоциональные оценки выражаются не только в прямых высказываниях, но и в обратных, обладающих скрытым смыслом, понятным только участникам группы или сообщества. Эти обратные высказывания чаще всего оформляются как *ирония* и *юмор*. С их помощью совместно с другими людьми мы конструируем свои взгляды на то, какой мир есть и каким он должен быть. Сущностью юмора является вскрытие противоречий, обнажение абсурдности ситуации. Ирония, в отличие от юмора, основана на недоумении, удивлении, далеко не всегда вызывает смех и предполагает возможность (но нежелательность) реальности антимира для иронизирующего субъекта.

Нормативно-ценностный элемент описывает оценку, которую индивид дает событиям, действиям или людям с точки зрения дихотомий «должно — не должно»,

«правильно — неправильно». Основой данного элемента выступает социальная память, то есть совокупность социокультурных институтов, осуществляющих преобразование актуальной социальной информации в ретроспективную с целью сохранения накопленного опыта и передачи его от поколения к поколению. Этот процесс — неотъемлемая часть жизнедеятельности людей, так как память является источником социальной динамики и условием самоидентификации личности, социальной группы, общества в целом. В структуре социальной памяти можно выделить несколько компонентов, таких как историческая, политическая, экономическая, культурная, этносоциальная память.

Историческая память отражает накопленный исторический опыт и проявляется в структуре сложившихся норм, образцов, традиций, ценностей, которые характеризуют путь развития государства от древности до современного состояния. Она одновременно является причиной и следствием государственной идентичности, удерживая все, что признается необходимым для ориентации во временных и территориальных рамках государства, в котором живет индивид. Политическая память также важна, поскольку связана с определением содержания и форм государственного устройства, функций и задач политической власти, особенностей взаимоотношения с другими государствами. Она проявляется во взглядах, навыках политической деятельности, специфике политической культуры [19]. Экономическую память можно рассматривать как систему принципов производства, распределения, обмена и потребления, традиционных для той или иной социальной общности и отражающую необходимость принятия решений об использовании ограниченных ресурсов для удовлетворения неограниченных человеческих потребностей. Экономическая память тесно связана с политической памятью, так как проблема хозяйственной организации в каждом обществе решается специфическими методами, характерными для того или иного политического режима. Культурная память отражает связь между поколениями, состоящую в накоплении, сохранении и распространении опыта общественной жизни и представляет собой динамическое образование, охватывающее социальные отношения, направленные на создание материальных и духовных ценностей, обеспечивающих взаимопонимание людей в различных социальных ситуациях. Этносоциальная память определяет форму аккумуляции и трансляции социально-этнического опыта с учетом информации, знаний, моделей поведения, регламентирующих и регулирующих деятельность человека как представителя того или иного этноса.

Поведенческий элемент предполагает реализацию гражданской позиции в действиях индивида, гражданскую активность и участие в социально значимой деятельности: участие в гражданских акциях, митингах, социальных проектах, в субботниках по благоустройству города, соблюдение общественного порядка и др. Данный элемент выполняет функцию социальной трансформации и определяет поведение индивида в пространстве государственных институтов, его умение выполнять гражданские обязанности. Он проявляется в гражданской деятельности, которая выступает как необходимое условие овладения социокультурным опытом. Участие граждан в политической жизни серьезно влияет не только на функционирование политической системы, но и на ее выживание. Гражданское участие является показателем ценностных предпочтений и интересов индивидов, а гражданская культура, в силу повышения ответственности самих граждан, выступает легитимирующим потенциалом опыта политического участия.

Социокультурный опыт представляет собой существующие в общественном сознании формы реализации социально значимых деятельностных и интеракционных практик, которые используются, в том числе, для поддержания необходимого уровня социальной консолидированности общества. Социальный опыт аккумулирует мотивационные, социально-организационные, регулятивные, информационно-коммуника-

тивные и инновативно-творческие «срезы» деятельности индивидов и социальных групп, транслируясь в ходе социализации и инкультурации личности. Именно поэтому он является значимым аспектом формирования государственной идентичности.

Заключение

Развитие любого государства происходит в двух взаимосвязанных областях: внешней, создаваемой институциональными и административными механизмами, и внутренней, формирующейся в сознании индивидов и реализующейся в мире их повседневности. Внутренняя сторона выражается в феномене *государственной идентичности*, которая имеет не меньшее, если не большее значение, чем эффективное функционирование политических организаций, международное признание и государственная символика. Отношения «индивид-государство» также развиваются одновременно в двух модальностях: в модальности предустановленности (обязательности, долженствования) и в модальности добровольности.

Государственная идентичность не противостоит гражданской и национальной идентичностям; их взаимосвязь и взаимозависимость определяется потребностью индивидов в упорядочивании социальной реальности. Гражданство в данном ключе рассматривается не как извне предписанное качество, а как образ жизни, вырастающий из внутреннего мира человека, категория не только статуса прав, но и практики, связанной с этими правами. Гражданская идентичность является важным измерением идентичности государственной, сферой реализации и защиты интересов, сопричастности к самоорганизованной жизни. Национальное же измерение государственной идентичности описывает различные доминанты соотношения индивидом себя с той или иной социальной общностью (язык, религию, этническую культуру, традиции, ценности и т. д.).

Характеристика основных элементов государственной идентичности (когнитивного, эмоционально-оценочного, нормативно-ценностного и поведенческого) позволяет сформировать ее теоретическую модель, учитывающую знания о государстве в его исторической и современной перспективе; эмоциональное отношение к государству; «идеальные» представления о гражданских нормах и ценностях; действия, в которых проявляются те или иные установки, связанные с восприятием своего места в государстве. Ее конкретное наполнение формируется в ходе непрерывного диалога и индивидуально-институционального взаимодействия между индивидом и государством, реализующегося в рамках нового мировоззрения и новой системы ценностей.

Литература

1. Балашов А. И. Российская армия: смена модели // Мир России. Социология и этнология. 2014. Т. 23. № 4. С. 148–172.
2. Барсукова С. Ю. Солидарность участников неформальной экономики. На примере стратегий мигрантов и предпринимателей // СОЦИС. 2002. № 4. С. 3–13.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2005.
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург : Изд-во Уральского ГУ, 2000.
5. Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. М., СПб. : Алетей, 1999. С. 125–166.
6. Галактионова Н. А. Гражданская идентичность как компонент личностной идентичности // Социология. Экономика. Политика. Известия высших учебных заведений. 2010. № 1. С. 10–12.
7. Гофман А. Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 241–254.
8. Гудков Л. Негативная идентичность. М. : Новое литературное обозрение «ВЦИОМ-А», 2004.

9. Дробижеева Л. М. Государственно-гражданская идентичность в республиках в общероссийском контексте: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса. М. : РОС, 2012. С. 2373–2385.
10. Закарян А. Г., Обидовский О. В., Санина А. Г. Государственная идентичность выпускников экономических и гуманитарных вузов Санкт-Петербурга // Вопросы образования. 2012. № 3. С. 217–240.
11. Красин Ю. А. Государство и общество: сдвиги во властном поле // Полис. 2013. № 5. С. 51–59.
12. Парсонс Т. Система современных обществ. М. : Аспект Пресс, 1998.
13. Перегудов С. П. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства // Полис. 2011. № 3. С. 141–163.
14. Пшизова С. Н. От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе. Часть I // Полис. 2009. № 1. С. 100–117.
15. Симонова О. А. Современная социология эмоций и проблема социальной солидарности: Основные направления исследований // Социологический ежегодник. 2011. С. 95–143.
16. Alexander J. 2003. The Meanings of Social Life: a Cultural Sociology. New York : Oxford University Press.
17. Boulding K. E. National Images and International systems // Journal of Conflict Resolution. 1959. N 2. P. 120–131.
18. Brown D. The Democratization of National Identity / Democratization and Identity: Regimes and Ethnicity in East and Southeast Asia (ed. by Henders S. J.). Lanham : Rowman and Littlefield, 2004. P. 65–122.
19. Brown N., Shevell S., Ripps G. Public memories and their personal context. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1986.
20. Burke E. Reflections on the Revolution in France. North Charleston : CreateSpace Independent Publishing Platform, 2013.
21. Castells M. Materials for an exploratory theory of the network society // British Journal of Sociology. 2000. N1. P. 5–24.
22. Dalton R., Scarrow S., Cain B. Advanced Democracies and the New Politics // Journal of Democracy. 2004. N 1. P. 124–138.
23. Ham P. The Rise of the Brand State: The Postmodern Politics of Image and Reputation // Foreign Affairs. 2001. N 5. P. 2–6.
24. Pease D. E. The Global Homeland State: Bush's Biopolitical Settlement // Boundary. 2003. N 2. P. 1–18.
25. Pitkin H. F. The idea of a constitution // Journal of Legal Education. 1987. N 3. P. 167–169.
26. Simmel G. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Frankfurt a. M. : Georg Simmel Gesamtausgabe, 1992.
27. Smith A. The Ethnic Origin of Nations. Oxford : Basil Blackwell, 1986.
28. Stolle D., Hooghe M. Inaccurate, Exceptional, One-Sided or Irrelevant? The Debate about the Alleged Decline of Social Capital and Civic Engagement in Western Societies // British Journal of Political Science. 2005. N 1. P. 149–167.
29. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen : Mohr, 1968. Перевод: Хархордин О. Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте / Понятие государства в четырех языках (под ред. О. Хархордина). СПб.; М. : Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002.

References

1. Balashov A. I. *Russian army: change of model* [Rossiiskaya armiya: smena modeli] // World of Russia. Sociology and ethnology [Mir Rossii. Sotsiologiya i etnologiya]. 2014. V. 23. N 4. P. 148–172. (rus)
2. Barsukova S. Yu. *Solidarity of participants of informal economy. On the example of strategy of migrants and businessmen* [Solidarnost' uchastnikov neformal'noi ekonomiki. Na primere strategii migrantov i predprinimatelei] // Sociological Studies [SOTsIS]. 2002. N 4. P. 3–13. (rus)
3. Bauman Z. *The individualized society* [Individualizirovannoe obshchestvo]. M. : Logos, 2005. (rus)
4. Bodriyyar Zh. *In shadows of the silent majority, or the End of the social* [V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo]. Yekaterinburg : Ural SU [Izd-vo Ural'skogo GU], 2000. (rus)

5. Bourdieu P. *Spirit of the state: genesis and structure of a bureaucratic field* [Dukh gosudarstva: genezis i struktura byurokraticheskogo polya] // Poetics and policy [Poetika i politika.]. M., SPb. : Aletheya [Aleteiya], 1999. P. 125–166. (rus)
6. Galaktionova N. A. *Civil identity as component of personal identity* [Grazhdanskaya identichnost' kak komponent lichnostnoi identichnosti] // Sociology. Economy. Policy. News of higher educational institutions [Sotsiologiya. Ekonomika. Politika. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii]. 2010. N 1. P. 10–12. (rus)
7. Gofman A. B. *In search of the lost identity: traditions, traditionalism and national identity* [V poiskakh utrachennoi identichnosti: traditsii, traditsionalizm i natsional'naya identichnost'] // Questions of the social theory [Voprosy sotsial'noi teorii]. 2010. V. 4. P. 241–254. (rus)
8. Gudkov L. *Negative identity* [Negativnaya identichnost']. M. : New literary review [Novoe literaturnoe obozrenie «VTsIOM-A»], 2004. (rus)
9. Drobizheva L. M. *State and civil identity in the republics in the all-Russian context* [Gosudarstvenno-grazhdanskaya identichnost' v respublikakh v obshcherossiiskom kontekste]: Materials of the IV Russian sociological congress. M. : RSS, 2012. P. 2373–2385. (rus)
10. Zakaryan A. G., Obidovsky O. V., Sanina A. G. *State identity of graduates of economic and liberal arts colleges of St. Petersburg* [Gosudarstvennaya identichnost' vypusnikov ekonomicheskikh i gumanitarnykh vuzov Sankt-Peterburga] // Questions of education [Voprosy obrazovaniya]. 2012. N 3. P. 217–240. (rus)
11. Krasin Yu. A. *State and society: shifts in an imperious field* [Gosudarstvo i obshchestvo: sdvigi vo vlastnom pole] // Political Researches [Polis]. 2013. N 5. P. 51–59. (rus)
12. Parsons T. *The System of Modern Societies* [Sistema sovremennykh obshchestv]. M. : Aspect Press, 1998.
13. Peregudov S. P. *National and state identity and problems of consolidation of the Russian state* [Natsional'no-gosudarstvennaya identichnost' i problemy konsolidatsii rossiiskogo gosudarstva] // Political Researches [Polis]. 2011. N 3. P. 141–163.
14. Pshizova S. N. *From “civil society” to “community of consumers”: political consumerism in comparative prospect* [Ot «grazhdanskogo obshchestva» k «soobshchestvu potrebitel'ei»: politicheskii kons'yumerizm v sravnitel'noi perspective]. Part I // Political Researches [Polis]. 2009. N 1. P. 100–117.
15. Simonova O. A. *Modern sociology of emotions and problem of social solidarity: Main directions of researches* [Sovremennaya sotsiologiya emotsii i problema sotsial'noi solidarnosti: Osnovnye napravleniya issledovaniy]. Sociological year-book [Sotsiologicheskii ezhegodnik]. 2011. P. 95–143. (rus)
16. Alexander J. *The Meanings of Social Life: a Cultural Sociology*. New York : Oxford University Press, 2003.
17. Boulding K. E. *National Images and International systems* // Journal of Conflict Resolution. 1959. N 2. P. 120–131.
18. Brown D. *The Democratization of National Identity*. — Democratization and Identity: Regimes and Ethnicity in East and Southeast Asia (ed. By Henders S. J.). Lanham : Rowman and Littlefield. 2004. P. 65–122.
19. Brown N., Shevell S., Ripps G. *Public memories and their personal context*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1986.
20. Burke E. *Reflections on the Revolution in France*. North Charleston : CreateSpace Independent Publishing Platform, 2013.
21. Castells M. *Materials for an exploratory theory of the network society* // British Journal of Sociology. 2000. N 1. P. 5–24.
22. Dalton R., Scarrow S., Cain B. *Advanced Democracies and the New Politics* // Journal of Democracy. 2004. N 1. P. 124–138.
23. Ham P. *The Rise of the Brand State: The Postmodern Politics of Image and Reputation* // Foreign Affairs. 2001. N 5. P. 2–6.
24. Pease D. E. *The Global Homeland State: Bush's Biopolitical Settlement* // Boundary. 2003. N 2. P. 1–18.
25. Pitkin H. F. *The idea of a constitution* // Journal of Legal Education. 1987. N 3. P. 167–169.
26. Simmel G. *Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. Frankfurt a. M. : Georg Simmel Gesamtausgabe, 1992.
27. Smith A. 1986. *The Ethnic Origin of Nations*. Oxford : Basil Blackwell, 1986.
28. Stolle D., Hooghe M. *Inaccurate, Exceptional, One-Sided or Irrelevant? The Debate about the Alleged Decline of Social Capital and Civic Engagement in Western Societies* // British Journal of Political Science. 2005. N 1. P. 149–167.
29. Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen : Mohr, 1968.

Проблематика возврата в российскую экономику активов, выведенных в иностранные юрисдикции

Немцов Юрий Иванович

Руководитель отдела Следственного комитета Российской Федерации (Москва)
Аспирант Московского финансово-юридического университета
nemtsov@sledcom.ru

РЕФЕРАТ

Проблема оттока капитала из российской экономики является серьезной угрозой экономической безопасности России на протяжении последних десятилетий. Получаемые в результате коррупционных преступлений средства выводятся из оборота и оседают в зарубежных странах, лишая нашу страну возможности полноценно развиваться и обеспечивать эффективный рост уровня жизни населения. Объемы выведенных средств колоссальны и составляют по разным оценкам до 1 трлн долл. за последние 20 лет. Перед государством стоит задача не только остановить незаконный отток капитала из национальной экономики, но и вернуть в нее уже выведенные в иностранные юрисдикции средства. В статье проводится краткий анализ проблематики возврата активов из-за рубежа, раскрываются формы и методы работы правоохранительных и иных органов государственной власти по поиску и репатриации имущества, а также делаются выводы о необходимости совершенствования системы экономической безопасности в указанной области.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

бегство капитала, возврат активов, международное сотрудничество, экономическая безопасность

Nemtsov Yu. I.

Recovery of Assets Withdrawn from the Russia's Economy and Hidden in Foreign Jurisdictions

Nemtsov Yury Ivanovich

Head of Department of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)
Graduate Student of Moscow Finance and Law University (MFUA), nemtsov@sledcom.ru

ABSTRACT

For two recent decades capital outflow poses a serious threat to the economic security of Russia. The proceeds of corruption are withdrawn from circulation and hidden in foreign countries hindering our state from developing properly and improving living standards of the people. The volume of withdrawn assets is immense and according to various estimates amounts to of US\$ 1 trillion for two decades.

The State should not only halt illegal capital outflow from the national economy but also recover the assets already hidden in foreign jurisdictions. The article provides a brief analysis of the asset recovery from abroad, describes ways and methods the law enforcement and other state authorities use to identify and repatriate assets. It also comes to a conclusion that the state economic security system is to be improved in the concerned area.

KEYWORDS

capital flight, asset recovery, international cooperation, economic security

Важнейшей задачей системы экономической безопасности государства является предотвращение нелегального оттока капитала из национальной экономики за рубеж и его обратного притока, питающего теневой сектор. С интеграцией Российской Федерации в мировую экономическую систему российские активы начали активно перетекать в западные страны, стимулируя их экономическое развитие в ущерб национальной экономике.

Под активами в данном случае нами понимается любое имущество, задействованное в процессе создания ВВП и добавленной стоимости на территории России — денежные средства, ценные бумаги, движимое и недвижимое имущество, права на него, предметы роскоши и искусства, драгоценные металлы и пр. Под выводом капитала мы понимаем его исключение из процесса создания ВВП и добавленной стоимости на территории РФ и выведение его из-под налогообложения в России [1].

Данные по объему выведенных из России средств существенно разнятся. В пояснительной записке к законопроекту об амнистии капиталов, например, указано, что за последние двадцать лет из России выведено от 800 млрд долл. до 1 трлн долл.¹. По оценкам исследовательской организации Global Financial Integrity (GFI), в период с 1994 по 2011 гг. отток капитала по сомнительным операциям из России составил 881 млрд долл., при этом объем средств, выведенных без какого-либо оформления, т. е. абсолютно нелегально, составил 211,5 млрд² долл. Центробанк дает следующие цифры: в 2012 г. чистый отток капитала из РФ составил 54,6 млрд долл., в 2013 г. — 62,7 млрд долл., а в 2014 г. — 150 млрд долл.³.

Значительную долю в общем объеме незаконно выводимых из российской экономики средств составляют доходы от преступлений экономической и коррупционной направленности, а также легальные доходы, выводимые за рубеж через нелегальные финансовые схемы. Выведенные средства вкладываются в объекты недвижимого и движимого имущества, ценные бумаги и иные финансовые инструменты, промышленные предприятия, коммерческие проекты, а также криминальный сектор. Немалая доля размещается на счетах в офшорах — государствах и территориях, где зарубежные вкладчики избавлены от необходимости раскрывать источник происхождения денежных средств и декларировать их в стране происхождения. По немецким данным, только на Кипре российскими вкладчиками размещено до 25 млрд долл.⁴.

Часть нелегально выведенных за рубеж средств возвращается в российскую экономику в виде прямых инвестиций. За период 1994–2011 гг. приток нелегального капитала в Россию составил 552,9 млрд долл. (по оценке GFI)⁵. На первом месте среди таких инвесторов находится Кипр — только в 2011 г. из Кипра в Россию поступило 128,8 млрд долл. прямых инвестиций (ВВП самого Кипра состав-

¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О неотложных мерах в связи с налоговой амнистией и стимулированием возврата в Российскую Федерацию денежных средств из офшорных территорий и иных государств ближнего и дальнего зарубежья» // Компания «КонсультантПлюс». Официальный сайт: [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=123705> (дата обращения: 12.04.2015).

² Dev Kar and Sarah Freitas, Russia: Illicit Financial Flows and the Role of the Underground Economy, February 2013 Washington DC // [Электронный ресурс]. http://www.gfintegrity.org/wpcontent/uploads/2013/02/Russia_Illicit_Financial_Flows_and_the_Role_of_the_Underground_Economy-HighRes.pdf. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader (дата обращения: 22.06.2015). С. 13.

³ Russia Seen Weighing Capital Controls If 2015 Outflows Mount // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-01-16/russia-seen-keeping-option-of-capital-controls-if-outflows-mount> (дата обращения: 20.06.2015).

⁴ Bailing Out Oligarchs: EU Aid for Cyprus A Political Minefield for Merkel, By Markus Dettmer and Christian Reiermann [Электронный ресурс] // Spiegel Online International, 2012. 05 ноября. URL: <http://www.spiegel.de/international/europe/german-intelligence-report-warns-cyprus-not-combating-money-laundering-a-865451.html> (дата обращения: 22.06.2015).

⁵ Russia Hemorrhages at Least US\$211.5 Billion in Illicit Financial Outflows from 1994–2011 -New GFI Study [Электронный ресурс] // Global Financial Integrity, 2013.02 февраля URL: <http://www.gfintegrity.org/press-release/russia-hemorrhages-least-us211-5-billion-illicit-financial-outflows-1994-2011-new-gfi-study/> Систем. требования: Adobe Acrobat Reader (дата обращения: 22.06.2015).

ляет 23 млрд¹ долл.). По мнению аналитиков GFI, эти прямые иностранные инвестиции отражают кругооборот незаконно выведенных из России на Кипр средств.

Через обратное инвестирование происходит не только легализация незаконно выведенного за рубеж капитала, но и повторный вывод произведенной им на территории России прибыли от «иностраных» инвестпроектов с его участием. Нельзя при этом забывать и про криминальный сектор теневой экономики, которая не только продуцирует нелегальный капитал, но и питается его притоком — в период с 1999 по 2007 гг. теневой сектор, по данным GFI, составил в среднем 46% от ВВП России² (43,8% — по данным Мирового банка³).

Незаконный отток капитала за рубеж представляет собой серьезную угрозу экономической безопасности Российской Федерации — системную проблему, решение которой позволит сократить дефицит капитала, оздоровить экономическую ситуацию в целом, повысить темпы роста экономики. Перед государством стоит задача не только по прекращению оттока активов, но и их репатриации, как системными политико-экономическими мерами (путем создания благоприятных условий для использования капитала внутри страны), так и через принудительный возврат в результате деятельности правоохранительных и иных органов государственной власти.

Возврат активов в национальную экономику является многоплановой задачей и состоит из ряда этапов: розыск актива; обеспечение его сохранности и управление им; обеспечение исполнения постановления суда о конфискации имущества; репатриация актива в российскую юрисдикцию; выплата ущерба потерпевшим и/или реинтеграция актива в российскую экономику. Помимо традиционных методов и средств поиска имущества за рубежом у следственных органов имеется возможность получения информации из открытых источников.

Например, по информации американского издания Daily News Ж. Буллах, супруга бывшего министра финансов Московской области А. В. Кузнецова (фигуранта уголовного дела, находящегося в производстве Следственного комитета Российской Федерации), владеет двумя особняками на фешенебельном курорте Хэмптонс под Нью-Йорком, площадью 800 м² (29 млн долл.) и 325 м² (22 млн долл.)⁴, квартирой в Лондоне (7,3 млн долл.), и др. активами. По данным Международного консорциума журналистских расследований ICIJ (International Consortium of Investigative Journalists), в 2006–2007 гг. в швейцарском банке HSCB имелось 740 счетов российских клиентов, которые скрывали свои доходы от налоговых органов, на сумму 1,8 млрд долл. В списке фигурируют бывший член правительства Е. Скрынник, а также депутаты Госдумы, бизнесмены, спортсмены и чиновники⁵.

¹ Dev Kar and Sarah Freitas, Russia: Illicit Financial Flows and the Role of the Underground Economy, February 2013 Washington DC // [Электронный ресурс]. URL: http://www.gfintegrity.org/wpcontent/uploads/2013/02/Russia_Illicit_Financial_Flows_and_the_Role_of_the_Underground_Economy-HighRes.pdf. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader (дата обращения: 22.06.2015). С. 40.

² Там же. С. 26.

³ Schneider F. Buehn A. Montenegro C. E. Shadow Economies All over the World: New Estimates for 162 Countries from 1999 to 2007. World Bank Policy Research Working Paper WPS5356. Washington DC: The World, 2010. С. 23. [Электронный ресурс] Систем. требования: Adobe Acrobat Reader (дата обращения: 22.06.2015).

⁴ Embattled socialite Janna Bullock lists pair of Hamptons homes for \$51m [Электронный ресурс] // Daily News. 2014. 20 ноября. URL: <http://www.nydailynews.com/life-style/real-estate/janna-bullock-lists-pair-hamptons-homes-51m-article-1.2018236> (дата обращения: 22.06.2015).

⁵ Banking Giant HSBC Sheltered Murky Cash Linked to Dictators and Arms Dealers [Электронный ресурс]. // The International Consortium of Investigative Journalists. 2015. 08 февраля. URL: <http://www.icij.org/project/swiss-leaks/banking-giant-hsbc-sheltered-murky-cash-linked-dictators-and-arms-dealers> (дата обращения: 22.06.2015).

После установления выведенного имущества необходимо обеспечить его сохранность во избежание растраты, вывода в другие страны или уничтожения. Перед судом должно быть инициировано ходатайство о наложении ограничения на право распоряжения имуществом путем вынесения решения об его аресте. После того как сохранность активов гарантирована обеспечительными мерами, необходимо обеспечить их безопасность и сохранение стоимости до конфискации. Такое имущество, как, например, автомобили, яхты, недвижимость требуют постоянного контроля и управления. Под управлением понимается обеспечение функционирования объекта движимого или недвижимого имущества (уплата налогов, коммунальных платежей, расходов на содержание, охрану, портовые сборы и т. д.). Важно иметь в виду, что управление активами подразумевает дополнительные финансовые затраты, иногда значительные.

После вынесения российским судом приговора, предусматривающего конфискации имущества, необходимо обеспечить его исполнение на территории другого государства. На сегодняшний день обеспечить прямое исполнение решения российского суда на зарубежной территории невозможно в силу отсутствия соответствующих международных договоров. Иностранный суд должен вынести свое решение об аресте и конфискации имущества на основании полученного установленным порядком решения российского суда.

В этой связи необходимо затронуть опыт деятельности по международному поиску и возврату активов. Борьба с легализацией полученных преступным путем средств ведется ведущими западными странами уже несколько десятилетий. Созданы правовые конструкции и механизмы, позволяющие успешно отслеживать, арестовывать и возвращать похищенные в результате коррупции активы. Подписан ряд профильных конвенций, например, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., Конвенция ООН против коррупции 2003 г., Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г. и т. д. В системе розыска и возврата имущества задействован ряд международных организаций и образований — Интерпол (Инициатива по возврату похищенных активов (StAR)), ГРЕКО, FATF, CARIN, Группа «Эгмонт» и т. д.

Западные государства, уделяющие большое внимание борьбе с отмыванием доходов, постоянно совершенствуют систему противодействия притоку незаконного капитала. В 2010 г., например, в Испании принят закон о «проверке происхождения капиталов иностранцев», что позволяет на государственном уровне контролировать приобретение иностранными гражданами испанского имущества. В большинстве западных государств существуют специализированные ведомства или подразделения по поиску, управлению и конфискации имущества. Например, в 2010 г. в Минюсте США сформировано отделение по конфискации активов, в которое вошли следователи, юристы и финансовые аналитики, которые обеспечивают расследование и судебные разбирательства¹.

Решением Совета ЕС 2007/845/JHA от 06.12.2007 в каждой стране Евросоюза создаются Офисы по возврату активов (Asset Recovery Office — ARO), которые должны обеспечивать взаимодействие в рамках Евросоюза в области поиска и ре-

¹ Механизмы и процедуры возвращения активов в США: практическое руководство для международного сотрудничества: Учебное пособие, Министерство юстиции США, отдел уголовного права, отделение конфискации активов и борьбы с легализацией незаконных доходов. Государственный Департамент США, Вашингтон, 2012. С. 6. [Электронный ресурс] // The Stolen Asset Recovery Initiative (StAR) URL: [http://star.worldbank.org/star/sites/star/files/US-Asset-Recovery-Tools-\(Russian\).pdf](http://star.worldbank.org/star/sites/star/files/US-Asset-Recovery-Tools-(Russian).pdf) Систем. требования: Adobe Acrobat Reader (дата обращения: 23.06.2015).

патриации преступно нажитого имущества¹. Повсеместной практикой за рубежом является выплата комиссионного вознаграждения подразделению или ведомству, обеспечившему поиск и конфискацию активов, что дополнительно стимулирует сотрудников на принятие активных мер по розыску активов, их аресту и конфискации. В ряде стран соглашение о разделе активов подписывается еще до начала процесса конфискации имущества и его передачи другому государству. Методическое пособие Всемирного банка «Руководство по возврату активов», в частности, указывает: общая сумма возврата может быть уменьшена, чтобы компенсировать запрашиваемому государству затраты на наложение запрета на пользование, сохранение и передачу конфискованного имущества, а также юридические издержки и расходы на проживание заявителя [2].

Процесс поиска и возврата из-за рубежа имущества является сложной задачей — репатриация активов сопряжена со значительными трудностями, в силу чего объемы возвращенных средств пока незначительны. По сведениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за 2012–2014 гг. из стран Западной Европы в Россию возвращено около 25 млрд руб.², что составляло на тот момент около 500 млн долл. Приходится констатировать, что имеющиеся в настоящее время в России правовые и структурные механизмы по розыску, конфискации и обращению в доход государства выведенных активов не обеспечивают решение поставленной перед государственными органами задачи.

Существует ряд пробелов правового характера — в российском законодательстве пока отсутствуют нормы, регулирующие процесс репатриации имущества из-за рубежа. Например, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не регламентирует процедуру конфискации за пределами государства. У России не имеется двусторонних договоров с зарубежными странами о прямом действии судебных решений о конфискации на территории иностранного государства. Не отработана судебная практика по наложению ареста на имущество за рубежом — имеются случаи отказа российских судей выносить такое решение по ходатайству следователя на основании его «экстерриториальности». Затрудняет процесс конфискации и отсутствие института уголовной ответственности юридических лиц.

К существенным недочетам российской правовой системы можно отнести как отсутствие достаточных правосудных мер по обеспечению конфискации преступно нажитого имущества, так и ограниченность самого института конфискации, основанного на стоимостно-ориентированных принципах. Российская система экономической безопасности характеризуется отсутствием как алгоритмов взаимодействия отдельных ведомств, так и единого центра управления их деятельностью. В процессе возврата правоохранительные и судебные органы, финансовые институты, органы государственной власти обеспечивают решение отдельных задач, в границах своих полномочий и возможностей, однако система общего управления этими процессами в России отсутствует. Органы внутренних дел и безопасности, следственные и налоговые органы, прокуратура, судебная система, служба обеспечения исполнения судебных решений, финансово-экономические структуры, органы законодательной власти и научно-исследовательские учреждения не объединены единым замыслом и не нацелены на комплексное решение общей задачи.

¹ Council Decision 2007/845/JHA of 6 December 2007 concerning cooperation between Asset Recovery Offices of the Member States in the field of tracing and identification of proceeds from, or other property related to, crime. Official Journal of the European Union. English Edition. Volume 50. 18.12.2007 [Электронный ресурс]. // URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2007.332.01.0103.01.ENG (дата обращения: 23.06.2015).

² ГП: десятки миллиардов рублей возвращены в Россию из Западной Европы // РИА Новости. 2014. 01 октября. [Электронный ресурс]. // URL: <http://ria.ru/economy/20141001/1026390612.html> (дата обращения: 23.06.2015).

Генеральная прокуратура Российской Федерации, несмотря на положения закона об органах прокуратуры, наделяющего ее функциями по координации борьбы с преступностью¹, не имеет законодательной основы не только для управления системой возврата активов, но и для обеспечения коммуникации между всеми ее элементами. Разобщенность составляющих является одним из ключевых недостатков российской системы экономической безопасности в целом и в области поиска и возврата выведенного за рубеж имущества в частности. Как представляется, для решения задачи по возврату выведенных активов необходимо, прежде всего, внести изменения в российское законодательство с целью регламентирования процесса конфискации имущества за рубежом. Крайне важно сосредоточить вопросы обеспечения возврата имущества в отдельном ведомстве, наделив его координирующими полномочиями, или создать в системе российских госорганов новый специализированный орган.

Недостатки российской системы обеспечения возврата из-за рубежа незаконно выведенного имущества свидетельствуют об отсутствии концептуального понимания на уровне государства принципов ее построения и работы. Несмотря на поставленные перед российскими ведомствами задачи, их решение не является пока возможным в силу описанных выше причин. Размеры незаконно выводимых из России активов и возвращаемых в российскую экономику средств пока несопоставимы. Вместе с тем российская система поиска и возврата выведенных за рубеж активов обладает достаточным потенциалом и при условии пересмотра принципов ее функционирования способна обеспечить обратный приток незаконно выведенного капитала в российскую экономику.

Литература

1. Сулакшин С. С., Виллисов М. В., Аверков В. В. и др. Отток капитала из России: проблемы и решения // *Труды Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования*. Вып. 26. М. : Научный эксперт, 2013.
2. Брюн Ж.-П., Грей Л., Стивенсон К. и др. Руководство по возврату активов для специалистов-практиков. (Сер. «Библиотека Всемирного банка»). М. : Альпина Пабlishер, 2012.

References

1. Sulakshin S. S., Vilisov M. V., Averkov V. V. *Capital Flight from Russia: Problems and Solutions* [Отток капитала из России: проблемы и решения] // *Research Papers of the Center for Problematic Analysis and Governance Project Management* [Труды Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования]. Issue 26. M. : Science Expert [Nauchnyi ekspert], 2013. (rus)
2. Jean-Pierre Brun, Larissa Gray, Clive Scott, Kevin M. Stephenson. *Asset Recovery. Handbook A Guide for Practitioners* (World Bank Library) [Руководство по возврату активов для специалистов-практиков (Серия «Библиотека Всемирного банка»)]. M. : Alpina Publishers, 2012. (rus)

¹ Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Ст. 2 // *Российская газета*. 1995. 25 ноября.

О некоторых аспектах изучения обычного права в Казахстане

Искаков Ирлан Жангазыевич

Межрегиональный институт экономики и права при МПА ЕврАзЭС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры истории и теории государства и права
Кандидат юридических наук
iiel2002@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена важной для процесса гармонизации национальных законодательств теме изучения обычного права в Казахстане. Охарактеризовано изучение обычного права как базиса в правовых исследованиях казахстанских и российских ученых на протяжении XVIII–XXI вв. Сделан вывод о необходимости продолжить совместное изучение обычного (естественного) права учеными новых независимых государств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

обычное право, изучение, Россия, Казахстан, евразийская интеграция

Iskakov I. Zh.

About Some Aspects of Customary Law Study in Kazakhstan

Iskakov Irlan Zhangazyevich

Interregional Institute of Economics and Law at the IPA of EurAsEC
Professor of the Department of History and Theory of State and Law
PhD in Jurisprudence
iiel2002@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the study of customary law in Kazakhstan as an important subject in the process of harmonization of national legislations. The study of customary law is characterized as a basis for legal studies of Kazakh and Russian scientists during the XVIII–XXI centuries. The need to continue the joint study of the ordinary (natural) rights by scholars in newly independent states is concluded.

KEYWORDS

customary law, study, Russia, Kazakhstan, Eurasian integration

В процессе евразийской интеграции одним из важнейших направлений деятельности стран-участниц является гармонизация национальных законодательств. Каждая из стран имеет свою историю государственно-правового развития, что отмечали представители различных отраслей научного знания. Проблемами развития истории права, истории государства, истории самой юридической науки занимались философы, историки, политологи, этнографы. Вполне понятно, что истории Казахстана, как одному из «локомотивов» евразийской интеграции, до и после включения территории Великой Степи в состав Российской империи необходимо уделить особое внимание. В юридической науке в связи с этим проявилась необходимость углубленного изучения обычного права.

Обычное (естественное) право являлось неотъемлемой частью, органическим элементом истории кочевого общества. Будучи регулятором общественных отношений, обычное право имело большое значение для многих сторон жизни народов Великой Степи, так как довольно высока была его творчески-регулирующая роль в жизнедеятельности тогдашнего общества [7, с. 9]. Обычное право нельзя изучать

в отрыве от социально-экономического уклада, мировоззрения, его психологии, бытового устройства и, соответственно, политической организации общества. Правовые обычаи не были записаны, но составлявшие их бии облекли эти обычаи в форму кратких изречений и пословиц, в значительной степени сохранившихся и пользовавшихся всеобщим уважением еще в конце XIX в. [10, с. II] и обладающих значением по сию пору.

Современной наукой обычное право рассматривается как свод неписаных правил поведения (обычаев), сложившихся в обществе в результате их неоднократного традиционного применения и санкционированных государственной властью. Исторически обычное право считается первой (древнейшей) из форм права. Этот термин часто используется для обозначения неписаного закона, основанного на решениях конкретных судебных дел, а не на законе как источнике права. Чаще всего в наиболее полном виде такой вид права сохраняется в традиционных обществах. Представители российской науки столкнулись с ним вплотную в период, когда шло присоединение степных регионов Евразии к Российской империи. Считается, что в тот период у обитателей Великой Степи уже имелся упорядоченный сборник постулатов обычного права, что определяется правоведами как переходная ступень к привычному сегодня писаному праву.

Обычное право проходит этап своего формирования в период распада первобытно-общинного строя и возникновения социального неравенства в обществе. Тогда же происходит дифференциация нормативных положений права и морали. Вследствие этого обычное право становится системой общеобязательных социальных норм, которые охраняются государством и обеспечивают юридическую регламентацию общественных отношений. Обычное право — явление стадийное. На определенной стадии экономического и правового развития почти все народы мира проходят этап господства обычно-правовых установлений. Такой период у многих народов был недолгим, переходным и ограничивался средневековой эпохой. Необходимо отметить, что казахское обычное право обладало значительной жизнеспособностью, сохраняя свою оригинальность в отношении возможного влияния других систем (например, мусульманского права или русского законодательства). Оно продолжало сохранять и выполнять регулятивную, управленческую, объединительную, охранительную и гуманистическую функции, вплоть до новейшего времени, отчасти до начала XX в. Оно остается объектом научного изучения и сегодня.

Процесс развития юридической науки в Казахстане естественно начался со сбора сведений о правовых основах жизнедеятельности степного сообщества. Отдельные сведения об обычном праве насельников Великой Степи можно найти уже в работах авторов XVIII в.: А. И. Тевкелева, П. И. Рычкова, И. Г. Георги, П. С. Палласа, И. П. Фалька. В их трудах сведения об обычном праве носили фрагментарный характер или же просто приводились некоторые нормы обычного права. Тогда сами понятия «право» и «государство» еще не были разработаны. Собирательная работа продолжилась и в последующие времена. Так, в конце XVIII — начале XIX вв. А. И. Левшин впервые ввел в научный оборот законы хана Тауке, приведя запись части статей этого кодекса.

В середине XIX в., после завершения процесса включения Казахстана в состав Российской империи, начался новый период в изучении истории государства и особенно обычного права казахов [1, с. 8]. Исследованиями вопросов обычного права казахов в это время занимались преимущественно этнографы. Здесь отдельно необходимо упомянуть деятельность членов Русского географического общества, которые в ходе своих экспедиций и научного анализа собираемого полевого материала обратили внимание и на проблемы обычного права кочевых народов Великой Степи. Среди исследователей XIX в. следует назвать имена Ч. Ч. Валиханова, Н. И. Гродекова, И. А. Козлова, И. И. Крафта, А. И. Крахалева, Ф. И. Леонтовича, Н. Н. Макси-

мова, Г. И. Спасского, Ф. Н. Усова. Их работы во многом носили описательный характер, что относится и к трудам Я. И. Гурлянда, А. И. Добросмыслова, Л. А. Словохотова начала XX в. Значимость научных достижений названных ученых высоко оценил Х. А. Абишев в своем диссертационном исследовании [2].

Анализируя изучение обычного права в Великой Степи, нельзя не остановиться подробнее на работах Чокана Чингисовича Валиханова¹, представлявшего собой уникальный образец разностороннего исследователя. В мировой истории, истории России и Казахстана он известен как историк, географ, фольклорист, этнограф, правовед, картограф. В ходе своих поездок (экспедиций) и в текущей работе он собирал и изучал историю и культуру народов Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана. Будучи воспитанником Омского кадетского корпуса, Чокан Валиханов имел в качестве учителей представителей различных народов Евразии. Научные труды первого казахского ученого включают исследования, касающиеся тогдашних обитателей киргиз-кайсацких степей, и имеют особое значение не только для казахов, но также киргизов, узбеков, таджиков и других современных жителей различных евроазиатских территорий. Чокан Валиханов явился первым ученым в истории Великой Степи, который внимательно изучал правовые установления кочевого сообщества. Его «Записка о судебной реформе» по своему содержанию и постановке проблемы выходит далеко за пределы собственно вопросов судопроизводства.

Несомненно, что мысли Ч. Валиханова впоследствии оказались весьма востребованными. А. К. Гейнс, которому в 1865 г. было поручено изучение среднеазиатских владений Российской империи и проектирование законов по их управлению в составе Степной комиссии, писал в своем дневнике: «... нам необходимо было обдумать, чтобы согласно воле государя обсуждать разумные законы для киргиз. Результат этих споров весьма утешителен. Мы остановились на следующих выводах: суд для киргиз должен быть их собственный, исключая преступлений, наносящих убыток интересам собственно русских людей или вредящих государству. <...> Власть (имеются в виду царские власти — авт.) должна быть очень сильна, но не касаться внутреннего быта киргизов, суда и вообще самоуправления номадов. Губернатор действует через уездных начальников, имеющих обширную власть только в политическом отношении»². Работы Ч. Ч. Валиханова сохранили свое значение и по сей день, почему они остаются предметом изучения современных казахстанских исследователей, в том числе и в сфере правоведения.

В последующие годы российские и казахстанские исследователи неизменно обращались к трудам Ч. Ч. Валиханова. Первым в юридической науке Казахстана о государственно-правовых воззрениях Ч. Ч. Валиханова написал С. Я. Булатов³. Внимательно изучал труды первого казахского ученого Л. В. Дюков, готовивший исследование на тему «Государственно-правовые воззрения Чокана Валиханова»⁴. Х. А. Абишев при рассмотрении деятельности комиссии по подготовке проекта реформы административного устройства казахских земель особо остановился на идеях Ч. Ч. Валиханова из «Записки о судебной реформе». Наибольшее внимание правовым работам Чокана уделил и продолжает уделять С. Ф. Ударцев [5].

Важное место в изучении обычного права сыграли политические ссыльные, пребывавшие в Западной Сибири и Великой Степи. Из их среды вышли первые ис-

¹ В 2015 г. исполняется 175 лет со дня его рождения.

² Гейнс А. К. Собрание литературных трудов. Т. 1. СПб., 1897. С. 210–211.

³ См.: Булатов С. Я. К вопросу о государственных и правовых воззрениях Чокана Валиханова // Вестник АН КазССР. 1956. № 3.

⁴ См.: Дюков Л. В. Ч. Ч. Валиханов как последователь Н. Г. Чернышевского // Ученые записки Казахского государственного университета им. С. М. Кирова. Серия юридическая. Т. 29, вып. 6. Алма-Ата, 1960.

следователи, ученые, преподаватели учебных заведений [2, с. 13]. Они образовали также часть местного чиновничества, работая, в частности, в статистических комитетах. Деятельность политических ссыльных и сегодня является объектом изучения учеными Омска, Томска, Тюмени, Санкт-Петербурга, др. городов России. Петрашевцы, народовольцы, социал-демократы, участники польского восстания (С. Ф. Дуров, Е. П. Михаэлис, С. С. Гросс, А. Л. Блек, А. А. Леонтьев, В. Г. Харитонов, Г. М. Тихомиров, Я. М. Митрохин и др.) принесли в Казахстан новые идеи государственного устройства и правовой мысли.

Своеобразным итогом их собирательской работы явилось издание в 1886 г. С. С. Гроссом, А. Л. Блеком и А. А. Леонтьевым сборника под названием «Материалы для изучения юридических обычаев киргизов». Руководил составлением сборника П. Е. Маковецкий. При работе над сборником большое внимание было уделено обычаям «джеты джарга», созданным семью биями по приказу хана Тауке. Н. И. Гродеков оценил эту работу как «ценный вклад в литературу по обычному праву киргизов, заключаая в себе указание на историческое происхождение некоторых обычаев, на влияние шариата и русских законов» [6, с. 12]. Подчеркнем, что в ходе собирания имеющихся материалов С. С. Гросс специально ездил в аул Абая Кунанбаева, чтобы записать некоторые нормы обычного права и получить по их поводу объяснения от выдающегося казахского деятеля, чьи правовые идеи получили частичное отражение в указанных «Материалах».

Собирание сведений о нормах обычного права требовало специальной подготовки, поскольку сами собиратели далеко не всегда могли отличить обычное право обитателей Великой Степи от привнесенных туда норм мусульманского права, что, в частности, нашло свое отражение в «Сборнике киргизских обычаев, имеющих в орде силу закона», составленном губернским секретарем Ю. Ф. Бонч-Осмоловским. В силу этого сборник опубликован не был.

Государственно-правовые проблемы изучались и анализировались в течение первой половины XX в. в трудах таких лидеров национальной казахской интеллигенции, как А. Н. Букейханов, М. Дулатов, М. Т. Тынышпаев, Б. Б. Каратаев, М. Ч. Чокаев и другие. Современные исследователи отмечают, что они ставили перед собой в качестве основной задачу оградить народ от социальных катаклизмов и сохранить этническую целостность своего народа, национальное достоинство.

В советский период получили развитие первые профессиональные историко-правовые исследования, что послужило основанием считать: в 1920–30-х гг. начался новый этап в изучении истории государства и права Казахстана. В это время на ниве правовых исследований трудились А. П. Чулошников, М. Т. Тынышпаев, М. П. Вяткин, затем — Н. Г. Аполлов, Е. Б. Бекмаханов, С. И. Ибрагимов, Б. А. Ахмедов, В. П. Юдин и др. Своеобразным стимулом развития исследований обычного права стало образование в 1938 г. Алма-Атинского юридического института и организации Академии наук Казахской Республики. Большую роль в правовых исследованиях сыграли ученые-юристы, в годы Великой Отечественной войны эвакуированные из союзных республик в Казахстан. Сюда переместили и более двух десятков высших учебных заведений, в том числе юридические институты Киева, Ленинграда, Москвы. Преподаватели этих вузов также приняли участие в разработке проблем обычного права кочевых народов. С. Л. Фукс, например, разработал совершенно новый курс «История государства и права Казахстана» [12, с. 75]. По возвращении в Харьков он в 1948 г. защитил диссертацию на тему «Очерки истории государства и права казахов в XVIII — первой половины XIX века». В ней основное внимание было уделено регламентации отношений собственности и уголовных деяний по обычному праву казахов. Впоследствии ученый продолжил изучение обычного права казахов и общение со своими коллегами из Казахстана.

Представляется интересным, что директор Института права АН СССР А. Я. Вышинский рекомендовал начать научно-исследовательскую деятельность сектора права Академии наук Казахской ССР с изучения обычного права. Об этом в одной из своих статей пишет Ш. В. Тлепина на основе воспоминаний академика С. З. Зиманова о К. И. Сатпаеве, первом президенте Академии наук Казахской ССР [11]. Она выделяет первых исследователей обычного права, называя среди них Т. М. Культелева, М. Г. Масевич, С. Л. Фукса, С. З. Зиманова, Г. Б. Шакаева. Т. М. Культелев, первый казахский ученый-юрист, один из организаторов правовой науки и юридического образования в Казахстане, крупный исследователь обычного права казахов, именно эту проблему поставил в центр внимания профессиональных научных работников, став «пионером» в деле его систематического изучения¹. Ученого интересовали не только отдельные проблемы обычного права казахов, но и обычное право в целом, его сущность, структура, эволюция и другие аналогичные вопросы. Его труды стали во многом ориентиром для последующих исследователей. Докторская диссертация Т. М. Культелева, которую он не успел защитить, была опубликована в виде монографии в 1955 г. благодаря усилиям С. Я. Булатова, Л. В. Дюкова, С. З. Зиманова, А. А. Филимоновой и В. А. Кима.

В течение почти полувека настольной книгой многих исследователей политической и правовой мысли и в целом истории дореволюционного Казахстана, незаменимым первоисточником для молодых ученых, аспирантов, базировавшихся на его материалах свои исследования по обычному праву казахов, являлся сборник «Материалы по казахскому обычному праву» (1948). Он был важным результатом совместной деятельности российских и казахстанских исследователей. В него вошли полностью или в виде извлечений 8 источников по обычному праву казахов времен пребывания Казахстана в пределах Российской империи, причем некоторые из них впервые. С. С. Сартаев и С. У. Созакбаев определили его как «ценнейшее издание» по обычному праву казахов².

Проблемы обычного права стали важным направлением научно-исследовательской деятельности представителей юридической науки в Казахстане. В числе важных результатов изучения следует отметить такие издания, как «Очерки истории государства и права Казахстана»; «Вопросы истории казахского государства в XVII–XVIII вв.»; «Законы хана Тауке»; «Суды биев и аксакалов»; «Уголовно-правовые нормы в памятниках казахского права», др. Это был период, когда впервые обсуждались работы, посвященные истории государственно-правового развития.

В своем исследовании Ш. В. Тлепина выделяет как одно из значительных событий в историко-правовых исследованиях сектора права защиту С. З. Зимановым кандидатской диссертации на тему «Общественно-политический строй Букеевской Орды», которая состоялась в Институте права АН СССР. Она подчеркивает значение этой работы (первая крупная научная работа будущего академика) в развитии историко-правовой науки в республике в связи с тем, что в своем исследовании С. З. Зиманов анализировал именно проблемы дореволюционного государства и права казахов Букеевской Орды первой половины XIX в.

Изучение обычного права кочевых народов активизируется, начиная со второй половины 1940-х — начала 1950-х годов. Однако системного характера эти исследования не носили, да и активность их со второй половины 1950-х годов несколько спала. В последующие годы ведущим исследователем обычного права был Г. Б. Шакаев. Вместе с тем, проблемы обычного права превращаются в постоянный объект изучения, оно становится регулярным в 1980–1990-е годы и продолжается

¹ Проблемам обычного права посвящена его докторская диссертация.

² См.: Материалы по истории государства и права Казахстана / Сост. С. Сартаев, С. Созакбаев. Алматы : Атамұра, 1994.

в настоящее время. Казахские ученые сделали вывод о том, что обычно-правовые нормы и институты имели значительную силу и были особенно устойчивы и прочны в глубине Степи, в районах, где превалировало кочевое и полукочевое скотоводство. В районах же, сопредельных с территорией русских поселенцев, где занимались преимущественно земледелием и переходили на оседлость, обычное право соблюдалось менее строго [9, с. 11].

Смещение акцента с объективной научной позиции на идеологическую привело к искажению общей оценки казахского обычного права, лежащего в основе института биев, и отнесению его к отсталой, ограниченной с исторической точки зрения, устаревшей политико-правовой системе. В связи с этим К. Бейсембиев посчитал неправомерной положительную оценку Ч. Валихановым суда биев [4, с. 100]. Обычное право стало рассматриваться в качестве свода норм, ориентированных на защиту интересов феодальных групп, и обрисовывалось в консервативных и негативных тонах. Преимущество получила точка зрения на казахское обычное право как на устаревшие нормы, к тому же не всегда согласующиеся друг с другом. Перекосы социально-политической жизни общества, нигилизм по отношению к истории и историческим личностям народов, нарушение принципа справедливости в отношении оценки их деятельности стали, по мнению академика С. З. Зиманова, причинами «белых пятен» в политико-правовой истории Казахстана [8, с. 164].

В конце 1980-х годов Н. С. Ахметова отмечала, что «обычное право еще не было предметом специальных общетеоретических исследований», и назвала причины необходимости обобщенного изучения обычного права — «для понимания общетеоретических проблем становления права»; «для познания сути процессов, происходящих в политико-правовой сфере молодых независимых государств, возникающих в результате ликвидации колониальной системы»; для определения уровня стадийного развития общества в целом [3, с. 31].

В последние годы юридическая наука Казахстана пополнилась целым рядом исследований, посвященных истории государства и права в Центральной Азии. Среди них особо следует упомянуть 10-томный сборник документов и материалов «Древний мир права казахов», вышедший в 2004–2006 гг. под руководством академика С. З. Зиманова. Издание этого сборника позволит казахстанским и российским исследователям углубленно изучать обычное право кочевых народов Великой Степи (предоставлением новых материалов) и расширить научные представления об истории государства и права у исследователей и практических работников как Республики Казахстан, так и других новых независимых государств Евразии.

Литература

1. *Абиль Е. А.* История государства и права Республики Казахстан с древнейших времен до начала XX века: курс лекций. Астана : КФ «Фолиант», 2000.
2. *Абишев Х. А.* Роль передовой русской интеллигенции Западной Сибири в истории политической и правовой мысли Казахстана второй половины XIX века: автореф. ... к.ю.н. Алма-Ата : 1990.
3. *Ахметова Н. С.* Обычное право казахов и его характерные черты // Проблемы казахского обычного права. Алма-Ата : Наука, 1989. С. 30–43.
4. *Бейсембиев К.* Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX века. Алма-Ата : Наука, 1957.
5. *Валиханов Ч.* Записка о судебной реформе (изд-е второе, доп. и исправл.) / Вступ. ст. и прим. д. ю. н., проф. С. Ф. Ударцева. Алматы : Жети Жаргы, 2004.
6. *Гродеков Н. И.* Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области: юридический быт. М.: Восточная литература, 2011. 566 с.
7. *Зиманов С. З.* Состояние и задачи разработки проблем обычного права казахов // Проблемы казахского обычного права. Алма-Ата : Наука, 1989. 144 с.

8. Зиманов С. З., Идрисов К. З. Общественно-политические взгляды Мухамеджана Сералина. Алма-Ата : Наука, 1989.
9. Кенжалиев З. Ж. Декреты Казахской автономной советской социалистической республики, отменившие патриархально-феодалные обычно-правовые институты. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. ю. н. Алма-Ата, 1986.
10. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Вып. 1. Материальное право. Омск : Типография Окружного штаба, 1886.
11. Тлепина Ш. В. Первые историко-правовые исследования в Казахстане: постановка проблем обычного права // Вестник КазНУ, 2012. [Электронный ресурс] URL: <http://articlekz.com/article/9641> (дата обращения: 27.06.2015).
12. Тлепина Ш. В. Эволюция государственно-правовой науки в Казахстане (1930-е — 1991 гг.) / Вступ. ст. д. ю. н., проф. С. Ф. Ударцева. Алматы, 2005.

References

1. Abil E. A. *History of state and law of the Republic of Kazakhstan since the most ancient times prior to the beginning of the XX century* [Istoriya gosudarstva i prava Respubliki Kazakhstan s drevneishikh vremen do nachala XX veka]: course of lectures. Astana: Folio [Foliant], 2000. (rus)
2. Abishev H. A. *Role of the advanced Russian intelligence of Western Siberia in the history of political and legal thought of Kazakhstan of the second half of the XIX century* [Rol' peredovoi russkoi intelligentsii Zapadnoi Sibiri v istorii politicheskoi i pravovoi mysli Kazakhstana vtoroi poloviny XIX veka]: dissertation abstract. Alma-Ata : 1990. (rus)
3. Akhmetova N. S. *Common law of Kazakhs and its characteristic features* [Obychnoe pravo kazakhov i ego kharakternye cherty] // Problems of the Kazakh common law [Problemy kazakhskogo obychnogo prava]. Alma-Ata : Science [Nauka], 1989. 144 p. P. 30–43. (rus)
4. Beysembiyev K. *From history of social thought of Kazakhstan of the second half of the XIX century* [Iz istorii obshchestvennoi mysli Kazakhstana vtoroi poloviny XIX veka]. Alma-Ata : Science [Nauka], 1957. (rus)
5. Valikhanov Ch. *A note about judicial reform* [Zapiska o sudebnoi reforme] (second edition) / Introduction and comments professor S. F. Udartsev. Almaty : Zheti Zhargy, 2004. (rus)
6. Grodekov N. I. *Kyrgyz and Kara-Kyrgyz of Syr-Darya area: legal life* [Kirgizy i kara-kirgizy Syrdar'inskoi oblasti: yuridicheskii byt]. M. : East Literature [Vostochnaya literatura], 2011. (rus)
7. Zimanov S. Z. *Condition and problems of development of problems of a common law of Kazakhs* [Sostoyanie i zadachi razrabotki problem obychnogo prava kazakhov] // Problems of the Kazakh common law [Problemy kazakhskogo obychnogo prava]. Alma-Ata : Science [Nauka], 1989. 144 p. P. 8–30. (rus)
8. Zimanov S. Z., Idrisov K. Z. *Political views of Mukhamedzhan Seralin* [Obshchestvenno-politicheskie vzglyady Mukhamedzhana Seralina]. Alma-Ata : Science [Nauka], 1989. (rus)
9. Kenzhaliyev Z. Zh. *The decrees of the Kazakh autonomous Soviet socialist republic, which cancelled patriarchal and feudal usual and legal institutes* [Dekrety Kazakhskoi avtonomnoi sovetskoi sotsialisticheskoi respubliki, otmenivshie patriarkhal'no-feodal'nye obychno-pravovye instituty]. Thesis abstract. [Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. k. ju. n.]. Alma-Ata : 1986. (rus)
10. *Materials for studying of legal customs of Kyrgyz* [Materialy dlya izucheniya yuridicheskikh obychaev kirgizov]. V. 1. Substantive law [Vyp. 1. Material'noe pravo]. Омск : Publishing house of district headquarters [Tipografiya Okruzhnogo shtaba], 1886. (rus)
11. Tlepina Sh. V. *The early historical and legal studies in Kazakhstan: statement of problems of a common law* [Pervye istoriko-pravovye issledovaniya v Kazakhstane: postanovka problem obychnogo prava] // Messenger KazNU [Vestnik KazNU], 2012. [Electronic resource] URL: <http://articlekz.com/article/9641> (date of address 27.06.2015). (rus)
12. Tlepina Sh. V. *Evolution of state and legal science in Kazakhstan (the 1930th — 1991)* [Evolyutsiya gosudarstvenno-pravovoi nauki v Kazakhstane (1930-e — 1991 gg.)] / Introducing article prof. S. F. Udartsev. Almaty : 2005. (rus)

Анализ международной практики реализации и финансирования проектов государственно-частного партнерства в развитии региональной инфраструктуры

Кельбах Сергей Валентинович

Председатель правления государственной компании «Российские автомобильные дороги» (Москва)

Кандидат экономических наук

info@russianhighways.ru

Сигова Мария Викторовна

Ректор Международного банковского института (Санкт-Петербург)

Доктор экономических наук, доцент

ibispb@ibispb.ru

РЕФЕРАТ

В статье проводится анализ международной практики реализации и ресурсного обеспечения проектов государственно-частного партнерства (ГЧП): описывается распределение проектов ГЧП по отраслям в странах с разным уровнем экономического развития, а также раскрываются организационно-экономические механизмы реализации ГЧП в таких странах, как Великобритания, Австралия, Ирландия, Бразилия и Китай.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

инфраструктура, государственно-частное партнерство, региональная экономика, международный опыт

Kelbakh S. V., Sigova M. V.

The analysis of the International Practice of Realization and Financing of Projects of Public-Private Partnership in Development of Regional Infrastructure

Kelbakh Sergey Valentinovich

Chairman of the Board of the State Company «Russian Highways» (Moscow, Russian Federation)

PhD in Economics

info@russianhighways.ru

Sigova Maria Viktorovna

Rector of the International Bank Institute (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Doctor of Science (Economics), Associate Professor

ibispb@ibispb.ru

ABSTRACT

In the article, the analysis of the international practice of realization and resource providing projects of the public-private partnership is carried out. Distributions of the public-private partnership projects on branches in the countries with the different level of economic development is described. Organizational and economic mechanisms of realization of public-private partnership in such countries as Great Britain, Australia, Ireland, Brazil and China is revealed.

KEYWORDS

infrastructure, public-private partnership, regional economy, international experience

В последние годы государство и частный сектор все чаще объединяют свои усилия и опыт для решения особо значимых общественных задач. Если раньше проекты

государственно-частного партнерства (ГЧП) развивались в основном в области развития транспортной инфраструктуры, то последние тенденции говорят о вовлечении механизмов ГЧП во все новые социально значимые сферы [1, 4, 6, 7, 9, 11, 12, 20 и др.¹]. При этом механизмы ГЧП в различных странах разнятся, что объясняется спецификой экономического развития каждой отдельной страны. Тем не менее, наработанный годами опыт стран-лидеров в области реализации проектов государственно-частного партнерства обладает крайне высокой ценностью, его изучение поможет избежать ошибок и повысить бюджетную эффективность в тех странах, которые только встают на путь развития ГЧП (в частности — в России).

Партнерство государства и бизнеса, по нашему мнению, обеспечит приемлемый социальный и экономический результат в том случае, если данное взаимодействие будет хорошо налажено и управляемо [13]. Взаимодействие власти с частными партнерами позволяет государству решать такие важные задачи, как привлечение в государственный сектор экономики дополнительных инвестиций и, соответственно, сокращение потребности в бюджетных расходах, переложение части рисков на частный бизнес при одновременном сохранении контроля над объектами партнерства [14].

Международный опыт реализации проектов с применением механизмов взаимодействия государства и частного бизнеса довольно обширен: такие механизмы работают уже долгое время и постоянно совершенствуются. При этом стоит отметить, что темпы развития механизмов реализации проектов ГЧП в зарубежных странах весьма различны. Развитие механизмов реализации ГЧП в конкретном государстве можно разделить на три стадии, они приведены в табл. 1.

В настоящее время на третьей ступени развития ГЧП находятся лишь Великобритания и Австралия. Ирландия же только вступает на третью ступень развития ГЧП. На второй стадии — большинство развитых европейских стран (Франция, Испания, Италия, Греция, Германия), США, Канада, Япония и Новая Зеландия. На начальном, первом этапе развития рынка ГЧП включающем, в частности, разработку стандартов и законодательной базы для ГЧП, находятся страны Восточной Европы, Латинской Америки, а также страны СНГ, включая и Россию [15]. Как видно, ГЧП с различным успехом развивается во многих странах мира. Наибольшего распространения эта концепция достигает в странах с развитой рыночной экономикой и с устоявшимися традициями взаимодействия государства и частного сектора. Однако, несмотря на сходство многих позиций, в организации ГЧП в разных странах отмечаются и определенные различия [2].

С. Балашов, исследуя практику зарубежных проектов ГЧП, отмечает, что в различных странах существуют свои отраслевые приоритеты. Так, в США такой отраслью являются автодороги (32 из 36 проектов), в Великобритании — здравоохранение (123 из 352 проектов) и образование (113 из 352 проектов), в Германии — образование (24 из 56 проектов), в Италии, Канаде, Франции — здравоохранение [3]. Страны-лидеры по количеству соглашений ГЧП в Европе распределяются следующим образом²: на долю Великобритании приходится 39%, Франции — 17%, Германии — 13%, Испании — 12%, а доля прочих стран составляет 20%.

Анализируя динамику количества проектов на основе ГЧП в Европе, можно сказать, что лидирующую позицию занимает сфера образования, сместив транспортную сферу на второе место. Третье и четвертое место приходится на сферу здра-

¹ См. также: Информационно-аналитическая справка об опыте ГЧП в Китайской Народной Республике [Электронный ресурс]. URL: www.pppinrussia.ru/userfiles/upload/files/China_PPP.doc.

² Развитие государственно-частного партнерства в странах ЕС и России // Инициативы XXI века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ini21.ru/?id=1231>.

Стадии развития механизмов реализации ГЧП

Стадия	Содержание стадии	Примеры стран
1	Разработка стандартов и законодательства в области ГЧП. Создание государственного органа по реализации ГЧП. Разработка структуры соглашений ГЧП. Создание системы взаимодействия. Построение открытого рынка для участников ГЧП. Использование опыта других стран	Россия, Китай, Индия, Бразилия, Бельгия, Финляндия, Дания, Чехия, Латвия, Венгрия, Чехия, Болгария, Словакия, Хорватия, Латвия, Мексика, Албания, ЮАР
2	Создание департаментов ГЧП в министерствах. Разработка новых концессионных моделей. Расширение рынка ГЧП. Стимулирование новых источников финансирования. Использование ГЧП для развития сектора услуг. Увеличение количества проектов ГЧП	США, Канада, Япония, Германия, Франция, Италия, Нидерланды, Новая Зеландия, Португалия, Греция
3	Совершенствование моделей ГЧП. Совершенствование системы расчетов рисков. Увеличение жизненного цикла проектов ГЧП. Привлечение пенсионных и паевых фондов для участия в ГЧП. Совершенствование системы государственного участия в ГЧП. Совершенствование системы подготовки кадров для работы в системе ГЧП	Великобритания, Австралия, Ирландия

воохранения и общественные услуги, затем идут госзаказы и оборона, телекоммуникация, окружающая среда¹. Подобное распределение приоритетных отраслей реализации проектов государственно-частного партнерства заслуживает особого внимания. Очевидно, что особенности развития ГЧП по многом объясняются спецификой экономического развития каждой отдельной страны и, соответственно, стоящими перед ней целями и задачами. Видится, что можно условно выделить следующие блоки: страны «большой семерки», другие развитые страны, страны с переходной экономикой и развивающиеся страны. Распределение проектов ГЧП в странах этих блоков представлено в табл. 2 [10].

Примечательно, что в странах «большой семерки» более половины всех проектов приходится на образование и здравоохранение, в то время как в странах с переходной экономикой значительный перевес наблюдается в сторону инфраструктурных проектов, а проекты в области образования и здравоохранения занимают в среднем менее 10%. Это объясняется уровнем развития соответствующих отраслей, их капиталоемкостью, а также различиями в задачах экономического развития [8]. Необходимо понимать, что разные отрасли несут свою специфику, которая должна быть учтена при реализации механизмов ГЧП. В связи с этим видится целесообразным обращать отдельное внимание на опыт стран со схожими приоритетами по отраслям.

Обратимся к наиболее передовому опыту развития механизмов реализации ГЧП — в первую очередь это опыт Великобритании, которая является безусловным лидером по реализации проектов на основе ГЧП. Кроме того, она — одна из родоначальниц данного механизма. Рассматривая историю развития ГЧП в Велико-

¹ Там же.

**Структура ГЧП-проектов по отраслям в странах
с разным уровнем развития экономики (%)**

Отрасль	Страны «Большой семерки»	Другие развитые страны	Страны с переходной экономикой	Развивающиеся страны
Здравоохранение	29,92	12,03	5,41	4,56
Образование	22,44	9,54	2,70	4,22
Автодороги	14,96	38,59	62,16	45,45
Прочее	32,68	39,83	29,73	45,45

британии, стоит отметить, что первые проекты появились в 1981 г. в связи с перестройкой лондонских доков. Затем в 1992 г. правительство Дж. Мейджора объявило о новой форме ГЧП — «Частная финансовая инициатива» (PFI — Private Finance Initiative), заключающейся в том, чтобы передать частному сектору функции финансирования строительства (эксплуатации, реконструкции, управления и т. п.) государственных объектов производственной и социальной сферы. В 1997 году пришедшее к власти лейбористское правительство Т. Блэра продолжило развитие государственно-частного партнерства [5]. Схематически эта модель представлена на рис. 1.

Как видно из приведенной схемы, представитель государственного заказчика подписывает контракт с концессионной компанией, так называемой SPV (special purpose vehicle — юридическое лицо, обычно с ограниченной ответственностью, созданное специально для данного проекта ГЧП). Учредителями данного юридического лица являются частные инвесторы, обычно включающие в себя строительную и управляющую компанию, а также банк. В отдельных случаях государство также выступает в роли миноритарного инвестора [18].

Необходимо отметить, что сама концессионная компания зачастую является головной компанией (так называемой «ТорСо») холдинговой структуры, включающей еще две компании: строительную (так называемая «СарСо») и управляющую (так называемая «ОрСо»). Заключив с государством основной контракт, головная компания для исполнения условий контракта привлекает по субподряду свои дочерние компании, которые, в свою очередь, могут привлекать внешних субподрядчиков. При этом указанные дочерние компании зачастую принадлежат учредителям головной компании.

Кроме инвестиций учредителей, концессионная компания также привлекает заемное финансирование. До последнего финансового кризиса такое финансирование производилось в первую очередь путем размещения облигаций, стоимость которых была ниже стоимости банковских кредитов. С 2010 г. объем банковских кредитов стал преобладать в структуре долгового финансирования проектов ГЧП, а сравнительно небольшие проекты зачастую полностью закрывают свою потребность в долговом финансировании за счет кредита одного банка. При этом необходимо отметить, что речь идет о т. н. senior loan (senior debt) — обязательстве, дающем банку приоритет перед другими кредиторами при расчете в случае банкротства заемщика. Кроме того, необходимо отметить, что после завершения строительства основных объектов ГЧП зачастую происходит перекредитование — снижаются риски проекта, а следовательно и стоимость кредита.

Сформированный таким образом консорциум инвесторов финансирует строительство, эксплуатацию и капитальный ремонт объекта ГЧП на протяжении всего жизненного цикла контракта (обычно 25–30 лет). В период действия контракта

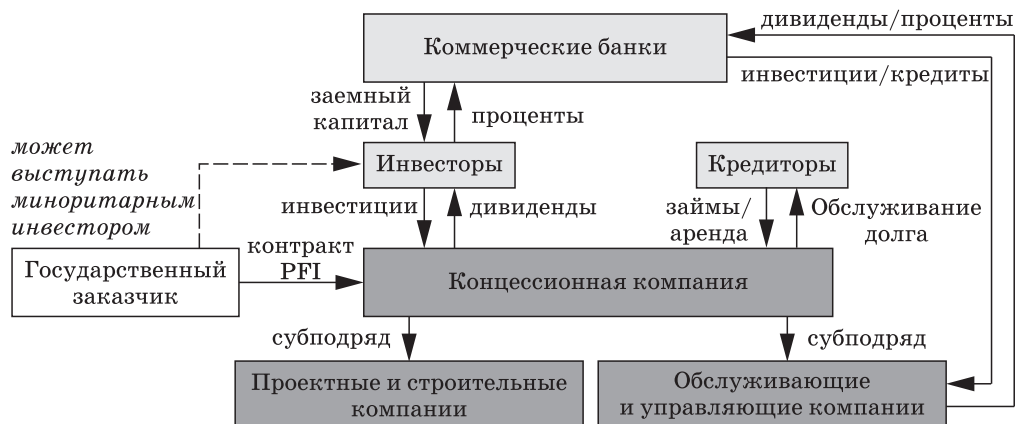

Рис. 1. Типовая модель PFI

концессионная компания предоставляет оговоренные в контракте услуги, ранее предоставляемые государством, и получает вознаграждение от государства, строго привязанное к объему предоставленных услуг [19]. При этом государственный заказчик разрабатывает так называемые «output specification» — критерии качества работы концессионной компании, в которых описаны конкретные количественные показатели, которых она должна достигнуть. Если на определенном этапе исполнения контракта концессионная компания перестает соответствовать указанным стандартам, государственные выплаты ей уменьшаются до тех пор, пока показатели не будут улучшены.

Если в течение оговоренного срока компания не выводит показатели на уровень стандартов, государственный заказчик разрывает контракт, а объект ГЧП переходит в государственную собственность. Следует отметить, что процедура разрыва контракта является достаточно сложной и применяется крайне редко — лишь как крайняя мера. Это связано с особенностями финансирования проекта: чтобы упростить привлечение долгового финансирования социально значимых проектов, государство гарантирует возврат долгов концессионной компании. Таким образом, в случае разрыва контракта государство должно будет погасить все имеющиеся обязательства и только лишь потом сможет получить объект ГЧП в собственность.

С учетом описанных выше моментов становится очевидна необходимость защиты государственных и общественных интересов, уровень которой в свою очередь напрямую зависит от того, каким образом составлен контракт. Именно поэтому на протяжении многих лет правительство Великобритании принимало последовательные шаги для создания типовой формы контрактов ГЧП, которые в данный момент и применяются на практике.

В 2011 г. Правительство Великобритании инициировало фундаментальную переоценку модели PFI. В результате в 2012 г. был представлен новый подход к реализации проектов ГЧП–PF2 (Private Finance — PF2) [16], который должен обеспечить доступ к большему количеству источников акционерного и заемного финансирования, лучшие показатели соотношения «цена-качество» (Value for Money), прозрачность финансовых показателей проекта, ускорение конкурсных процедур и снижение их стоимости, а также большую гибкость в предоставлении услуг. Содержание реформ PF2 приведено в табл. 3.

За более чем 20 лет существования PFI в Великобритании достигло финансового закрытия свыше 700 проектов общей стоимостью 55 млрд фунтов стерлингов [16].

Содержание реформ PF2

Область	Цель реформ	Содержание реформ
Инвестиции	Усиление партнерства государства и частного сектора	Государственный заказчик должен являться соинвестором в проектах PF2; вводится проведение конкурса на право финансирования определенной части проекта с целью привлечения долгосрочных инвестиций до финансового закрытия
Заключение контракта	Повышение скорости и снижение расходов на заключение контракта	Расширение полномочий централизованных органов госзакупок департамента инфраструктуры и сопутствующих департаментов; продолжительность тендерного этапа (от размещения тендера до определения победителя торгов) для проектов PF2 не должна превышать 18 мес; разрабатываются стандартизированные подходы и комплекты документации для эффективного осуществления государственных закупок; усиление контроля путем введения дополнительных казначейских проверок на этапе подготовки к размещению тендера
Процесс предоставления услуг	Повышение гибкости, прозрачности и эффективности предоставляемых услуг	Услуги, такие как клининг и питание, исключаются из проектной документации; государственный заказчик получает право включения определенных ремонтно-профилактических работ, а также добавления/исключения строго определенных услуг, после того как проект будет запущен; применение подхода «открытой книги» и механизма перераспределения акций для фондов жизненного цикла; периодические проверки предоставляемых услуг
Исполнение контрактов	Повышение прозрачности	Введение контроля всех забалансовых обязательств в рамках подписанных контрактов; введение обязанности частных инвесторов по предоставлению информации о рентабельности акционерного капитала с целью дальнейшей публикации; публикация ежегодных отчетов с детализацией проектной и финансовой информации по всем проектам, где государство является акционером; введение на сайте казначейства счетчика отслеживания этапов заключения контракта; улучшение обмена информацией с закреплением в стандартных руководствах к контрактной документации
Распределение рисков	Увеличение соотношения «ценность/стоимость»	Усиление системы управления рисками в государственном секторе, в том числе рисками повышения капитальных затрат в результате непредвиденного изменения законодательства, коммунальных расходов, платы за загрязнение окружающей среды и в области страхования
Долговое финансирование	Предоставление доступа к долгосрочному долгоговому финансированию и финансовым рынкам	Будет разработана финансовая структура проектов PF2

В рамках данной концепции успешно строятся и развиваются школы, больницы, социальная инфраструктура, дороги, тюрьмы, объекты обороны, системы управления твердыми бытовыми отходами. По данным британского правительства, проекты ГЧП обеспечивают до 17% экономии для бюджета страны. На данный момент PFI — наиболее распространенная модель государственно-частного партнерства в Соединенном Королевстве, которую впоследствии стали применять и другие страны: Канада, Франция, Австралия, Португалия, Норвегия, Япония и др.

Следующей по уровню развития ГЧП страной за Великобританией является Австралия. Модель частной финансовой инициативы активно применяется и в Австралии. В целях реализации проекта ГЧП частный партнер заключает с государственным органом соглашение на финансирование, проектирование, строительство/реконструкцию объекта, в результате чего осуществляется предоставление услуг в течение всего срока существования объекта на основе так называемой модели DBFO («Проектирование — строительство — финансирование — эксплуатация/управление»). Выплаты со стороны государства осуществляются исключительно по результатам предоставления услуг, оказываемых с использованием построенного/реконструированного в рамках соглашения объекта. При этом, государственный партнер берет на себя риски, связанные со спросом, а также обеспечивает минимальный гарантированный уровень получаемых частным партнером доходов и осуществляет ему выплаты непосредственно за предоставление услуг [17, р. 253].

Особенностью второго типа ГЧП, применяемого в Австралии, является передача риска, связанного с получением доходов, частному партнеру. При этом государственный партнер не обеспечивает гарантий получения им доходов (классическая концессионная модель). Помимо этого в Австралии используются смешанные модели, являющиеся производными от двух вышеперечисленных. Заключение соглашений о ГЧП также предусмотрено в виде долгосрочных контрактов на эксплуатацию и управление инфраструктурными объектами.

Финансирование проектов ГЧП осуществляется на основе долевого финансирования за счет федерального бюджета, бюджетов штатов и территорий и привлеченного частного капитала. Зачастую для финансирования проектов ГЧП используются средства пенсионных фондов. В Австралии предусмотрена возможность выпуска государственных долговых ценных бумаг, на которые распространяются государственные гарантии.

Третьей по уровню развития ГЧП страной является Ирландия. В Ирландии наиболее широкое распространение получили следующие модели ГЧП [18]:

1) проектирование — строительство — управление. Согласно данной модели частный партнер проектирует и строит объект общественной инфраструктуры, который должен отвечать требованиям государственного партнера, а после управления и обслуживания объекта в течение оговоренного соглашением срока передает его в собственность государственному партнеру. При этом строительство объекта финансируется за счет средств государственного партнера;

2) проектирование — строительство — управление — финансирование. Частный партнер проектирует и осуществляет строительство объекта соглашения, берет на себя ответственность за управление и финансирование объекта. При этом компенсация затрат частного партнера осуществляется исключительно за счет платы со стороны государственного партнера (так называемой «платы за доступность»). По окончании срока действия соглашения объект, как правило, переходит в собственность государственного партнера;

3) концессионные соглашения, отличительной особенностью которых является обеспечение возврата средств частному партнеру за счет сбора платы с пользователей либо, в случае недостаточности сбора средств с населения, и за счет дотаций от государства.

Среди стран с переходной экономикой интересен опыт Бразилии в сфере ГЧП. Законодательство Бразилии предусматривает три вида договоров ГЧП: обычные, заключающиеся в соответствии с законодательством о концессиях; спонсируемые; административные.

Спонсируемые концессии представляют собой договор на предоставление частным партнером государственных услуг напрямую пользователям (населению). При этом частный партнер компенсирует свои затраты как за счет сбора платы с населения, так и за счет платежей государственного партнера. Такие концессии были разработаны специально для развития объектов жилищно-коммунальной инфраструктуры (водоснабжения и водоотведения, теплоснабжения), окупаемость которых обеспечить исключительно за счет тарифов не представляется возможным. Административные концессионные договоры представляют собой долгосрочные договоры на оказание услуг по строительству инфраструктурных объектов за счет государства и осуществлению их эксплуатации в виде оказания услуг непосредственно государственному партнеру.

Нельзя обойти и опыт развития ГЧП Китая. В Китае наиболее развито заключение соглашений о ГЧП по схеме ВОТ (строительство — эксплуатация — передача). Первые проекты с использованием этой модели были реализованы еще в начале 90-х годов прошлого века. По окончании срока действия соглашения частный партнер передает построенный им объект государственному партнеру на безвозмездной основе. Наиболее активно ГЧП используется для строительства железных дорог, развития экологической инфраструктуры (объектов водоснабжения и очистки сточных вод).

Подводя итоги, необходимо отметить, что проведенный анализ международного опыта реализации проектов на основе государственно-частного партнерства показывает, что государство и частный сектор все чаще объединяют свои усилия, опыт и финансовые ресурсы для решения особо значимых общественных задач. При этом механизмы ГЧП в различных странах разнятся. Нарботанный годами опыт стран-лидеров в области реализации проектов государственно-частного партнерства позволит избежать ошибок и повысить бюджетную эффективность в тех странах, которые только встают на путь развития ГЧП. Безусловно, целесообразен его учет и в России.

Литература

1. *Амбарцумян С. Г.* Государственно-частное партнерство как инвестиционная форма финансирования в сфере жилищного строительства // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 6. С. 122–124.
2. *Антонова К. А.* Государственно-частное партнерство как фактор социально-экономического развития России. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2012.
3. *Балашов С.* Опыт функционирования ГЧП в развитых странах // Государственно-частное партнерство в условиях кризиса: материалы науч.-практ. конф. М., 2009. С. 281–282.
4. *Вертакова Ю. В., Власова О. В.* Методический подход к оценке стратегического потенциала системы здравоохранения региона // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2013. № 6(84). С. 24–28.
5. *Варнавский В. Г.* Управление государственно-частными партнерствами за рубежом // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 2. С. 134–147.
6. *Емельянов Ю. С.* Государственно-частное партнерство в инновационном развитии экономики России: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2012.
7. *Ковалев С. Н.* Государственно-частное партнерство в развитии инфраструктуры туризма, спорта, образования // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2012. № 2. С. 73–77.
8. *Колосов А. С., Рисин И. Е., Сысоева Е. Ф.* Компаративный анализ зарубежной практики организации государственно-частного партнерства // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 1(40). Ч. 2. С. 117–124.

9. Курбанов А. Х., Плотников В. А. Государственно-частное партнерство и аутсорсинг: сравнительный анализ структуры и характера отношений // В мире научных открытий. 2013. № 4(40). С. 33–47.
10. Лохтина Л. К., Батуев Э. Д. Понятие и сущность государственно-частного партнерства [электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/212/30/lang.ru>.
11. Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Частно-государственное партнерство в организации профессионального образования в интересах российской промышленности // Экономика и управление. 2012. № 11(85). С. 36–40.
12. Сигов В. И., Карпова Г. А., Сигова М. В. Расширенное воспроизводство трудового потенциала как основной критерий становления и развития экономики знаний // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2013. № 5(83). С. 4–13.
13. Сигова М. В. Вопросы разработки теоретических основ государственного регулирования национальных экономических систем в условиях глобализации // Вестник Чувашского университета. 2008. № 1. С. 468–475.
14. Студеникин Н. Государственно-частное партнерство: мировой опыт и перспективы в России [электронный ресурс]. URL: http://pppcenter.ru/assets/files/docs/17.12.09_Studenikin.ppt.
15. Шамбир В. Н. Государственно-частное партнерство как форма инвестирования приоритетных муниципальных проектов: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2010.
16. A new approach to public private partnerships // HM Treasury (December 2012) [electronic resource]. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/221555/infrastructure_new_approach_to_public_private_partnerships_051212.pdf.
17. English L. M. Public Private Partnerships in Australia: an overview of their nature, purpose, incidence and oversight // UNSW Law Journal. 2006. Vol. 29(3). P. 250–262.
18. McLindon A., Quinn C. Ireland leading the way in Public Private Partnerships [electronic resource]. URL: http://www.deloitte.com/view/en_IE/ie/4b38b44d3f0fb110VgnVCM100000ba42f00aRCRD.htm.
19. Pickard J. PFI deals 'not doing a good job' // Financial Times (London) [electronic resource]. URL: www.ft.com/cms/s/0/89b9f926-7886-11dd-acc3-0000779fd18c.html.
20. Zheng J., Roehrich J. K., Lewis M. A. The dynamics of contractual and relational governance: Evidence from long-term public-private procurement arrangements // Journal of Purchasing and Supply Management. 2008. № 14(1). P. 43–54.

References

1. Ambartsumyan S. G. *Public-private partnership as an investment form of financing in the sphere of housing construction* [Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak investitsionnaya forma finansirovaniya v sfere zhilishchnogo stroitel'stva] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2014. N 6. P. 122–124. (rus)
2. Antonova K. A. *Public-private partnership as factor of social and economic development of Russia* [Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii]. Dissertation abstract. M : 2012. (rus)
3. Balashov S. *Experience of functioning of public-private partnership in the developed countries* [Opyt funktsionirovaniya GChP v razvitykh stranakh] // Public-private partnership in the conditions of crisis: materials of scientific conference [Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v usloviyakh krizisa: materialy nauch.-prakt. konf.]. M. : 2009. P. 281–282. (rus)
4. Vertakova Yu. V., Vlasova O. V. *Methodological approach to an assessment of strategic capacity of health system of the region* [Metodicheskii podkhod k otsenke strategicheskogo potentsiala sistemy zdravookhraneniya regiona] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2013. N 6 (84). P. 24–28. (rus)
5. Varnavsky V. G. *Management of public-private partnerships abroad* [Upravlenie gosudarstvenno-chastnymi partnerstvami za rubezhom] // Questions of the public and municipal administration [Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya]. 2012. N 2. P. 134–147. (rus)
6. Yemelyanov Yu. S. *Public-private partnership in innovative development of economy of Russia* [Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v innovatsionnom razvitiie ekonomiki Rossii]. Doctoral dissertation abstract. M : 2012. (rus)
7. Kovalev S. N. *Public-private partnership in development of tourism infrastructure, sport, education* [Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v razvitiie infrastruktury turizma, sporta, obra-

- zovaniya] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2012. N 2. P. 73–77. (rus)
8. Kolosov A. S., Risin I. E., Sysoeva E. F. *Comparative analysis of foreign practice of the organization of public-private partnership* [Komparativnyi analiz zarubezhnoi praktiki organizatsii gosudarstvenno-chastnogo partnerstva] // News of Southwest State University [Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta]. 2012. N 1(40). Part. 2. P. 117–124. (rus)
 9. Kurbanov A. Kh., Plotnikov V. A. *Public-private partnership and outsourcing: the comparative analysis of structure and character of the relations* [Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo i outsourcing: sravnitel'nyi analiz struktury i kharaktera otnoshenii] // In the world of discoveries [V mire nauchnykh otkrytii]. 2013. N 4 (40). P. 33–47.
 10. Lokhtina L. K., Batuev E. D. *Concept and essence of public-private partnership* [Ponyatie i sushchnost' gosudarstvenno-chastnogo partnerstva] [an electronic resource]. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/212/30/lang.ru>. (rus)
 11. Plotnikov V. A., Vertakova Yu. V. *Public and private partnership in the organization of professional education in interests of the Russian industry* [Chastno-gosudarstvennoe partnerstvo v organizatsii professional'nogo obrazovaniya v interesakh rossiiskoi promyshlennosti] // Economy and management [Ekonomika i upravlenie]. 2012. N 11 (85). P. 36–40. (rus)
 12. Sigov V. I., Karpova G. A., Sigova M. V. *Expanded reproduction of labor potential as main criterion of formation and development of economy of knowledge* [Rasshirennoe vosпроизvodstvo trudovogo potentsiala kak osnovnoi kriterii stanovleniya i razvitiya ekonomiki znanii] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2013. N 5 (83). P. 4–13. (rus)
 13. Sigova M. V. *Questions of development of theoretical bases of state regulation of national economic systems in the conditions of globalization* [Voprosy razrabotki teoreticheskikh osnov gosudarstvennogo regulirovaniya natsional'nykh ekonomicheskikh sistem v usloviyakh globalizatsii] // Bulletin of the Chuvash University [Vestnik Chuvashskogo universiteta]. 2008. N 1. P. 468–475. (rus)
 14. Studenikin N. *Public-private partnership: world experience and prospects in Russia* [Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: mirovoi opyt i perspektivy v Rossii] [an electronic resource]. URL: http://pppcenter.ru/assets/files/docs/17.12.09_Studenikin.ppt. (rus)
 15. Shambir V. N. *Public-private partnership as form of investment of priority municipal projects* [Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak forma investirovaniya prioritetnykh munitsipal'nykh proektov]. Dissertation abstract. M. : 2010. (rus)
 16. A new approach to public private partnerships // HM Treasury (December 2012) [electronic resource]. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/221555/infrastructure_new_approach_to_public_private_partnerships_051212.pdf.
 17. English L. M. *Public Private Partnerships in Australia: an overview of their nature, purpose, incidence and oversight* // UNSW Law Journal. 2006. Vol. 29 (3). P. 250–262.
 18. McLindon A., Quinn C. *Ireland leading the way in Public Private Partnerships* [electronic resource]. URL: http://www.deloitte.com/view/en_IE/ie/4b38b44d3f0fb110VgnVCM10000ba42f00aRCRD.htm.
 19. Pickard J. *PFI deals 'not doing a good job* // Financial Times (London) [electronic resource]. URL: www.ft.com/cms/s/0/89b9f926-7886-11dd-acc3-0000779fd18c.html.
 20. Zheng J., Roehrich J. K., Lewis M. A. *The dynamics of contractual and relational governance: Evidence from long-term public-private procurement arrangements* // Journal of Purchasing and Supply Management. 2008. N 14(1). P. 43–54.

Аналитический индекс цены Варзара как инструмент измерения эффектов инфляции затрат

Цацулин Александр Николаевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры финансового менеджмента
Доктор экономических наук, профессор
vash_64@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье изложен методический аспект анализа построения так называемой III Индексной схемы по идеологии В. Варзара для двух- и трехфакторного мультипликаторов, что традиционно представляет для понимания студентов известные трудности при изучении учебных статистических дисциплин». Автором даны графическая иллюстрация плоскостной и пространственной процедур пофакторных приращений, а также содержательный комментарий результатов аналитического разложения экономического явления. Построенный индекс позволяет оценивать структурные изменения показателя инфляции затрат.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

индексный метод, аналитический индекс, двух- и трехфакторный мультипликатор, схема факторного анализа, графическая интерпретация, индекс совместных изменений, инфляционный процесс, инфляция издержек

Tsatsulin A. N.

The Analytical Index of Varzar Like Instrument Measure the Effects of Cost-Push Inflation

Tsatsulin Alexander Nickolaevitch

North-West Institute of Management — branch of the Russian President Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Financial Management
Doctor of Sciences (Economy), Professor
vash_64@mail.ru

ABSTRACT

The article contains methodical aspect of the analyses, concerned with the building so-called the «Third index scheme» on the B. Varzar's ideology for the case of the two and three factorial multiplicative models. This question of the course "Statistic" always represents well-known difficulties for understanding by the students. Also the author produces graphic interpretation of the 2D and 3D diagrams and substantive commentary on the output of statistical factor's dismemberment of economic phenomenon. Built index allows to measure the structural changes in the rate of cost inflation.

KEYWORDS

index-number method, analytical index, two- and three-factors multiplicative models, scheme of the factor's expand, graphic interpretation, the index of the combined changes, process of inflation, cost-push inflation

Если вам кажется, что кто-то слишком много себе позволяет, возможно, вы просто во многом себе отказываете.

Из коллекции примет А. Финейгла

Как известно, по характеру решаемых задач сводные индексы делятся на простые и аналитические. Простой индекс оценивает количественное изменение того или иного изучаемого первичного или вторичного признака вне связи с другими

смежными признаками. Эти анализируемые, они же индексируемые, признаки рассматриваются в анализе как учетные признаки-факторы, но агрегировано для каждого из охватываемых периодов. Аналитический индекс оценивает изменение результативного признака, которое произошло за счет изменения одного из учетных признаков-факторов, включенных в агрегат аналитического индекса. При этом способ построения аналитического индекса основан на статистической концепции жестко детерминированных связей. Изменение или влияние остальных, учетных в индексном анализе признаков-факторов, в этом случае погашается, устраняется или элиминируется тем обстоятельством, что их уровень закрепляется, или фиксируется на определенном, заранее оговоренном периоде.

Рассмотрим, например, простейший двухфакторный мультипликатор, связывающий в форме прямой характеристики статистической связи размер товарооборота по j -й товарной позиции $W^{(j)}$ при общем разнообразии товарного ассортимента $j = \overline{1, m}$, физический объем продаж (товарная масса в натуральном выражении) $Q^{(j)}$ и продажную цену за единицу товара $p^{(j)}$. Их связь определена в так называемом отчетном и базисном периодах следующими мультипликаторами:

$$W_1^{(j)} = Q_1^{(j)} p_1^{(j)}; \quad W_0^{(j)} = Q_0^{(j)} p_0^{(j)}. \quad (1)$$

И если в отношении проведения индексного анализа собственно результативного признака $W^{(j)}$ никаких теоретических или технических проблем не возникает, то в отношении факторного анализа правой части мультипликатора от двух причинных признаков-факторов из выражений (1) этого совершенно уверенно сказать нельзя, даже в столь тривиальном случае, как $k = 2$ (число самостоятельных признаков-факторов).

В статистической теории индексного метода сложились два подхода к решению этого непростого вопроса. *Первый подход* (регламентированный) связывает выбор периода весов с характером и природой индексируемой величины. А именно: если в агрегате индексируется/анализируется так называемый *первичный* признак, то соответствующие «веса» закрепляются на уровне базисного периода; если же индексируется/анализируется *вторичный* признак, то его взвешивание осуществляется по отчетным данным весовых характеристик.

Такой порядок построения аналитических индексов весьма удовлетворительно обеспечивает взаимосвязь индексов результативного признака и признаков-факторов, обеспечивает их *круговую сводимость* как в относительном виде, так и в абсолютных выражениях численно оцененных пофакторных приращений [7]. Рассматриваемый порядок построения факторных аналитических индексов исторически породил широко известный, достаточно универсальный и сравнительно мощный метод экономического анализа — метод *цепных подстановок*, использующий подобный способ формирования прямых характеристик статистических взаимосвязей между признаками в рамках так называемой I и II Индексных систем. Анализируемая взаимосвязь реализуется через каноническое и вполне понятное выражение (2) в целом по рассматриваемому товарному ассортименту из m позиций:

$$\begin{aligned} \mathfrak{I}_{W(Q,p)1/0} &= \mathfrak{I}_{W(Q)1/0} \times \mathfrak{I}_{W(p)1/0} = \\ &= \frac{\sum_{j=1}^m Q_1^{(j)} p_0^{(j)}}{\sum_{j=1}^m Q_0^{(j)} p_0^{(j)}} \times \frac{\sum_{j=1}^m p_1^{(j)} Q_1^{(j)}}{\sum_{j=1}^m p_0^{(j)} Q_1^{(j)}} = \frac{\sum_{j=1}^m Q_1^{(j)} p_1^{(j)}}{\sum_{j=1}^m Q_0^{(j)} p_0^{(j)}} = \frac{\sum_{j=1}^m W_1^{(j)}}{\sum_{j=1}^m W_0^{(j)}}. \end{aligned} \quad (2)$$

Первый подход имеет свои преимущества и недостатки, детально рассмотренные в свое время такими исследователями, как Кауфман А. А., Казинец Л. С., Ротштейн А. И., Плошко Б. Г., Торнквист Л., Френкель А. А., Эдельгауз Г. Е., Эджворт Д., Маршалл А. и др. Недостатки, присущие этому подходу, должен был бы устранить в 1933 г. среднегеометрический индекс И. Фишера, названный автором скромно и неприхотливо — «идеальный». Но рассмотренный порядок определения периода весов является общепринятым в российской и зарубежной официальной статистике и в оперативном экономическом анализе, хотя недостатки используемого подхода довольно очевидны. Так, фиксация весов в индексах вторичных признаков, построенных согласно регламенту, на уровне отчетного периода, искусственно создает препятствия к объективной оценке изолированного учета влияния каждого из учетных признаков-факторов [3].

Скажем, при анализе изменения ценового фактора в динамике $p_0^{(j)} \Rightarrow p_1^{(j)}$, индекс, построенный на отчетных весовых характеристиках, учитывает кроме изменения собственно индексируемой величины также влияние изменившегося уже к отчетному периоду и состояния признака-веса $Q_1^{(j)}$, т. е. его структурно-количественную определенность, но последующего периода динамики. Это обстоятельство можно упрощенно счесть главным недостатком классической схемы индексного анализа.

Второй подход к определению периода весов в аналитических индексах предполагает построение всех взаимосвязанных индексов на весах исключительно базисного периода. Такая, заметим, допустимая позиция аналитика в полной мере отвечает целям и задачам любого исследования, т. е. получить максимально достоверную оценку изолированного влияния (действия) каждого из учетных причинных признаков-факторов на результирующий признак-фактор при условии, что круговая сводимость всех полученных индексных характеристик будет соблюдена. Соответственно, индексному анализу подвергаются поочередно все учетные признаки-факторы в последовательности, заданной каким-либо способом и, разумеется, обоснованно в содержательном отношении и с учетом требований логической увязки [9].

Здесь интересно отметить применение обоих подходов к построению классических индексов цены Пааше (*Paasche price index — P*), предложенного в 1874 г., и Ласпейреса (*Laspeyres price index — L*), введенного в научный оборот еще раньше, в 1864 году. Оба индекса цен используются для измерения стоимости жизни, т. е. понесенных денежных затрат на поддержание определенного жизненного уровня¹. Канонический вид указанных индексов показан в выражениях (3):

$$\mathfrak{I}_{P_{1/0}}^{(P)} = \frac{\sum_{j=1}^m p_1^{(j)} Q_1^{(j)}}{\sum_{j=1}^m p_0^{(j)} Q_1^{(j)}}; \quad \mathfrak{I}_{P_{1/0}}^{(L)} = \frac{\sum_{j=1}^m p_1^{(j)} Q_0^{(j)}}{\sum_{j=1}^m p_0^{(j)} Q_0^{(j)}}. \quad (3)$$

Индексы цен Пааше, т. е. с весами отчетного периода, рассчитываются по более широкому кругу товаров, работ и услуг. В связи с тем, что весами данных индексов является не структура потребительских расходов, а структура товарооборота, или валовой добавленной стоимости, или произведенной продукции в текущем периоде, то они (веса) могут быть определены лишь по истечении отчетного периода. Поэтому в индексе Пааше учитываются результаты взаимного замещения товаров,

¹ Индекс И. Фишера в представленных выражениях имеет традиционный вид $\mathfrak{I}_{P_{1/0}}^{(F)} = \sqrt{\mathfrak{I}_{P_{1/0}}^{(L)} \times \mathfrak{I}_{P_{1/0}}^{(P)}}$.

однако в нем не отражается происходящее одновременно снижение уровня благосостояния населения [5].

Индекс $\mathfrak{I}_{p1/0}^{(P)}$ используется при измерении динамики цен компонентов ВВП, закупочных цен¹ в сельском хозяйстве, сметных цен в строительстве, экспортных цен и др. По алгоритму индекса Пааше также рассчитывается такой важнейший макроэкономический показатель, как дефлятор валового внутреннего продукта — индекс-дефлятор, или дефлятор ВВП (*Gross Domestic Product deflator — GDP-deflator*), отражающий отношение номинального объема ВВП к реальному объему ВВП.

Оба индекса в виде формул из выражения (3) американский исследователь (российского происхождения) А. Гершенкрон использовал в середине XX в. для конструирования своего авторского индекса, с помощью которого он изучил специфические эффекты (*Gerschenkron's effect*) советской и американской экономики и тем самым внес заметный вклад в анализ инфляционных и структурных процессов [3]. Означенную индексную характеристику часто называют аналитическим индексом цены по Гершенкрону ($\mathfrak{I}_{p1/0}^{(G)}$) в отличие от индексов цен Пааше и Ласпейреса, и она имеет следующий вид и значение:

$$\mathfrak{I}_{p1/0}^{(G)} = \mathfrak{I}_{p1/0}^{(L)} : \mathfrak{I}_{p1/0}^{(P)} = \frac{\sum_{j=1}^m p_1^{(j)} Q_0^{(j)}}{\sum_{j=1}^m p_0^{(j)} Q_0^{(j)}} : \frac{\sum_{j=1}^m p_1^{(j)} Q_1^{(j)}}{\sum_{j=1}^m p_0^{(j)} Q_1^{(j)}} > 1. \quad (4)$$

Систематическое отставание $\mathfrak{I}_{p1/0}^{(P)}$ от $\mathfrak{I}_{p1/0}^{(L)}$, фиксированное в выражении (4), позволило последнему индексу претендовать на роль главного инфляционного индикатора. В связи с обнаруженным обстоятельством индекс Ласпейреса получил наименование *Индекса потребительских цен и тарифов* — ИПЦ (*CPI — Consumer Price Index*¹). Для индексов цен это обусловлено перераспределением с течением времени спроса с относительно быстрее дорожающих товаров на товары, относительные цены которых, соответственно, снижаются. Индекс $\mathfrak{I}_{p1/0}^{(L)}$ не принимает во внимание возможность замены более дорогих товаров менее дорогостоящими. ИПЦ представляет собой один из подходов к измерению сдвигов в ценах рыночной корзины из неизменного набора товаров и услуг. ИПЦ — это показатель общего уровня цен, отражающий изменение цен многих потребительских товаров и услуг и представляющий отношение цены потребительской корзины к ее цене в базисном году. Состав потребительской корзины, как следует из этого определения, фиксируется на уровне базисного периода.

Индексы цен, рассчитанные по формуле Ласпейреса, особенно широко применяются при расчете индексов цен производителей на промышленную продукцию по данным о ценах на товары-представители (так называемый сопоставимый круг элементов). Однако данный индекс не включает инвестиционные товары, но при этом учитываются цены на импортную продукцию. Другим направлением использования индикатора $\mathfrak{I}_{p1/0}^{(L)}$ является его включение в модели оценки инфляции;

¹ Основным назначением индекса CPI является оценка динамики цен на потребительские товары. В резолюции Международной организации труда (МОТ) зафиксировано, что «целью расчетов ИПЦ является оценка изменения во времени общего уровня цен на товары и услуги, приобретаемые, используемые или оплачиваемые населением для непроизводственного потребления».

так, в расчетах инфляции для собственных целей Газпромбанк использует так называемый базовый индекс потребительских цен с устраненной сезонностью (БИПЦУС).

Инфляционные процессы в экономике страны оцениваются, как правило, с помощью двух рассмотренных выше индексов, и они применяются при обобщении данных по единицам совокупности (например, по предприятиям, регионам, странам) или по элементам (например, по видам товаров), а также по единицам и по элементам. Так, в утвержденном еще Постановлением Госкомстата РФ «Положении о порядке наблюдения за изменением цен и тарифов на товары и услуги, определения индекса потребительских цен»¹ указано, что ИПЦ является «одним из важнейших показателей, характеризующих уровень инфляции, и используется в целях осуществления государственной финансовой политики, анализа и прогноза ценовых процессов в экономике, регулирования реального курса национальной валюты, пересмотра минимальных социальных гарантий, решения правовых споров».

Точное знание инфляционных характеристик чрезвычайно важно для принятия обоснованных политических решений, имеющих серьезные социальные последствия. Так, на совещаниях первой половины 2015 г. представители Минфина и Минэкономразвития предложили индексировать пенсии в 2016–2018 гг. лишь на уровень целевой инфляции, т. е. примерно на 4,0–5,5%. И это при условии, что в 2014 г. официальная инфляция составила 11,4%, а в 2015 г. она уже запланирована на уровне 12,2%².

Расчет ИПЦ производится с недельной, месячной, квартальной периодичностью, а также нарастающим итогом за период с начала года. Окончательные значения ИПЦ за месяц, квартал, год определяются до 15-го числа месяца, следующего за отчетным периодом. И одна из важнейших проблем, касающаяся содержательной характеристики ИПЦ, связана с определением методологических подходов к установлению размера и состава потребительской корзины. Определение размера и выбор состава потребительской корзины являются непростой задачей, решение которой основывается на специальных статистических исследованиях, поскольку потребительская корзина должна отражать типичный для данной страны состав потребляемых благ, изменение цен на которые действительно объективно показывало бы направление происходящих экономических процессов.

Согласно методическим указаниям Росстата, при расчете ИПЦ обрабатывается информация о потребительских ценах по 380 товарам и услугам в 350 городах РФ. Российская разновидность ИПЦ включает все основные группы товаров и услуг, охватывая 400 тыс. котировок цен и тарифов, 30 тыс. предприятий розничной торговли и услуг. В набор товаров и услуг, исследуемых для расчета ИПЦ, включены товары и услуги массового потребительского спроса, а также отдельные товары и услуги необязательного пользования (легковые автомобили, ювелирные изделия). В составе анализируемой потребительской корзины 26,2% представляют продовольственные товары, 52,6% — непродовольственные товары и 21,2% — платные услуги.

В качестве весов для текущего года используется структура потребительских расходов населения за предыдущий год. ИПЦ рассчитывается при использовании весов предыдущего года, которые каждый год актуализируются. Основным источником данных получения весов является ежегодно проводимое обследование бюджетов домашних хозяйств. Выборка домохозяйств для обследования их бюджетов постро-

¹ Постановление Госкомстата России от 25 марта 2002 г. № 23 «Положение о порядке наблюдения за изменением цен и тарифов на товары и услуги, определения индекса потребительских цен».

² Кудрин заявил о полноценном кризисе пенсионной системы [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/politics/22661749/?frommail=1> (дата обращения: 15.07.2015).

ена на принципах случайного отбора. В качестве базы для построения выборочной совокупности используется информационный массив, созданный на основе материалов микропереписи населения 2012 г. в РФ. Объем выборочной совокупности составляют 48,7 тыс. домохозяйств, т. е. около 0,1% общего количества домохозяйств в РФ. В аналогичной микропереписи 2015 г., проводимой с 1 по 31 октября, объем выборки домохозяйств будет изменен после опроса около 1,4 млн чел.

В США при расчете индекса *CPI* статистика охватывает более 19 тыс. розничных торговых компаний и 57 тыс. домашних хозяйств в качестве представительной выборки из примерно 80% населения страны. В составе потребительской корзины 44,1% представляют товары, а 55,9% — услуги. Учитывая достаточную репрезентативность выборки обследования, охватывающую товары и услуги постоянного спроса (продукты питания, стоковая одежда, топливо, транспорт, медицинское обслуживание и т. д.), следует согласиться с мнением аналитиков из статорганов, как РФ, так и других стран, в частности США (Бюро статистики труда), что ИПЦ действительно может рассматриваться в качестве основного показателя инфляции. Но особенности момента кризисного состояния национальной экономики, в частности начавшийся в 2015 г. спад объемов производства, диктуют необходимость обратить пристальное внимание на измерение родовидовой инфляции — инфляции издержек/затрат.

В рыночной экономике инфляция издержек/затрат обусловливается краткосрочным превышением совокупного предложения над совокупным спросом в связи с резким повышением цен на факторы производства. Такое повышение, как правило, вызывается либо неурожайными годами и значительным удорожанием экспортного сырья, либо глубоким падением курса национальной валюты. Даже в квазирыночной экономике такой процесс сопровождается сокращением объемов производства и ростом безработицы¹. При неизменном совокупном спросе это может вызвать сокращение издержек на заработную плату и снижение других затрат на факторы производства, что, в конечном итоге, должно привести к снижению цен.

Если же в этих параметрах ситуации растет денежное предложение (*money supply*) и растут номинальные расходы федерального бюджета, то увеличивается совокупный спрос, соответственно, растет объем производства, сокращается безработица, но происходит дальнейший рост цен на конечную продукцию по цепочке формирования стоимости. Подобная разновидность инфляции, как ее трактует экономическая теория, продуцируется также в тех случаях, когда базовые отрасли экономики (со спецификой сырьевой экономики), зачастую совпадающие со сферами деятельности естественных монополий, перестают функционировать в соответствии с рыночными законами и выпадают из-под государственного контроля и регулирования. Тогда прирост цен и тарифов на свои экономические блага эти агенты рынка назначают выше среднего прироста цен.

Инфляционные аналитики обращают внимание, что в кризисных условиях темпы роста *монетарной инфляции* существенно превышают темпы роста структурной инфляции [10]. Монетарная инфляция не включает сезонного и административно-влияния на цены. Структурная инфляция, как ей и полагается, отражает структурные сдвиги в производстве и ведет к росту цен главным образом в тех отраслях, где спрос на продукцию опережает товарное предложение.

Основным фактором увеличения монетарной инфляции аналитики считают ослабление рубля, поскольку его обесценение, помимо очевидного факта — удорожания импорта, стимулирует ускорение оборота наличных денег. Последнее само по себе способно иметь инфляционные последствия. Дополнительным фактором

¹ В Российской Федерации уровень безработицы стремительно приближается к 6% от численности экономически активного населения.

увеличения монетарной инфляции можно считать возрастающую в условиях нестабильной экономики *склонность* к потреблению, о чем автор говорил в работе [8]. Повышательная динамика такой склонности, подчас в режиме ажиотажного спроса, подпитывается недоверием юридических и физических лиц к неустойчивой банковской системе и заметными инфляционными ожиданиями.

Возвращаясь к индексу $\mathfrak{I}_{W(Q)1/0}^{(G)}$, заметим, что эффект Гершенкрона проявляется не только при анализе цен и тарифов, но и при анализе количеств, т. е. физического объема, или товарной массы¹, а также проявляется при исследованиях обязательных компонент временного тренда конъюнктуры индексов промышленного производства (индексы физического объема), которые регулярно и ежемесячно рассчитывает Центр экономической конъюнктуры при Правительстве РФ. Использование только базисных весов устраняет главный отмеченный недостаток первого подхода. Однако при этом взамен всплывает другая проблема — обеспечение взаимной увязки аналитических индексов, назовем их «базисными индексами», в какую-либо осмысленную систему. В чистом виде построенные индексы такой системы с индексом результативного признака не образуют. Проиллюстрируем эту трудность на примере упомянутого товарооборота таким соотношением:

$$\mathfrak{I}_{W(Q)1/0} \times \mathfrak{I}_{W(P)1/0} \neq \mathfrak{I}_{W(Q,P)1/0} \quad (5)$$

<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr><td style="border: 1px solid black; padding: 2px;">Q₀ → Q₁</td></tr> <tr><td style="border: 1px solid black; padding: 2px;">p₀ = const</td></tr> </table>	Q ₀ → Q ₁	p ₀ = const	<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr><td style="border: 1px solid black; padding: 2px;">Q₀ = const</td></tr> <tr><td style="border: 1px solid black; padding: 2px;">p₀ → p₁</td></tr> </table>	Q ₀ = const	p ₀ → p ₁	<table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr><td style="border: 1px solid black; padding: 2px;">Q₀ → Q₁</td></tr> <tr><td style="border: 1px solid black; padding: 2px;">p₀ → p₁</td></tr> </table>	Q ₀ → Q ₁	p ₀ → p ₁
Q ₀ → Q ₁								
p ₀ = const								
Q ₀ = const								
p ₀ → p ₁								
Q ₀ → Q ₁								
p ₀ → p ₁								

Убедительным объяснением этого, казалось бы, естественного результата, следующего из выражения (5), служат такие соображения: изолированная оценка изменения отдельных факторов не учитывает того обстоятельства, что фактические их изменения ($Q_0^{(j)} \Rightarrow Q_1^{(j)}$; $p_0^{(j)} \Rightarrow p_1^{(j)}$) происходили в реальной экономической среде, в конкретных торгово-товарных операциях и осуществлялись не только совместно, но и взаимозависимо. Указанное обстоятельство обуславливает особый статистический эффект, дополняющий эффекты изолированного изменения отдельных факторов. Необходимость учета такого совместного изменения факторов в теории экономического анализа очевидна. Эффект измерен по схеме В. Варзара² в виде *Индекса совместных изменений* (ИСИ) с различными его модификациями, используемыми в разных аналитических задачах [1].

Рассмотрим плоскостную иллюстрацию диаграммы, или «знака Варзара» на примере товарооборота, т. е. применительно к двухфакторному мультипликатору из выражения (1). Представленная на плоскости диаграмма ориентирована на двухфакторную мультипликативную модель. Базисное и отчетное состояния стоимостного объема товарооборота *j*-го товарного блага совпадают по смыслу с площа-

¹ Эффект Гершенкрона — один из так называемых трансформационных эффектов, наблюдаемых в процессе изменения структуры развивающейся экономической системы; состоит в уменьшении значений индекса объема производства с переходом на веса более поздних периодов, поскольку товары, производство которых растет опережающими темпами, обычно характеризуются снижающимися относительными ценами.

² Варзар (Варзер) Василий Егорович (1851–1940) — русский, советский статистик и экономист, академик, основоположник промышленной статистики в России. Организовывал два первых крупных статистических обследования (переписи) русской промышленности в 1900 и в 1908 гг. [2].

дями прямоугольников с соответствующими сторонами $\{Q_0^{(j)}, p_0^{(j)}\}$ и $\{Q_1^{(j)}, p_1^{(j)}\}$. Переход объема товарооборота из базисного состояния $W(Q_0^{(j)}, p_0^{(j)})$ в отчетное $W(Q_1^{(j)}, p_1^{(j)})$ геометрически обозначает изменение исходной площади (прямоугольник 1) W_0 за счет прибавления дополнительно трех площадей, как это представлено на рис. 1:

$$W(Q_1^{(j)}, p_1^{(j)}) = W(Q_0^{(j)}, p_0^{(j)}) + W(\Delta Q_{1/0}^{(j)}, p_0^{(j)}) + W(Q_0^{(j)}, \Delta p_{1/0}^{(j)}) + W(\Delta Q_{1/0}^{(j)}, \Delta p_{1/0}^{(j)}) \quad (6)$$

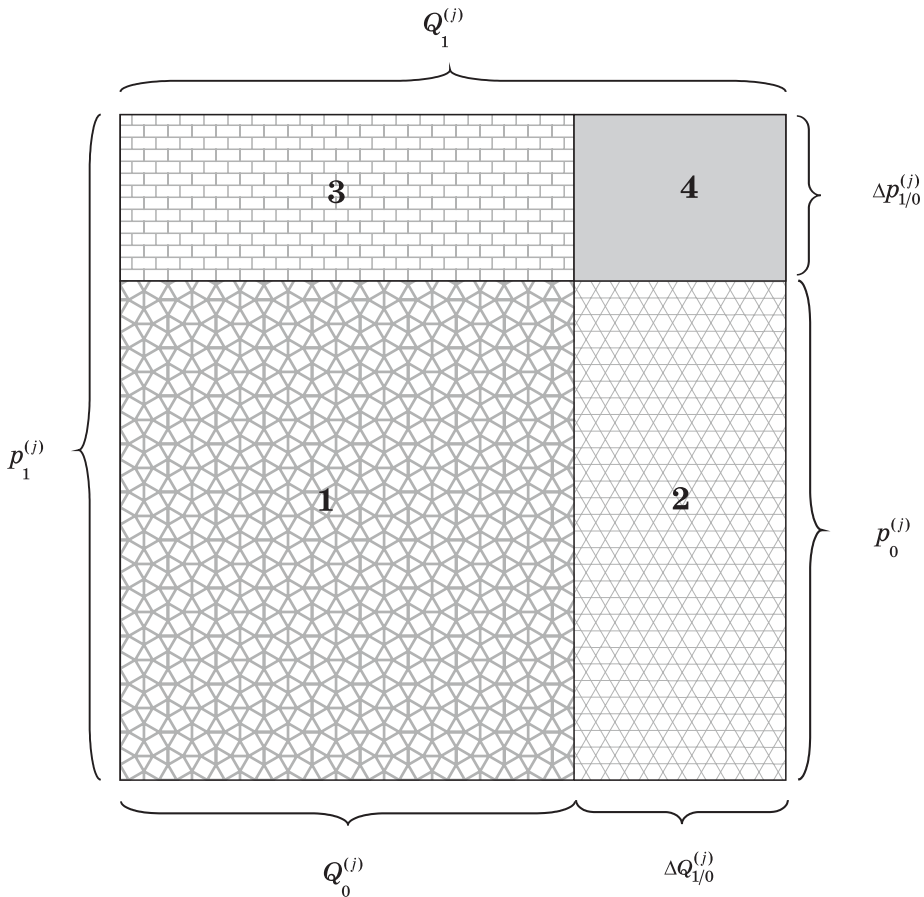

Рис. 1. Графическое представление индекса совместных изменений (ИСИ) В. Варзара: 1 — исходный объем стоимости товарооборота базисного периода (прошлого года); 2 — изменение стоимости за счет роста товарной массы в отчетном периоде (текущем году); 3 — изменение стоимости за счет изменения ценового фактора; 4 — изменение стоимости за счет одновременного и совместного изменения и физического объема, и цены

Для того чтобы найти абсолютное приращение объема товарооборота в отчетном периоде по сравнению с базисным, необходимо базисную его характеристику

$W(Q_0^{(j)}, p_0^{(j)})$ перенести в левую часть выражения (6), соответственно, с противоположным знаком:

$$\Delta W(Q^{(j)}, p^{(j)})_{1/0} = W(Q_1^{(j)}, p_1^{(j)}) - W(Q_0^{(j)}, p_0^{(j)}) = W(\Delta Q_{1/0}^{(j)}, p_0^{(j)}) + W(\Delta p_{1/0}^{(j)}, Q_0^{(j)}) + W(\Delta Q_{1/0}^{(j)}, \Delta p_{1/0}^{(j)}). \quad (7)$$

Выражение (7) представляет собой разностную форму соответствующих простых и аналитических индексов (т. е. в абсолютном выражении), каждый из которых имеет свое специальное назначение и свою смысловую нагрузку. При переходе к традиционной форме аналитических индексов в относительном выражении, каждая из которых соответствует разностным формам из выражения (7) в качестве отдельных составляющих, образуется так называемая трехиндексная система, которая ориентирована на учет явления совместных изменений (прямоугольник 4 на рис. 1), что и обеспечивает измерение эффекта Варзара:

$$\begin{aligned} \mathfrak{I}_{W(Q,p)1/0} &= \mathfrak{I}_{W(Q)1/0} \times \mathfrak{I}_{W(p)1/0} \times \mathfrak{I}_{W(\Delta Q_{1/0}, \Delta p_{1/0})1/0} = \\ &[Q \Rightarrow Q] [Q_0 \Rightarrow Q_1] [p_0 \Rightarrow p_1] \\ &[p \Rightarrow p] [p_0 = const] [Q_0 = const] \quad (8) \\ &= \frac{\sum_{j=1}^m Q_1^{(j)} p_0^{(j)}}{\sum_{j=1}^m Q_0^{(j)} p_0^{(j)}} \times \frac{\sum_{j=1}^m p_1^{(j)} Q_0^{(j)}}{\sum_{j=1}^m p_0^{(j)} Q_0^{(j)}} \times \left[\frac{\sum_{j=1}^m p_1^{(j)} Q_1^{(j)}}{\sum_{j=1}^m p_0^{(j)} Q_1^{(j)}} \frac{\sum_{j=1}^m p_1^{(j)} Q_0^{(j)}}{\sum_{j=1}^m p_0^{(j)} Q_0^{(j)}} \right] \end{aligned}$$

Запись компоненты в квадратных скобках формулы из выражения (6) позволяет получить две значимые модификации индекса совместных изменений $\mathfrak{I}_{W(\Delta Q_{1/0}, \Delta p_{1/0})1/0}$. Первая модификация представляет собой собственно индекс Варзара ($\mathfrak{I}_{p1/0}^{(V)}$) в виде соотношения, обратного индексу Гершенкрона, т. е. количественно характеризующего наоборот систематическое отставание индекса цен Пааше (P) от индекса Ласпейреса (L):

$$1) \frac{\sum_{j=1}^m p_1^{(j)} Q_1^{(j)}}{\sum_{j=1}^m p_0^{(j)} Q_1^{(j)}} : \frac{\sum_{j=1}^m p_1^{(j)} Q_0^{(j)}}{\sum_{j=1}^m p_0^{(j)} Q_0^{(j)}} = \mathfrak{I}_{p1/0}^{(V)}. \quad (9)$$

То есть индекс совместных изменений из выражения (9), как видно, представляет собой отношение двух других, указанных выше, индексов цен с соответствующим значением их соотношения:

$$\mathfrak{I}_{p1/0}^{(V)} = \mathfrak{I}_{p1/0}^{(P)} : \mathfrak{I}_{p1/0}^{(L)} < 1. \quad (10)$$

Данная аналитическая характеристика позволяет оценивать динамику меняющихся цен в расчете на отчетный и базисный ассортимент произведенной и реализованной товарной массы, что чрезвычайно важно для выявления фактов ухуд-

шения/улучшения качества потребления населением платных благ и, в конечном итоге, качества жизни.

Другая модификация индекса совместных изменений может быть получена на основе выражения (7) как исходного путем использования аналитического приема так называемой *замены элементов второстепенной диагонали* и последующей перестановкой сомножителей в числителях и знаменателях соответствующих уже индексов физического объема — $\mathfrak{I}_{Q(p_1)1/0}$ и $\mathfrak{I}_{Q(p_0)1/0}$:

$$2) \frac{\sum_{j=1}^m p_1^{(j)} Q_1^{(j)} \cdot \sum_{j=1}^m p_1^{(j)} Q_0^{(j)}}{\sum_{j=1}^m p_0^{(j)} Q_1^{(j)} \cdot \sum_{j=1}^m p_0^{(j)} Q_0^{(j)}} = \frac{\sum_{j=1}^m p_1^{(j)} Q_1^{(j)}}{\sum_{j=1}^m p_1^{(j)} Q_0^{(j)}} \cdot \frac{\sum_{j=1}^m p_0^{(j)} Q_1^{(j)}}{\sum_{j=1}^m p_0^{(j)} Q_0^{(j)}} = \frac{\sum_{j=1}^m Q_1^{(j)} p_1^{(j)}}{\sum_{j=1}^m Q_0^{(j)} p_1^{(j)}} \cdot \frac{\sum_{j=1}^m Q_1^{(j)} p_0^{(j)}}{\sum_{j=1}^m Q_0^{(j)} p_0^{(j)}} = (11)$$

$$= \mathfrak{I}_{Q(p_1/p_0)1/0}.$$

В ходе указанных элементарных преобразований получены два индекса физического объема товарной массы в расчете на отчетный и базисный уровень ценообразования, отношение которых дает вторую модификацию индекса совместных изменений Варзара, более известную как *индекс смещения товарного ассортимента* (не путать со вторым аналитическим индексом — индексом структуры, или индексом структурного сдвига из I Индексной системы).

Обе модификации индекса совместных изменений (Индекса Варзара $\mathfrak{I}_{p1/0}^{(V)}$ и Индекса смещения товарного ассортимента) улавливают с разных позиций совместное изменение цен и товарной массы на товарооборот, которое «с одинаковым успехом и одинаково необоснованно [6, с. 151]» может быть приписано и первому и второму факторам. Модификации убедительно демонстрируют многовариантность индексного измерения, условность отдельных индексных характеристик, объективную ограниченность сферы и одновременно конкретность применения каждой из них.

Изложенное является менее известной содержательной частью обязательного Федерального образовательного стандарта (ФОС) по учебным дисциплинам «Общая теория статистики», «Социальная статистика», «Экономическая статистика», «Экономический анализ», «Финансовый анализ» и др. Однако построение индекса совместных изменений при переходе от плоскостной «картинки» к объемному изображению, т. е. проведение аналогичных процедур в отношении трехфакторного мультипликатора вызывает даже у сложившегося исследователя определенные трудности в части содержательной интерпретации и комментариев.

Например, для модели прямой характеристики статистической связи стоимости затрат на сырье и материалы в производственном процессе изготовления j -й детали — $C^{(j)}$, ее зависимости от числа деталей — $Q^{(j)}$; удельного расхода сырья и материалов — $s^{(j)}$ и цены за единицу сырья и материалов — $p^{(j)}$ по всей номенклатуре выпускаемых изделий $j = 1, m$, соответственно, в отчетном и базисном периодах деятельности участка цеха машиностроительного предприятия отражены формулами из выражения (12):

$$\sum_{j=1}^m C_0^{(j)} = \sum_{j=1}^m Q_0^{(j)} s_0^{(j)} p_0^{(j)}; \quad \sum_{j=1}^m C_1^{(j)} = \sum_{j=1}^m Q_1^{(j)} s_1^{(j)} p_1^{(j)}. \quad (12)$$

Другая комбинация признаков-факторов недопустима, поскольку лишь в заданной последовательности могут быть получены экономически и содержательно осмысленные показатели: сначала *физический объем* сырья и материалов, прошедших на производство деталей j -го вида — $Q^{(j)} \times s^{(j)}$, а затем уже *стоимость*

затраченных оборотных средств в объеме продукции — $(Q^{(j)} \times s^{(j)}) \times p^{(j)}$. Структурный переход от базисной оценки (состояния) полной стоимости затрат на сырье и материалы к фактическим затратам отчетного периода может быть по аналогии с последовательностью счетных операций рис. 1 показан на схеме формирования индекса совместных изменений в трехмерном пространстве $\{Q, m, p\}$ на рис. 2.

В наглядной объемной инсталляции на рис. 2 сначала геометрически оцениваются площади основания условного параллелепипеда в виде количества израсходованных сырья и материалов на j -й вид продукции, а затем вычисляются объемные параметры признаков, численно совпадающие со стоимостью — $C^{(j)}$. В этом случае сводный индекс изменения стоимости затрат в отчетном периоде (например за день, неделю, месяц, квартал и т. д.) по сравнению с базисным в рамках трехиндексной системы (базисных индексов) будет иметь следующий вид, содержащий рамочный комментарий под каждым из аналитических индексов в формулах из выражения (13):

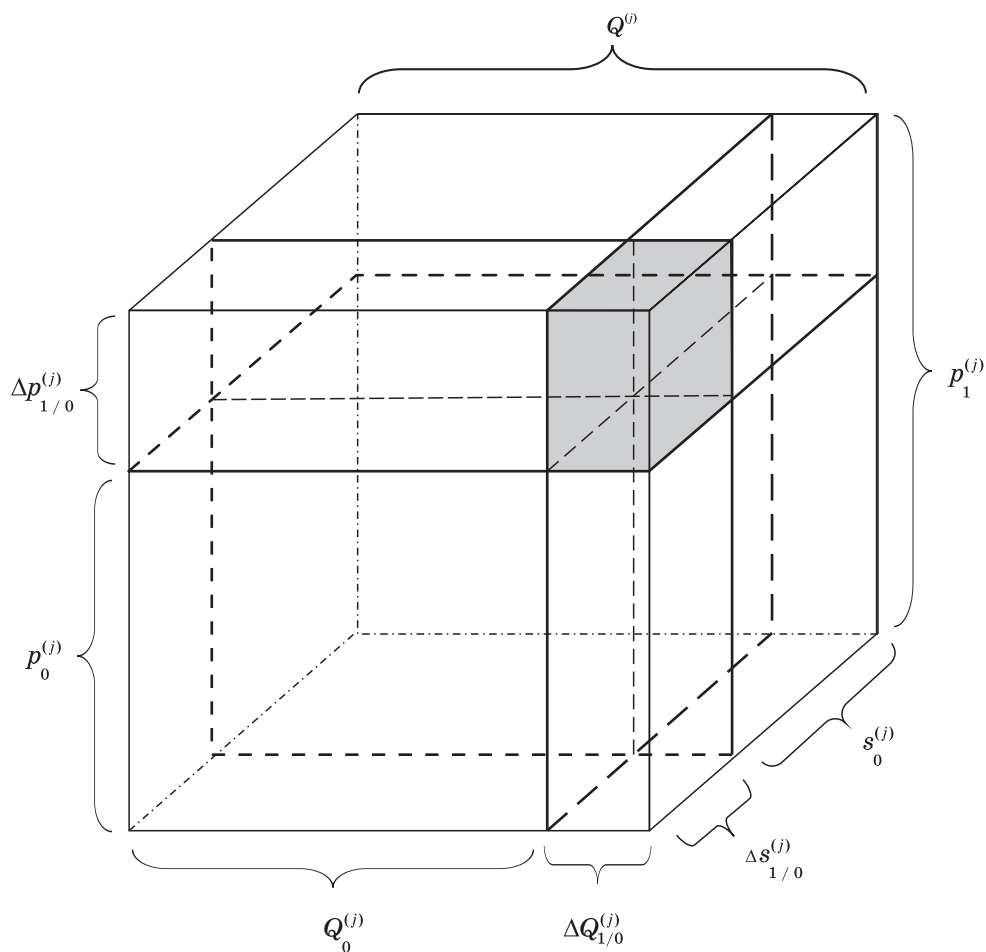

Рис. 2. 3D-иллюстрация процедуры построения индекса совместных изменений стоимости потребленных в производственном процессе оборотных средств в пространстве переменных $\{Q, s, p\}$

$$\begin{aligned}
 \mathfrak{I}_{C(Q,s,p)1/0} &= \mathfrak{I}_{C(Q)1/0} \times \mathfrak{I}_{C(s)1/0} \times \mathfrak{I}_{C(p)1/0} \times \mathfrak{I}_{C(\Delta Q, \Delta S, \Delta P)1/0} = \\
 &[Q_0 \Rightarrow Q_1] [Q_0 \Rightarrow Q_1] [Q_0 = const] [Q_0 = const] \\
 &[s_0 \Rightarrow s_1] [s_0 = const] [s_0 \Rightarrow s_1] [s_0 = const] \\
 &[p_0 \Rightarrow p_1] [p_0 = const] [p_0 = const] [p_0 \Rightarrow p_1] \\
 &= \frac{\sum_{j=1}^m Q_1^{(j)} s_0^{(j)} p_0^{(j)}}{\sum_{j=1}^m Q_0^{(j)} s_0^{(j)} p_0^{(j)}} \times \frac{\sum_{j=1}^m Q_0^{(j)} s_1^{(j)} p_0^{(j)}}{\sum_{j=1}^m Q_0^{(j)} s_0^{(j)} p_0^{(j)}} \times \frac{\sum_{j=1}^m Q_0^{(j)} s_0^{(j)} p_1^{(j)}}{\sum_{j=1}^m Q_0^{(j)} s_0^{(j)} p_0^{(j)}} \times \\
 &\times \left\{ \left[\frac{\sum_{j=1}^m Q_1^{(j)} s_1^{(j)} p_1^{(j)}}{\sum_{j=1}^m Q_1^{(j)} s_1^{(j)} p_0^{(j)}} \times \frac{\sum_{j=1}^m Q_1^{(j)} s_1^{(j)} p_0^{(j)}}{\sum_{j=1}^m Q_1^{(j)} s_0^{(j)} p_0^{(j)}} \right] : \left[\frac{\sum_{j=1}^m Q_0^{(j)} s_1^{(j)} p_0^{(j)}}{\sum_{j=1}^m Q_0^{(j)} s_0^{(j)} p_0^{(j)}} \times \frac{\sum_{j=1}^m Q_0^{(j)} s_0^{(j)} p_1^{(j)}}{\sum_{j=1}^m Q_0^{(j)} s_0^{(j)} p_0^{(j)}} \right] \right\}. \tag{13}
 \end{aligned}$$

Из выражения (11) следует, что индекс совместных изменений в рассматриваемом варианте представляет собой отношение ряда индексов — динамики цен и удельных расходов сырья и материалов, построенных как по схеме Пааше, так и схеме Ласпейреса:

$$\mathfrak{I}_{C(\Delta Q, \Delta S, \Delta P)1/0} = \frac{\mathfrak{I}_{s1/0}^{(P)} \times \mathfrak{I}_{p1/0}^{(P)}}{\mathfrak{I}_{s1/0}^{(L)} \times \mathfrak{I}_{p1/0}^{(L)}}. \tag{14}$$

Эти весьма интересные и содержательные соотношения факторных агрегатов из выражения (14) позволяют при определении задач исследования создать богатый набор индексных комбинаций разной аналитической направленности и с их помощью провести комплексный технико-экономический анализ динамики первичных и вторичных признаков любой глубины и детализации при осуществлении диагностики состояния хозяйственной деятельности предприятия на микроуровне экономического субъекта, реального сектора экономики на мезо- и макроуровнях региональной и национальной экономики. Проиллюстрируем сказанное условным примером, данные по которому представлены в табл. 1.

Проведя необходимые аналитические расчеты по традиционному регламенту и по схеме Варзара, полученные результаты занесем в таблицу сводных характеристик — табл. 2. Из данных графы 5 таблицы следует, что при общем уменьшении товарной массы продуцента (-6,69%), отражающем в целом кризисное состояние реального сектора экономики, конкретное производство порождает инфляционные процессы: прирост затрат за счет возрастания цен составил 4,42%. При этом может возникнуть обманчивое впечатление рационализации производства на фоне общего снижения затрат на предприятии по этим видам товарной продукции (-13,51%).

Другой областью применения индекса совместных изменений должны стать аналитические расчеты динамики агрегированных уровней ИПЦ (или БИПЦ) и ин-

тенсивности инфляционных процессов. Отдельным направлением использования трехиндексной системы может стать проведение тонкого анализа формирования расходов, затрат, издержек, себестоимости в управленческом учете, а также с современных позиций управления затратами и принятия обоснованных управленческих решений, нацеленных на режимы экономии, сбережения и инновационности технологий и/или продукции.

Отдельно следует сказать об аналитическом потенциале разбираемых расчетных индексов в отношении исследования влияния возросшей за последние месяцы инфляции на уровень жизни различных слоев населения. Процесс инфляции многогранен, его характер подобен цепным реакциям в физике и химии, и он может проявиться по следующим направлениям и позициям: 1) рост цен; 2) девальвация рубля в условиях относительной стабильности экономики; 3) рост курса доллара и евро в условиях абсолютной неустойчивости экономики; 4) удорожание себестоимости валовой продукции и оптово-отпускной цены единицы товарной массы; 5) раздувание финансового «пузыря» экономического субъекта на порядок сверх нормативного/рекомендуемого уровня по отношению к реальным активам; 6) резкое снижение ликвидности всех видов активов фондовых рынков; 7) избыточные транзакционные потери, расходы, убытки и упущенные выгоды современного менеджмента.

«Лечить» инфляцию надо, как считают специалисты НИИ статистики Росстата [4, с. 79], комплексно, а не отдельно принятыми мерами. А какие меры принимать для таргетирования инфляции, могут указать построенные на основе техники ИСИ дифференцированные индексы инфляции, в том числе фондовых, валютных и тому подобных индексов. И с помощью этих индикаторов могут быть построены экономические инструменты и применены адекватные механизмы компенсации инфляционных потерь.

С помощью подобных индексов может быть решена проблема практической реализации методов корректировки финансовой отчетности экономического субъекта (например, в целях оценки рыночной стоимости) в условиях инфляции, что напрямую связано с расчетом ценового индекса, использование которого целесообразно при пересчете показателей финансовой отчетности. Поэтому определение метода измерения инфляции или выбор статистических показателей, отражающих величину инфляционных процессов в экономике страны, представляет собой один из важнейших этапов разработки теоретических и методических основ корректировки финансовой отчетности с целью обеспечения их сопоставимости и достоверности. От того, насколько научно обоснованным будет выбор показателей, характеризующих инфляционные процессы, во многом зависит корректность последующих оценочных процедур.

Анализ рекомендаций по вопросам корректировки финансовой отчетности, содержащихся в публикациях российских авторов, показал, что абсолютное большинство из них предлагает для целей корректировки использовать модель учета в постоянных ценах (GPP) и в рамках этой модели в качестве индекса инфляции применять ИПЦ. Однако ряд публикаций, затрагивающих методические вопросы проведения корректировочных процедур в условиях инфляции на основе использования ИПЦ, может содержать спорные положения и взгляды, требующие открытых дискуссий¹.

Формула индекса совместных изменений из выражения (14) может быть также представлена и в виде чрезвычайно полезной своей модификации — через аналоговые индексы Варзара, которые гибко оценивают изменения вторичных признаков: удельных затрат оборотных средств ($s^{(i)}$) и единичной цены на сырье и расходные материалы ($p^{(j)}$):

¹ The International Statistical Institute. — <http://www.isi-web.org/>.

Исходные данные для анализа индексным методом трёхфакторного мультипликатора показателя стоимости материальных затрат предприятия Станкостроительного объединения

№ п/п	Наименование детали в товарном ассортименте	Базисный период			Отчетный период		
		количество, шт.	удельный расход, кг/ед.	цена сырья, руб./кг	количество, шт.	удельный расход, кг/ед.	цена сырья, руб./кг
$j = \overline{1, m}$	j	$Q_0^{(j)}$	$S_0^{(j)}$	$P_0^{(j)}$	$Q_1^{(j)}$	$S_1^{(j)}$	$P_1^{(j)}$
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Седло клапана*	3000	2,5	3132	2900	2,2	3256
2	Валок агрегата**	2000	5,5	862	1700	5,0	911

*изделие, предназначенное для авиационной промышленности, изготавливается из бронзы БраЖ ГОСТ 613-79 марки БраЖМЦ 10-3-1,5

** изделие для машин перерабатывающей промышленности изготавливается из передельного хромоникелевого чугуна, обладающего жаро- и износостойкостью по коду «ОКДП 271 11 27», марки ЧХ9Н5

$$\mathfrak{I}_{C(\Delta Q, \Delta S, \Delta P)1/0} = \mathfrak{I}_{S1/0}^{(G)} \times \mathfrak{I}_{P1/0}^{(G)}. \quad (15)$$

И в этом случае начальная запись простого индекса совокупных затрат на оборотные средства из выражения (15) приобретает вид, вполне законченный, почти классический, и, что гораздо важнее, удобный для аналитической работы и последующей экономической интерпретации:

$$\mathfrak{I}_{C(Q,s,p)1/0} = \mathfrak{I}_{C(Q)1/0} \times \mathfrak{I}_{C(s)1/0} \times \mathfrak{I}_{C(p)1/0} \times \mathfrak{I}_{S1/0}^{(G)} \times \mathfrak{I}_{P1/0}^{(G)}. \quad (16)$$

Изложенный выше материал не представлен в дидактической литературе и является методической разработкой автора. Такой подход к построению III Индексной системы может быть полезен экономистам-практикам, финансовым и рыночным аналитикам, а также исследователям, которые желают самостоятельно освоить индексный метод как надежный статистический инструмент предметных социально-экономических исследований, в частности технику анализа индекса совместных изменений в его разных предметных модификациях.

Выводы

1. Выделенная из всего индексного многообразия техника ИСИ позволяет делать не только теоретически выверенные комментарии и надежные расчеты, но и получать более тонкие (хотя и более трудоемкие) результаты измерений динамики экономических процессов в рамках курсовых работ и проектов, выпускных квалификационных работ, диссертационных и прикладных исследований с любым мыслимым набором причинных признаков-факторов любой размерности, не прибегая специально к статистическим приемам множественной корреляции и построения уравнений регрессии.

Сводная таблица влияния учётных факторов на стоимость материальных затрат на производство в традиционной оценке и по схеме Варзара

№ фактора п/п	Наименование фактора	Условные обозначения	Сравнительный уровень изменения затрат по методу цепных подстановок				Адвалорные характеристики по схеме Варзара, %	
			абсолютное отклонение, руб.	факторный аналитический индекс, %	в % к общему отклонению	в % к затратам базисного периода	Индекс Гершен-крона	в % к затратам базисного периода
$k = \overline{1, K}$	$x(k)$	$C(x(k))1/0$	$\Delta C(x(k))1/0$	$\overline{I}_{C(x(k))1/0}$	$\frac{\Delta C(x(k))1/0}{\Delta C(Q, s, p)1/0}$	$\frac{\Delta C(x(k))1/0}{C(Q, s, p)0}$	$\overline{I}^{(G)}_{x(k)1/0}$	$\frac{\Delta C(x(k))1/0}{C(Q, s, p)0}$
1	2	3	4	5	6	7	8	9
	Изменение стоимости затрат за счет:							
1	изменения физического объема продукции	$C(Q)1/0$	-2205 300	93,31	49,50	-6,69	94,07	-6,20
2	изменения удельных расходов сырья на единицу изделия	$C(s)1/0$	-3 457 540	88,76	77,61	-10,49	88,98	-12,02
3	изменения цены за единицу сырья	$C(p)1/0$	1 207 620	104,42	-27,11	3,67	104,71	4,71
	Итого:	$C(Q, s, p)1/0$	-4 455 220	86,49	100,00	-13,51	×	-13,51

В частности, обращает на себя внимание, что расчеты влияния физического объема производства, удельных затрат оборотных материальных активов и цен на материалы, представленные в графах 8 и 9 табл. 2, несколько отличаются от оценок регламентным методом. Однако автор считает более достоверной оценкой аналитической характеристики инфляции затрат, продуцируемой конкретным подразделением предприятия, которая получена с использованием именно техники ИСИ.

2. Продемонстрированный прием дает возможность без применения особо сложного математического аппарата произвести обобщения для k -мерного случая, поскольку цель любой гносеологии предусматривает реализацию дидактических схем «от простого — к сложному» и «от единичного — к всеобщему» (в режиме агрегации и обобщения). Рассмотренный подход также содержит в себе возможности оценки влияния учтенных признаков-факторов на резульативный признак не только в традиционном относительном виде (в процентах), но и, что всегда важно, более понятном и убедительном для руководства аналитических служб и топ-менеджмента предприятия виде — в абсолютном стоимостном выражении через разностные формы специальных аналитических индексов.

Литература

1. Варзар В. Е. Новый способ построения показательных диаграмм. 2-е изд., дополн. М., 1926.
2. Василий Егорович Варзар — ученый, практик, общественный деятель. К 150-летию со дня рождения: Сборник науч. трудов. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2001.
3. Казинец Л. С. Темпы роста и структурные сдвиги в экономике (показатели планирования и статистики). М. : Экономика, 1981.
4. О работе секции статистики ЦДУ РАН // «Вопросы статистики». 2009. № 9.
5. Общая теория статистики: учебник. 5-е изд., исправл. и дополн. / под ред. И. И. Елисеевой. М. : Финансы и статистика, 2011.
6. Плошко Б. Г. Группировка и системы статистических показателей. Индексы. М. : Изд-во «Статистика», 1971.
7. Цацулин А. Н. Методический аспект изучения индекса совместных изменений / Сб. материалов научно-методической конференции. СПб. : СЗАГС, 2011. С. 118–130.
8. Цацулин А. Н. Об итерационной процедуре статистического оценивания параметров второго уравнения Л. Торнквиста / Управленческое консультирование. 2014. № 6 (66), С. 73–84.
9. Цацулин А. Н. Экономический анализ: учебник для вузов. 2-е изд., исправл. и дополн. Т. 1. СПб. : Изд-во «ПИТЕР», 2015.
10. Шаповалов А. Мониторинг: инфляция в России стала монетарной // «Коммерсант». 11.12.2008. № 226.

References

1. Varzar V. E. *New way of creation of indicative charts* [Novyi sposob postroeniya pokazatel'nykh diagram], 2nd edition. M. : 1926.
2. *Vasily Egorovich Varzar — scientist, practician, public figure. To the 150 anniversary since birth* [Vasilii Egorovich Varzar — uchenyi, praktik, obshchestvennyi deyatel'. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya]: Collection of scientific works. SPb. : SUE, 2001.
3. Kazinets L. S. *Growth rates and structural shifts in economy (indicators of planning and statistics)* [Tempy rosta i strukturnye sdvigi v ekonomike (pokazateli planirovaniya i statistiki)]. M.: Economy [Ekonomika], 1981.
4. *About work of section of statistics Central House of Scientists of Russian Academy of Sciences* [O rabote seksii statistiki TsDU RAN] // Statistics questions [Voprosy statistiki], N 9. 2009.
5. *General theory of statistics* [Obshchaya teoriya statistiki]. Textbook. 5th edition / Under the editorship of I. I. Yeliseyeva. M. : Finance and statistics [Finansy i statistika], 2011.
6. Ploshko B. G. *Grouping and systems of statistics. Indexes* [Gruppirovka i sistemy statisticheskikh

- pokazatelei. Indeksy]. M. : Statistics [Statistika], 1971.
7. Tsatsulin A. N. *Methodical aspect of studying of an index of joint changes* [Metodicheskii aspekt izucheniya indeksa sovmestnykh izmenenii]. Materials of scientific and methodical conference. SPb. : SZAGS, 2011. P. 118–130.
 8. Tsatsulin A. N. *The Iterative Procedure of Statistical Evaluation the Parameters of the Tornkwist Function (2th Equation)* [Ob iteratsionnoi protsedure statisticheskogo otsenivaniya parametrov vtorogo uravneniya L. Tornkvista.] // *Administrative Consulting*. N 6 (66). 2014. P. 73–84
 9. Tsatsulin A. N. *Economic analysis* [Ekonomicheskii analiz]. Textbook. 2nd edition. V. 1. SPb. : Piter, 2015.
 10. Shapovalov A. Monitoring: inflation in Russia became monetary [Monitoring: inflyatsiya v Rossii stala monetarnoi] // *Kommersant*, 11.12.2008. N 226.

Белов В. И., Степанова Т. В.

Организационные и правовые условия использования типологического подхода в управлении социально-экономическим развитием субъектов РФ и муниципальных образований

Белов Валерий Игоревич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Доцент кафедры макроэкономического регулирования
 Кандидат экономических наук, доцент
 belov@szipa.ru

Степанова Татьяна Владимировна

Санкт-Петербургский государственный торгово-экономический университет
 Доцент кафедры торговой политики и прикладной экономики
 Кандидат экономических наук
 Stepanida1983@inbox.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются особенности применения отраслевого, территориального и типологического подходов в управлении социально-экономическим развитием территориальных единиц. Аргументируя выбор типологического подхода как наиболее целесообразного в современных российских экономических условиях, автор разрабатывает собственный алгоритм внедрения данного подхода в управленческую практику.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экономическая политика, социально-экономическое развитие, типологический подход, типологизация территорий, показатели развития

Belov V. I., Stepanova T. V.

The Organizational and Legal Conditions for the Use of the Typological Approach in the Management of Socioeconomic Development of Russian Regions and Municipalities

Belov Valery Igorevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Associate Professor of the Chair of Macroeconomic Regulation
 PhD in Economy, Associate Professor
 belov@szipa.ru

Stepanova Tatyana Vladimirovna

Saint-Petersburg State University of Trade and Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Associate Professor of the Chair of Trade Policy and Applied Economics
 PhD in Economy
 Stepanida1983@inbox.ru

ABSTRACT

The article discusses the features of the application of sectoral, territorial and typological approach in the management of socioeconomic development of territorial units. Arguing choice typological approach as the only expedient in modern Russian economic conditions, the author develops a proprietary algorithm implementation of this approach in management practices.

KEYWORDS

economic policy, social and economic development, typological approach, typology of territories, development indicators

Подходы к управлению социально-экономическим развитием субъектов РФ и муниципальных образований за последние 25–30 лет претерпели существенные изменения. Так, советская эпоха, характеризующаяся плановой экономикой и административной системой хозяйствования, на первый план выдвигала отраслевой подход к управлению экономикой. Главным «действующим лицом» (субъектом управления) выступало министерство, контролировавшее через свои структурные подразделения в союзных республиках весь ход экономической деятельности в различных отраслях хозяйства страны. При этом у каждого министерства выделялся свой объект управления — объект управления на макроуровне.

В качестве такового выступали целые отрасли хозяйства, предприятия которых располагались по всей территории Советского Союза. Результатом управления признавалось достижение плановых показателей, то есть положительных количественных изменений по отношению к предыдущему периоду. Процессы управления были подчинены «жесткой» централизации, когда в иерархической системе все управленческие решения принимались «сверху», инициатива нижних уровней управления вышестоящими органами практически не воспринималась. В целом министерское управление отраслями предполагало и управление социально-экономическим развитием территорий.

С развалом Советского Союза и переходом нашей страны на рыночные «рельсы» хозяйствования не только меняются взгляды на систему хозяйствования, но и происходит реорганизация в системе управления. На смену плановой экономике приходит рыночная, основу которой составляет рыночное равновесие спроса и предложения. На начальном этапе развития экономики роль государства была утрачена ввиду господствующего тогда взгляда реформаторов, считавших вмешательство государства в рыночные процессы излишним. Позднее возобладала несколько иная точка зрения на роль государства в экономике. Рынок оказался не способен решать многие социально-экономические проблемы в стране, провалы рынка до сих пор остаются неразрешенными и требуют особого внимания.

В начале 2000-х годов, с построением вертикали власти, роль государства стала возрастать: утраченные ранее позиции восстанавливались, в отдельных случаях государство снова становилось доминантом в социально-экономической жизни общества. И к настоящему времени сложилась модель управления экономикой, в которой в разных пропорциях в различных отраслях экономики одновременно сочетаются как рыночные условия хозяйствования, так и государственное вмешательство в экономику [1].

Начавшиеся в начале 1990-х годов (после принятия Конституции РФ) процессы суверенизации заложили основу для реализации территориального подхода к управлению социально-экономическим развитием субъектов РФ и муниципальных образований. В рамках организации федеративного государства административно-территориальное устройство Российской Федерации предусматривает его разделение на относительно самостоятельные территориальные части — субъекты РФ, в составе которых выделяются 22 923 муниципальных образования. При сохранении единого государства территориальная структура органов государственной власти в субъектах РФ получает некоторую автономию в плане принятия самостоятельных управленческих решений, касающихся вопросов развития республик, краев, областей — объектов управления на мезоуровне¹.

Вместе с тем, наряду с сохраняющейся централизацией в системе управления, становятся заметными и элементы децентрализованного управления, когда на

¹ Общероссийский классификатор территорий муниципальных образований / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/>

уровень субъектов Федерации все больше передаются различные полномочия и функции, ранее подлежавшие исполнению со стороны федеральных органов власти. То есть территориальный подход обуславливает реализацию модели территориального управления, где в качестве субъектов управления территориями одновременно выступают два органа управления: федеральный и региональный.

Как и в случае с отраслевым подходом, результативность управления оценивается органами власти с помощью системы нормируемых показателей, направленных на неуклонное повышение их значений от года к году. Методы управления, применяемые при реализации обоих подходов, также довольно схожи. В первом случае прямое финансирование по линии министерств и ведомств по смете расходов осуществляется из центрального бюджета страны. Во втором случае для решения насущных территориальных проблем часто используется программно-целевое финансирование как из федерального бюджета, так и из регионального.

На современном этапе развития российской экономики все более востребованным становится типологический подход, удачно сочетающий в себе преимущества и отраслевого, и территориального подходов. Управление социально-экономическим развитием субъектов РФ и муниципальных образований может основываться как на преемственности и территориальности, когда посредством типологического подхода строится типология различных территорий (субъектов РФ, муниципальных районов, городских и сельских поселений и проч.) по определенным критериям; так и на поддержке отдельных направлений жизнедеятельности местного населения (например, экономическое развитие, уровень жизни населения) [2].

При этом наряду с традиционными способами финансовой поддержки муниципальных бюджетов (субсидии, дотации, субвенции, трансферты и проч. из вышестоящих бюджетов) может применяться получившая широкое признание в мировой практике система грантов. В этом случае в качестве контрольно-измерительных мероприятий могут быть разработаны научно обоснованные показатели, оценивающие не количественный рост определенных значений по отраслям и территориям, а эффективность деятельности органов власти как на уровне региона, так и на местном уровне. Подобная методика оценивания повышает ответственность компетентных органов власти (компетентность которых в отдельных случаях остается достаточно низкой) и предъявляет особые высокие требования к уровню профессиональной подготовки и квалификации будущих специалистов-управленцев¹.

Рис. 1 характеризует основные элементы государственного управления экономической деятельностью и социальными процессами с использованием отраслевого, территориального и типологического подходов.

Применение типологического подхода в настоящее время становится целесообразным еще и потому, что ограниченность финансовых ресурсов страны не позволяет проводить широкомасштабную территориальную экономическую политику. В условиях жесткого давления и прессинга со стороны Европейского союза, США и некоторых других западных стран, ограничивающих Россию в рынках сбыта своей продукции и направленных на изоляцию страны, доходная часть бюджета, к сожалению, сокращается. Использование типологического подхода в политике государства поможет не только сократить объемы государственного финансирования и предотвратить распыление средств, но и повысить адресность выделяемых средств

¹ Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> 13

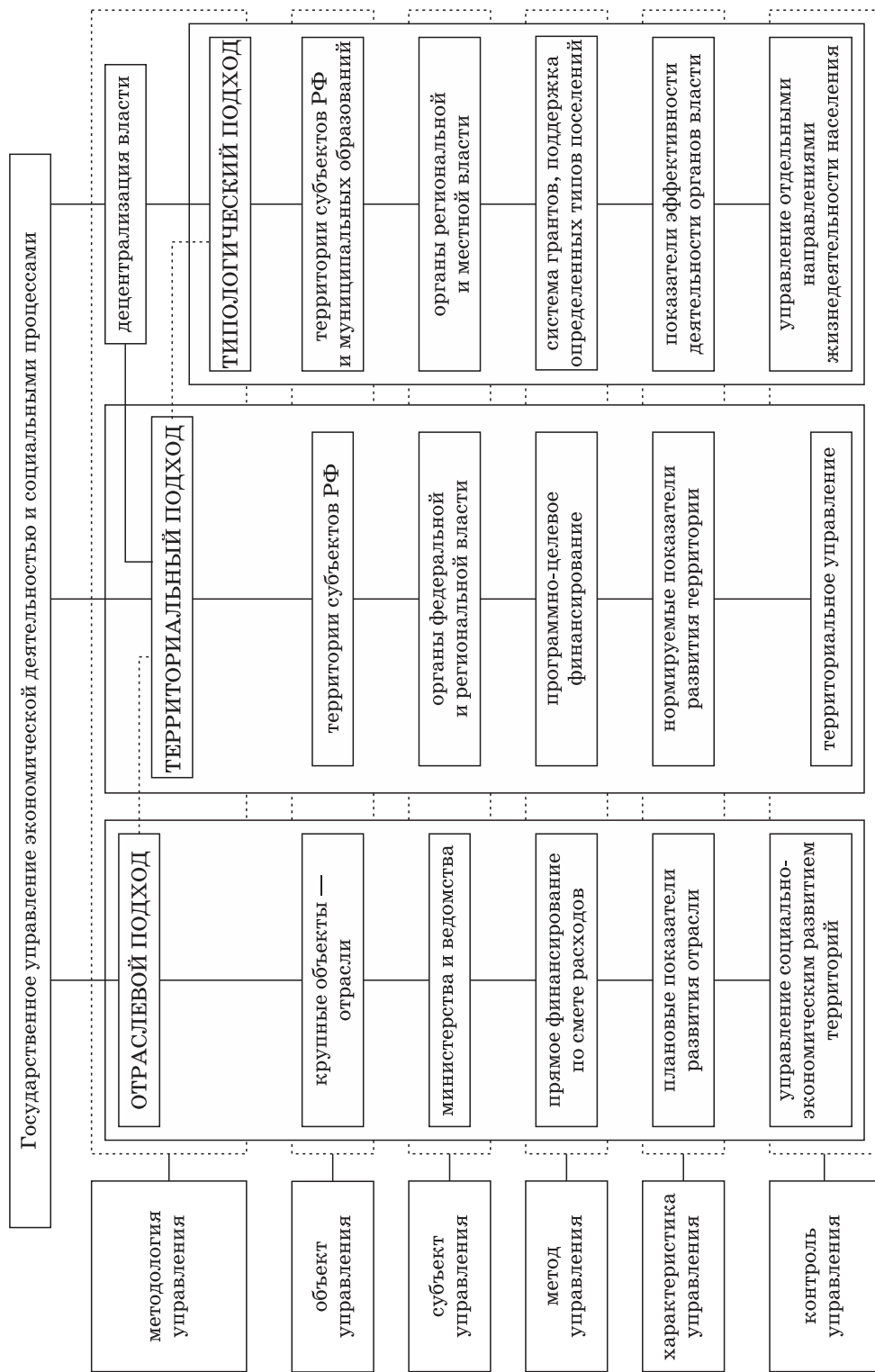

Рис. 1. Основные характеристики отраслевого, территориального и типологического подходов

за счет построения типов поселений и поддержки именно тех из них, которые действительно остро нуждаются в ресурсах.

Применение типологического подхода на практике сталкивается с определенными трудностями, к числу которых следует отнести вопросы: 1) организационно-управленческого (недостаточность базы данных Росстата по муниципальным образованиям) характера, 2) нормативно-правового характера, 3) подготовки высококвалифицированных кадров для обеспечения применения типологического подхода. Комплексное решение указанных вопросов может повысить эффективность управления поселениями как со стороны региональных властей, так и со стороны местных органов власти. Для этого необходимо:

1. Разработать научно обоснованные критерии и критериальные показатели для определения типов муниципальных районов, городских округов, городских и сельских поселений.
2. Типологизировать населенные пункты в составе субъектов РФ и муниципальных образований для реализации органами власти дифференцированной по типам территориальной экономической политики.
3. Предусмотреть в инструкциях должностных лиц структурных подразделений экономической направленности выполнение работ по типологизации территорий.
4. Осуществлять контрольные мероприятия посредством проблемно-ориентированного (в отдельных случаях континуального) мониторинга системы показателей социально-экономического развития территорий для оперативного реагирования и вмешательства (в случае необходимости) органов власти с целью предотвращения и исправления потенциально негативных последствий функционирования объекта управления.
5. Выстраивать сбалансированную территориальную экономическую политику на основе полного и глубокого анализа получаемых данных системы мониторинга с тем, чтобы минимизировать ошибки и риски, возникающие в процессе субъективного принятия управленческих решений.
6. Определить перспективные направления жизнедеятельности населения и приоритеты в развитии муниципальных районов, городских округов, городских и сельских поселений на основе разработки прогнозных значений планируемых показателей территориальной экономической политики.

Для реализации вышеизложенных задач потребуется:

1. В целях совершенствования статистического обеспечения территориально-управления, а также для характеристики и мониторинга типов территорий субъектов РФ и муниципальных образований внести изменения в Указ Президента Российской Федерации № 607 от 28.04.2008 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов», Постановление Правительства РФ № 1317 от 17.12.2012 «О мерах по реализации Указа Президента РФ № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов», приказ Федеральной службы государственной статистики от 2 декабря 2014 г. № 685 «Об утверждении статистического инструментария для организации федерального статистического наблюдения за состоянием экономики и социальной сферы муниципального образования», дополнив перечень показателей следующими:

- «общая величина потребления, приходящаяся в среднем на одного жителя поселения (р.)»,
- «задолженность по выплате заработной платы, пенсий, пособий (р.)»,
- «природный потенциал поселения (наличие природных богатств: земельных ресурсов, лесов, полезных ископаемых, воды и прочих видов ограниченных природных ресурсов)»,

- «производственный потенциал поселения, приходящийся в среднем на одного жителя поселения (стоимостная оценка капитальных ресурсов, материальных оборотных средств и проч.)»,
- «общая величина ввоза-вывоза основных видов сырья, товаров и услуг»,
- «коэффициент локализации производства (по отраслям, сферам деятельности)»,
- «удельная величина занятых в отраслях хозяйства, сферах деятельности».

2. В целях введения единых методических подходов к организации мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов для оценки динамики изменения показателей, характеризующих уровень социально-экономического развития муниципального образования, а также в целях внедрения методов и принципов управления, обеспечивающих переход к более результативным моделям муниципального управления, внести изменения в Методику мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов, утвержденную Постановлением Правительства РФ № 1317 от 17.12.2012 «О мерах по реализации Указа Президента РФ № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов», дополнив п. 3 словами: «с учетом типов городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений».

3. В целях повышения эффективности труда работников, осуществляющих управление социально-экономическим развитием поселений, разработать критерии оценки профессиональной подготовки и квалификационные требования на предмет их годности к проведению территориальной экономической политики.

Таким образом, внедрение типологического подхода не потребует значительных финансовых и временных затрат в сложных для сегодняшней России экономических условиях. Вместе с тем можно утверждать, что применение типологического подхода в повседневной практике хозяйствования повысит качество управления и эффективность проводимой территориальной экономической политики.

Литература

1. Антошкин В. Н. Типологический анализ и повышение эффективности социального управления // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 6(14). [Электронный ресурс]. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/6/antoshkin.pdf>
2. Толстогузов О. В. Типология подходов к региональным экономическим исследованиям и категория экономического пространства // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2011. № 12. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uecs.ru/uecs-36-122011>

References

1. Antoshkin V. N. *Typological analysis and increase of efficiency of social management* [Tipologicheskii analiz i povyshenie effektivnosti sotsial'nogo upravleniya] // Modern researches of social problems [Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem] (electronic scientific journal). 2012. N 6(14). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/6/antoshkin.pdf> (rus)
2. Tolstoguzov O. V. *Typology of approaches to regional economic researches and category of economic space* [Tipologiya podkhodov k regional'nym ekonomicheskim issledovaniyam i kategoriya ekonomicheskogo prostranstva] // Management of economic systems [Upravlenie ekonomicheskimi sistemami]: electronic scientific journal. 2011. N 12. URL: <http://www.uecs.ru/uecs-36-122011>. (rus)

Десятниченко Д. Ю., Десятниченко О. Ю.

О необходимости учета ресурсных ограничений микроуровня при реализации стратегии модернизации экономики России

Десятниченко Дмитрий Юрьевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Доцент кафедры экономической теории и прикладной экономики
 Кандидат экономических наук, доцент
 rabotaemail@mail.ru

Десятниченко Олеся Юрьевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Доцент кафедры финансового менеджмента
 Кандидат экономических наук
 olesy@mail@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье анализируется опыт модернизации экономики России. Авторы связывают возникающие проблемы реализации макроэкономических приоритетов и целей с недостаточно полным учетом ограниченности ресурсов на микроуровне и фактическим распылением имеющихся ресурсов, обосновывая необходимость их сосредоточения на ключевых направлениях — точках модернизации, что будет способствовать повышению результативности реализации стратегии модернизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

стратегия, модернизация, экономические ресурсы, макроэкономические приоритеты, микроэкономические проблемы

Desyatnichenko D. Yu., Desyatnichenko O. Yu.

About Necessity Take Into Consideration Resource Restrictions at the Microeconomic Level When Implementing the Strategy of Modernization of the Russian Economy

Desyatnichenko Dmitriy Yurevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Associate Professor of the Chair of the Economic Theory and Applied Economy
 PhD in Economy, Associate Professor
 rabotaemail@mail.ru

Desyatnichenko Olesya Yurevna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Associate Professor of the Chair of financial management
 PhD in Economy
 olesy@mail@gmail.com

ABSTRACT

The article analyzes the experience of modernization of the Russian economy. The authors attributed the implementation problems arising from the macroeconomic priorities and objectives with enough full account of the limited resources at the micro level and the actual spraying of available resources, justifying the need to focus on their key areas — points of modernization, which will contribute to the effectiveness of the strategy of modernization.

KEYWORDS

strategy, modernization, economic resources, macroeconomic priorities, microeconomic problems

Точкой отсчета новейшей истории модернизации российской экономики по праву можно считать создание в 2006 г. Российской венчурной компании, Российского инвестиционного фонда информационно-коммуникационных технологий и утверждение государственной программы «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий». В этом же году по поручению Президента РФ В. В. Путина Минэкономразвития совместно с другими ведомствами начинает разработку Концепции долгосрочного развития РФ на период до 2020 г., окончательный вариант которой был утвержден Правительством РФ в ноябре 2008 г. В 2009 г. была создана Комиссия по модернизации и технологическому развитию экономики. В этом же году модернизация экономики в качестве приоритетной задачи обозначается Президентом РФ Д. А. Медведевым в послании Федеральному собранию.

Практическое воплощение новый приоритет получил лишь к концу 2011 г., когда была утверждена разработанная по поручению Правительства РФ под руководством Государственного университета — Высшей школы экономики и Российской академии народного хозяйства и госслужбы в рамках реализации задач послания Федеральному собранию Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года (Стратегия 2020). Стратегия 2020 представляет собой переработанный вариант утвержденной ранее Концепции 2008 г., определяющий необходимость перехода к новой модели экономического роста, основанной на инновационном процессе. Основным недостатком данной стратегии является ее преимущественно декларативный характер, отсутствие целостной концепции модернизации, которая должна была объединить приоритеты, ресурсы, этапы реализации и методы осуществления. Аналогичные недостатки свойственны государственной программе «Экономическое развитие и инновационная экономика», первоначально утвержденной в марте 2013 г., получившей изменения в плане реализации в июне 2015 г. Все это позволяет утверждать, что, несмотря на почти десятилетнюю историю процессов модернизации экономики РФ, их теоретическое осмысление и анализ проблем реализации сохраняет актуальность.

Существует множество работ, посвященных анализу сущности и направлений модернизации российской экономики. Часто их авторы следуют установкам Стратегии 2020, говоря о миссии России в глобальном мире, необходимости завоевания прочных позиций на мировой арене, обеспечении роста благосостояния населения и пр. Необходимость решения данных задач не вызывает сомнений. Однако более продуктивным, по нашему мнению, было бы говорить о решении задач, вытекающих из нынешнего критического состояния экономики, а не о задачах относительно отдаленного будущего, решение которых станет возможным лишь в модернизированной экономике. Решение задач общенационального развития может ставиться в повестку дня лишь в связи с ростом способностей их решать модернизируемой экономикой.

Модернизация российской экономики, прежде всего, должна быть связана с восстановлением ее способности устойчиво функционировать и развиваться. Для этого требуется создать условия для запуска полноценного инновационного цикла как основы развития экономической системы страны с учетом уровня глобального экономического развития. Важнейшим фактором такой модернизации является модернизация предприятий [6, с. 157]. Фокусом реформ в направлении модернизации должна стать экономика микро- и мезоуровня [3, с. 56]. Игнорирование проблем и ограничений, существующих на этих уровнях, не позволяет и не позволяет говорить о реальной, а не декларативной модернизации.

Учет микроэкономических факторов требует использования новых технологий, обновления продуктовой структуры и структуры используемых факторов производства. Ключевым фактором, определяющим эффективность процессов модернизации, является труд. Именно рост производительности труда рассматривается как одна из основных задач модернизации [2, с. 32]. Положительные изменения в этой сфере

есть. В период с 2005 г. по 2012 г. уровень производительности труда в экономике РФ рос ежегодно (кроме 2009 г.) на 3–7,5%, увеличившись за весь период на 28% [9, с. 14]. Но даже при этом, более чем двукратный спад производительности труда, произошедший в конце 1980-х — начале 1990-х годов, до сих пор не компенсирован.

Модернизация требует также масштабных изменений в структуре основного капитала хозяйствующих субъектов. Согласно отчетности Федеральной службы государственной статистики (далее ФСГС) степень износа основных фондов увеличилась за период с 2008 по 2013 гг. с 45,3% до 48,2% соответственно¹. Обновление основного капитала требует многих десятков триллионов рублей, мобилизация которых в сегодняшних условиях (как, впрочем, и вчерашних) не представляется возможной. Причин этого множество, но мы выделим лишь семь основных.

1. Ресурсом модернизации основного капитала должны быть собственные средства предприятий, формируемые за счет прибыли и амортизационных фондов. По данным ФСГС, по итогам 2013 г. 70% организаций получили в совокупности прибыль 9,5 трлн р. Однако, несмотря на общую позитивную картину при детальном рассмотрении выясняется, что, например, в сфере добычи полезных ископаемых доля рентабельных предприятий составила лишь 56,5%, на транспорте и связи — 62,8% [16, с. 86, 87]. Не создает экономических стимулов для активизации вложений в воспроизводство основного капитала и крайне низкая рентабельность активов, данные о которой представлены в табл. 1 [16, с. 94].

Как следует из табл. 1, в большинстве отраслей рентабельность активов низкая и она последовательно снижается во всех отраслях, кроме строительства. В целом она снизилась с 6,5 до 4,5%. Между тем, именно ожидаемая доходность, обеспечивающая более высокую, по сравнению с другими, альтернативными вариантами вложения финансовых активов, является основным побуждающим мотивом для инвестиционных вложений. Снижение рентабельности также означает увеличение срока окупаемости инвестиционных проектов, что подталкивает инвесторов к выбору проектов с более короткими сроками окупаемости и перетеканию капиталов в торговую и финансовую сферы деятельности. Дополнительный импульс подобным решениям придают существующие и ожидаемые инфляционные процессы, а также общая неопределенность в экономической сфере.

2. Упомянутые нами выше амортизационные фонды, к сожалению, также не являются реальным ресурсом модернизации. По данным ФСГС в 2013 г. начисленная организациями амортизация составила 3,7 трлн руб. [16, с. 96], хотя стоимость основных фондов в негосударственном секторе экономики на начало того же 2013 г. составляла почти 100 трлн руб. [13, с. 298]. Это объясняет, почему в РФ доля амортизации в инвестициях в основной капитал не превышает 19%, в то время как в экономически развитых странах она достигает 65% [14, с. 6]. Реальным источником модернизации предприятий амортизационные отчисления подобных объемов могут стать лишь в результате многолетнего накопления, однако этому препятствует высокая ползучая, а с 2015 г. галопирующая инфляция, в условиях которой накопления обесцениваются быстрее, чем происходит их валовое приращение.

3. Банковская система, призванная среди прочего аккумулировать и перераспределять временно свободные финансовые ресурсы, также могла бы быть источником инвестиционных ресурсов для нужд модернизации. Согласно данным ЦБ РФ²

¹ Эффективность экономики России. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/ (дата обращения: 20.07.2015).

² Обзор банковского сектора Российской Федерации (интернет версия). Аналитические показатели. № 153, 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/obs_ex.pdf (дата обращения: 20.07.2015).

Рентабельность активов организаций по видам деятельности, в %

Вид деятельности	Годы		
	2011	2012	2013
Всего по всем видам деятельности	6,5	6,1	4,5
Сельское и лесное хозяйство	3,9	3,5	1,7
Добыча полезных ископаемых	14,2	11,9	11,3
Обрабатывающие производства	8,4	8,1	4,4
Производство и распределение энергии, газа, воды	1,1	0,9	0,7
Строительство	2,1	2,9	5,6
Транспорт и связь	4,9	5,5	4,4

Таблица 2

Инвестиции в основной капитал РФ по источникам финансирования

Показатель	2011		2012		2013		2014	
	млрд руб.	в % к итогу	млрд руб.	в % к итогу	млрд руб.	в % к итогу	млрд руб.	в % к итогу
Инвестиций в основной капитал всего	8445,2	100	9595,7	100	10165,7	100	9852,9	100
в том числе:								
• собственные средства	3539,5	41,0	4274,6	41,9	4549,9	45,2	4736,7	48,1
• кредиты банков	725,7	8,6	806,3	8,4	1003,6	10,0	918,0	9,3
• бюджетные средства	1622,0	19,2	1712,9	17,9	1916,3	19,0	1598,3	16,2

на 01.01.14 в стране было 932 действующих кредитных организации, на 01.06.15 — 810. Несмотря на сокращение численности действующих кредитных организаций, наблюдается рост совокупных активов с 57,4 трлн руб. до 72,3 трлн руб. Банковская система активно привлекает средства клиентов, средняя доля которых в структуре пассивов держится на уровне 60%. Около 70% активов банковской системы вложены в кредиты и прочие ссуды.

Тем не менее, ситуацию с финансированием процессов модернизации и обновления основного капитала предприятий нельзя считать удовлетворительной. Как следует из данных табл. 2¹, даже на фоне весьма скромных объемов инвестиций в основной капитал, доля кредитов банков в общем объеме инвестиций остается крайне низкой, варьируясь в диапазоне от 8,4 до 10%. В 2014 г., по итогам которого объем активов банковской системы составил 77,7 трлн руб., доля кредитных средств, направленных банками в качестве инвестиций в основной капитал, составила менее 1,2%. Это свидетельствует об отсутствии какого-либо интереса банковского сектора к кредитованию долгосрочных инвестиционных проектов и су-

¹ Инвестиции в нефинансовые активы [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/invest/Din-invOKVED.xls (дата обращения: 20.07.2015).

ществленных недоработках в этом вопросе государства, которое вынуждено частично компенсировать недофинансирование за счет бюджетных средств.

4. Нехватка долгосрочных кредитных ресурсов — давняя проблема российской экономики. Прежде всего, это связано с уменьшением объема сбережений населения, являющихся важнейшим источником инвестиционных ресурсов. Так, в период с 01.01.14 по 01.06.15 доля вкладов физических лиц в пассивах кредитных организаций сократилась с 29,5% до 26,8%¹. За этот же период наблюдается устойчивый рост просроченной кредиторской задолженности, доля которой в структуре активов увеличилась с 2,4% до 3,5% соответственно. Если учесть масштабы инфляции, становится понятно, почему банки стремятся использовать привлекаемые ресурсы преимущественно для целей финансовых спекуляций и финансирования отраслей торговли и обслуживания, имеющих высокую скорость оборота капитала.

Невозможность долгосрочных финансовых вложений связана и с дороговизной кредитных ресурсов. Так, в 2015 г. средневзвешенные процентные ставки по кредитам, предоставленным кредитными организациями нефинансовым организациям в рублях, составили по кредитам свыше одного года — около 16%, свыше трех лет — около 15%. В 2014 г. аналогичные кредиты в среднем предоставлялись предприятиям под 12% и 11% соответственно. Увеличение средневзвешенных кредитных ставок в среднем на 4% оказывает очень существенное влияние на выбор сроков инвестиционных проектов. Так, если в условиях 2014 г. удвоение суммы кредита, взятого на срок более 3 лет, происходило за 6,6 года, то в условиях 2015 г. этот срок сократился менее чем до 5 лет (расчет выполнен по формуле сложных процентов). Период удвоения суммы первоначального долга сократился более чем на 25%. В данных условиях реализация даже среднесрочных инвестиционных проектов становится очень затратным, а для многих проектов просто невыгодным мероприятием, а значит, их число будет неизбежно сокращаться.

5. Важным источником финансовых ресурсов в современном мире являются внешние инвестиции, однако политические реалии таковы, что традиционные западные рынки капитала в краткосрочной и среднесрочной перспективе для России весьма ограничены и в условиях фактического отсутствия заменяющих их восточных, азиатских, говорить о внешних инвестициях как о заметном источнике инвестиционных ресурсов, которые возможно было бы использовать для целей модернизации, представляется неоправданным.

6. Низкая мотивация инвесторов к вложению средств в модернизацию экономики РФ связана также с низкой доходностью таких проектов. Так, в 2012 г. доходность размещенных акций составила 7%², доходность портфеля государственных ценных бумаг — 6,8% [13, с. 542]. В 2013 г. доходность долгосрочных депозитов для физических лиц и нефинансовых организаций в среднем составила соответственно 8,7% и 9%, на фоне инфляции в 6,5%.

7. Зарубежные инвесторы также традиционно предпочитают краткосрочные и высоколиквидные вложения. Так из 170,2 млрд долл., поступивших в Россию в 2013 г., лишь 27,2 млрд долл. (16% от общего объема) оказались прямыми или портфельными инвестициями, в то время как основная часть средств представляла собой торговые и прочие кредиты.

По нашему мнению, полномасштабная параллельная модернизация всех секторов экономики в условиях дефицита финансовых ресурсов и мотивации инвесторов

¹ Обзор банковского сектора Российской Федерации (интернет версия). Аналитические показатели. № 153, 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/obs_ex.pdf (дата обращения: 20.07.2015).

² Сайт Федеральной службы государственной статистики. Сведения о движении акций и доходы по ним [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/finans/fin48.htm (дата обращения: 20.07.2015).

представляется нереалистичной задачей. В существующих условиях необходима стратегия, позволяющая учитывать жесткую ограниченность инвестиционных ресурсов и необходимость комплексной модернизации экономики России. В этой связи следует согласиться с мнением многих исследователей [1, с. 202–203; 4, с. 69; 5, с. 432; 8, с. 8; 10, с. 18; 11, с. 157–158], полагающих, что более реалистичной является стратегия модернизации, основывающаяся на кумулятивном процессе, включающем ряд последовательных этапов, стадий.

На первом этапе производится мобилизация имеющихся ресурсов с целью их рационального использования — финансирования преобразований в части секторов экономики. При этом осуществляется так называемая «точечная модернизация» [12, с. 162], создающая предпосылки для всеерного распространения волн модернизации в остальных секторах экономики. От правильности выбора «точек модернизации», концентрации и эффективного использования в них имеющихся ресурсов, зависит сила и скорость прохождения импульса модернизации на последующих этапах.

Безусловно, последовательная модернизация, при прочих равных условиях, окажется более длительным процессом, ведь реконструкция даже среднего предприятия осуществляется не менее, чем за 2–3 года. Реорганизация требует изменения прежних пропорций и связей в экономике [4, с. 71], делая их неэффективными. А значит, неизбежна структурная модернизация, на осуществление которой у страны есть не более 10–15 лет [6, с. 158].

Особенностью последовательной модернизации является также ее асинхронность. Несмотря на видовой однородность, предприятия будут по-разному включаться и проходить модернизацию, генерируя неоднородность инновационного цикла, что в конечном итоге повлечет за собой так называемую «мозаичность экономики» [4, с. 72]. В этих условиях резко возрастает роль государства, которое не должно допускать спонтанного протекания подобных процессов, способных попросту пустить экономику «вразнос». Высокую значимость его роли признают многие исследователи [5, с. 432; 17, с. 239–240; 18, с. 26], и отсутствие или дефицит ресурсов для ее выполнения не позволяет государству самоустраняться от поддержки приоритетных объектов и отраслей, создания благоприятной среды модернизации.

При отборе объектов для первоочередной модернизации необходимо учитывать ряд принципов. Прежде всего, это реалистичность масштабов проектов модернизации с точки зрения возможностей их ресурсного обеспечения. Также следует учитывать возможность потенциального объекта модернизации воспринимать необходимые технологические и организационные изменения. Кроме того, должен соблюдаться принцип однородности состава объектов модернизации, что позволит обеспечивать эффект масштаба, а за счет этого — относительную экономию используемых ресурсов.

Согласно этим принципам приоритетными объектами модернизации на первой стадии могут быть как предприятия отрасли машиностроения, способные обеспечить прирост ресурсов для последующих стадий модернизации, так и выгодно отличающиеся меньшей капиталоемкостью и более сжатыми сроками осуществления проектов предприятия сферы производства потребительских товаров и услуг, а также сохранившие конкурентные преимущества и потенциал отрасли обрабатывающей промышленности, являющиеся наиболее развитыми в научно-техническом отношении.

Вопрос выбора «точек модернизации» и сегодня остается ключевым в стратегии последовательной модернизации экономики. В научном сообществе нет единства мнений в ответе на него. Ряд авторов полагают, что в первоочередном порядке необходима модернизация добывающих отраслей, как наиболее конкурентоспособных и высокодоходных, которые в дальнейшем обеспечат экономику необходимыми инвестиционными ресурсами [7, с. 11–12]. Другой подход связан с важностью приори-

тетной модернизации отраслей экономики постиндустриального типа, что обосновывается грядущим переходом к шестому технологическому укладу [18, с. 24, 26]. Существует также мнение, что «точками модернизации» должны быть отрасли и виды деятельности, предприятия, обеспечивающие максимальный мультипликативный эффект в части распространения преобразований [15, с. 48]. Последний подход представляется нам наиболее перспективным и оправданным с учетом современного состояния экономики России.

Механизм мультипликативного воздействия работает через каналы хозяйственных межотраслевых связей предприятий — «точек модернизации». Прежде всего они (предприятия) начинают предъявлять повышенные требования к поставщикам факторов производства, необходимых им ресурсов, стимулируя тем самым процессы модернизации в смежных отраслях и хозяйственных комплексах. Результатом их собственной модернизации является предложение более качественной и относительно удешевленной продукции, что снижает удельные издержки потребителей, повышая ресурсные возможности теперь уже для их модернизации.

Эффективным инструментом выбора «точек модернизации», позволяющим объективно и точно учитывать интенсивность и разветвленность хозяйственных связей, могут стать таблицы «затраты-выпуск», содержащие информацию о межотраслевых потоках в экономике, роль которых сегодня, к сожалению, недооценивается. В СССР, использовавшем в качестве инструмента макроэкономического обобщения баланс народного хозяйства, таблицы такого рода строились каждые 5 лет, начиная с 1959 г. Последним детальным вариантом таких таблиц в современной России являются таблицы 1995 г.

Доступные сегодня для анализа таблицы «затраты-выпуск» имеют гораздо меньшее аналитическое значение, так как были разработаны по агрегированной отраслевой и продуктовой номенклатуре. На официальном сайте ФСГС можно найти лишь краткий вариант таких таблиц за 2006¹ г. Более актуальные и полные данные отсутствуют, хотя, безусловно, необходимы. На основе содержащихся в них сведений было бы возможным производить обоснованный отбор отраслей для первого этапа модернизации, ориентируясь на наибольшие значения коэффициентов прямых затрат, характеризующих интенсивность хозяйственных связей, а также коэффициенты полных затрат, позволяющих оценивать общий мультипликативный эффект модернизации приоритетных отраслей.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. Активная культивация процессов модернизации экономики России осуществляется уже около 10 лет. Разрабатываемые и реализуемые варианты стратегий и программ модернизации недостаточно учитывают проблемы микроуровня, существующие здесь ресурсные ограничения, дефицит мотивации инвесторов, не позволяющие эффективно реализовать макроэкономические приоритеты выбранной стратегии модернизации. В этой связи целесообразно перенести акцент макроэкономических приоритетов стратегии со «всеобъемлющей» на «точечную» многоэтапную модернизацию, взвешенно переходя к отбору отраслей, видов деятельности, предприятий, способных обеспечить максимальный мультипликативный эффект распространения «волн модернизации» по всей экономике, а также максимальную ресурсоотдачу для обеспечения прироста материальной базы каждого последующего этапа модернизации.

¹ Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт [Электронный ресурс] http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/ (дата обращения: 20.07.2015).

Литература

1. Барашов Н. Г. Модернизация экономики России в контексте теории длинных волн // Вестник СГСЭУ. 2009. № 5. С. 201–205.
2. Водолазский А. А. Модернизация экономики в свете экономической теории (вопросы методологии, теории и практики) // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Сер.: Социально-экономические науки. 2011. № 1. С. 31–43.
3. Десятниченко Д. Ю. Институциональные проблемы и дискуссионные вопросы инновационной модернизации экономики регионов РФ // Управленческое консультирование. 2014. № 5. С. 49–59.
4. Коновалова М. Е. Особенности осуществления модернизации экономики на современном этапе экономического развития // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: Межвуз. сборн. научн. трудов. Самара : СГЭУ, 2014. № 1. С. 69–74.
5. Котов М. М. Основные задачи и направления модернизации российской экономики // Актуальные вопросы экономических наук. 2010. № 14. С. 431–435.
6. Кузнецов О. И. Инновация как основной механизм модернизации // Вестник ТГУ им. Г. П. Державина. 2013. № 4. С. 157–159.
7. Логинов В. П. Современный кризис и модернизация производства // МИР. 2010. № 1. С. 6–14.
8. Мещеряков Д. А. Системная модернизация экономики России и барьеры, сдерживающие ее // ФЭС: Финансы, Экономика, Стратегия. 2011. № 12. С. 7–10.
9. Национальные счета России в 2006–2013 годах: Стат. сб. М. : Росстат, 2014.
10. Панфилов В. С. Трансформация воспроизводственного механизма мировой экономики и перспективы социально-экономического развития России // Проблемы прогнозирования. 2012. № 4. С. 3–21.
11. Плосконосова Е. А. Модернизация экономики России: выбор приоритетных направлений с позиции системного подхода // Техника и технология пищевых производств. 2014. № 1. С. 157–162.
12. Порезанова Е. В. Специфика неоиндустриализации и модернизации экономики России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. Т. 13. 2013. № 2. С. 159–163.
13. Российский статистический ежегодник. 2013: Стат. сб. М. : Росстат, 2013.
14. Улыбина Л. К. Налоговое стимулирование инвестиционной деятельности // Налоги и налогообложение. 2011. № 3. С. 5–9.
15. Филатов В. И. Кризис и структурная модернизация российской экономики // Экономические системы. 2009. № 3. С. 46–50.
16. Финансы России. 2014: Стат. сб. М. : Росстат, 2014.
17. Храмова Е. С. Инновационная модернизация экономики России: пути и следствия // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: межвуз. сборн. научн. трудов. Самара : Изд-во СГЭУ, 2012. № 1. С. 235–243.
18. Черкасова Т. П. Инновационно-технологическая модернизация российской экономики в контексте концепции устойчивого развития // TERRA ECONOMICUS. Экономический вестник РГУ. 2008. Т. 6. № 2–2. С. 23–26.

References

1. Barashov N. G. *Modernization of economy of Russia in the context of the theory of long waves* [Modernizatsiya ekonomiki Rossii v kontekste teorii dlennykh voln] // SSSEU Bulletin [Vestnik SGSEU]. 2009. N 5. P. 201–205. (rus)
2. Vodolazsky A. A. *Modernization of economy in the light of the economic theory (questions of methodology, theory and practice)* [Modernizatsiya ekonomiki v svete ekonomicheskoi teorii (voprosy metodologii, teorii i praktiki)] // YuRSTU (NPI) Bulletin. Series: Social and economic sciences [Vestnik YuRGTU (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki]. 2011. N 1. P. 31–43. (rus)
3. Desyatnichenko D. Yu. *Institutional problems and debatable questions of innovative modernization of economy of regions of the Russian Federation* [Institutsional'nye problemy i diskussionnye voprosy innovatsionnoi modernizatsii ekonomiki regionov RF] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. N 5. P. 49–59. (rus)

4. Konovalova M. E. *Features of implementation of modernization of economy at the present stage of economic development* [Osobennosti osushchestvleniya modernizatsii ekonomiki na sovremennom etape ekonomicheskogo razvitiya] // Problem of improvement of the organization of production and management of the industrial enterprises [Problemy sovershenstvovaniya organizatsii proizvodstva i upravleniya promyshlennymi predpriyatiyami]: Interuniversity collection of scientific works. — Samara : SSEU [SGEU], 2014. N 1. P. 69–74. (rus)
5. Kotov M. M. *Main objectives and directions of modernization of the Russian economy* [Osnovnye zadachi i napravleniya modernizatsii rossiiskoi ekonomiki] // Topical issues of economic sciences [Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk]. 2010. № 14. P. 431–435. (rus)
6. Kuznetsov O. I. *Innovation as the main mechanism of modernization* [Innovatsiya kak osnovnoi mekhanizm modernizatsii] // TSU of G. R. Derzhavin Bulletin [Vestnik TGU im. G. R. Derzhavina]. 2013. N 4. P. 157–159. (rus)
7. Loginov V. P. *Modern crisis and modernization of production* [Sovremennyi krizis i modernizatsiya proizvodstva] // WORLD [MIR]. 2010. N 1. P. 6–14. (rus)
8. Meshcheryakov D. A. *The system modernization of economy of Russia and barriers constraining it* [Sistemnaya modernizatsiya ekonomiki Rossii i bar'ery, sderzhivayushchie ee] // FES: Finance, Economy, Strategy [FES: Finansy, Ekonomika, Strategiya]. 2011. N 12. P. 7–10. (rus)
9. National accounts of Russia in 2006–2013 [Natsional'nye scheta Rossii v 2006–2013 godakh]: Statistic collection. M. : Rosstat, 2014. (rus)
10. Panfilov V. S. *Transformation of the reproduction mechanism of world economy and prospect of social and economic development of Russia* [Transformatsiya vosproizvodstvennogo mekhanizma mirovoi ekonomiki i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii] // Forecasting Problems [Problemy prognozirovaniya]. 2012. N 4. P. 3–21. (rus)
11. Ploskonosova E. A. *Modernization of economy of Russia: a choice of the priority directions from a position of system approach* [Modernizatsiya ekonomiki Rossii: vybor prioritnykh napravlenii s pozitsii sistemnogo podkhoda] // Equipment and technology of food productions [Tekhnika i tekhnologiya pishchevykh proizvodstv]. 2014. N 1. P. 157–162. (rus)
12. Porezanova E. V. *Specifics of neoindustrialization and modernization of economy of Russia* [Spetsifika neoindustrializatsii i modernizatsii ekonomiki Rossii] // News of the Saratov university. New series. Series: Economy. Management. Law [Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo]. V. 13. 2013. N 2. P. 159–163. (rus)
13. Russian statistical year-book. 2013 [Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. 2013]: Statistic collection. M. : Rosstat, 2013. (rus)
14. Ulybina L. K. *Tax incentives of investment activity* [Nalogovoe stimulirovanie investitsionnoi deyatel'nosti] // Taxes and taxation [Nalogi i nalogooblozhenie]. 2011. N 3. P. 5–9 (rus)
15. Filatov V. I. *Crisis and structural modernization of the Russian economy* [Krizis i strukturnaya modernizatsiya rossiiskoi ekonomiki] // Economic systems [Ekonomicheskie sistemy]. 2009. N 3. P. 46–50. (rus)
16. Finance of Russia. 2014 [Finansy Rossii. 2014]: Statistic collection. M. : Rosstat, 2014. (rus)
17. Hramova E. S. *Innovative modernization of economy of Russia: ways and consequences* [Innovatsionnaya modernizatsiya ekonomiki Rossii: puti i sledstviya] // Problems of improvement of the organization of production and management of the industrial enterprises [Problemy sovershenstvovaniya organizatsii proizvodstva i upravleniya promyshlennymi predpriyatiyami]: interuniversity collection of scientific works. Samara : Publishing house of SSEU [Izd-vo SGEU], 2012. N 1. P. 235–243. (rus)
18. Cherkasova T. P. *Innovative and technological modernization of the Russian economy in the context of the concept of a sustainable development* [Innovatsionno-tekhnologicheskaya modernizatsiya rossiiskoi ekonomiki v kontekste kontseptsii ustoichivogo razvitiya] // TERRA ECONOMICUS. RSU economic bulletin [TERRA ECONOMICUS. Ekonomicheskii vestnik RGU]. 2008. V. 6. N 2–2. P. 23–26. (rus)

Методологические подходы к управлению социально-экономическим развитием территорий Санкт-Петербурга

Безлепкин Максим Николаевич

ООО «БАЛТ-АУДИТ-ЭКСПЕРТ» (Санкт-Петербург)
Руководитель проектов практики управленческого консалтинга
Кандидат социологических наук
bezlepkin@bae-ec.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются вопросы формирования методологического подхода к управлению социально-экономическим развитием территорий мегаполиса на основе принципа сбалансированности социально-экономического развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Санкт-Петербург, управление, территория, методология, экономическая зона, стратегирование, диспропорции, планирование, агломерация, пространственное развитие, территориальные экономические зоны, полицентричность

Bezlepkin M. N.

Methodological Approaches to the Management of Socio-Economic Development in St. Petersburg

Bezlepkin Maksim Nikolaevich

LLC «BALT-AUDIT-EXPERT» (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Project Manager, direction of management consulting
PhD in Sociology
bezlepkin@bae-ec.ru

ABSTRACT

The article deals with the formation of appropriate and implemented in Saint-Petersburg methodological approach to the management of socio-economic development of the metropolis on the basis of a balanced socio - economic development .

KEYWORDS

St. Petersburg, governance, spatial development, territory, methodology, economic zone, strategy development, imbalances, planning, agglomeration, territorial economic zone, polycentricity

В последние годы в научных изданиях усилился интерес к проблемам территориального планирования и управления развитием территорий. Однако большинство публикаций по данной тематике посвящено территориальному развитию регионов или муниципальных образований (городов) как целостных объектов. В то же время проблемы устранения диспропорций развития отдельных территорий крупных городов и их оценки остаются слабо освещенными.

Крупные города России — Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск и другие, исчерпав возможности моноцентризма, постепенно осуществляют переход к полицентрическим моделям развития мегаполиса. Ускоряются процессы поглощения крупными городами пригородов, городов-спутников и других прилегающих территорий и формирования на их основе агломераций. Часто в российской практике данные процессы имеют хаотический, неуправляемый характер. При этом диспропорции

в развитии отдельных территорий города усугубляются, порождая неудовлетворенность жителей условиями проживания, и, как следствие, социальную напряженность.

Придание территориальному развитию крупных городов управляемого характера во многом сдерживается из-за отсутствия целостной научной методологии. Для Санкт-Петербурга формирование методологических основ управления территориальным развитием города также является актуальной проблемой. В недавно принятой Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года (далее Стратегия-2030) впервые поставлена стратегическая цель — обеспечение сбалансированного социально-экономического развития территорий. Утверждена государственная программа Санкт-Петербурга «Экономическое и социальное развитие территорий Санкт-Петербурга на 2015–2020 годы». Ключевым элементом территориального развития города должен стать переход к полицентрической модели. Решить данную задачу предполагается путем формирования многофункциональных зон, удобных для проживания населения, обладающих привлекательными условиями для развития бизнеса, в которых обеспечивается системное управляемое развитие территорий [1, с. 85]. В Стратегии-2030 они получили название экономических зон. В пределах таких зон предполагается обеспечить сбалансированное соотношение мест приложения труда и мест проживания, добиться высокой транспортной доступности объектов, связанных с жизнедеятельностью человека и экономикой, точнее сбалансировать потребности и мощности инженерной инфраструктуры, что позволит рационально решить двудеиную задачу повышения качества жизни населения и повышения эффективности использования городских территорий.

Смена парадигмы управления социально-экономическим развитием с переносом центра тяжести на управление территориями требует внесения изменений во взгляды на стратегическое управление территориальным развитием города и должна быть учтена при корректировке Генерального плана Санкт-Петербурга и подготовке Экономической политики города. Фундаментом реализация потенциала, заложенного Стратегией-2030 в области развития территорий города, является формирование методологии управления процессом социально-экономического развития территорий Санкт-Петербурга, которая должна включать следующие элементы:

1. Понятийный аппарат, научно и юридически обоснованную терминологию, описывающие вопросы территориального развития, четко определяющие понятия «социально-экономическое развитие территории», «сбалансированность», «агломерация», «территории и зоны развития», «территориальные объекты и ресурсы» и др. В настоящее время, кроме терминов, закрепленных в Стратегии-2030, в официальных документах используются и другие, близкие по содержанию понятия: территориально-экономические зоны, зоны (территории) опережающего развития, промышленные зоны (территории), «серый пояс», Южная планировочная зона, исторический центр Санкт-Петербурга. Это приводит к неоднозначному пониманию стратегических целей и задач, затрудняет взаимодействие участников процесса развития территорий. Целесообразно сформировать единый тезаурус, включающий свод юридически и научно обоснованных определений и специализированной лексики, используемой органами государственного управления, бизнесом и общественностью в рамках реализации политики развития территорий города.

2. Показатели описания иерархии объектов и субъектов управления территориальным развитием, а также иерархии объектов, рассматриваемых при оценке уровня социально-экономического развития территорий Санкт-Петербурга. Для каждого уровня иерархии должны быть определены цели и задачи управления, а также структура и показатели оценки уровня социально-экономического развития территории.

В качестве объектов управления и их оценки могут рассматриваться многофункциональные территории и их части. По нашему мнению, иерархия объектов может иметь следующий вид.

Первый уровень: экономическая зона или иная крупная отграниченная территория, на которой могут проявиться и быть измерены результаты реализации стратегических целей, связанных с развитием территорий.

Второй уровень:

- территория (зона) развития — часть экономической зоны, на которой локализуются основные мероприятия, связанные с ее развитием;
- функциональная (отраслевая) зона — часть экономической зоны, на которой локализуются объекты-носители свойств оцениваемой функции (отрасли). В качестве функциональных (отраслевых) зон могут использоваться зоны, предусмотренные в Генеральном плане Санкт-Петербурга.

Третий уровень: единичная территория — часть экономической зоны, принятая в качестве единицы площади, например, кадастровый квартал.

Четвертый уровень: совокупность функциональных (отраслевых) объектов, размещенных на единичной территории.

Пятый уровень: объект-носитель функциональных (отраслевых) свойств.

Показатели, используемые для измерения интенсивности свойств объектов пятого уровня, являются первичными исходными данными для проведения оценок социально-экономического развития территории. Оценки четвертого и третьего уровня носят тактический характер в силу незначительного пространственного размаха и ограниченного объема реализуемых мероприятий (создаваемых объектов). В ряде случаев, например, при решении задач расселения коммунальных квартир в каком-либо квартале, проведения реконструкции и введения в хозяйственный оборот высвобождающихся территорий, может производиться оценка ограниченной территории с небольшим количеством кадастровых кварталов. Такую оценку также следует отнести к тактической. Результаты оценок на четвертом и третьем уровнях используются в качестве исходных данных для стратегических оценок первого и второго уровня.

Описанной иерархии объектов должна соответствовать иерархическая совокупность математических моделей, а также иерархическая система показателей. Система показателей первого уровня оценки должна обеспечивать измерение уровня достижения на исследуемой территории следующих целей:

- генеральной цели Стратегии — повышение качества жизни населения и развитие экономики;
- стратегической цели, непосредственно связанной с обеспечением сбалансированного развития территории;
- стратегических целей, обеспечивающих достижение указанных выше целей.

По результатам выполненных нами исследований для стратегической оценки на первом уровне может быть предложена следующая структура показателей:

- показатели качества жизни населения;
- показатели условий ведения бизнеса;
- показатели уровня сбалансированности территориального развития;
- экономические показатели (включая показатели экономической эффективности территории).

При необходимости, в целях принятия управленческих решений, эти показатели целесообразно дополнить общими характеристиками территории: площадь, численность населения, функциональное назначение территории и т. д.

Система показателей второго уровня, предназначенная для оценки функциональных (отраслевых) зон, должна обеспечивать измерение уровня достижения на исследуемой территории целей следующих стратегических направлений:

- «Развитие человеческого капитала» (в части локализуемых целей здравоохранения, образования, культуры, физической культуры и спорта, социальной поддержки населения и др.);

- «Повышение качества городской среды» (в части локализуемых целей доступности и качества жилья, благоустройства городских территорий, транспорта, содержания дорог, обеспечения парковочными местами и др.);
- «Модернизация и комплексное развитие коммунальной инфраструктуры и энергетики» (в части локализуемых целей электро-, тепло-, газо- и водоснабжения, водоотведения, обеспечения подключения к сетям и др.).

3. Методология управления процессом социально-экономического развития территорий Санкт-Петербурга предполагает также создание инструментов (методик) регулярного объективного измерения и мониторинга уровня развития и сбалансированности развития территорий, объединяющей методы качественного и количественного наблюдения за основными характеристиками социально-экономического развития по всей иерархии выделенных территориальных объектов. Обоснование применения альтернативных источников статистического наблюдения о социально-экономической динамике общества, использующих преимущества современных телекоммуникационных средств. Организация автоматизированного сбора и обработки данных о социально-экономическом развитии территорий в рамках городской информационной системы, интегрирующей в себя отраслевые информационные и геоинформационные базы данных.

Город продолжает активно развиваться, меняется система расселения жителей, возникают новые точки роста, появляются факторы, ранее не учитывавшиеся — элементы качества жизни (покрытие сети сотовых операторов, доступность широкополосного интернета, плотность дорожек немоторизованного передвижения и др.). Одновременно возникают новые средства объективной фиксации параметров социальной и экономической жизни города, позволяющие с большей точностью определять потребность и результаты управляющего воздействия на территории города, в том числе данные сотовых операторов, сведения об активности граждан на порталах взаимодействия общества и власти (например, на порталах «Наш Петербург» и «Красивый Петербург»), данные спутниковых систем и систем видеofиксации. Сегодня только малая часть из этих данных о социально-экономическом развитии города, полученных из этих источников, используется при принятии управленческих решений на городском и территориальном уровне. Перспектива создания сквозной методологии управления территориальным развитием и действия по диверсификации номенклатуры показателей территориального развития в сторону роста числа локальных данных должна дать зеленый свет применению новых способов исследования городской жизни и их интеграции в единую аналитическую базу данных общегородского масштаба.

Рост объективности исследования территорий и их элементов, динамики их развития, в том числе в соотношении с качеством жизни людей, должен быть обеспечен за счет улучшения баланса качественных и количественных показателей, характеризующих территорию. Необходимо уходить от языка голых цифр ведомственной статистики и данных Росстата к показателям большей значимости, описывающих, в частности, отношение жителей территории к сложившейся социально-экономической реальности и планам ее изменения, совмещая их с информацией от «новых» источников данных — сотовых операторов, спутниковых систем, общедоступных геоинформационных систем. Есть реальная возможность обеспечить более эффективное расходование средств городского бюджета и ресурсов на реализацию инвестиционных проектов развития территорий, в том числе с использованием механизмов государственно-частного партнерства. Подобные подходы уже широко применяются в коммерческой сфере и могут быть успешно конвертированы для информационной поддержки управленческих решений в области государственного управления территориальным развитием.

Измерение и мониторинг уровня развития и сбалансированности развития территорий предполагают, что показатели, характеризующие территориальные объ-

екты всех иерархических уровней, должны быть обеспечены регламентами сбора данных, описывающими способ получения информации для нужд системы управления территориями (запросы в органы исполнительной власти, закупка данных федерального статистического наблюдения и данных у коммерческих поставщиков на конкурсной основе), регулярность мониторинга, способы повторного сбора данных. Так, например, для дорогостоящего технического обследования зданий в историческом центре Санкт-Петербурга актуализацию данных целесообразно проводить методами математического моделирования, регулярно актуализировать их. Введение регламентации сбора данных и конкурсных процедур для поставщиков данных позволит не только обеспечить формализацию процессов сбора данных (в целях его автоматизации), установить контроль над их стоимостью, регулярностью, качеством, но и со временем изменить подход к номенклатуре и источникам данных о развитии территории, существенно расширив их число за счет альтернативных Росстату и ведомственной статистике поставщиков, что может привести к созданию нового рынка качественной экспертной информации для целей территориального развития.

Однако одним лишь сбором данных мониторинг уровня развития не может быть ограничен. Необходимо обеспечить процесс оценки уровня социально-экономического развития территорий инструментами сопоставления с установленными нормативными значениями. В этой области Санкт-Петербург не может быть отнесен к числу лидеров в силу различных причин. Многие нормативные значения, описывающие градостроительные характеристики, общественные пространства, транспорт, являются либо устаревшими, либо вовсе не утверждены. Стандарты качества жизни для Санкт-Петербурга не утверждены в составе документов стратегического планирования и, соответственно, не применяются. Дифференциация нормативных значений характеристик городской среды для различных территорий города проведена фрагментарно. Установление и реализация региональных нормативов градостроительного проектирования находится в одних руках, что некорректно с точки зрения логики развития города. В краткосрочной перспективе для успешного создания полноценной методики оценки уровня социально-экономического развития территорий целесообразно провести комплекс работ по обоснованию широкой номенклатуры текущих и перспективных нормативных значений, описывающих качественные и количественные характеристики территорий города в разрезе их удобства для проживания и ведения экономической деятельности.

Для эффективной эксплуатации методики регулярного объективного измерения и мониторинга уровня развития и сбалансированности развития территорий требуется создание городской автоматизированной информационной системы, отвечающей критериям функциональной полноты, дешевизны использования, скорости и надежности работы, системности охвата, доступности для участников процесса развития территорий, интеграции с отраслевыми информационными системами.

Вопросы интеграции автоматизированной информационной системы мониторинга уровня развития территорий являются ключевыми ввиду необходимости контроля издержек бюджета на сбор и обработку большого объема данных (в том числе одноименных) разными органами исполнительной власти и поставщиками данных и возможности обеспечения комплексного охвата всех основных направлений социально-экономического развития территорий в Санкт-Петербурге (социальной сферы, экономики, демографии, ЖКХ и др.). Интеграция должна осуществляться с уже существующими информационными системами, включенными в городской реестр, и с применяемыми в коммерческом обороте базами данных о территории. В идеале все эти системы должны быть объединены на основе соглашений об информационном обмене (на межведомственной и коммерческой основе) в рамках единой информационной базы данных о территориях города с привязкой данных

к географическим координатам и картографической информации в масштабе города (на платформе Региональной геоинформационной системы Санкт-Петербурга или коммерческих платформах российской разработки — Геоинтеллект, Nextgis и др.).

Отдельные элементы такой системы уже существуют. Перед Правительством города стоят задачи по их объединению, дополнению, выстраиванию системы эффективной эксплуатации, обеспечению доступа широкого круга участников социальных и экономических процессов на территориях Санкт-Петербурга. Де-факто описываемая система обладает признаками систем smart city, и целесообразно развивать ее в таком формате в долгосрочной перспективе.

Новые, более широкие возможности для роста эффективности управления территориями города может дать применение в автоматизированной информационной системе мониторинга уровня развития территорий методик обработки больших данных (big data) и применение облачных вычислений. Конверсия коммерческих решений, в т. ч. петербургской разработки, в области обработки больших массивов данных и облачных вычислений позволит относительно быстро перейти к новому уровню аналитической информации и знаний о реальной социальной и экономической жизни города, принимать на городском и территориальном уровне решения с глубоким и объективным обоснованием.

4. Еще одним элементом методологии управления процессом социально-экономического развития территорий Санкт-Петербурга является разработка методики распределения ресурсов при формировании государственных программ с учетом задач территориального развития Санкт-Петербурга и методики прогнозирования влияния.

При распределении ресурсов между стратегическими направлениями Стратегии-2030 и следующими из ее стратегических целей государственными программами неизбежно возникает проблема определения приоритетов. Создание методики распределения ресурсов обеспечит привязку мероприятий государственных программ и направленных на это ресурсов к решению практических задач, в том числе в области выявленных дисбалансов конкретных городских территорий, вопросов развития потенциальных точек роста городской экономики, строительству фактически востребованных социальных и инфраструктурных объектов. Управление решения по распределению ресурсов между мероприятиями государственных программ, основанные на комплексных и валидных данных о социально-экономическом развитии территорий города, проранжированные с помощью соответствующей методики, обеспечат рост эффективности бюджетных затрат и повышение уровня достижения целей Стратегии-2030.

5. Методология управления процессом социально-экономического развития территорий Санкт-Петербурга невозможна без формирования системы целей и задач развития территорий города в рамках иерархии территориальных объектов, экономически и социально приемлемых механизмов реализации программ развития территории, перечней приоритетных территорий.

В рамках иерархии территориальных объектов должно быть создано дерево целей и задач со взаимнокомплиментарными уровнями и одновременно с этим, отражающее специфику и утвержденные Стратегией-2030 приоритеты развития экономических зон и их элементов (точек роста — территорий развития). Такая система позволит реализовывать диверсифицированную экономическую и социальную политику на территориях, взимоувязанную со стратегическими направлениями и целями развития города, создавать условия для появления новых центров ускоренного роста, в том числе на периферии Санкт-Петербурга.

6. К числу важных элементов методологии управления процессом социально-экономического развития территорий Санкт-Петербурга относится и разработка новой

концепции зонирования территорий взамен функционального подхода, направленной на обеспечение сбалансированности территорий через диффузию и гибридизацию функций территорий.

Поставленные в Стратегии-2030 задачи создания новых социально-экономических центров на периферии Санкт-Петербурга, снижения маятниковых перемещений между жилыми и общественно-деловыми зонами, развития экономики знаний, повышения качества городской среды и экологической обстановки требуют смены парадигмы зонирования города и перехода к многофункциональным территориям. На таких территориях должны обеспечиваться высокие стандарты качества жизни и ведения экономической деятельности за счет гибридизации и диффузии жилых, общественно-деловых, производственных, транспортных и других функций мегаполиса.

Изменение структуры городской экономики вследствие перехода к рынку и прогнозируемый переход к новым экономическим укладам (пятому и шестому) ведут к окончательной архаизации существующей системы жесткого функционального зонирования территории Санкт-Петербурга, закрепленной Генеральным планом, и ее несоответствию современным и будущим требованиям к качеству жизни и удобству ведения бизнеса. Система функционального зонирования, порожденная «Афинской хартией» в 1930-е годы, не может оставаться догмой спустя более 80 лет со своего создания. Наряду с актуализацией действующего Генерального плана на очередной прогнозируемый период, Правительству города стоит задуматься над методологическими вопросами будущего развития города, в том числе с учетом форсайт-исследований развития Санкт-Петербурга, анализа опыта изменения системы зонирования в передовых городах мира. Целесообразно обеспечить широкую дискуссию местных и внешних экспертов в данной области и утвердить результаты дискуссии в форме соответствующей концепции. Данный документ может быть использован и как основа для внесения поправок в Градостроительный кодекс РФ и в региональные документы градостроительного регулирования, подтвердив высокий уровень петербургской школы градостроительного проектирования и ее готовность к инновационному сценарию территориального развития Санкт-Петербурга.

Отсутствие городской утвержденной концепции изменения принципов зонирования в структуре новых долгосрочных нормативно-правовых документов, регулирующих градостроительное развитие, приведет к закреплению существующих дисбалансов в развитии города и деградации городской среды, снижению эффективности используемых ресурсов на развитие территорий.

Новая концепция зонирования должна обеспечить реализацию принципов партисипативности при ее формировании, т.е. разумное распределение ответственности за разработку и реализацию планов развития города между всеми сторонами процесса (городские власти, бизнес, население, федеральные органы власти и госкомпании) и принципа смешения функций зон, например, аналогичных смешению цветов при построении изображений (RGB).

7. Важным инструментом в реализации методологии управления процессом социально-экономического развития территорий Санкт-Петербурга является методика сравнения и ранжирования территорий Санкт-Петербурга по уровню социально-экономического развития и степени сбалансированности.

В основу создаваемой методики может быть положен принцип измерения отклонений: оценка уровня социально-экономического развития территорий Санкт-Петербурга производится путем измерения отклонений значений показателей социально-экономического развития от целевых и нормативных значений этих показателей. Отклонение от целевых значений показателей, установленных в Стратегии, оценивается в моделях первого уровня. На других уровнях оценки производится сравнение с нормативом. С этой целью для каждого показателя социально-эконо-

мического развития территории должно быть установлено актуальное для Санкт-Петербурга нормативное значение одним из следующих способов:

- выборка из действующих отраслевых нормативных документов федерального и регионального уровня;
- экспертная оценка;
- проведение научно-исследовательских работ по обоснованию нормативов.

Очевидно, что методика будет включать в себя иерархическую совокупность математических моделей с большим количеством оцениваемых показателей. Причем в оценку будут вовлечены показатели, которые ранее не применялись в практике управления, и нормативы по которым отсутствуют. Опыт Санкт-Петербурга по внедрению финансовых нормативов в образовании, здравоохранении, социальной защите населения, культуре и других отраслях социальной сферы показал, что минимальный срок обоснования, апробации и утверждения нормативов правовыми актами составляет 3–5 лет. Столько же времени уходит на то, чтобы норматив «устоялся» и обрел общественное доверие. Суммарная продолжительность жизненного цикла норматива, как правило, не превышает 20 лет. По его истечению норматив нуждается в переоценке. Исходя из этого, в описываемой методике наряду с документально подтверждаемыми придется использовать нормативы, определенные методом экспертных оценок. В подобной методике должен будет применен ряд новых показателей, по которым еще не создан научный задел, достаточный для обоснования нормативов, отсутствуют соответствующие исследования, не сформировались и мнения экспертов. В этой ситуации для обеспечения работоспособности методики на начальном этапе можно рекомендовать к использованию метод аналогий. В дальнейшем рекомендуется провести научно-исследовательские работы по обоснованию нормативов с последующей процедурой их апробации и утверждения нормативными правовыми актами Санкт-Петербурга.

Один и тот же показатель может иметь разные нормативные значения для различных районов города. Данный факт учитывается введением корректирующих коэффициентов, с помощью которых базовое значение норматива пересчитывается в текущее с учетом конкретных особенностей территории. В наибольшей мере применение корректирующих коэффициентов актуально для территорий исторического центра города, где в силу объективных причин достижение общепринятых нормативов невозможно. При проведении прогнозных оценок необходимо также учитывать, что значения нормативов будущих периодов могут отличаться от действующих.

Следует отметить, что работа по обоснованию системы нормативов по уровню научной сложности, трудоемкости и стоимости, по нашему мнению, значительно превышает аналогичные характеристики работ по созданию иерархической совокупности математических моделей.

8. Методология управления процессом социально-экономического развития территорий немыслима без разработки научно-теоретических основ функционирования системы стратегического управления развитием территорий Санкт-Петербурга, объединяющей интеллектуальные, финансовые и административные ресурсы органов исполнительной власти РФ и города, местного самоуправления, общественности и бизнеса.

Описанные выше элементы методологического обеспечения процесса управления социально-экономическим развитием территорий Санкт-Петербурга, связанные со стратегическим анализом и прогнозированием, принятием управленческих решений, мониторингом исполнения стратегических планов, должны быть интегрированы в динамическую модель функционирования системы управления с последующим формированием на ее основе положений об органах управления развитием территорий, должностных инструкций и регламентов.

Во второй половине 2014 г. органы власти Санкт-Петербурга начали разработку комплексной методики анализа социально-экономического развития территорий Санкт-Петербурга. Выполненные нами в связи с этим исследования показали, что проблема оценки уровня развития территорий немислима вне разработки методологических основ стратегического управления территориальным развитием города. Изложенные выше результаты носят дискуссионный характер и открыты для обсуждения.

Очевидно, что разработка методологических положений с их доведением до работающих методик, математических моделей, методических материалов, апробированных распорядительных и других документов представляет сложную научную и практическую проблему. Над ее реализацией должен работать научный коллектив, сформированный из специалистов различных областей науки. Полученные научные результаты, по мере их готовности, должны быть вынесены на широкое обсуждение научной общественности, пройти обсуждение в общественных организациях, бизнес-сообществе, после чего рассмотрены на Экономическом совете при Губернаторе Санкт-Петербурга.

Подобного рода сложные и масштабные задачи не могут быть решены в краткосрочной перспективе. Но и медлить нельзя. К организации работ целесообразно применить проектный подход, разработать график реализации проекта и предусмотреть внесение ряда первоочередных работ в государственную программу «Экономическое и социальное развитие территорий Санкт-Петербурга» при ее плановой корректировке.

Литература

1. Безлепкин М. Н. Территориальные экономические зоны как новый механизм управления пространственным развитием Санкт-Петербурга // Управленческое консультирование. 2014. № 3. С. 81–88.

References

1. Bezlepkin M. N. *Territorial economic zones as new mechanism managing of spatial development of St. Petersburg* [Territorial'nye ekonomicheskie zony kak novyi mekhanizm upravleniya prostanstvennym razvitiem Sankt-Peterburga] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. N 3. P. 81–88.

К вопросу об опережающем социально-экономическом развитии отдельных территорий регионов России

Чаркина Елена Сергеевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва)
 Стажер кафедры менеджмента Института бизнеса и делового администрирования
 charkinaelena@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются вопросы создания и функционирования территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР) в регионах России. Предложено расширить правовой режим ТОР не только на территорию Дальнего Востока и Восточной Сибири, но и на всю территорию Российской Федерации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

территории опережающего социально-экономического развития (ТОР), критерии ТОР, регионы Российской Федерации, инвестиционные проекты

Charkina E. S.

To the Question about Advanced Socio-Economic Development of Certain Territories of the Russian Regions

Charkina Elena Sergeevna

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation)
 Institute of Business Studies
 Trainee of the Chair of the Management
 charkinaelena@gmail.com

ABSTRACT

This article examines the creation and functioning of the territories of priority socio-economic development (TOR) in the regions of Russia. It is proposed to extend the legal regime of TOR not only on the territory of the Far East and Eastern Siberia but also on the whole territory of the Russian Federation.

KEYWORDS

territories of priority socio-economic development (TOR), criteria TOR, regions, investment projects, the mechanism of delayed payments «Tax Increment Financing» (TIF)

Одним из приоритетных направлений развития страны является развитие Дальнего Востока и Восточной Сибири. Регион Восточной Сибири и Дальнего Востока обладает высоким неосвоенным экономическим потенциалом. Тем не менее, показатели развития региона, такие как ВРП и инвестиции, существенно отстают от среднероссийских. Основными препятствиями на пути активного развития региона являются низкая концентрация человеческих ресурсов и отсутствие развитой транспортной и энергетической инфраструктуры.

Федеральным органам исполнительной власти Российской Федерации поручено обеспечить создание на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, включая Республику Хакасия и Красноярский край, ряда территорий опережающего социально-экономического развития с особыми условиями ведения хозяйственной деятельности для новых производств. В частности, предлагается ввести для таких террито-

рий льготы по основным налогам, облегченный регуляторный порядок (в частности в сфере строительства, таможенного регулирования и т. п.). Ключевой задачей программы по созданию территорий опережающего социально-экономического развития (далее — ТОР) на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири является ускорение развития региона за счет привлечения частных инвестиций и рабочей силы¹.

Одним из механизмов комплексного развития Дальнего Востока и Байкальского региона является государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»². Госпрограмма направлена на формирование условий для ускоренного развития Дальнего Востока и Байкальского региона, роста конкурентоспособности макрорегиона с диверсифицированной экономикой при опережающем развитии высокотехнологичных производств с высокой добавленной стоимостью, создание условий для сокращения оттока населения из макрорегиона и обеспечение миграционного прироста с преобладанием квалифицированных специалистов.

Географическое расположение и природные ресурсы Дальнего Востока и Сибири выступают основой для потенциального экономического роста России на востоке страны³. Программы развития этой территории являются самым масштабным проектом, реализуемым в настоящее время, поэтому программные документы должны определять пространственное развитие макрорегиона Сибири и Дальнего Востока с учетом прогнозов ресурсного, в том числе финансового обеспечения возможных тенденций его развития.

Основные цели, которые должны быть достигнуты в результате исполнения всех программ, — это повышение качества жизни и конкурентоспособности территорий по сравнению с нашими ближайшими соседями [1, 2]. Представляется целесообразным общегосударственные усилия сконцентрировать на создании территорий опережающего социально-экономического развития, стимулировании дальнейшего ускоренного развития «локомотивов роста» — динамично развивающихся территорий, к которым следует отнести ареалы крупнейших агломераций восточной зоны Дальнего Востока — Владивостока и Хабаровска.

Ключевой задачей программы по созданию территорий опережающего социально-экономического развития на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири является ускорение развития региона за счет привлечения частных инвестиций и рабочей силы. Определение местоположения и функционального назначения ТОР должно быть проведено на основе сложившейся системы расселения и размещения производительных сил в субъектах Российской Федерации, расположенных на территории Дальнего Востока и Сибири, с учетом необходимости последующей ее оптимизации.

Оптимизация должна проводиться одновременно с актуализацией и синхронизацией документов стратегического планирования, включая Стратегию социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г., Стратегию социально-экономического развития Сибири до 2020 г., государственные программы Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, отраслевые стратегии развития и инвестиционные программы субъектов естествен-

¹ ФЗ от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70831204/>.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 308 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/11959/>.

³ Сайт Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока [Электронный ресурс]. URL: <http://minvostokrazvitia.ru/>.

ных монополий. При этом следует принимать во внимание ограниченность внутренних факторов и ресурсов экономического роста, в большинстве своем связанных с использованием природного и минерально-сырьевого потенциала, добычей и переработкой полезных ископаемых, а также транспортно-логистический и транзитный потенциал субъектов Российской Федерации, расположенных на Дальнем Востоке и в Сибири, как систему взаимосвязанных элементов других транспортно-логистических коридоров (Северный морской путь, БАМ, ТРАНССИБ).

С целью использования всего комплекса организационно-финансовых механизмов, направленных на привлечение необходимых ресурсов, а также в силу ограниченности этих ресурсов, представляется принципиальным, чтобы мероприятия, предусмотренные указанными государственными программами, а также программами субъектов естественных монополий, были сконцентрированы на приоритетное создание ТОР. В основу создания ТОР должна быть положена гибкая кластерная структура, которая, в отличие от отраслевой структуры особых экономических зон, позволит с минимальными издержками в случае необходимости менять «лидеров роста», ориентируясь на политико-экономические факторы, что делает данные территории более привлекательными для инвесторов и конкурентоспособными в долгосрочной перспективе.

Расположение региона, его ресурсный и промышленный потенциал, высококвалифицированная рабочая сила открывают возможности для реализации нескольких моделей ТОР, отражающих лучший мировой опыт и текущие и перспективные конкурентные преимущества региона. Так, в качестве одной из потенциальных моделей ТОР, успешно реализованных на площади 0,5 млн км² региона Пилбара в Австралии, можно рассмотреть создание добывающих и промышленных кластеров ускоренного развития на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока. Темпы освоения этого региона не отражают его полного потенциала, который по многим видам полезных ископаемых в сотни раз превышает уровни текущей добычи. Развитие региона и реализация новых крупных проектов сдерживаются не только экстремальными природно-климатическими условиями для ведения бизнеса, но и практически полным отсутствием энергетической, транспортной и социальной инфраструктуры, нехваткой квалифицированной рабочей силы, необходимостью получения большого числа разрешений и согласований.

Особую роль в развитии Восточной Сибири и Дальнего Востока играет север Красноярского края — территория, находящаяся за Полярным кругом и обладающая уникальным ресурсным потенциалом как в части углеводородов, так и твердых полезных ископаемых. На сегодняшний день освоена лишь небольшая доля ресурсов этого региона — более 75% его территории остаются непокрытыми даже базовыми региональными полевыми работами. При этом, ускоренное освоение Таймыра дает значимый экономический эффект и будет способствовать решению стратегических задач Российской Федерации, включая укрепление позиций России в Арктике и создание одного из крупнейших в мире новых кластеров добывающих отраслей, выход на полномасштабное освоение арктического шельфа, полноценное открытие коммерческой навигации по Северному морскому пути.

Развитие Дальнего Востока невозможно рассматривать без учета развития Сибири, без учета научного, промышленного и человеческого потенциала Новосибирска, Красноярска, Омска, Якутска, Иркутска. В зависимости от специализации, возможно выделить шесть основных типов территорий и зон: инновационно-технологические, логистические, производственные, добывающие, агропромышленные и туристические. Специализация территории зависит от источников конкурентного преимущества и в свою очередь определяет наиболее востребованные инструменты государственного стимулирования. При создании

ТОР на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири представляется целесообразным учитывать следующие факторы:

1. Для развития необходимо выбирать территории и целевые отрасли, имеющие фактическое или потенциальное конкурентное преимущество на мировом рынке, включать в перечень ТОР территории с доказанными конкурентными преимуществами, в первую очередь производственные и добывающие, как имеющие мультипликативный эффект и экспортные перспективы.

2. Географический охват территории и применяемые инструменты государственного стимулирования должны сохранять и усиливать конкурентное преимущество. Территория, включаемая в программу опережающего развития, должна быть достаточной для создания новых компаний и производств с учетом перспективного роста. Инновационно-технологические территории могут иметь площадь в несколько квадратных километров; логистические — несколько десятков квадратных километров; производственные — десятки и сотни квадратных километров; добывающие, агропромышленные и туристические — тысячи квадратных километров. В отраслях, конкурентное преимущество которых опирается на человеческий капитал и инновации, государственная поддержка может быть направлена в такие области, как образование и исследования, создание социальной инфраструктуры и привлечение квалифицированных специалистов, в том числе из-за рубежа; в отраслях, связанных с внешней торговлей, — на снижение импортно-экспортных барьеров и пошлин; в капиталоемких отраслях — на поощрение инвестиций с помощью налогового стимулирования и/или поддержку развития инфраструктуры.

3. Целесообразно широко обозначить географические границы ТОР, чтобы не ограничивать потенциал создания производственных, добывающих и туристических территорий, избегая узко определять целевую отраслевую направленность ТОР, задавая жесткую специализацию в определенной нише, так как это существенно сужает возможности развития и повышает риски неудачного выбора.

4. Значимого эффекта от развития неосвоенной территории для бюджета целесообразно ожидать не ранее, чем через 10 лет. Пять-десять лет — это минимальный срок, необходимый для осуществления инвестиций и запуска новых проектов при условии наличия инвесторов и необходимой инфраструктуры. Чтобы получить эффект для бюджета на горизонте 5–10 лет и снизить риски, на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири необходимо выбрать хотя бы несколько территорий в стадии активного роста с уже сложившейся инфраструктурной и производственной базой для развития, а также инвесторами, готовыми вкладывать средства в новые проекты.

5. Помимо стандартно применяемых на ранних этапах инструментов фискального и регуляторного стимулирования, государству целесообразно инвестировать в инфраструктуру, создающую потенциал для развития бизнеса. При этом строительство инфраструктуры должно осуществляться под конкретный набор бизнес-проектов на данной территории, с учетом общих планов развития для минимизации риска невозврата средств. Для повышения вероятности успеха при снижении рисков предлагается: во-первых, выбрать территории разных типов специализации для диверсификации отраслей, и, во-вторых, в приоритетном порядке развивать территории с уже сформированной базой с целью ускорения возврата государственных вложений. Перечень территорий-кандидатов в ТОР предлагается определить по объективным измеримым критериям. Окончательно присваивать территориям из данного списка статус ТОР целесообразно на основе дополнительных критериев, в том числе стратегических приоритетов, а также с учетом заинтересованности местных властей и инвесторов.

Для выбора ТОР можно предложить использовать следующие объективные критерии:

1. Отбираемые для создания ТОР территории должны иметь высокий экономический потенциал, опирающийся на объективное конкурентное преимущество. Критерии

определения экономического потенциала будут различаться в зависимости от специализации. Например, по добывающим территориям основным критерием должна стать потенциальная стоимость природных ресурсов с учетом степени изученности территории.

2. Для достижения эффекта в течение 5–10 лет территория должна иметь сформированную базу, которая обеспечит быстрый переход к устойчивому развитию. Во-первых, территория должна иметь логистическую базу, соответствующую целевой специализации. Для производственных и добывающих территорий — это выход на магистральные железнодорожные пути, морские порты с периодом навигации не менее 9 мес, выход к крупным речным путям. Во-вторых, территория должна иметь возможность обеспечить новые компании квалифицированной рабочей силой, а значит, на территории должны быть крупные города, а для инновационно-технологических ТОР — выпускники вузов. В-третьих, реализованная на территории успешная бизнес-модель, особенно в случае производственных и добывающих территорий, позволяет судить о наличии необходимых условий развития бизнеса, поэтому такие территории должны получить более высокую оценку по критерию «база для развития».
3. Критерии наличия экономического потенциала и базы для развития служат для формирования перечня территорий-кандидатов на присвоение статуса ТОР. Финальное решение о придании территории статуса ТОР должно приниматься с учетом дополнительных критериев. В качестве одного из дополнительных критериев выбора ТОР предлагается показатель соответствия стратегическим приоритетам Российской Федерации, таким как развитие Арктики и развитие приграничных территорий. Окончательно присваивать статус ТОР предлагается при наличии заявки региональных властей, подтверждающей существование конкретных планов развития, готовность региональных и местных властей поддерживать проект ТОР на своем уровне, а также при наличии заинтересованности бизнеса, подтвержденной бизнес-планами проектов якорных инвесторов. Целесообразно распространить на ТОР следующие виды льгот.
 1. Поддержка новых инвестиций в развитие территории: льготы для новых предприятий (инвестиций) по налогу на прибыль организаций, НДС, налогу на имущество, земельному налогу.
 2. Поддержка привлечения трудовых ресурсов: льготы по страховым взносам с дополнительных выплат сотрудникам.
 3. Поддержка развития инфраструктуры: участие государства в реализации инфраструктурных проектов (при наличии соглашения с якорным инвестором о ее использовании).
 4. Упрощение регулирования деятельности компаний: меры таможенного стимулирования импорта оборудования для новых проектов.

Меры государственной поддержки ТОР должны быть закреплены на срок не менее 10 лет (не меньше периода окупаемости инвестиций). При этом на законодательном уровне должны быть закреплены гарантии фискальной стабильности для инвесторов (защиты от будущего роста налоговой нагрузки). Для более полной реализации потенциала территорий законодательство должно широко определять целевое назначение и территориальные границы ТОР с учетом объективных глобальных конкурентных преимуществ отраслей опережающего развития Восточной Сибири и Дальнего Востока. Исходя из этого, при формировании условий создания ТОР целесообразно учитывать следующие критерии (факторы):

- ТОР как инструмент должны применяться для стимулирования роста, а не преодоления депрессивности;
- ТОР следует создавать на основе проектов, обеспечивающих увеличение глубины и комплексности переработки сырья и создания значительной добавленной

стоимости, а также имеющих высокую экспортную составляющую и предполагающих в среднесрочной перспективе после начала строительной фазы выпуск и экспорт продукции;

- создание и функционирование ТОР должно строиться на основе тесного взаимодействия федеральных и региональных властей;
- формировать ТОР следует на территориях одного и более муниципальных образований, в том числе расположенных на территориях разных субъектов Российской Федерации;
- не стремиться к созданию максимального числа ТОР, а сосредоточиться на проектах, удовлетворяющих требованиям эффективности и реализуемости;
- формировать каждую ТОР на основе кластерного подхода, их сеть — как систему проектов-драйверов выхода на зарубежные несырьевые рынки;
- тесное взаимодействие федеральных и региональных властей;
- диверсифицировать экономическую активность, используя выгодные ситуации многополярности, особенно сложившейся в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе стремиться обеспечить максимальное разнообразие источников инвестиций и торговых партнеров при полном понимании наших стратегических стран-партнеров.

Экономически целесообразно образование ТОР ориентировать под особенности инвестиционных проектов, что позволит на основе конкретных бизнес-планов рассчитать возможности инвестирования в развитие соответствующих территорий и выработать адресные программы по повышению конкурентоспособности хозяйствующих субъектов и, соответственно, территорий. Распространение правового режима ТОР представляется целесообразным не только на территорию Дальнего Востока и Восточной Сибири, но и, как минимум, на всю территорию Сибирского федерального округа. Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и крупные инвесторы выступают с инициативными предложениями в части возможности распространения механизмов ТОР на всю территорию Российской Федерации, которые готовы реализовать инвестиционные проекты на основе кластерного подхода в следующих субъектах Российской Федерации: Омской области, Республике Тыва, Республике Хакасия, Красноярском крае, Республике Алтай, Нижегородской, Калининградской и Иркутской областях.

При подготовке дополнительных предложений, направленных на создание территорий опережающего развития, можно рассмотреть возможность предоставления хозяйствующим субъектам льгот по уплате страховых взносов в государственные внебюджетные фонды, а также по применению механизма финансирования за счет будущих налоговых платежей, в том числе по НДС. Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» направлен на создание правовых основ государственной поддержки развития регионов Дальнего Востока. Одним из предложений по дополнению этого Федерального закона является дополнение его новой статьей об особенностях реализации проектов комплексного развития территорий с использованием механизма отложенных платежей.

Механизмом, который подразумевает финансирование строительства и реконструкции объектов инфраструктуры на определенной ограниченной территории за счет средств инвесторов с последующей компенсацией таких расходов за счет дополнительных доходов бюджетной системы Российской Федерации, полученных вследствие развития такой территории, после окончания строительства и ввода объектов инфраструктуры в эксплуатацию, является механизм отложенных платежей «Tax Increment Financing» (TIF). При этом Инвестиционный фонд Российской Федерации может использоваться для аккумулирования средств на возмещение затрат по созданию инфраструктуры.

Литература

1. Анимитца Е. Г., Анимитца П. Е., Денисова О. Ю. Эволюция научных взглядов на теорию размещения производительных сил // Экономика региона. 2014. № 2. С. 21–32.
2. Бухвальд Е. М. Институты развития и новые приоритеты региональной политики в России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 6. С. 108–114.

References

1. Animitsa E. G., Animitsa P. E., Denisova O. Yu. *Evolution of scientific views on the theory of placement of productive forces* [Evolyutsiya nauchnykh vzglyadov na teoriyu razmeshcheniya proizvoditel'nykh sil] // Economy of Region [Ekonomika regiona]. 2014. N 2. P. 21–32. (rus)
2. Bukhvald E. M. *Institutes of development and new priorities of regional policy in Russia* [Instituty razvitiya i novye priority regional'noi politiki v Rossii] // the Theory and practice of social development [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]. 2014. N 6. P. 108–114. (rus)

Будущее гендерной политики в глобализирующемся обществе: российский кейс

Василенко Людмила Александровна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
Институт государственной службы и управления
Профессор кафедры организационного проектирования систем управления
Доктор социологических наук, профессор
vasilenkola@mail.ru

Кашина Марина Александровна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заместитель начальника управления научной работы
Доцент кафедры социологии и социальной работы
Кандидат философских наук, доцент
Kashina_soc@inbox.ru

РЕФЕРАТ

Нелинейность общественного развития предполагает наличие множества смыслов и траекторий будущего. Эффективное управление требует определения полного спектра возможных факторов, которые могут стать причиной смены направления течения социальных процессов. Одним из таких факторов в глобализирующемся обществе становится характер взаимоотношений женщин и мужчин. В мировой практике сложились четыре различных подхода к решению гендерных проблем. Первые два могут быть определены как традиционные, вторые два — как инновационные. Их инновационность связана с пересмотром отношения к гендерным проблемам как неизменным и биологическим. Гендерная компетентность чиновников становится залогом реального и эффективного управленческого воздействия на гендерные отношения. Только в этом случае человеческий потенциал мужчин и женщин может быть использован в интересах развития общества. Современное состояние российской гендерной политики (политики равенства полов) следует охарактеризовать как кризисное. Налицо возврат к старым патриархатным семейным ценностям, актуализация традиционных ролей женщин и мужчин в общественном сознании, использование традиционных управленческих способов решения гендерных проблем. Факторы, определившие подобное положение дел, могут быть объединены в четыре группы: недооценка социальной компоненты экономического развития, стремление отгородиться от западных (европейских) ценностей как несоответствующих российскому менталитету, отсутствие в общественном сознании однозначного принятия идеи равенства мужчин и женщин, в том числе благодаря православной идеологии, смена поколений в российском женском движении и гендерных исследованиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гендерная политика, государственное управление, глобализация, нелинейность социального развития

Vasilenko L. A., Kashina M. A.

The Future of Gender Policies in the Globalized World: Russian Case

Vasilenko Liudmila Aleksandrovna

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation)
The International Institute of Public Administration and Management
Professor of the Chair of Organizational Designing of Management Systems
Doctor of Science (Sociology), Professor
vasilenkola@mail.ru

Kashina Marina Aleksandrovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Deputy Head of the Scientific Department
 Associate Professor of the Chair of Sociology and Social Work
 PhD in Philosophy, Associate Professor
 Kashina_soc@inbox.ru

ABSTRACT

The nonlinearity of social development presupposes a plurality of meanings and paths of the future. For good governance is necessary to determine the full range of factors that can cause change in the direction of flow of social processes. One of these factors in a globalized society becomes the character of relationships between women and men. In world practice there are four different approaches to gender issues. The first two can be defined as traditional, the latter two as innovative. Their innovativeness is related to the revision of attitudes towards gender as invariable and biological. Gender competence of the officials becomes a guarantee of real and effective administrative impact on gender relations. Only in this case the human potential of men and women can be used for the development of society. The modern Russian gender policies can be described as a return to the past. There is a return to the patriarchal family values, actualization of the traditional roles of women and men in the public mind, the use of traditional administrative methods of solving the gender issues. The factors that determined this state of affairs can be combined into four groups: underestimation of the social component of economic development, the desire to dissociate itself from the western (European) values as irrelevant to the Russian mentality, the absence in the public mind a clear idea of gender equality, a change of generations in the Russian gender studies and women's movement.

KEYWORDS

gender politics, public administration, globalization, nonlinear social development

Контекст прогнозирования будущего в XXI в. состоит в объективности глобальных процессов становления информационного общества. Глобализация сопровождается возрастающей сложностью, нелинейностью развития социальной системы, что означает возможность неожиданных изменений в течении социальных процессов. Сложившиеся в относительно устойчивом социуме исследовательские парадигмы уже не позволяют адекватно объяснять социальные процессы и явления. Старая управленческая парадигма представляет нелинейность как процесс «неправильного» отклонения системы от заданного целевого направления развития и рассматривает управление как действие, направленное на устранение этого отклонения. Такой подход заодно «отклоняет» и новые «вызовы будущего», возможности не заданного управляющим творчества подчиненных, а следовательно, он чреват катастрофами в процессе естественного хода событий [1, 2]. Российский ученый В. С. Егоров называл такой подход как закрытый, замкнутый «в континууме начальности и конечности» [5]. Действия людей всегда несут в себе несколько смыслов, существующих в своей логике. Мы не можем заранее знать, какие из множества не замечаемых в повседневной суеде смыслов станут нашим будущим. Однако определить это множество вполне в наших силах.

В данной статье в качестве такого сегодня «невидимого» для государственного управления смысла, способного кардинально изменить привычное положение вещей в будущем, авторами рассматривается динамика отношений между мужчинами и женщинами и связанные с этим проблемы.

Гендерные отношения относятся к тому типу социальных отношений, которые воспринимаются как постоянные, неизменные, больше биологические, чем социальные, и поэтому не представляющие особого интереса для управления. Однако

это не так, как минимум, по двум причинам. Во-первых, отношения между женщинами и мужчинами не столь неизменны, как кажется на первый взгляд, потому что они эволюционируют вместе с развитием общества. Во-вторых, их обратное влияние на социальные институты существует, но оказывается во многом недооцененным. Яркой иллюстрацией этого может служить теория второго демографического перехода, пытающаяся связать воедино развитие экономики, эволюцию института семьи, смену репродуктивных установок населения и динамику социальных статусов женщин и мужчин [см. 6].

Начнем с рассмотрения «старых» и «новых» политико-управленческих подходов к гендерной политике, сложившихся в мировой практике. Главным критерием их различения выступает представление о месте и роли женщин в общественном развитии.

Первый подход, наиболее распространенный и традиционный, имеет экономическую основу и связан с задачей преодоления бедности. Он основан на социальной политике, проводимой в интересах наиболее незащищенных групп в обществе. Женщины в нем рассматриваются как бедные (нищие) слои общества, пассивные получатели благ, их материнская роль признается наиболее важной, воспитание детей — главным вкладом женщин в развитие. Проблема снижения численности беднейшего населения решается государством путем обеспечения большего доступа женщин к занятости и выплаты различного рода пособий. Такой подход является политически безопасным, так как не затрагивает стратегических гендерных потребностей женщин, не подвергает сомнению их «естественное» предназначение. Ориентация на поддержку наиболее бедных слоев общества не упраздняет причины разрыва в доходах наиболее богатых и наиболее бедных слоев общества, не ведет к перераспределению сверхдоходов и уменьшению социального неравенства [подробнее см. 7].

Второй подход, сформировавшийся в СССР, близок по сути к первому, однако здесь наблюдается некоторый прогресс в постановке целей гендерной политики, так как к концепту «помощи слабым» добавляется идея «социальной справедливости» (equity approach). Марксизм, как идеология, основан на идее равенства и защиты угнетенных. Женщины рассматриваются здесь как активные участники общественной сферы, признается их вклад в развитие, но преимущественно в экономической сфере, что обусловлено актуализацией их производственных и воспроизводственных ролей. Трудность использования этого подхода в государственном управлении состоит в необходимости количественных оценок социальных процессов, разработке унифицированных индикаторов прогрессивного развития, включающих базовые показатели фактического положения женщин, для чего нужна достоверная гендерная статистика.

Третий подход характерен для стран Северной Европы. Он тоже использует идею справедливости, т. е. признания женщин полноправными участниками процесса развития, и не только в экономическом плане. Его можно назвать новым, он появился только во второй половине XX в. Развитие здесь связывается с равенством в использовании человеческого потенциала. Женщины рассматриваются как неиспользуемый ресурс развития, а увеличение их экономической активности как расширение справедливости. Неоплачиваемый труд женщин (в домашнем хозяйстве и по воспитанию детей) рассматривается как компонент самопомощи в экономической деятельности, особенно в отношении развития человеческих ресурсов и менеджмента проблем местного сообщества. Речь идет также об усилении позиций женщин (empowerment approach), повышении степени контроля женщин над обстоятельствами своей жизни, усилении их общественной активности.

Четвертый подход, который пока существует больше в теории, чем на практике, носит название гендерной интеграции (gender mainstreaming). Он означает такие

(ре)организации, улучшения, развитие и оценки политических процессов, при которых подход гендерного равенства инкорпорируется во все политики (в том числе бюджетную) и на всех уровнях и стадиях лицами, включенными в политическую деятельность, что, как минимум, предполагает их гендерную компетентность. Собственно, в этом и состоит его инновационность. Политики (чиновники), реализующие гендерную интеграцию на практике, признают социальную природу гендерного неравенства и готовы его преодолевать с помощью государственных программ. Главное в данном подходе — обращение как к мужчинам, так и к женщинам как к бенефициариям и полноправным участникам процесса развития, чуткость к гендерным обстоятельствам, гарантия равных возможностей мужчин и женщин, оценка последствий всех проектов и программ отдельно для групп мужчин и женщин. Если первые три подхода обращены, по большому счету, только к женщинам, то четвертый призван решать проблемы обеих гендерных групп.

Любой из названных подходов реализуется в институциональном и конкретно-историческом контексте той или иной страны, который и определяет выбор государством собственного варианта постановки и решения гендерных проблем. Другими словами, чтобы понять, почему государство склоняется к тому или иному типу гендерной политики, нужно, как минимум, принять во внимание уровень экономического развития страны, степень ее включенности в глобализационные процессы, характер национальных научных школ в социальной науке, историческое прошлое и менталитет народа.

Что касается российской гендерной политики, то она в последние десятилетия претерпела определенную эволюцию в сторону повышения консерватизма и традиционности в постановке своих целей и задач [подробнее см. 4]. Это объясняется стечением ряда обстоятельств, в первую очередь, недооцененностью социальной (человеческой) компоненты экономического развития.

Использование человеческого потенциала страны и успехи в человеческом развитии — вопрос для России, мягко говоря, болезненный. Несмотря на все усилия российского государства мужская сверхсмертность хоть и сократилась, но все же сохраняется на более высоком уровне, чем в развитых странах — гендерный разрыв в продолжительности жизни не сокращается и превышает 10 лет. В 2014 г. продолжительность ожидаемой жизни в России для женщин составила 76,5 лет, для мужчин — 65,3 года¹. Производительность труда россиян заметно отстает от показателей успешных экономик. Система образования пребывает в состоянии постоянной реформы с нарастающим усилением кризисных явлений. Гендерный разрыв в доходах остается неизменным на протяжении последних десятилетий. Разница в начисленной заработной плате составила за октябрь 2013 г. 26% в пользу мужчин², не говоря уже о других формах доходов, например, от акций или собственности. При этом более высокий уровень образования женщин в России, как составная часть человеческого потенциала, остается невостребованным. Государство в упор не замечает «лежащие под ногами» ресурсы экономического и социального развития, связанные с оптимизацией гендерных отношений в обществе, призывая к традиционным формам разделения труда между мужчинами и женщинами, сводя демографическую политику только к мерам экономической поддержки семей с детьми.

Диаметрально противоположно воздействует на российскую гендерную политику процесс глобализации мирового сообщества. Можно сказать, благодаря ему она и существует в повестке дня российского государства. С падением «железного

¹ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Оперативные данные Росстата. Электронный документ. URL http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (Дата обращения: 04.07.2015).

² Женщины и мужчины России. 2014. Стат. сб. М.: Росстат, 2014. С. 81.

занавеса» началось развитие гендерных исследований в нашей стране, в научный дискурс были введены понятия «гендер», «гендерная интеграция», «гендерный мейнстрим(инг) в государственной политике». Однако в свете последних политических событий, попыток возведения нового железного занавеса, демонстративного «отказа» от европейских ценностей, деятельность международных организаций по поддержке проектов, связанных с гендерным равенством, по-видимому, попадет в опалу, если не под прямой запрет.

Справедливости ради скажем, что «гонения на гендер» начались гораздо раньше. Яркий пример — отложенное в 2012 г. второе чтение проекта федерального закона «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин» под предлогом его несоответствия традиционным российским ценностям и чуждой нам терминологии. При этом активное сопротивление россиян и представителей государства в отношении использования в социальной политике других иностранных терминов, таких, как бенефициант, трансферт или инклюзия, полностью отсутствует, видимо, они традиции российского народа не очень разрушают.

Глобализация влияет на гендерную политику не только через инфильтрацию в нее новых терминов. Гораздо более серьезным является фактор повышения миграционной активности людей, в большом количестве пересекающим государственные границы и меняющим свое местожительство. Они приносят на «новую родину» собственные обычаи и традиции, в том числе в гендерных отношениях. Государству приходится занимать свою позицию в этом вопросе. Оно может требовать принятия новыми гражданами сложившихся в стране гендерных норм, как это сделала Франция в отношении иммигрантов-мусульман, а может «пойти на поводу», закрывая глаза на доиндустриальный характер отношений в семьях мусульман, чреватый домашним насилием или просто общественной изоляцией женщин, как это происходило в Германии в эпоху мультикультурализма.

Как уже отмечалось, политика равенства полов имплицитно содержит в себе идею социальной справедливости. Однако в культуре (шире — менталитете) российского народа нет однозначного принятия идеи равенства и равноценности всех людей, в том числе мужчин и женщин, что вполне объяснимо, если считать нашу культурную стратификацию сословной, а не классовой. Учитывая роль религиозной идеологии, а в православном христианстве идеи мизогинии совсем не редкость, можно сказать, что российская культурная традиция идеи равенства полов скорее отрицает, поддерживая традиционный, т. е. патриархатный гендерный уклад.

И последнее, самое неоднозначное, — человеческий фактор в социальной науке и его влияние на гендерную политику. Т. Кун говорит о развитии науки как процессе смены научных парадигм. Следует добавить к этому процесс смены поколений исследователей в науке и развитие (угасание) научных школ.

Российские гендерные исследования сформировались в начале 1990-х годов. Основу корпуса исследователей составили молодые гуманитарии, владеющие иностранными языками, восприимчивые к западным теориям. Становление гендерных исследований как самостоятельной отрасли общественного знания в России начиналось как раз с переводов классических феминистских текстов на русский язык. Рост и успехи российского женского движения в середине 1990-х обеспечили гендерные исследования «материальным носителем» и полем для практики. Прошло двадцать лет, и ситуация заметно изменилась. Мы наблюдаем процесс смены поколений как в гендерных исследованиях, так и в женском движении. Ситуация переходности, отсутствие ярких лидеров, уход известных ученых из гендерных исследований в другие научные области мало способствует повышению рейтинга гендерных проблем в глазах российских политиков.

В подобной ситуации наиболее вероятным представляется следующий сценарий развития событий. Гендерные исследования в стране стагнируют, не прекращаются, но и не развиваются. Корпус гендерных исследователей сокращается. Гендерные дисциплины в образовательных стандартах разных уровней образования становятся факультативными. Гендерная политика сохраняется, но при этом носит исключительно декларативный характер, никак не влияя на реальные политические решения. Гендерная статистика собирается, но по очень небольшому кругу показателей. Участие страны в гендерных программах ООН становится формальным, но Россия не отказывается от своих международных обязательств.

В пользу вероятности такого сценария говорит крайне узкий перечень гендерных проблем, которые намерено решать Правительство России. Так, согласно Восьмому периодическому докладу Российской Федерации о выполнении Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW) (2014¹) в будущем предполагается работать в следующих направлениях:

- снижение материнской смертности, аборт², расширение доступности и повышение качества медицинских услуг для женщин, в том числе проживающих в сельской местности;
- обеспечение доступности дошкольного образования для детей в возрасте от полутора до семи лет и создание условий для совмещения женщинами семейных обязанностей с профессиональной деятельностью;
- законопроект в сфере профилактики семейно-бытового насилия, формирование системы оказания всесторонней помощи и развития необходимых социальных услуг для женщин, детей, а также мужчин — виновников семейно-бытового насилия;
- формирование общественного консенсуса по вопросу возможности принятия закона о гендерном равенстве и укрепление межведомственной координации в области гендерного равенства.

Налицо попытки перевести гендерную проблематику сугубо в область социальной работы, согласно политически безопасному первому (традиционному) подходу к решению гендерных проблем. Другие задачи государство перед собой даже не ставит, обозначая их весьма неопределенно — как «формирование общественного консенсуса».

Однако Россия, претендуя на подлинное лидерство в вопросах продвижения демократии на глобальном уровне, не должна возвращаться назад к доиндустриальному характеру гендерных отношений, так как связь демократических ценностей и идеологии гендерного равенства очевидна. Необходимо дополнить российскую гендерную политику реальными мерами, позволяющими признать равноценность вклада мужчин и женщин в развитие, в том числе путем:

- полноценного использования потенциала женщин в экономике. Например, через преодоление сложностей трудоустройства женщин в предпенсионном и пенсионном возрастах, а также матерей с маленькими детьми и женщин, выходящих на рынок труда после длительного отпуска по уходу за ребенком;

¹ Восьмой периодический доклад Российской Федерации о выполнении Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. С. 64–65. Электронный документ. URL http://www.rosmintrud.ru/docs/others/011/Doklad_Gendernoe_ravenstvo.doc (Дата обращения 04.07.2015).

² Данный вопрос уже начинает решаться, правда, очень своеобразно. В Государственную Думу России внесено предложение о запрете абортов, что является не только нарушением прав женщин, но и по сути является коррупциогенным и опасным для здоровья женщин, так как создает условия для роста числа криминальных абортов, проводимых зачастую не в медицинских учреждениях.

- создания равной ответственности отцов и матерей за воспитание своих детей, путем продвижения в общественное сознание тезиса, что успешность мужчины — это гармоничное совмещение профессиональной деятельности с ролью ответственного и высоконравственного отца и мужа;
- преодоления рисков сверхсмертности мужчин работоспособного возраста и отсутствия у них самосохранительного поведения;
- стимулирования участия женщин в общественной просветительской деятельности по изменению стереотипов в общественном сознании о роли женщин в общественной и политической жизни, например, закрепления за женщинами исключительно роли жены и матери (что само по себе и неплохо, если не препятствовать реализации и других социально значимых ролей женщины в обществе!);
- изменения отношения СМИ и общества к гендерным проблемам, восполняя недостаток информации о смыслах терминов «гендер», «гендерное равенство», «права человека-женщины», «демократия»;
- объективной оценки эффективности деятельности женских организаций и международных программ в области продвижения демократических ценностей, включая гендерное равенство.

Все эти меры позволят сделать оптимизацию гендерных отношений одним из смыслов и драйверов наступающего будущего, как для политиков, так и для простых граждан, помогут преодолеть существующий сегодня кризис в политике достижения подлинного равенства прав и возможностей женщин и мужчин в стране, повышая тем самым позитивное созидательное влияние России в глобальном социуме. Тем более что в нашей истории подобные примеры уже есть, достаточно вспомнить весьма прогрессивные для своего времени идеи А. Коллонтай о советской государственной политике в отношении женщины, многие из которых были реализованы в странах Европы и США только спустя полвека [подробнее см. 3].

Литература

1. *Василенко Л. А.* Социология неравновесных процессов становления информационного общества: методологические подходы // Синергетическая парадигма-2008. М. : Прогресс-Традиция, 2009.
2. *Василенко Л. А.* Социология информационных процессов в условиях социальных изменений // Социология в системе научного управления [электронный ресурс]: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса / ИС РАН, ИСПИ РАН, РГСУ. М. : ИС РАН, 2012.
3. *Василенко Л. А., Кашина М. А.* Гендерный ресурс государственного управления: от советского прошлого — к постсоветскому будущему // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. Т. 5. Вып. 5 (17). СПб., 2014. С. 33–41.
4. *Воронина О. А.* Политика гендерного равенства в современной России: проблемы и противоречия // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 12–20.
5. *Егоров В. С.* Философия открытого мира. М. : Воронеж, 2001.
6. *Захаров С. В.* Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3(24). С. 124–140.
7. *Кашина М. А.* Гендерно ориентированная социальная политика как проект публичной гендерной социологии // Личность, культура, общество. 2011. Т. XIII. Вып. 2 (63–64). С. 235–241.

References

1. *Vasilenko L. A.* *Sociology of nonequilibrium processes of formation of information society: methodological approaches* [Sotsiologiya neravnovesnykh protsessov stanovleniya informatsionnogo obshchestva: metodologicheskie podkhody] // Synergetic paradigm-2008 [Sinergeticheskaya paradigma-2008]. M. : Progress-Tradition [Progress-Traditsiya], 2009. (rus)

2. Vasilenko L.A. *Sociology of information processes in the conditions of social changes* [Sotsiologiya informatsionnykh protsessov v usloviyakh sotsial'nykh izmenenii] // *Sociology in system of scientific management* [Sotsiologiya v sisteme nauchnogo upravleniya] [electronic resource]: Materials of IV Russian sociological congress / Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Institute of Socio-Political Researches of Russian Academy of Sciences, RSSU [Materialy IV Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa / IS RAN, ISPI RAN, RGSU]. — M. : Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences [IS RAN], 2012. (rus)
3. Vasilenko L.A., Kashina M.A. *Gender resource of the public administration: from the Soviet past — to the Post-Soviet future* [Gendernyi resurs gosudarstvennogo upravleniya: ot sovetskogo proshlogo — k postsovetskomu budushchemu] // *Scientific works of North-West Institute of Management of the RANEPА* [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhIGS]. V. 5. 5 (17). SPb., 2014. P. 33–41. (rus)
4. Voronina O.A. *Policy of gender equality in modern Russia: problems and contradictions* [Politika gendernogo ravenstva v sovremennoi Rossii: problemy i protivorechiya] // *Woman in the Russian society* [Zhenshchina v rossiiskom obshchestve]. 2013. N 3. P. 12–20. (rus)
5. Egorov V.S. *Philosophy of the open world* [Filosofiya otkrytogo mira]. M - Voronezh, 2001. (rus)
6. Zakharov S.V. *Birth rate prospects in Russia: second demographic transition* [Perspektivy rozhdaemosti v Rossii: vtoroj demograficheskii perekhod] // *Domestic notes Otechestvennye zapiski*. 2005. N 3(24). P. 124–140. (rus)
7. Kashina M.A. *Gender focused social policy as the project of public gender sociology* [Genderno orientirovannaya sotsial'naya politika kak proekt publichnoi gendernoi sotsiologii] // *Personality, culture, society* [Lichnost', kul'tura, obshchestvo]. 2011. V. XIII. 2 (63–64). P. 235–241. (rus)

Антирисковый потенциал управленческой социализации

Мурашов Сергей Борисович

Северо-Западный институт повышения квалификации
ФНС России (Санкт-Петербург)
Ректор
Доктор социологических наук
murashov@nalogprof.ru

РЕФЕРАТ

В статье с точки зрения социологии риска исследуется феномен социализации как процесса обобществления рисков в масштабе определенной деловой структуры — бизнес-сообщества, характеризующегося высокой рискогенностью (корпорация, компания). Определяется роль управленческой социализации в формировании системы превентивного управления факторами организационной рискогенности. Вводится понятие «рискоориентированная социализация» как фактор обеспечения превентивности процессов управления, определяются основные цели и методы рискоориентированной социализации, ее внутренние агенты и требования к их компетенциям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социология риска, управленческая социализация, рискоориентированная социализация, агент социализации, социализированность, обобществление рисков, превентивное управление

Murashov S. B.

Anti-risk Potential of Administrative Socialization

Murashov Sergei Boresobich

North-West Institute of Professional Development of Federal Tax Servants of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Rector
Doctor of Social Sciences
murashov@nalogprof.ru

ABSTRACT

In an article from the perspective of the sociology of risk, we investigate the phenomenon of socialization as a process of socialization of the risks in a particular scale business structure — the business community with a high risk-taking (corporation, company). The role of management in the formation of the socialization of preventive management of organizational factors risk-taking. The notion of «risk-based socialization» as a factor of precautionary management processes, defines the basic aims and methods of risk-oriented socialization and its internal agents and requirements for their competence.

KEYWORDS

Sociology of risk management socialization, socialization of risk-based, agent of socialization, socialization, socialization of risk, a preventive control

Социологический и управленческий аспекты исследования проблем риска находят сегодня в фокусе внимания авторов многочисленных научных публикаций, посвященных разнообразным проблемам общества, народного хозяйства и управления. Приходит понимание того, что недооценивать такое явление, как риск, в любой сфере управленческой деятельности уже становится непозволительной роскошью. В частности, для организационных систем управления проблемы риска усугубляются тем, что, с одной стороны, на первый план выходит антропогенные и социогенные

факторы риска, и, с другой стороны, методы принятия решений не соответствуют сложности решаемых управленческих задач. Поэтому, с точки зрения выявления и предупреждения данной категории потенциально опасных факторов, рационализация систем управления в различных областях деятельности становится в настоящее время чрезвычайно актуальной проблемой, как в теории, так и на практике. И надо сказать, что в теоретических изысканиях в этом отношении наблюдаются существенные подвижки. В ряде фундаментальных публикаций [1, 3, 6, 7] разрабатываются методы проведения социологически-ориентированных диагностических исследований, направленных на осмысление актуальных подходов к рационализации традиционных, устоявшихся во многих российских организациях и государственных структурах систем управления.

В широком социологическом контексте, риски рассматриваются обычно в рамках известной концепции «общество риска» (см. наиболее фундаментальный труд Яницкого О.Н. — [7]) как весьма разнообразные негативные факторы, производимые таким обществом.

В более узком смысле можно говорить о том или ином рискогенном сообществе — *социуме риска*. В таком социуме (например, в профессиональной корпорации, деловой компании) внутренние риски обуславливаются соотношением его общекорпоративных интересов и интересов отдельных индивидов или групп, их мотивациями к конфликтам или гармонизации. Это можно охарактеризовать, в частности, понятием социальной стабильности, уровень которой во многом определяет степень организационной социогенности рисков. Однако, поскольку внутрисоциумные факторы риска могут иметь самую разнообразную природу (не только социально обусловленную), правильнее было бы употребить выражение — *социумная стабильность*. С точки зрения субъекта управления неким организованным социумом риска, осуществляющим какой-либо вид деятельности, обеспечение социумной стабильности должно предполагать превентивность процессов управления, т. е. в каждый такой процесс необходимо интегрировать систему выявления и превенции (иными словами — локализации или нейтрализации) дестабилизирующих факторов риска. Однако принятие любого решения по превенции становится возможным только в том случае, если риски своевременно выявляются. А своевременно, с точки зрения управленческой деятельности, значит — в стадии планирования. Поэтому, если речь идет о превентивном управлении, это в значительной своей части — превентивное планирование. Стало быть, для обеспечения превентивности необходимо интегрировать систему выявления рисков в любой процесс планирования, осуществляемый субъектами управления.

Далее, в ракурсе социологии управления конкретизируем абстрактный социум риска как *корпорацию риска* — деловую компанию, осуществляющую хозяйственную деятельность и обладающую высокой рискогенностью, рассмотрим, как в этой сфере обстоит дело с проблемами риска и превентивного управления.

Прежде всего, отметим, что понятие превентивного управления пока существует лишь в теории, в практике компаний такая модель управленческой деятельности пока не работает, так как задачи и действия по идентификации и заблаговременной превенции рисков не встроены в процессы управления [5, 9, 10]. Проблемы риска описываются главным образом в таких терминах, как система управления рисками (или риск-менеджмент), внутренний контроль, система экономической безопасности. Решаются же задачи, связанные с рисками, путем введения должностей, создания отделов (служб), на которые возлагается ответственность за определенные категории и виды рисков (подробнее см. [2, 5]).

Однако практика показывает, что невозможно успешно нейтрализовать влияние рисков с помощью тех принципиальных управленческих инструментов, которые

применяются в настоящее время в большинстве компаний [2, 5, 9, 10]. Дело в том, что эти инструменты определены основным организационно-методологическим подходом, повсеместно внедренным в развитых зарубежных странах и копируемым в последние десятилетия в России. Он рассчитан на стандартизованность и унифицированность систем риск-менеджмента (в том числе и в рамках ISO), выработку единых требований к системам управления рисками, предъявляемых к любым компаниям. Однако такой подход не учитывает того обстоятельства, что риски в компаниях не могут успешно выявляться, если система выявления не встроена в каждый процесс функционального планирования. Но планированием занимаются не риск-менеджеры, а ответственные функциональные работники, отношение которых к риску как правилу четко не определено и часто даже не учитывается вовсе при принятии решений в системе планирования. Объясняется это тем, что в функциональных подразделениях отсутствует распределение ролей в управлении рисками, нет понимания того, как идентифицировать сопутствующие факторы риска при выполнении основных задач, закрепленных в должностных инструкциях (а задачи, связанные с рисками, в таких инструкциях, как правило, не зафиксированы). Иначе говоря, сотрудники с точки зрения риска не социализированы, и следовательно — риски не обобществлены. Это, в свою очередь, означает, что ответственность за риски по сути никто не несет. Так обстоит дело в большинстве компаний, будь то российские или зарубежные, хотя во многих зарубежных функционируют системы риск-менеджмента, соответствующие международным стандартам. Ключевая фигура в таких системах — риск-менеджеры, выступающие преимущественно в качестве координаторов и консультантов, и то, только тогда, когда возникают на это запросы, а возникают они у сотрудников не часто, поскольку проблема превенции рисков при планировании по большей части игнорируется, она актуализируется лишь в тех случаях, когда возможные риски становятся слишком очевидными и грозят значительными потерями в будущем, если их на этапе планирования не учесть. Таким образом, риск-менеджер просто не в состоянии выявлять все риски во всех процессах планирования, протекающих в пределах компании. А лица, принимающие решения, как правило, слишком экономят время и средства, чтобы относиться к проблемам рисков всерьез. В результате управленческие риски по сути не контролируются никак. Следствие этого — лишь немногие стратегии и планы реализуются так, как предусмотрено, без критических отклонений в параметрах. Случаи же полных провалов также не так редки [8, 9, 10].

Описанное узкое место, характерное для большинства организационных систем управления и выпадающее из поля зрения разработчиков международных и национальных стандартов по риск-менеджменту, обуславливает неэффективность применения последнего на практике.

Вывод из вышеизложенного очевиден — на повестке дня давно стоит проблема пересмотра устоявшихся отношений к рискам, как среди руководителей, лиц принимающих решения, так и среди исполнителей этих решений. По-видимому, необходимо переход от парадигмы риск-менеджмента к парадигме превентивного управления, предполагающей несравненно более высокий уровень социализированности сотрудников в отношении риска. В частности, в деловых компаниях необходимо радикальное изменение кадрового подхода, структуры и качества рискованных компетенций, распределения ролей, функций и задач в системе превентивного управления, создания методической базы для их реализации. Причем, учитывая особенности восприятия рисков и методов разработки решений, применяемых руководителями и планировщиками в конкретных компаниях, специфичность осуществляемых там процессов управления, проблему разработки и внедрения в практику модели превентивного управления, по-видимому, можно решать лишь на

уровне каждой отдельно взятой компании. Общих стандартов здесь быть не может, и практика стандартизации риск-менеджмента, как мы объяснили выше, показала несостоятельность унифицирующего подхода. Тем не менее, вполне корректно говорить о парадигме превентивного управления, но такая парадигма сформируется только на основе осмысления соответствующих методик и практических примеров их успешной реализации в отдельных компаниях.

В последнее время также много говорится о необходимости внедрения риск-ориентированного подхода в различных организационных системах управления. Но и в этом направлении пока еще не предпринято реальных шагов, поскольку принципиально суть декларируемого подхода аналогична традиционному риск-менеджменту, только названо это по-другому. Далее рассмотрим, какие конкретно системные изменения необходимы для формирования превентивного (или, если угодно — рискориентированного) подхода в управлении компаниями, чтобы этот подход мог осуществляться, а не оставаться лишь ничем не подкрепленной декларацией.

Как известно, последняя треть XX в. принесла с собой существенные изменения в сложившихся методологических приоритетах в ведении управленческой деятельности. Среди многочисленных новых приоритетов можно выделить хотя бы два, представляющиеся автору наиболее критичными, а именно: а) усиление роли информационно-знаниевой составляющей в управлении; б) перемещение проблемы устойчивого организационного развития в фокус внимания руководящих работников.

Тем не менее, хотя в теории данные приоритетные направления получили существенную разработку, на практике их реализация пока малоэффективна [2, 3, 5, 9]. В связи с этим можно отметить, что, например, в западноевропейской и американской практике компаниям призваны оказывать помощь в управлении рисками и безопасностью внешние носители знаний и опыта в данной сфере — специализированные фирмы риск-консалтинга, предоставляющие соответствующие услуги (аутсорсинг управления рисками). Однако фирмы риск-консалтинга, ввиду частного характера решаемых задач, применения стандартизированных подходов к рискам, не в состоянии существенно повысить рискоустойчивость своих клиентов. Это объясняется тем, что в пределах самих компаний не формулируется идеология превентивного управления, не работают организационные механизмы по выявлению и превенции рисков, у сотрудников не создается четких мотиваций к формированию индивидуального и коллективного отношения к рискам, на основании которого можно было бы принимать превентивные управленческие решения. Как уже говорилось выше, в компаниях не ставится цель ориентированной социализации каждого сотрудника в социум риска, которому они принадлежат и в котором трудятся. Такое деловое сообщество (корпорация) не осознается ими как определенный социум риска, а воспринимается лишь как бизнес и имеющее только бизнес-функции. Поэтому принимается по умолчанию, что социализация является трудовой, профессиональной, и этой формы достаточно, чтобы бизнес успешно работал. Между тем социализация в компаниях может быть ориентированной на что-то. В нашем случае, пока теоретически, вполне корректно говорить о рискориентированной социализации.

Насколько известно автору, такая трактовка феномена социализации до сих пор в научных публикациях не встречалась. Общее же представление о том, что такое социализация, следующее. В широком смысле это есть результат обобществления, которое может касаться как людей, их групп, так и предметов, например, ресурсов, средств производства. Интерпретируя определения из различных источников [напр. 1, 4], можно выразить суть: социализация подразумевает совместное существование и взаимодействие в рамках конкретного социума, что достигается реализаци-

ей знаниевого и практического аспектов: познание структуры и деятельности общества и приобретение навыков индивидуальной и совместной работы в нем.

Поскольку нас более интересует управленческая социализация, необходимо сформулировать, в чем заключается ее специфика. В целях предпринятого нами исследования и исходя из особенностей поставленной проблемы, в данной статье будем использовать следующую авторскую трактовку.

Управленческая социализация — это процесс интеграции менеджера или специалиста в конкретную организационную систему управления, достижения нужной степени конформности для обеспечения согласованности и эффективности совместного взаимодействия в рамках этой системы, что достигается реализацией знаниевого и практического аспектов: познание структурных и функциональных особенностей системы управления и приобретение навыков индивидуальной и совместной работы в ней.

Процесс управленческой социализации может охватывать все аспекты отношений сотрудника в системе управления, а может быть ориентирован на какой-либо приоритетный аспект, например, на риски и их превенцию. Такую управленческую социализацию назовем рискоориентированной. Теперь сформулируем, что нам следует понимать под рискоориентированной социализацией, необходимой, как было обосновано выше, для формирования модели превентивного управления.

Лаконичнее всего можно было бы определить выделенный феномен как процесс приобретения каждым сотрудником знаний и навыков, необходимых для реализации своих рискованных функций и задач в организационной системе управления. Но целесообразно дать более развернутые формулировки, проясняющие содержание явления.

Рискоориентированная социализация — это процесс обобществления рисков, означающий, что для сотрудников создаются возможности работать совместно в некоем сообществе риска, таком как организация, корпорация, и эффективно взаимодействовать друг с другом в решении задач выявления и превенции рисков в организационных системах управления. Такого рода социализация предполагает активное участие каждого отдельного сотрудника в построении системы отношений по управлению рисками, в распределении внутрикорпоративных ролей, создании знаний и опыта, критичных для успешной реализации этих отношений. Рискоориентированная социализация включает познание сотрудниками компании социогенных факторов риска, овладение навыками практической индивидуальной и групповой работы в решении задач, связанных с рисками, в организационных системах управления.

Для осуществления идеи рискоориентированной социализации каждого сотрудника в конкретной компании на начальном этапе потребуются, как нам представляется, минимум две вещи: а) волевое усилие и формулируемая миссия руководства к введению необходимых организационных изменений, создающих условия для социализационного процесса и б) опора на внутренних агентов социализации, обладающих широкими общими и специальными рисковыми компетенциями и способных создавать новые знания и опыт в данном аспекте управления и обеспечивать их эффективную коммуникацию в масштабе всей компании. В качестве одного из таких социализационных агентов может выступать, например, *методолог управления рисками* либо *аналитик управления рисками*. Поясним, почему предлагается именно такое наименование, а не более привычное — *риск-аналитик* или *аналитик рисков*. Подразумевается, что на данного профессионала должны быть возложены методологические и аналитические задачи, касающиеся не только рисков, но и организационных систем управления, их анализа с точки зрения потенциальной рискогенности и концептуального моделирования средств снижения этой

рискогенности. Это ясно из следующего перечня задач, определенного нами для должности аналитик (методолог) управления рисками:

- Определение концепции управления рисками в компании.
- Формирование общего рабочего глоссария управления рисками.
- Исследовательская работа в области рисков.
- Систематика рисков, специфичных для деятельности данной компании.
- Разработка методов выявления рисков, учитывающих особенности управленческой деятельности в данной компании.
- Разработка методов превенции рисков, учитывающих особенности управленческой деятельности в данной компании.
- Консультационная поддержка лица, принимающего решение (ЛПР) по проблемам риска.
- Моделирование (концептуальное) организационных систем управления рисками.
- Создание организационных условий и методических основ для формирования и обмена опытом в сфере управления рисками.
- Комплексная и итоговая оценка рисков компании.
- Оценка эффективности применяемых в компании методов превенции и страхования рисков.

Как видно, на текущий момент пока не существует подобной должности с таким набором задач (ни в зарубежной, ни в российской практике деятельности компаний). Хотя, например, в финансовых компаниях, таких как банки, можно встретить такую позицию, как риск-аналитик. Однако этого рода специалисты (если ознакомиться с их типовыми должностными инструкциями) имеют узкоспециализированный набор задач, абсолютно не соответствующий вышеприведенному перечню, определенному нами. И с точки зрения социализационного потенциала, опора на традиционного риск-аналитика в качестве агента (особенно в нефинансовых компаниях) будет скорее всего малоэффективна.

В качестве еще одного социализационного агента полезно рассмотреть те или иные внутрикорпоративные группы профессионалов, собирающиеся для проведения рискологических исследований. Такого рода исследования, как нам представляется, должны вестись профессионалами, достигших самого высокого уровня рискоориентированной социализированности, в силу чего они будут наиболее результативны. Эти профессионалы, обладающие широчайшими компетенциями в различных областях, но ориентированные на проблемы риска, могут объединяться в рамках *корпоративных рискологических сообществ* (можно использовать и более привычные названия: «сообщества практики» или «тематические группы» по проблемам риска) [2].

Корпоративные рискологические сообщества определим как группу специалистов в различных отраслях знаний, областях рискологии и управления рисками (теоретиков, методологов, аналитиков, оценщиков), добровольно социализирующихся для совместной научной и практической работы в сфере проблем риска. Основная цель таких сообществ — создание и распространение новых знаний и опыта в масштабе корпорации. Рискологические сообщества отличаются от проектных команд или рабочих групп в следующих аспектах: (а) формируются добровольно, по личной инициативе участников; (б) участники сообщества проводят исследования в выбранной области и одновременно взаимно обучаются, обмениваются опытом; при этом необязательны: четкое планирование, установление жестких сроков завершения исследований и конкретизация предполагаемых получаемых результатов; (в) цели, формулируемые в таком сообществе, могут быть гораздо более широкими в сравнении с целями проектных команд или тематических групп.

Отметим три основных измерения корпоративного рискологического сообщества:

- 1) предмет исследования, например: какой-либо аспект философии риска, оценки риска или превенции рисков и т. п.;

- 2) состав участников: специалисты по отдельным направлениям, координатор, «библиотекарь» и т. д.;
- 3) методическая основа проведения работ, например: создание инструментария исследований, формирование глоссария сообщества, способы документирования, порядок проведения дискуссий и т. п.

Рассматриваемые сообщества могут быть выгодны как их участникам, так и корпорации в целом, прежде всего с точки зрения создания условий для облегчения социализации сотрудников в аспекте риска, а именно расширения и ускорения доступа к знаниям и опыту в сфере управления рисками, получения средств обмена этими знаниями и опытом. В целом социализационная роль такого рода сообществ определяется тем, что они способствуют лучшему пониманию рисков каждым сотрудником, так или иначе ответственным за риски в компании, а также более эффективному превентивному планированию и управлению посредством системы обмена соответствующими организационными компетенциями, создания новых антирисковых возможностей в различных функциональных системах управления.

Можно предположить, что развивая внутренние рискологические сообщества та или иная компания достигнет более высокого уровня социализированности сотрудников в аспекте риска. Кроме того, за счет этого можно приобретать дополнительные выгоды экономического характера, среди которых: сокращение издержек в различных аспектах организационной деятельности; адресность в обучении сотрудников необходимым аспектам управления рисками; сокращение времени на поиск знаний и опыта в ситуациях риска.

Сформулируем, что следует считать основными составляющими рискоориентированной социализации в пределах отдельной компании: (1) приобретение каждым сотрудником компетенций и практического опыта по превенции или страхованию рисков (страхование понимается здесь в самом широком смысле), (2) обмен этими компетенциями и опытом с другими сотрудниками, (3) взаимодействие по решению задач превентивного планирования и управления рисками в компании.

Для реализации этих составляющих руководство должно создать условия. В частности, потребуется внесение изменений в должностные инструкции, касающихся обязанностей каждого сотрудника в организационной системе управления. В связи с этим, возникает проблема расширения организационных и личностных рисковых компетенций для превентивного управления. Поясним, что здесь имеется в виду.

Согласно новейшей трактовке ресурсного подхода к управлению, организационные компетенции (способности) — самый важный ресурс, позволяющий компании увеличивать отдачу от своей деятельности. В контексте превентивного управления — накопление, оптимизация, обмен и своевременное использование рисковых компетенций — ключевой фактор успешной корпоративной рискоориентированной социализации, которая, в свою очередь, создает возможности для осуществления управления рисками в масштабе всей компании максимально эффективно. Однако оговоримся, что при этом нужны еще надежные методы и модели оценки рисков. В связи с этим сделаем несколько замечаний по данной проблеме.

Как известно, с момента возникновения и в ходе дальнейшего развития управление рисками опиралось главным образом на методы и модели математической статистики. И складывалось впечатление, что такого рода знаний достаточно для данной сферы управления. Однако практика управления рисками показала, что статистическая парадигма в большинстве случаев ненадежна, она может считаться приемлемой лишь при решении задач на финансовых и страховых рынках [2, 3, 5, 8], т. е. там, где работает закон больших чисел. В других же сферах деятельности, где этот закон не выполняется, расчет на статистические выкладки не оправдан.

Кроме того, статистика ориентируется на прошлые данные, а прошлое редко повторяется. Поэтому для управления рисками нужны знания более широкие, не только математические, но и гуманитарные. Сложность работы современного риск-менеджера в том, что он должен знать, как минимум, все аспекты деятельности компании, поскольку риски присутствуют везде и они часто взаимосвязаны друг с другом. Но и этого мало — современный риск-менеджер должен знать также все аспекты и сферы деятельности, с которыми работа компании связана хотя бы косвенно. Это могут быть (и на практике часто так и случается) области знаний, выходящие за пределы компетенций риск-менеджера. А раз так, каким образом он может обеспечивать контроль всего многообразия рисков, сопутствующих не менее многообразным аспектам управленческой деятельности? Как правило, в настоящее время риск-менеджеры не удовлетворяют этому условию, т. к. их образование по заданию ориентировано на математические подходы к решению вполне определенного круга задач на финансовых рынках, а управление рисками, характерными для гуманитарной сферы деятельности, преимущественно антропогенными, социогенными рисками, не предусмотрено.

Тогда возникает вопрос: следует ли расширять компетенции риск-менеджеров на иные сферы риска (что физически выглядит проблематичным ввиду огромного количества и протяженности таких сфер), или вместо этого лучше создавать в компании условия для формирования рискованных компетенций у каждого сотрудника (конечно, дифференцированно, но позволяющих в целом обобществлять риски и осуществлять превентивное управление). Второй вариант представляется более перспективным.

Вышеизложенные соображения дают нам основания говорить об актуальности структуризации нематериальных потоков, обмена нематериальными элементами — знаниями, опытом и привилегиями, что обуславливает или нивелирует риски. Конкретизируем этот аспект, а именно соответствующие ему цели и методы управления (подробнее см., например, [2]). Основными целями представляются нам следующие: а) структурирование нематериальных потоков, обмен нематериальными элементами: знаниями, опытом и привилегиями, обуславливающими или нивелирующими риски (управление такими обменов должно способствовать исчезновению рисков, созданию стоимости); б) определение критериев полезности нематериальных потоков для управления рисками в компании, преодоление избыточности, ложной интерпретируемости единиц знаний и опыта; в) защищенность нематериальных элементов и потоков от утраты или искажения.

Методы достижения указанных целей могут быть самыми разнообразными (с учетом использования арсенала средств, разработанного в методологии управления знаниями), например: структурирование нематериальных обменов; графическое моделирование («картографирование») и анализ процессов нематериальных обменов и нематериальных привилегий в контексте рисков; моделирование нематериальных потоков: открытие/сохранение (задержка)/устранение/передача/отдача (выгода от применения рискологических знаний, опыта и привилегий); создание корпоративных рискологических сообществ для систематического исследования рисков; приоритизация знаний по критериям критичности, восстановимости, переносимости, ущерба от утраты; средства исключения монополии на знание, предусмотрения альтернативных источников (носителей) знаний; системы критериев для оценки полезности нематериальных потоков; средства фильтрации нематериальных потоков и т. п.

В заключение укажем на существование двух принципиальных стратегий обеспечения рискоориентированной социализации сотрудников:

а) **документирование**: написание специальных руководств, формирование и актуализация баз знаний по управлению рисками, и главное — обеспечение удобства

их использования любимыми сотрудниками в любой момент времени, когда это им потребуется для решения задач, связанных с риском;

- б) *персонализация*: опора на незафиксированный документально опыт в управлении рисками, сосредоточение на связях с носителями такого опыта, и главное — обеспечение удобства доступа к нему в нужные моменты времени.

Поскольку значительные объемы потенциально полезного рискового опыта, накапливающегося в компаниях, с трудом поддаются документированию, вторая стратегия, по-видимому, должна рассматриваться как приоритетная.

Суммируя все вышеизложенное, можно сказать, что в статье была сделана попытка выстроить концепцию управленческой социализации, ориентированной на риск и превентивное управление. Эта концепция, при ее практической реализации в масштабе рискогенного делового социума, такого как компания, призвана создавать условия для повышения антирискового потенциала, обеспечения надежности планирования, принимаемых превентивных управленческих решений в каждой из функциональных областей деятельности, в целом — на повышение эффективности организационных систем управления за счет полноты охвата и контролируемости факторов сопутствующих рисков. Все это должно способствовать созданию условий для снижения рискогенности различного рода деловых структур.

Литература

1. Карпова М. К. Профессионально-образовательный компонент социализации личности будущего менеджера. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. социол. наук. Пенза : 2006.
2. Корезин А. С. Менеджмент и контроллинг безопасности предприятия. СПб. : Изд-во «ПаркКом», 2011.
3. Корезин А. С., Мурашов С. Б. Социологические аспекты риска в управлении маркетинговой деятельностью // Управленческое консультирование. 2015. № 1 (73). С. 94–103.
4. Макарова С. Н. Уровни профессиональной социализации: концептуальный аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 62. С. 152–156.
5. Поскочинова О. Г. Системные решения по управлению рисками на предприятии. СПб. : Издательство Северо-западного института повышения квалификации ФНС России, 2013.
6. Социология управления: стратегии, процедуры и результаты исследований / отв. ред. А. В. Тихонов. М : «Канон «1» РООИ «Реабилитация», 2010.
7. Яницкий О. Н. Социология риска. М. : Изд-во LVS, 2003.
8. Castell S., Thompson J. «Fair trade research». Market Research Society. Annual Conference. Brighton. 2005.
9. Hartley R. F., Claycomb C. Marketing Mistakes and Successes. Wiley : 2014.
10. Berry T. «Product and Brand Failures: A Marketing Perspective». URL: <http://articles.bplans.com/product-and-brand-failures-a-marketing-perspective>

References

1. Karpova M. K. *Professional and educational component of socialization of the identity of future manager* [Professional'no-obrazovatel'nyi komponent sotsializatsii lichnosti budushchego menedzhera]: dissertation abstract. Penza : 2006. (rus)
2. Korezin A. S. *Management and controlling of safety of the enterprise* [Menedzhment i kontroling bezopasnosti predpriyatiya]. SPb. : Publishing house "Parkcom" [ParkKom], 2011. (rus)
3. Korezin A. S., Murashov S. B. *Sociological aspects of risk in marketing management* [Sotsiologicheskie aspekty riska v upravlenii marketingovoi deyatel'nost'yu] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 1 (73). P. 94–103. (rus)
4. Makarova S. N. *Levels of professional socialization: conceptual aspect* [Urovni professional'noi sotsializatsii: kontseptual'nyi aspekt] // News of the Herzen State Pedagogical University of

- Russia [Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena]. 2008. N 62. P. 152–156. (rus)
5. Poskochinova O. G. *System decisions on risk management at the enterprise* [Sistemnye resheniya po upravleniyu riskami na predpriyatii] / Monograph. SPb. : Publishing house of North-West institute of professional development of FNS of Russia [Izdatel'stvo Severo-zapadnogo instituta povysheniya kvalifikatsii FNS Rossii], 2013. (rus)
 6. *Sociology of management: strategy, procedures and results of researches* [Sotsiologiya upravleniya: strategii, protsedury i rezul'taty issledovaniy] / executive editor A.V. Tikhonov. M : «Canon «1» ROOI «Rehabilitation» [«Kanon«1»» ROOI «Reabilitatsiya»], 2010. (rus)
 7. Yanitsky O. N. *Sociology of risk* [Sotsiologiya riska]: Monograph. M. : Publishing house LVS, 2003. (rus)
 8. Castell S., Thompson J. «Fair trade research». Market Research Society Annual Conference. Brighton. 2005.
 9. Hartley R. F., Claycomb C. *Marketing Mistakes and Successes*. Wiley : 2014.
 10. Berry T. «Product and Brand Failures: A Marketing Perspective». URL: <http://articles.bplans.com/product-and-brand-failures-a-marketing-perspective>

Энергосбережение как фактор развития регионов

Захаров Вячеслав Павлович

Служба государственного строительного надзора и экспертизы Санкт-Петербурга
Заместитель руководителя — начальник Управления
gne@gov.spb.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются законодательные и нормативные требования по энергосбережению и повышению энергоэффективности капитальных объектов в России. Отмечается ряд проблемных вопросов: низкие темпы капитального ремонта жилых зданий, противоречивость нормативно-методической базы в вопросах проектирования, строительства и эксплуатации зданий и сооружений, недостаток средств в регионах, отсутствие мотивации руководителей. Все это ведет к перерасходу энергетических ресурсов и, как следствие, снижению эффективности российской экономики.

Установленное законом обязательное энергетическое обследование было осуществлено примерно на половине от общего числа объектов, а внедрение эффективных энергосберегающих мероприятий коснулось незначительного их количества. Было выявлено, что Минрегионразвития (в период его деятельности) не определило показатели, на основании которых присваиваются классы энергоэффективности жилых зданий. Отсутствует механизм финансирования энергосберегающих мероприятий в регионах, практически нет финансирования из внебюджетных источников. Одной из причин этого является отсутствие стимулирующих факторов (снижения налогов, льготного кредитования, снижения арендной платы, частичной компенсации затрат на повышение энергоэффективности). По этой же причине не реализуются энергосервисные контракты. Недостаточно активно в регионах внедряются новые технологии и оборудование с низким энергопотреблением, не создаются демонстрационные зоны с высокой энергоэффективностью.

В работе на основе проведенного анализа предлагается схема разработки и внедрения энергосберегающих мероприятий в регионе. Важный ее момент — выявление на региональном или муниципальном уровне крупных энергопотребителей и предприятий по генерации электрической и тепловой энергии. На этих объектах в обязательном порядке должно быть проведено энергетическое обследование. Следующим шагом должно быть составление программы по повышению энергоэффективности и ее реализация за счет собственных или заемных средств. Особое внимание следует уделить сфере ЖКХ, где наблюдаются самые значительные потери энергоресурсов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

энергосбережение, энергетическая эффективность, энергоресурсы, энергетическое обследование, классы энергоэффективности зданий, энергопотребители, программы по энергосбережению, энергосберегающие мероприятия

Zakharov V. P.

Energy Conservation as a Factor of Regional Development

Zakharov Vyacheslav Pavlovich

Department of State Building Supervision and Expertise of Saint-Petersburg (Russian Federation)
Vice-chief — Head of Administration
gne@gov.spb.ru

ABSTRACT

The article deals with legal and normative requirements for energy conservation and increasing of energy efficiency in the sphere of the Russian economy. We notes a number of problems: low rates of major repairs of residential buildings, contradictory in a field of normative basis in the design,

construction and maintenance of buildings and structures, lack of funds in the regions, absence of the executive's motivation. These problems lead to a waste of energy resources and, as a consequence, reduce the efficiency of the Russian economy.

The statutory mandatory energy audit was carried out in about half of the total number of objects, and the introduction of effective energy-saving measures affected a minor amount. Control and supervisory bodies in the face of The Russian Agency for Atomic, Technologic and Ecologic Supervision, regional committees on energy and other structures didn't use adequate penalties against those who didn't have fulfilled the legal requirements.

Ministry for Regional Development (in the period of its activity) did not determine a base for indicating of energy efficiency's classes for residential buildings. There is no funding mechanism for energy efficiency measures in the regions; there is practically no funding from extra-budgetary sources. One of the reasons of this situation is the lack of stimulating factors (tax cuts, soft loans, reduced rents, partial compensation of the cost for energy efficiency improvements). Energy-service contracts are not implemented for the same reason.

Insufficient activity takes place in the field of introduction of new technologies and equipment with low power consumption, there are not created the demonstration zones with high energy efficiency.

On the base of analysis the author proposes a scheme for development and inculcation real energy-saving measures in the region. The important point of it is to identify, large energy consumers and electricity and heating plants on the regional or municipal level. These factories should be subjected mandatory energy audits. The next step should be the preparation of a program to improve energy efficiency and the gradual implementation of it by own or borrowed funds.

Particular attention should be paid to the housing sector, where there are the most significant losses of energy and form arbitrary tariffs for businesses and households.

KEYWORDS

energy conservation, energy efficiency, energy resources, energy audits, energy efficiency classes of buildings, energy consumers, energy saving programs, energy-saving measures

Известно, что в настоящее время на каждый процентный пункт прироста ВВП в России требуется 0,5% прироста потребления топливно-энергетических ресурсов. Традиционные подходы экстенсивного развития энергетической сферы ведут к перерасходу энергоресурсов, формируют технологическую отсталость основных отраслей национальной экономики и не стимулируют процессы энергосбережения и повышения энергоэффективности. По данным международного энергетического агентства, российская экономика превосходит другие страны мира по объему использованного газа на производство единицы продукции, в частности, в сравнении с показателями США почти в 6 раз, Германии — в 8 раз. Все это может привести к тому, что после 2020 г. Россия окажется в «газовых тисках», «голубого топлива» не будет достаточно для внутреннего рынка.

Указ Президента России от 4 июня 2008 г. о мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики¹ предписал снижение энергоемкости предприятий российской экономики к 2020 г. на 40% по отношению к базовому показателю 2007 г. Энергоэффективные решения необходимо закладывать на стадии проектирования, так как в дальнейшем выполнить энергосберегающие мероприятия будет сложно, дорого, а подчас и невозможно. Постановлением Правительства РФ от 25.01.2011 г. № 18 были утверждены Правила установления требований энергетической эффективности², в соответствии с которыми должны были быть разработаны требования к энергетической эффективности зданий, строений, сооружений. Однако они не утверждены до сих пор.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 4 июня 2008 г. № 889 «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики».

² Постановление Правительства Российской Федерации от 25.01.2010 г. № 18 «Об утверждении Правил установления требований энергетической эффективности».

Законом также были определены требования к застройщику по установке указателя класса энергоэффективности здания¹. Разработанные Минрегионом России правила вступили в силу в 2011 г., но классы энергоэффективности отличаются от тех, которые приведены в нормативных документах, а именно в СНиП 23-02-2003 «Тепловая защита зданий» и его актуализированной версии СП 50.13330.2012² (в приказе нет классов А+, А++, С+, С-). Различаются и численные величины по удельному потреблению тепловой энергии на отопление, вентиляцию и горячее водоснабжение в сравнении с нормируемыми показателями. Различие достигает значений в 10–15% и более.

Поскольку не появились требования к энергетической эффективности зданий, строений, сооружений, то не были утверждены и нормируемые уровни удельного годового расхода тепловой энергии на отопление, вентиляцию и горячее водоснабжение, при сопоставлении с которыми определяется класс энергоэффективности и на фасаде здания устанавливается указатель с обозначением этого класса. Установленная министерством форма указателя является малоинформативной, так как на ней указано буквенное обозначение класса. Во многих странах на зданиях указывается конкретная энергоэффективность здания (потребление декалитров топлива на кубический метр или квадратный метр в год), так как в пределах одного класса отклонения величин от нормируемого показателя могут составлять 5–10% (табл. 1).

Известно, что энергозатратной отраслью для России является жилищно-коммунальное хозяйство, где потери энергии составляют около 1/3 всех энергетических потерь. При этом следует иметь в виду, что только 6% (170 млн м²) жилых зданий из 2820 млн м² всего российского жилищного фонда соответствуют современным требованиям по теплозащите [2, с. 18]. Как следует из имеющихся данных, большая часть многоквартирных домов имеет теплопотери через ограждающие конструкции выше нормативных. Особенно это относится к старому жилищному фонду, который превалирует в исторических районах Москвы и Санкт-Петербурга.

Следует отметить, что в таких зданиях уровень теплозащиты примерно в 3–3,5 раза ниже, чем в домах, построенных после 2010 г. В соответствии с положениями городской программы «Энергосберегающее домостроение в городе Москве на 2010–2014 гг. и на перспективу до 2020 года» новые дома должны иметь энергоэффективность на 25% выше тех, что проектировались до вступления в силу Федерального закона 261-ФЗ³. С 2016 г. планируется переход на стены и окна с еще большим термическим сопротивлением. Однако многие специалисты относятся к этим характеристикам теплозащиты отрицательно: дополнительное вложение средств оказывается непомерно большим, а выигрыш с точки зрения энергосбережения — несущественным, что в итоге ведет к длительному (25–30 лет) сроку окупаемости конструкций.

Современные требования к светопрозрачным конструкциям также предусматривают увеличение показателя теплозащиты окон более чем в 1,5 раза, что ведет к существенному удорожанию конструкции, так как для этого требуется устанавливать двухкамерный стеклопакет, но не с обычными стеклами, а со специальным

¹ Федеральный закон от 23.11.2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

² СП 50.13330.2012 «Тепловая защита зданий» (актуализированный СНиП 20.02.03). М., 2012.

³ Федеральный закон от 23.11.2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

**Некоторые параметры наружного воздуха
в холодный период года**

Город	Прежняя редакция, (1999)			Новая редакция, (2012)		
	t_x	$z_{от}$	$t_{от}$	t_x	$z_{от}$	$t_{от}$
Москва	-28	214	-3,1	-25	205	-2,2
Санкт-Петербург	-26	220	-1,8	-24	213	-1,3

Здесь: t_x — температура воздуха наиболее холодных суток, °С (с обеспеченностью 0,92); $z_{от}$ — продолжительность отопительного периода для жилых зданий, сут.; $t_{от}$ — средняя суточная температура за отопительный период, °С.

селективным покрытием. Затраты на 1 м² изделия возрастают на 700 руб. Существуют и чисто технологические трудности: многие заводы по производству светопрозрачных конструкций не готовы выпускать продукцию, отвечающую современным энергосберегающим требованиям.

Проектные организации должны внедрять энергоэффективные решения, так как в проектную документацию включен раздел «Мероприятия по обеспечению соблюдения требований энергетической эффективности и требований оснащенности зданий, строений и сооружений приборами учета используемых энергетических ресурсов» («Энергоэффективность»). В настоящее время нормативными требованиями фактически не допускается проектирование стен из однослойных строительных конструкций из кирпича, керамзитобетона, газобетона и т. п. Проектировщики и строители используют сэндвич-панели, различного типа утеплители (минераловатные плиты, пенополистирол и др.), а также различного рода композиты с наполнителями.

Но целесообразность постоянного наращивания приведенного коэффициента термического сопротивления экономически не оправдана, так как дальнейшее повышение теплозащитных свойств зданий не приводит к пропорциональному увеличению экономического эффекта за счет энергосбережения. Это видно из рис. 1, на котором представлена структура годового теплопотребления типового 17-этажного трехсекционного дома П-44 [1, с. 8]. Можно видеть, что горячее водоснабжение в структуре нагрузок составляет 47%, инфильтрация — 31% и наружные стены, окна, чердак и пол — оставшиеся 22%. В связи с этим утепление ограждающих конструкций, при значительных затратах денежных средств, не приводит к существенному энергосберегающему эффекту. Основной резерв экономии энергетических ресурсов на сегодняшний день приходится на использование новых технологий в инженерных системах здания, а также на внедрение автоматических систем управления ими.

Учитывая, что потери тепла через стены и окна составляют около одной пятой части всех потерь, а оставшиеся потери приходятся на инженерные системы, следует говорить о комплексном подходе по обеспечению энергоэффективности зданий. Причем такой подход целесообразно применять при проектировании вновь строящихся зданий или реконструкции (капитальном ремонте) эксплуатируемых зданий. Следует отметить, что темпы капитального ремонта зданий за последние 20 лет резко снизились [2, с. 18] (рис.2). Это приводит к тому, что с каждым годом количество зданий, подлежащих капитальному ремонту, увеличивается, причем все эти здания не являются энергосберегающими.

Для того чтобы не допустить разрастания ветхого и аварийного фонда, в России необходимо капитально ремонтировать около 3–4% жилищного фонда ежегодно. В этом случае на этапе проектирования в соответствии с современными норма-

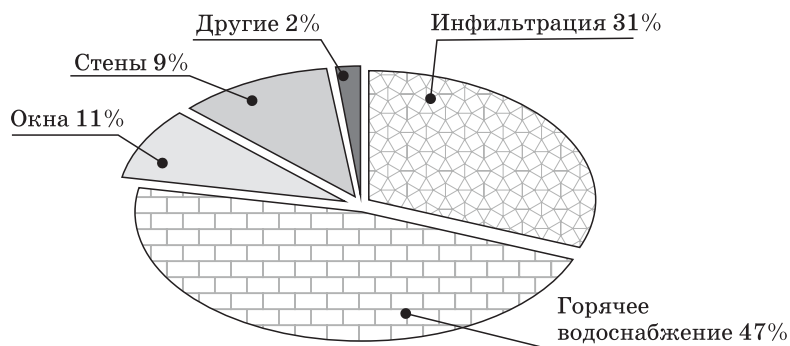

Рис. 1. Структура годового теплоснабжения типового жилого дома

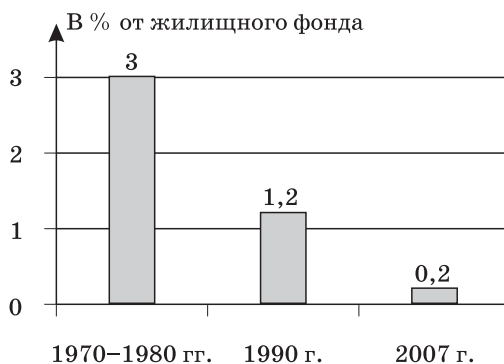

Рис. 2. Данные по капитальному ремонту зданий

тивными и законодательными требованиями должны быть учтены энергосберегающие решения.

Изменено наименование классов в актуализированном СНиП 23-02-2003 «Тепловая защита зданий» (СП-50.13330.2012)¹: в документе говорится о классе энергосбережения жилых и общественных зданий (а не о классе энергоэффективности). Кроме различия в дефинициях можно увидеть и существенное отличие значений в показателях потребления тепловой энергии здания. Ниже класса С (нормальный) здания не должны проектироваться, но в документе оказался и класс С-, который может превышать по энергопотреблению класс С на 15% (СП-50.13330.2012).

Постановлением Правительства РФ от 25.01.2011 г. № 18² четко регламентировалось, что в качестве показателей должны быть нормируемые показатели суммарных удельных годовых расходов тепловой энергии на отопление, вентиляцию и горячее водоснабжение, включая расход тепловой энергии на отопление и вентиляцию (отдельной строкой), а также максимально допустимые величины отклонения от нормируемых показателей; показатель удельного годового расхода электрической энергии на общедомовые нужды.

¹ СП 50.13330.2012 «Тепловая защита зданий» (актуализированный СНиП 20.02.03). М., 2012.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 25.01.2010 г. № 18 «Об утверждении Правил установления требований энергетической эффективности».

В настоящее время проектировщики при составлении такого раздела проектной документации как «Мероприятия по обеспечению соблюдения требований энергетической эффективности и требований оснащенности зданий, строений и сооружений приборами учета используемых энергетических ресурсов» не знают, каким документом пользоваться и как устанавливать класс энергоэффективности здания. Помимо этих противоречий с 1 июля 2013 г. был актуализирован СНиП 23-01-99 «Строительная климатология» (СП 131.13330.2012)¹. Оба актуализированных СНиП (СП 131.13330.2012 и СП 50.13330.2012) отличаются от ранее действовавших норм. В СНиП «Строительная климатология» на первый взгляд были внесены незначительные изменения. Некоторые численные показатели по Москве и Санкт-Петербургу приведены в табл. 1.

Однако при вычислении такого обобщенного параметра как ГСОП (*градусо-сутки отопительного периода*) проектировщики получают существенные расхождения с ранее действовавшими нормами. Учитывая, что

$$\text{ГСОП} = (t_{\text{в}} - t_{\text{от}}) \times z_{\text{от}},$$

где $t_{\text{в}}$ — расчетная средняя температура внутреннего воздуха в жилых помещениях здания, равная 20°C, можно получить существенные различия в результатах (табл. 2).

Таблица 2

Данные по величине ГСОП для жилых зданий в Москве и Санкт-Петербурге

Город	ГСОП, °С × сут. по прежней редакции	ГСОП, °С × сут. по новой редакции
Москва	4943	4551
Санкт-Петербург	4796	4537

Величина термического сопротивления R ограждающих конструкций здания напрямую зависит от ГСОП, поэтому вполне естественно, что при переходе на новые нормируемые показатели она также меняется. Так, для Москвы и Санкт-Петербурга величина термического сопротивления стен жилых зданий изменилась до значений 3,03 и 2,99 м²×°С/Вт соответственно (ранее для Москвы этот показатель был равен 3,13, для Санкт-Петербурга — 3,08). Снижение термического сопротивления R требует и снижения уровня теплозащиты. С одной стороны, можно утверждать, что проектирование по старым нормам обеспечит запас по теплозащите ограждающих конструкций. А с другой стороны — органы госэкспертизы (также и негосударственной экспертизы) настаивают на соблюдении старых норм, что ведет к увеличению толщины ограждающих конструкций на 5–10 см.

Завышенные данные по теплозащите ведут в массовом масштабе к удорожанию строительных конструкций при их возведении. Кроме этого, проектировщикам приходится производить пересчет характеристик строительных конструкций, что требует затрат времени и продуктивной работы. Это является особенно критичным в условиях, когда заказчик ставит перед проектировщиками жесткие сроки по выполнению проектных работ. Таким образом, пока в законодательных и нормативных документах существуют разночтения, проектировщики будут на распутье, не представляя, на основании какого документа выполнять проектную документацию.

Многие из запланированных энергосберегающих мероприятий в регионах оказались нереализованными. Причины были различными: непонимание руководи-

¹ СП 131.13330.2012 «Строительная климатология» (актуализированный СНиП 23-01-99). М., 2012.

Рис. 3. Общая схема организации и проведения энергосберегающих мероприятий в регионе

лями разного уровня механизма реализации законодательных требований, проблемы финансирования мероприятий, нехватка специалистов в сфере энергосбережения и повышения энергетической эффективности объектов — такого рода специалистов не готовит ни одно учебное заведение (ведется подготовка электроэнергетиков, теплоэнергетиков, специалистов по теплогазоснабжению и вентиляции, бакалавров по автоматизации оборудования).

Необходимо определить, каким должен быть алгоритм реализации энергосберегающих мероприятий по различным направлениям в регионах. Структурно его можно представить в виде схемы (рис. 3).

Закон № 261-ФЗ¹ установил проведение обязательного энергообследования для целого ряда юридических лиц. К ним, в первую очередь, относятся органы государственного и муниципального управления, государственные и муниципальные учреждения, предприятия, потребляющие энергоресурсов более чем на 10 млн руб. в год, ресурсоснабжающие организации, объекты, на которых внедряются энергосберегающие мероприятия за счет федерального или регионального бюджета. Указанные лица обязаны были организовать и провести первое энергетическое обследование до 31 декабря 2012 г., а последующие энергетические обследования — не реже чем один раз каждые пять лет. Энергетическое обследова-

¹ Федеральный закон от 23.11.2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

дование проводится энергоаудиторами, которые должны являться членами саморегулируемых организаций.

На основании энергетического обследования составляется энергетический паспорт организации или здания (строения, сооружения). На основании проведенного обследования и данных энергопаспорта выявляются крупные энергопотребители (промышленные предприятия, крупные научно-производственные комплексы), а также поставщики энергоресурсов и воды (генерирующие, транспортирующие, бытовые компании). Сложной задачей является убедить руководителя частного предприятия провести обследование, но, как показала практика, и она решаема, так как все промышленники заинтересованы в получении дополнительной прибыли.

Государственные и муниципальные учреждения (школы, поликлиники, детские сады) в администрации региона не имеет смысла рассматривать, так как эти объекты не относятся к крупным энергопотребителям. Контроль над реализацией энергосберегающих мероприятий на этих объектах должны осуществлять администрации районов (в городах) и местные советы (в муниципальных образованиях). Строго говоря, существенного эффекта по экономии энергоресурсов в этих учреждениях не получить, учитывая опыт проведенных энергетических обследований. Анализ данных покажет, какие из юридических лиц являются энергорасточительными, где наиболее эффективно внедрять энергосберегающие мероприятия.

Федеральный закон от 23.11.2009 г. № 261 «Об энергосбережении...» определил необходимость создания региональных программ по энергосбережению и повышению энергоэффективности. Но требования по составлению программ сформулированы не были, каждый регион формировал критерии и показатели энергосбережения по-своему. Так, например, для Санкт-Петербурга были обозначены показатели энергоэффективности, которые должны быть достигнуты в ходе реализации этой программы, но не указаны средства, которые планируется затратить на программу по повышению энергоэффективности. В Ленинградской области, напротив, программа была детализирована до такой степени, что в ее основу были включены не только районы, но и предприятия области. Это свидетельствует о том, что подход к формированию программ был некорректен.

Для реализации программ по энергосбережению предусматривалось, что почти 90% финансирования поступит из внебюджетных источников (рис. 4). Но не были разработаны механизмы по стимулированию привлекаемых средств в регионах (получение льготных кредитов, снижение арендной платы, выполнение госзаказов и др.).

Не следует забывать и о жилищном фонде, так как он не исключен из программы энергосбережения. Необходимо отметить, что уже построенные и эксплуатируемые здания не подпадают под категорию объектов обязательного энергетического обследования. Собственники зданий (помещений в многоквартирном доме) могут по собственной инициативе провести добровольное энергетическое обследование здания. Однако в российских городах существует и старый жилищный фонд, в котором значительные потери энергии просто неизбежны. Маловероятно, чтобы жильцы этих зданий пришли к соглашению об энергетическом обследовании, еще меньше надежд на то, что они осуществят какие-либо энергосберегающие мероприятия.

Выход из проанализированной нами ситуации один — осуществить капитальный ремонт здания, что позволит учесть в его проекте энергосберегающие требования. Повышение энергоэффективности в регионах должно достигаться как за счет внедрения новых наукоемких технологий, так и за счет использования малозатратных и организационных решений.

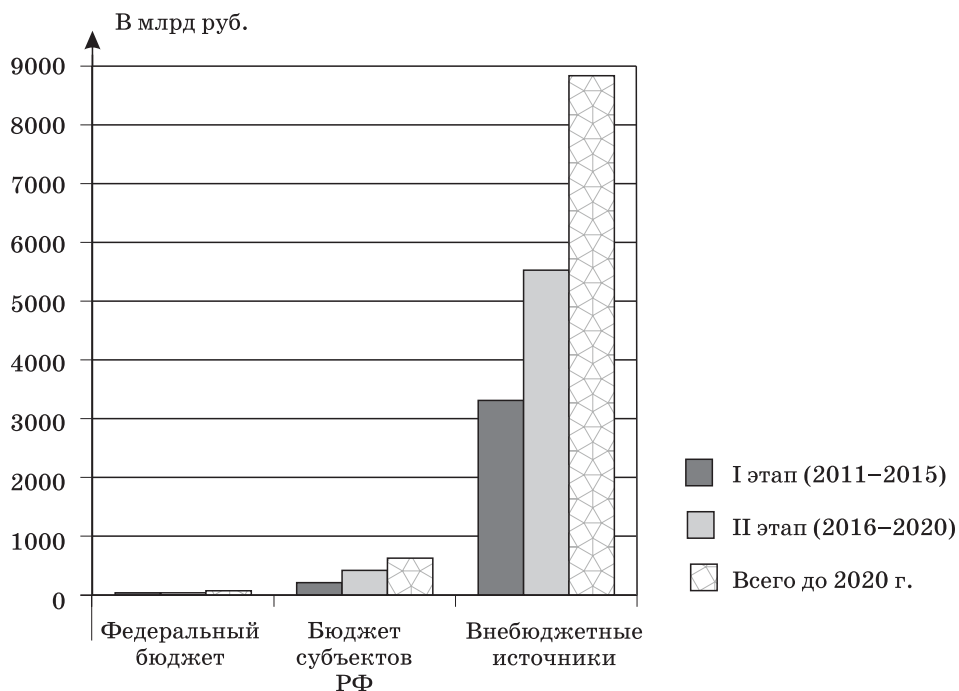

Рис. 4. Выделение средств на программы по энергосбережению

Первые могут быть применены в крупных городах с развитой инфраструктурой за счет внедрения энергоэффективного уличного освещения, автоматических узлов управления, в том числе с пофасадным авторегулированием, повышения сопротивления теплопередаче наружных стен здания по отношению к базовому уровню и замене окон на энергоэффективные. Кроме того, должны применяться устройства утилизации теплоты вытяжного воздуха и энергоэффективные системы отопления и вентиляции, системы централизованного теплоснабжения с коэффициентом энергетической эффективности выше 0,65, совместно с системами децентрализованного теплоснабжения. В ряде случаев (при соответствующем обосновании и инвестировании) могут быть внедрены системы «SmartGrid», позволяющие реализовать проект «Умного здания» или «Умного квартала».

Второе направление больше подходит для небольших городов и населенных пунктов, где целесообразно провести реконструкцию котельных и ремонт теплотрасс, провести регулировку систем отопления в многоквартирных домах, в большей степени использовать биотопливо и торф для обогрева индивидуальных домов. Таким образом, необходимо:

1. Обеспечить выполнение закона 261-ФЗ «Об энергосбережении...».
2. Привести в соответствие с законодательной базой подзаконные акты и нормативно-проектную документацию.
3. Контрольно-надзорным органам активизировать деятельность по проверке юридических лиц, обязанных провести энергетическое обследование (особенно это касается крупных энергопотребителей и поставщиков энергоресурсов).
4. Органам государственной и муниципальной власти обеспечить формирование и выполнение программ по энергосбережению и повышению энергетической эффективности.

Литература

1. Васильев Г. П. Основные задачи городской программы об энергосберегающем домостроении в Москве // Энергосбережение. 2009. № 4. С. 8–13.
2. Яковлев В. А. К вопросу об энергосбережении в строительстве // Вестник Российского союза строителей. 2010. № 1. С. 18.

References

1. Vasilev G. P. *The main objectives of the city program about energy saving housing construction in Moscow* [Osnovnye zadachi gorodskoi programmy ob energosberegayushchem domostroenii v Moskve] // Energy saving [Energoberezhenie]. 2009. N 4. P. 8–13. (rus)
2. Yakovlev V. A. *On a question of energy saving in construction* [K voprosu ob energosberezhenii v stroitel'stve] // the Bulletin of the Russian union of builders [Vestnik Rossiiskogo soyuza stroitelei]. 2010. N 1. P. 18. (rus)

Человеческая телесность: постмодернизм перед лицом русской философии

Александров Владимир Борисович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры философии и культурологии
Доктор философских наук, профессор
vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируются взгляды русских мыслителей, представителей философии всеединства, по вопросу о природе человеческой телесности. В отличие от классической христианской традиции, противопоставлявшей тело, как источник греха, духу, русские философы обосновывают принцип духовно-телесного единства, необходимость освобождения тела от статуса исключительного носителя греховности, которая является в первую очередь болезнью духа.

Анализ взглядов русских мыслителей показал, что они видят тело как своего рода субстанцию влечений и страстей, свойственных человеку, и не учитывают неоднородности и внутренней противоречивости человеческой телесности. Эти черты обретают свое специфическое выражение в рамках конкретной культуры, в соответствии со свойственным этой культуре телесным канонам.

Взгляды русских мыслителей противоположны установкам постмодернизма, в соответствии с которыми тело выступает как сфера игрового существования и эксперимента, как некоторая знаковая конструкция, отвечающая групповым, конвенционально заданным значениям. Из идей русских философов следует, что телесность представляет собой условие полноты человеческого бытия, находящееся в глубокой связи со сферой духа. Русская философия ориентирует на творческий поиск тех форм развития и духовного наполнения телесности, которые бы соответствовали духу культуры и целям возвышения человеческой личности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

телесность, духовность, философия всеединства, постмодернизм

Aleksandrov V. B.

Human Corporality: Postmodernism in the Face of the Russian Philosophy

Aleksandrov Vladimir Borisovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of Chair of Philosophy and Cultural Science
Doctor of Science (Philosophy), Professor
vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

In article views of the Russian thinkers, representatives of philosophy of unity, on the nature of a human corporality are analyzed. Unlike the classical Christian tradition opposing a body as a sin source, to spirit, the Russian philosophers prove the principle of spiritual-corporal unity, need of release of a body from the status of the exclusive carrier of sinfulness which is first of all a spirit illness.

The analysis of views of the Russian thinkers showed that they see a body as some kind of substance of the inclinations and passions peculiar to the person, and don't consider heterogeneity and internal discrepancy of a human corporality. These lines find the specific expression within concrete culture, according to a corporal canon peculiar to this culture.

Views of the Russian thinkers are opposite to installations of a postmodernism according to which the body acts as the sphere of game existence and experiment, as some iconic design answering group, conventionally defined values. Follows from ideas of the Russian philosophers

that the corporality represents the condition of completeness of human life, which is in deep communication with the sphere of spirit. The Russian philosophy focuses on creative search of those forms of development and spiritual filling of a corporality which would correspond to spirit of culture and the purposes of an eminence of the human person.

KEYWORDS

corporality, spirituality, philosophy of unity, postmodernism

На протяжении веков тема телесного бытия составляла одну из непреходящих позиций, в рамках которой происходило ценностно-смысловое самоопределение человека. Нельзя, конечно, отрицать того, что в определенные эпохи и в определенных мировоззренческих построениях эта тема отходила на второй план, что менялись оценки и понимание места телесности в человеческой природе, но сама тема не умирала, как не умирало ощущение человеком собственной раздвоенности между двумя мирами — миром природы и миром духа.

В настоящее время отношение человека к своему телу существенно меняется: появляются новые виды телесных практик и формы культивирования телесности, порожденные новыми социальными реалиями, развитием науки и трансформациями в сфере мировоззрения, формирующими смыслы, обуславливающие пути самоопределения личности. Возрастающий интерес к человеческой телесности закрепляется и в той системе ценностей, которая навязывается человеку средствами массовой коммуникации — в образах теле- и киногероев, практиках изменения пола, татуировке, разного рода перформансах, связанных с нанесением увечий, конструированию собственного тела и пр.

Эта ситуация нашла свое отражение в философии постмодернизма, распространившей критику любых форм признания универсальных ценностей и на человеческое тело, что в частности нашло свое отражение в известной категории постмодернизма «тело без органов», которое обычно рассматривается в виде свободного от организма носителя некоторого спектра возможностей, могущих реализовываться вне нормативно заданных канонов. Как организм оно начинает выступать лишь на границах собственного бытия в ситуациях критических или патологических.

Постмодернистское отношение к телесности осуществляется в связи с общей позицией, свойственной неклассической философии, обращающей внимание на конкретные жизненные истоки происходящего в духовной жизни человека. Эта установка принципиально отличает ее от рационалистической культуры, несущей традиции картезианства. Данная культура, с одной стороны, практически игнорирует тему конкретного жизненного опыта при размышлении о природе сознания и познания, а с другой, предлагает рассматривать тело как самостоятельное начало в человеке, не связанное с его духовной жизнью. Так, по словам известных отечественных авторов, классическая философия, отразившая эту культурную тенденцию, «тяготеет к образу «чистого» и «универсального сознания», преследуя цель десубъективизации внутреннего опыта, обнажения его общезначимого, воспроизводимого, разумно контролируемого содержания, которое именно вследствие этого считалось объективным» [4, с. 137]. Изменение ментальной установки, произошедшее в неклассической философии, указанные выше авторы характеризуют следующим образом. «Мандарины духа вдруг натолкнулись на плотность собственного тела — тела социального и культурного существования интеллигенции, на тот факт, что их сознание в действительности не привилегированное место пребывания «проблем как таковых»..., а весьма своенравная призма, разбивающая и преломляющая отображение в зависимости от особой природы и положения этого тела» [4, с. 163]. Конкретизируя эту эмоциональную характеристику, хотелось бы сказать, что речь должна идти не только о «мандаринах духа», но о человеке вообще как субъекте новой культуры.

При этом несколько двусмысленную формулу о «теле социального и культурного существования интеллигенции» представляется возможным преобразовать в более определенное суждение о все более остром ощущении человеком этой культуры собственной телесности, через которую происходит его вписывание в социальную и культурную реальность. В этой ситуации человек начинает размышлять о себе не как об абстрактном субъекте в духе классической философии, но как о существе, свободно полагающем себя в хаотическом потоке внешних импульсов, движимом своими желаниями, собственным ценностным миром, позволяющем себе отвергать каноны, выражающие универсальную природу человеческого духа. В культуре постмодернизма данная тенденция находит свое развитие и осмысление как принципиально значимая для определения смысловых основ человеческого бытия.

Одним из условий формирования позиции по отношению к постмодернистскому видению человека, и в частности его телесности, является постановка его перед лицом христианской традиции, которая имеет многовековую историю размышлений о природе телесности и ее значении в жизни человека. В различные культурные эпохи мыслители, говорившие от имени этой традиции, высвечивали те или иные аспекты данной темы, коренящиеся в ней проблемные моменты, предлагали ее интерпретации, которые так или иначе определялись духом времени.

Глубокое переосмысление, во многом соответствующее историческому опыту русской культуры, эта традиция получила в трудах отечественных религиозных мыслителей и, в частности, тех, которые, так или иначе, разделяли идеи философии всеединства. Именно эта философия содержит в себе серьезный эвристический потенциал для соотнесения христианского понимания данной проблематики с изменяющимся культурным контекстом.

Традиционная для христианства точка зрения на природу телесности, сохранявшаяся на протяжении многих веков, и заключающаяся в подчеркивании трехчастной природы человека, начинается с послания апостола Павла к фессалоникийцам, где было сказано: «Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целостности да сохранится без порока в пришествии Господа нашего Иисуса Христа» [1 Фес., 5, 23.]. Это видение человека как имеющего в своей природе три части — тело, душу и дух — получило свое развитие в произведениях мыслителей эпохи патристики в направлении трактовки человеческой телесности как главного источника человеческой греховности и противопоставлении ее духу. Наиболее отчетливо данная мысль прозвучала в произведениях Оригена. Выдающийся мыслитель эпохи Возрождения Э. Роттердамский более чем через тысячу лет после Оригена выразил его точку зрения как сохранившую свою правильность на протяжении веков следующим образом: «Тело, или плоть, низшая часть, на которой из-за первородного греха старикан-змей начертал закон греха; она призывает нас к постыдному и в качестве побежденных связывает с дьяволом. Затем дух, в котором выражается подобие наше божественной природе, на которой всеблагой Создатель по первообразу своему запечатлел перстом, т. е. Духом своим, вечный закон добродетели. Это скрепляет нас с Богом, делает единым с Ним. С другой стороны, третьей и средней между ними он считает душу, которая способна к чувствам и естественным порывам. Она, словно в каком-нибудь мятежном государстве, не может не примкнуть к одной из двух сторон; ее тянут и туда и сюда; она вольна склониться куда хочет. Если она, отказываясь от плоти, перейдет на сторону духа, то и сама станет духовной, если же откинет сама себя к вождениям плоти, то и сама вырождается в тело» [8, с. 123]. Главная особенность этой установки — отчетливое противопоставление тела духу. Это противопоставление не означает признания возможности самостоятельного существования тела. Установление его греховности означает и установление границ для выпячивания его проявлений, требование подчинения духу. При этом телесность человека рассма-

тривается здесь не с точки зрения конкретных анатомических или физиологических свойств, а как субстанция свойственных ему влечений, желаний, страстей и пр. Как это ни парадоксально, тело в такой культурной парадигме выступает как своеобразный вариант «тела без органов».

В русской философии указанная тенденция противопоставления тела духу преодолевается и формируется установка на возвышение телесности ее одухотворения. Эта тенденция вытекает из общей установки философии всеединства, выраженной В. С. Соловьевым, следующим образом: «Всякая сознательная действительность человеческая... имеющая целью воплотить всеединый идеал в той или другой сфере, тем самым действительно производит или освобождает реальные духовно-телесные токи, которые постепенно овладевают материальной средою, одухотворяют ее и воплощают в ней те или другие образы всеединства — живые и вечные подобия абсолютной человечности» [5, с. 547]. В свете этой установки русскими мыслителями — представителями философии всеединства — был высказан целый ряд идей, которые задают весьма важный угол зрения для осмысления современных тенденций в отношении к человеческой телесности и их отражению в философии постмодернизма.

Приведенная выше установка русских философов была соотнесена с фундаментальным представлением о том, как понимать «запечатленность» в человеке образа Божьего. По словам одного из крупных представителей русской философии В. Зеньковского, во многом продолжавшего идеи В. С. Соловьева, образ Божий запечатлен во всех сторонах человеческой природы. Соответственно и «истина о «естестве» человека открыта, прежде всего, в учении об образе Божиим в человеке» [3, с. 40]. Развитие учения об одухотворении телесности в философии всеединства связано с представлением о том, что высшей формой всеединства является любовь, которая не сводится к эротическому влечению, а представляет собой духовно наполненное отношение, связанное с идеализацией предмета любви. «Любовь, в смысле эротического пафоса, всегда имеет своим собственным предметом *телесность*; но телесность, достойная любви, т. е. прекрасная и бессмертная, не растет сама собою из земли и не падает готовую с неба, а добывается подвигом духовно-физическим и богочеловеческим» [6, с. 619]. Наполнение телесного бытия духовным смыслом является условием и началом подлинно человеческого бытия [см. 6, с. 619]. При этом духовно-телесное единство применительно к человеку есть проявление и своеобразный слепок мистического, по своей сути, духовно-телесного единства мирового тела. Эту мысль Соловьев поясняет идеей Ньютона о том, что мир существует в чувствилище Бога¹.

Размышление о человеческой телесности неизбежно выводит на тему пола, как наиболее значимую и, можно сказать, в особой степени заостряющую проблему телесного начала. В философии всеединства эта проблема решается в духе принципа андрогинизма, согласно которому образ Божий не заключает в себе начала пола, в силу чего размышление о человеке как воплощении образа Бога предполагает преодоление различия мужского и женского начал. Образ Божий в человеке относится не к отдельному человеку, а единству мужского и женского начал. По словам Соловьева, «образ и подобие Божие, то, что подлежит восстановлению, относится не к половине, не к полу человека, а к целому человеку, т. е. к положительному соединению мужского и женского начала» [6, с. 619].

Соединение мужского и женского начала является продолжением логики мышления в духе философии всеединства, и не касается родового существования

¹ Правда Соловьев «снижает» уровень «мистичности» всеединства, пытаясь найти ему вещественный или «полувещественный» эквивалент. В качестве такового он называет эфир (в терминологии Соловьева вещество невещественное [6, с. 542]).

человека. Это соединение находит для себя самую высшую форму единства, каковой выступает любовь. В этой связи хотелось бы привести слова Бердяева, также активно продвигавшего идею андрогинизма и в итоге пришедшего к выводу, подобному тому, к которому пришел Соловьев. По его словам, андрогинизм представляет собой «священную мистическую идею, в которой заключен смысл понимания человека как образа и подобия Божьего. Человек — андрогин не мужчина, не дробное распавшееся существо, а юноша-дева» [2, с. 419]. Путь к этому мистическому соединению, по Бердяеву, лежит через любовь.

Бердяев противопоставляет понимание любви как формы, одухотворяющей человеческое бытие, теме сохранения человеческого рода. «Любовь, — утверждает он, — не нужна роду человеческому, перспективе его продолжения и устроения». Любовь он противопоставляет семье, которая всегда будет «мирским институтом благоустройства, биологическим и социологическим упорядочением жизни рода» [2, с. 423]. Развивая эту точку зрения, он приходит к заключению, что «семья, как и государство, не духовный феномен, она не в Духе. Тайна брака не раскрыта в христианстве. Церковь, благословляя семейный союз, лишь обезвреживает грех половой жизни» [2, с. 426].

Андрогинизм, согласно русским философам, не следует понимать и в сугубо природном смысле в духе смешения полов в форме гермафродитизма. Противопоставляя свою точку зрения подобной трактовке андрогинизма, Бердяев замечает, что гермафродитизм есть карикатурное подобие мистической идеи андрогинизма, есть лжебытие и уродство [2, с. 418]. Андрогинизм в подлинном смысле есть «богоподобие человека, его сверхприродное восхождение» [2, с. 418].

Главной идеей, наполняющей смыслом учение о возвышении и одухотворении телесности, является представление о том, что этот процесс не может быть ничем иным как углублением связи человека с Богом. Он представляет собой «путь высшей любви, совершенно соединяющий мужское с женским, духовное с телесным». И с самого начала этот путь «есть соединение или взаимодействие божеского с человеческим, или есть процесс *богочеловеческий*» [6, с. 619].

Более осторожное отношение к телесности содержится в произведениях Франка, который пытается соединить традиционное для христианства отношение к телесности с признанием ее как образа Божьего в человеке. Путь его размышлений показывает, что такое «осторожное» отношение к человеческой телесности приводит к существенным противоречиям и непоследовательности в развитии данной темы. С одной стороны, Франк убежден в том, что «достижение «сокровища на небесах» ...осуществимо лишь на пути борьбы с «плотской», «мирской» природой человека и ее преодоления — на пути аскетизма» [7, с. 328]. Последнее положение обуславливается им тем, что «страдание есть в силу имманентной онтологической необходимости единственный путь к блаженству и совершенству» [7, с. 329]. С другой стороны, он не отрицает того, что в человеческом бытии определенное место принадлежит плотской жизни. «Христос нигде не учит, что плотские нужды человека сами по себе суть зло и надо избегать их удовлетворения» [7, с. 331].

Выход из этого противоречия он видит в том, чтобы не делать удовлетворение этих нужд смыслом собственного существования, «не обременять душу заботами об их удовлетворении». Такое признание весьма далеко отстоит от рассмотренной выше идеи одухотворения телесности, хотя у него можно встретить и высказывания, содержащие призыв к радостному принятию и благословию «всего конкретно-сущего как образа и воплощения абсолютно ценного божественного бытия» [7, с. 331], к которому он относит и человеческую телесность.

Отношение к телу, по Франку, по сути дела не возвышающее, предполагающее, по Соловьеву, духовно-физический подвиг, а сочувственное, в духе слов Франциска Ассизского о сочувствии своему телу «как „брату-ослу“», с которым он ведет

общую жизнь и которого он не хочет слишком истязать и насилловать» [7, с. 333]. Такое понимание тела как «брата-осла» в определенной степени снижает заявленное Франком понимание конкретно-сущего как образа и воплощения абсолютно ценного божественного бытия. Поэтому выдержать последовательно такое «братское отношение к телу» ему до конца не удастся и в целом ряде моментов он отчетливо высказывается о необходимости полноты земной жизни, радости телесного бытия.

В частности, признание значимости земной жизни во всех ее проявлениях отчетливо проявляется в его отношении к практике аскетизма, который не есть самоцель, и, соответственно, самоцелью не является угнетение плоти. Аскетизм должен рассматриваться как условие полноты жизни. Христианский аскетизм есть, по Франку, «не цель, а лишь средство; цель есть, напротив полнота жизни — всяческой жизни — небесной, но и земной» [7, с. 331].

Важный шаг в реабилитации телесности осуществляет Зеньковский, который продолжает линию, намеченную в русской философии. В дополнение к принципу образа Божьего в человеке он в качестве исходного пункта своих рассуждений рассматривает «утверждение примата духовного начала в человеке и учение об иерархической конституции человека» [3, с. 61].

Учение об иерархической конституции связывается им с признанием троичной природы человека, т. е. с различием в человеке трех сторон — духа, души и тела. При этом указанные стороны, как подчеркивает Зеньковский, тесно связаны между собой. Это в частности означает, что «начало духовности в человеке не есть отдельная сфера, не есть некая особая и обособленная жизнь, а есть творческая сила, энтелехийно пронизывающая собой всю жизнь человека (и души, и тела) и определяющая новое «качество» жизни» [3, с. 46]. Причем духовность проникает во все стороны бытия человека, в том числе, и в его телесное бытие. «Начало духовности мыслится нами не как особая надпсихифизическая жизнь, а как основная жизнь в человеке, проводниками которой вовне и является психическая и физическая сфера» [3, с. 46].

Важной особенностью взглядов Зеньковского является новое понимание учения о грехопадении человека. В нем отчетливо просматриваются две основные установки. Первая заключается в существенном снижении значения самого грехопадения человека. «Учение о грехе — это есть дополнительная, но не основная христианская идея о человеке» [3, с. 39]. Другая принципиальная установка, определяющая его отношение к телесности и вытекающая из принципа иерархического устройства человека, заключается в том, что греховность человека заключена не только в его естестве, но она «проникла во все его функции, отчего создалась в человеке в его глубине коренная двойственность». Это означает, что телесность освобождается от статуса источника греховности, которая теперь понимается как «болезнь духа» и «только через дух он (грех — В. А.) сообщается и душе и телу» [3, с. 76]. Зеньковский со всей определенностью утверждает: «Источник греха в духовной сфере нашей. Этим с самого начала отвергаем мы сведение греховности к влиянию тела, к влиянию социальных условий, к наследственности и т. п. факторам» [3, с. 77]. Данное утверждение он поясняет следующим образом: «В силу первородного греха в духе нашем есть изначальная обращенность к злу... «из этого полюса тьмы» исходят темные излучения, пронизывающие весь состав человека, но особенно легко проникающие в сферу пола, в сферу тела вообще» [3, с. 77].

Эта позиция связана с особым и глубоким пониманием греха: «Грех всегда есть явление духовного порядка и по своей онтологии есть попытка «стать» Бесконечностью и тем обойтись без Бога» [3, с. 75]. Тело источник страха конечного. Проблема телесного — это страх конечности, неспособность выйти за границы эмпирического бытия. Но «томление о бесконечном» — это дело духа. И поэтому именно дух может

оказаться носителем греховного начала. «По своему духовному смыслу, по своему возникновению в духовной сфере, грех есть болезнь духа — и только через дух он сообщается и душе и телу» [3, с. 76].

В онтологической неосуществимости попыток духа стать Бесконечностью и лежит источник «вечных мук», могущих быть преодоленными лишь «в смиренном возвращении к Богу, в общении с которым только и насыщается томление о Бесконечности» [3, с. 75–76]. Стремление личности к Богу осуществляется не так, чтобы сбросить с себя свою эмпирию, а так, чтобы ею овладеть и жить в Боге.

Зеньковский отчетливо противопоставляет свою точку зрения классическому христианскому пониманию тела как источника греха. «Православие, — пишет он, — не отвергает «томящей силы», идущей от тела... но возводит эту томящую силу, это давление чувственности на душу к расстройству духовной жизни в нас. Вообще говоря, учение о телесной стороне, о телесной жизни по существу не связано с темой греха. В этом отношении христианское учение о теле решительно расходится с древним взглядом на тело как источник зла и греха в человеке» [3, с. 81–82].

Согласно Зеньковскому существует сложная диалектика различных сторон человеческой природы. С одной стороны, духовность, выступая определяющей стороной человеческой личности, обуславливает многие сугубо телесные проявления. «Начало личности, будучи... по существу чисто духовным, пронизывает собой все в человеке. Походка и тип движений, голос и интонация, почерк и стиль, социальное поведение и социальные чувства, тип реакции, настроений, — все, решительное все становится интимно связанным с началом личности» [3, с. 51].

С другой стороны, если даже признать, что «духу принадлежит основное значение в человеке, то это, не устранив постоянной и неустранимой духовности в человеке, не означает, что дух властвует в жизни человека» [3, с. 47]. Телесность, как и душевное начало в человеке, имеет собственное относительно независимое от духа существование. «Из того, что психика и телесная сфера служат проводником и выражением духовного начала, не следует, конечно, что у них нет своей собственной жизни» [3, с. 47]. Более того, можно говорить о своего рода плененности духа низшими влечениями, которая возможна «в силу целостности человека, в частности, в силу иерархичности его строения, не дающей возможности для духовной стороны оставаться «чистой» при развитии в человеке его чувственной стороны» [3, с. 47].

Зеньковский продолжает и даже усиливает свойственное Франку инструментальное понимание аскетических практик. Он противопоставляет мистическое движение к Богу, с одной стороны, и возвышение духа техникой аскетических упражнений, с другой. «Телесная аскетика получает свой надлежащий смысл как часть религиозного делания; аскетика праведна не как магический путь к росту духовности, а как инструментальный момент в духовной жизни» [3, с. 83]. Смыслом же религиозного делания является смирение перед Богом. Также рассуждает и Бердяев. «Аскетика есть лишь техника религиозного опыта, лишь его формальная методология. Ни один мистик не видел в аскетике содержания и цели религиозной жизни, ибо содержание и цель есть уже мир иной, стяжание божественной жизни» [2, с. 383].

Представление о смысле аскетической практики, по мнению Зеньковского, должно меняться в соответствии с особенностями современной культуры. Можно соглашаться или не соглашаться с его оценкой состояния физического здоровья людей XX в. по сравнению с тем, каким оно было в более ранние времена, но сама логика его мышления, выраженная в приводимых ниже словах, заслуживает внимания. «Если в прежнее время, — пишет он, — время физического здоровья и нервной устойчивости, функция аскетике в духовном возрастании заключалась

в «обуздании тела», то в наше время аскетика получает почти всегда значение укрепления тела, т.е. освобождения его от той аритмии, от того расстройства, какие вносятся чрезвычайной нервностью (особенно сильной в больших городах)» [3, с. 84]. В этой связи Зеньковский высоко оценивает спорт, который хотя и «влечет к себе как чисто телесное наслаждение», но, тем не менее, «имеет огромное оздоравливающее духовное значение...Спорт оказывается, таким образом, интимнейше связан с духовной жизнью в нас» [3, с. 84]

Из рассмотренных размышлений русских философов видно, что человеческая телесность понимается ими не дифференцированно, не как организм (если использовать постмодернистскую фразеологию), не в плане конкретных анатомических или физиологических свойств, а как субстанция свойственных ему влечений, желаний, страстей и пр. Между тем телесность сама внутренне противоречива и неоднородна. В ней существуют различные стороны, по-разному готовые к восприятию усилий «духовно-телесного подвига». Выведение на первый план тех или иных из этих сторон может быть конкретизировано через представление о телесном каноне, означающем культурную обусловленность отношения к различным частям тела, выдвигая на первый план тех или иных сторон человеческой телесности.

Известен, например, глубокий анализ М. М. Бахтина отношения к человеческой телесности, существовавшего в народной карнавальной культуре средневековья [см. 1]. Он убедительно обрисовал созданные в этой культуре гротескные образы «материально-телесного низа», всего того, что, так или иначе, связано с физиологическими функциями человеческого организма. Нетрудно догадаться, что для этой культуры тема духовного наполнения телесности не существовала. Между тем в культуре средневековья существовал и другой телесный канон, канон изображения тел святых мучеников, в рамках которого функциональная сторона человеческого тела, связанная с его существованием как природного феномена, практически не изображалась.

В эпоху Нового времени телесный канон меняется. На первый план, согласно Бахтину, выходят те стороны телесности, через которые проявляется индивидуальность и внутренняя жизнь человека. Именно о них, между прочим, и говорит Зеньковский в вышеприведенном отрывке, иллюстрируя мысль о духовном наполнении человеческой телесности.

В культуре тело выступает как некоторая заданная природой граница, внутри которой человек самоопределяется как субъект-носитель социально значимых черт. Он может полагать себя как отрицающего значение телесного бытия или, наоборот, рассматривающего развитие телесности как условие полноты бытия во всех его измерениях, в том числе, духовного и социального. И в том, и в другом случае телесность выступает как форма презентации субъекта в окружающем мире, выступая в качестве некоторого текста, кодирующего внутренний мир человека, в единстве присущих этому миру рационального, ценностного и чувственного начал. Через этот текст находят свое специфическое преломление смыслы культуры, к которой принадлежит данный субъект.

Постмодернизм рассматривает телесное бытие человека как особую сферу игрового существования, сферу эксперимента, отказывая телесности в сущностных связях с культурной традицией, не видя ее как форму кодирования глубинных культурных смыслов и рассматривая только лишь как некоторую знаковую конструкцию, отвечающую групповым конвенционально заданным значениям. Телесность в этой парадигме начинает выступать феноменом нового карнавала, иногда развлекающего, иногда эпатазирующего, иногда преследующего вполне конкретные практические цели.

Русская философия в противовес такому подходу рассматривает телесность как условие полноты человеческого бытия, находящееся в глубокой связи со сферой

духа. Она ориентирует на творческий поиск тех форм духовного наполнения телесности, которые бы соответствовали духу культуры и целям возвышения человеческой личности.

Литература

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
2. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
3. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М., 1993.
4. Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. Классическая и современная буржуазная философия (опыт эпистемологического сопоставления). Статья первая. Статья вторая // Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб., 2010.
5. Соловьев В. С. Смысл любви // Соловьев В. С. : Собр. соч. в 2 т. Т. 2. М., 1990.
6. Соловьев В. С. Жизненная драма Платона // Соловьев В. С. : Собр. соч. в 2 т. Т. 2. М., 1990.
7. Франк С. Л. С нами Бог // Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992.
8. Роттердамский Э. Оружие христианского воина // Эразм Роттердамский. Философские произведения. М., 1986.

References

1. Bakhtin M. M. *Francois Rabelais's creativity and national culture of the Middle Ages and Renaissance* [Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa]. M : 1990. (rus)
2. Berdyayev N. A. *Sense of creativity* [Smysl tvorchestva] // Berdyayev N. A. Philosophy of freedom. Sense of creativity [Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva]. M. : 1989. (rus)
3. Zenkovsky V. V. *Education problems in the light of Christian anthropology* [Problemy vospitaniya v svete khristianskoi antropologii]. M / : 1993. (rus)
4. Mamardashvili M. K., Solovyov E. Yu., Shvyrev V. S. *Classical and modern bourgeois philosophy (experience of epistemological comparison)*. Article first. Article second [Klassicheskaya i sovremennaya burzhuaznaya filosofiya (opyt epistemologicheskogo sopostavleniya). Stat'ya pervaya. Stat'ya vtoraya] // Mamardashvili M. K. Classical and nonclassical rationality ideals [Klassicheskii i neklassicheskii idealy ratsional'nosti]. SPb. : 2010. (rus)
5. Solovyov V. S. *Sense f love* [Smysl lyubvi] // Solovyov V. S. Compositions in two volumes [Sochineniya v 2 tomakh]. V. 2. M. : 1990. (rus)
6. Solovyov V. S. *Vital drama of Platon* [Zhiznennaya drama Platona] // Solovyov V. S. Compositions in two volumes [Sochineniya v 2 tomakh]. V. 2. M. : 1990. (rus)
7. Frank S. L. *God with Us* [S nami Bog] // Franc S. L. Spiritual bases of society [Dukhovnye osnovy obshchestva]. M. : 1992. (rus)
8. Erasmus of Rotterdam. *Weapon of the Christian soldier* [Oruzhie khristianskogo voina] // Erasmus of Rotterdam. Philosophical works [Filosofskie proizvedeniya]. M. : 1986. (rus)

Барышников В. Н., Борисенко В. Н., Кузнецова Ю. И.

Тамвортские манифесты Роберта Пиля и процесс консолидации консерваторов в первой половине 1830-х годов*

Барышников Владимир Николаевич

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени
Доктор исторических наук, профессор
vbaryshnikov@mail.ru

Борисенко Виктор Николаевич

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры истории Нового и новейшего времени
Кандидат исторических наук, доцент
viknikbor54@yandex.ru

Кузнецова Юлия Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории (Санкт-Петербург)
Ассистент кафедры истории Нового и новейшего времени
reform1832@gmail.com

РЕФЕРАТ

Статья посвящена предвыборным выступлениям Роберта Пиля в Тамвортсе в 1834 и 1841 гг. Особое внимание уделено ситуации в правительстве и в рядах тори накануне первого премьерства Роберта Пиля. Предыстория Тамвортских манифестов прослеживается от появления термина «консерватор» в 1830 г. Несмотря на то, что повествование построено вокруг Тамвортских манифестов, лейтмотивом статьи являются последствия первой парламентской реформы 1832 г. Интересна точка зрения, что Тамвортский манифест 1834 г. стал следствием первой парламентской реформы 1832 г., своего рода реакцией на произошедшее с взглядом в будущее. В статье рассмотрены различные точки зрения историков на Тамвортский манифест 1834 г. и его роль в создании консервативной партии. Внимание авторского коллектива сосредоточено на описании процесса формирования новых партийных принципов, получивших в историографии название «новый консерватизм». Авторы показали, как историки оценивали влияние общественного мнения на политику в Англии 1830–1840-х годов. Статья дает возможность ознакомиться с наиболее важными оценками роли Тамвортских манифестов в создании консервативной партии и консолидации консервативных сил страны. Очевидно, что со временем произошел пересмотр личного вклада Роберта Пиля в эти процессы. Авторский коллектив приходит к выводу, что Тамвортский манифест 1834 г. значим, в первую очередь, как первое национальное предвыборное обращение, а Тамвортский манифест 1841 г. закрепил за Робертом Пилем звание «основателя» консервативной партии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Роберт Пиль, Тамвортский манифест, тори, консервативная партия, парламентская реформа 1832 г.

* Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 2/14. Проведение фундаментальных исследований по направлениям подготовки специалистов (инициативные проекты), тематический план НИР СПбГУ, тема «От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв.». Шифр в ИАС НИД 5.38.275.2014.

Robert Peel's Tamworth Manifests and the Process of Conservative Consolidation in the First Half of 1830s

Baryshnikov Vladimir Nikolaevich

Saint-Petersburg State University, History Institute (Saint-Petersburg)
Chief of the Chair of Modern and Current History, doctor of historical sciences, professor
vbaryshnikov@mail.ru

Borisenko Viktor Nikolaevich

Saint-Petersburg State University, History Institute (Saint-Petersburg)
The Chair of Modern and Current History, candidate of historical sciences, docent
viknikbor54@yandex.ru

Kuznetcova Yulia Igorevna

Saint-Petersburg State University, History Institute (Saint-Petersburg)
The Chair of Modern and Current History, assistant
reform1832@gmail.com

ABSTRACT

The article is devoted to the Robert Peel's pre-election speeches in Tamworth in 1834 and 1841. Particular attention is paid to the situation in the government and in the ranks of the Tories before the first Robert Peel's premiership. Background of Tamworth manifests traced from the appearance of the term «conservative» in 1830. Despite the fact that the narrative is built around the Tamworth manifests, the keynote of this paper is the effect of the first parliamentary reform of 1832. An interesting point of view is that Tamworth manifesto of 1834 was the result of the first parliamentary reform of 1832, a reaction to what happened and a glance into the future. The article describes the different points of view of historians on the Tamworth manifesto of 1834 and its role in the process of creation of the Conservative Party. Attention of authors focused on describing of the new party principles formation, in historiography called the «new conservatism». The authors showed how historians value the impact of public opinion on policy in 1830–1840-ies England. The article gives the opportunity to get acquainted with the most important appraisals of the Tamworth manifest's role in the creation of the Conservative Party and the consolidation of conservative forces in the country. It is clear that in time, there was a review of the personal contribution of Robert Peel in these processes. Authors come to the conclusion that Tamworth manifesto of 1834 is significant, especially as the first national electoral appeal, and by the Tamworth manifesto of 1841 Robert Peel has secured the title of «founder» of the Conservative party.

KEYWORDS

Robert Peel, Tamworth manifesto, tory, conservative party, parliamentary reform of 1832

В декабре 1834 г. в процессе подготовки к предстоящим выборам Роберт Пиль выступил перед избирателями местечка Тамвортс. Его речь была опубликована в ведущих лондонских газетах и вскоре распространилась по всей Англии. Однако историческое значение этого события является более многогранным. Как современники, так и историки расходятся в трактовках данного выступления, его целях и последствиях. Продолжаются споры: заложил ли этот манифест основы консервативной партии или провозгласил новые принципы поведения консерваторов в парламенте. Являлся ли он выражением политических взглядов Роберта Пилиа или более широкого круга политиков? Насколько он важен для истории выборов и предвыборных кампаний в Англии? Главная задача данной статьи — проследить основные тенденции в отечественной историографии по данным вопросам.

Роберт Пиль — премьер-министр Великобритании в 1834–1835 гг. и в 1841–1846 гг. Впервые он стал членом парламента в 1809 г. в возрасте 21 года от города Кашел

(графство Южный Типперэри), карманного местечка, в котором числилось всего 24 избирателя. Позднее, в 1812 г. он представлял Чиппенхэм (Уилтшир), в 1817–1829 г. Оксфордский университет, с 1830 г. он представлял в парламенте Тамвортс (Стаффордшир). Несмотря на это, только в 1834 г. он впервые обратился к избирателям данного местечка. Роберт Пиль выступал в местечке Тамвортс шесть раз. Наиболее значимыми и известными выступлениями являются речи 1834 и 1841 гг.

После проведения первой парламентской реформы в 1832 г. кабинет возглавляли виги. Но смерть Графа Спенсера в ноябре 1834 г. привела к тому, что его сын, лидер Палаты общин, лорд Элтроп должен был по праву наследования пэрства перейти в Палату лордов. Лорд Мельбурн усугубил ситуацию, предложив в качестве нового лидера Палаты общин лорда Джона Рассела. 14 ноября 1834 г. Вильям IV отправил правительство в отставку и задумался о том, кто может создать новый кабинет. На тот момент в рядах тори было всего две достойных кандидатуры, способных возглавить правительство: герцог Веллингтон и Роберт Пиль. Первым предложение сформировать правительство получил герцог Веллингтон, который уже был премьер-министром в 1828–1830 гг. Решив, что новый премьер должен быть из Палаты общин, герцог Веллингтон рекомендовал королю Роберта Пиля, который находился на тот момент в Риме [8, с. 171].

Вильям IV действовал в спешке и доверял правительство партии, которая не имела большинства в парламенте. Единственно возможной стратегией поведения было проведение новых выборов, чтобы создать парламент, при котором правительство смогло бы функционировать. Сам Роберт Пиль должен был быть переизбран в Тамвортсе еще до официального роспуска парламента, который состоялся 30 декабря 1834 г. Выборы были назначены на январь 1835 г. В условиях ограниченного времени было необходимо быстрое и вполне ясное обращение к новым избирателям. Поэтому в первую очередь Пилю стоило обратиться к его собственным избирателям, которых было около 600 человек. В своих мемуарах Роберт Пиль следующим образом объясняет мотивы своего выступления: «Сразу после завершения формирования Кабинета я предложил моим коллегам, что я должен использовать выгодную возможность, которую предоставляют предстоящие выборы, и в Обращении к избирателям Тамвортса провозгласить основные принципы, в соответствии с которыми намерено действовать Правительство. Мои коллеги полностью одобрили это обращение, которое я дал им на рассмотрение, и курс, который здесь представлен» [9, с. 58].

М. В. Жолудов выдвигает очень важный тезис для политической биографии Роберта Пиля: «ведущую роль в партии он стал играть лишь после 1832 г. благодаря своим титаническим усилиям по восстановлению позиций партии, которые были значительно ослаблены поражением по вопросу о реформе» [3, с. 103]. М. В. Жолудов видит цель Р. Пиля в первые годы после реформы в противостоянии радикализму путем объединения консервативных сил. «Р. Пиль раньше и лучше, чем либеральные политики, осознал необходимость изменения методов и форм партийной деятельности, став реальным лидером консерваторов не только в парламенте, но и за его пределами» [2, с. 104].

Действительно, для истории «предвыборных кампаний» в современном понимании этого словосочетания 1834 г. был знаковым. Дуглас Херд отмечает, что «скорость маневра Пиля (была — прим. авт.) впечатляющей» [8, с. 174], даже с учетом технологий XXI в.: «8 декабря еще не являясь премьер-министром он (Пиль — прим. авт.) устало высадился в Дувре. В течение 10 дней сформировал правительство, организовал роспуск парламента и выпустил первый национальный избирательный манифест в британской истории» [8, с. 174]. Текст речи Роберта Пиля в полночь был разослан в «The Times», «Morning Herald», «Morning Post» и 18 декабря 1834 г. напечатан в газетах по всей стране. Затем Роберт Пиль произнес ее на обеде для избирателей в Тамвортсе. «Это был первый случай, что премьер вос-

пользовался выборной платформой для подробного изложения своей политики, — так высоко теперь было положение платформы» [1, с. 179].

Формирование текста манифеста происходило в основном через письма и это четко прослеживается по опубликованной переписке Роберта Пиля. Таким образом, текст будущего манифеста был утвержден членами кабинета и может считаться первым партийным избирательным манифестом. Несмотря на то, что Р. Пиль позднее неоднократно выступал перед избирателями Тамвортса, таких массовых и масштабных публикаций предвыборных выступлений не совершалось вплоть до 1874 г., когда Уильям Гладстон издал свою программу накануне парламентских выборов.

Прежде чем перейти к анализу содержания, следует сказать о том, в чем именно заключалась новизна подобного выступления. Наиболее подробно эволюция политических выступлений прослеживается в работе Генри Джефсона «Платформа ее возникновения и развитие. История политических митингов в Англии» [1]. Г. Джефсон в гл. XVI «Платформа после Акта о Реформе» описывает особенности политических выступлений в 1832–1835 гг. Традиционно речи членов парламента произносились на обедах или банкетах, но в декабре 1834 г. лорд Брум получил приглашение графа Дерби «выступить и объяснить причины вынужденной отставки» [1, с. 179]. Г. Джефсон высказывает мысль о том, что это было «безусловно первым примером объяснения вне парламента и с платформы со стороны министра причин перемены правительства» [1, с. 175], но речь Пиля считает еще более удивительным событием. Г. Джефсон приходит к выводу, что подобное выступление «показывает, как изменилось представление консервативного премьера об отношении к избирателям» [1, с. 177]. Однако это суждение спорно. После Первой парламентской реформы было сокращено незначительное количество карманных и гнилых местечек, но не произошло существенное расширение электората или кардинальной смены в системе парламентских представителей. Поэтому говорить о прямой зависимости между постом премьер-министра и поддержкой избирателей до проведения Второй парламентской реформы пока еще рано. Под сомнение можно поставить тот факт, что выступление могло повлиять на результаты выборов, а главное — было ли оно почетным или «унизительным» для будущих парламентских представителей. Предложение занять должность премьер-министра Роберт Пиль получил от короля и необходимость искать поддержки у населения вызвала резонанс.

В целом, стоит признать увеличение влияния народных выступлений и общественного мнения в процессе борьбы за Акт о Реформе 1832 г. Н. И. Кареев обращает внимание читателя на влияние общественного мнения в политике после 1832 г. Особенно интересна оценка, данная британским консерваторам: «английский консерватизм не имел того ретроградного характера, каким отличались так называемые консервативные партии на континенте» [4, с. 208].

Речь Роберта Пиля дала тори «основную ноту» [1, с. 180] для борьбы на предстоящих выборах: «...лидеры политических партий стали осознавать значение внепарламентского выражения своих взглядов» [1, с. 178]. Интересными являются также фрагменты писем лорда Джона Рассела и лорда Стэнли, которые цитирует Г. Джефсон, анализируя содержание Тамвортского манифеста, в них его называют «превосходным изложением вигов того времени» [1, с. 178] (лорд Стэнли — прим. авт.) и говорится о «несовпадении прежнего поведения тори и их нынешнего отношения к реформам» [1, с. 178] (лорд Рассел — прим. авт.). В. В. Ключков подчеркивает успехи Р. Пиля в смене тактики, формировании новых партийных принципов и выдвижении программных лозунгов. «Разумный консерватизм» Пиля основывался на поддержании стабильности и порядка, наряду с согласием на умеренные социальные реформы [5, с. 30]. Согласие это было

продиктовано стремлением Пия найти разумный компромисс с оппозицией, чтобы обеспечить работоспособность правительства [5, с. 27]. Не менее важным кажется и это высказывание Н. И. Кареева о консервативной партии: «она не только не думала о том, чтобы как-нибудь все переделать на старый лад, но ... даже обнаруживала уступчивость по отношению к новым требованиям и условиям жизни» [4, с. 208]. Безусловно, рассматривая только «сто дней» Роберта Пия, можно согласиться с утверждением В. В. Клочкова, что «Роберт Пиль сумел преодолеть разногласия группировок внутри партии, раздробленной на несколько течений» [5, с. 26].

После проведения Парламентской реформы 1832 г. было неочевидно, что у партии тори есть будущее. Однако политическая монополия вигов продлилась недолго, и Роберт Пиль стал объединяющим звеном для всех антивигских сил в парламенте и, следовательно, лидером будущей Консервативной партии. Новое название «Консерваторы» впервые применили на страницах «Quarterly Review» в начале 1830-х в отношении тех, кто старался сохранить конституцию в государстве и старые порядки в церкви, в противовес вигам и их радикальным союзникам во время кризиса Реформы. Поэтому именно выражение политических взглядов «обновленных» тори от лица их нового лидера представляет особый интерес.

Если консервативная партия должна была искать голоса избирателей, она не могла уклоняться от вопроса, что именно значил их Консерватизм. В Тамвортском манифесте Пиль провозгласил принятие Реформы, как неотменяемое разрешение великого конституционного спора. Роберт Пиль заявил о намерении проводить политику в духе Реформы, ведя аккуратный пересмотр всех институтов, совмещая его с твердым соблюдением прав, коррекцией доказанных несправедливостей и устранением действительных поводов для жалоб.

В связи с этим заявлением весьма оригинальным является комментарий на Манифест¹, опубликованный в «The Quarterly Review» в 1835 г. Неизвестный автор приводит примеры из истории Англии, когда кардинальные перемены были приняты населением страны после длительного сопротивления. Таким событием стало объявление независимости колоний Северной Америки. «Ни одно событие не было воспринято Монархом и населением Англии с такой неприязнью, осуждением и страхом, как независимость Соединенных Штатов Америки; но, когда это стало свершившимся фактом, Георг III дал своим министрам и своему народу пример самого великодушного и искреннего принятия новых обстоятельств этого самого сложного и даже унижительного вопроса, которому они последовали»².

Чтобы оценить результаты Тамвортского манифеста [11, с. 74–79] Роберта Пия 1834 г., необходимо также обратиться к его содержанию. В самом начале своего обращения к избирателям, Пиль говорит о «непредвиденности и неожиданности» [11, с. 75] предложения Вильяма IV помочь в формировании правительства. Находясь в Риме, Пиль принял приказ монарха немедленно вернуться в Англию после изучения состояния общественных дел.

Портрет Пия на фоне эпохи, согласно взглядам П. Г. Мижуева, не так оригинален — лорд Ливерпуль тоже «не считал своей задачей добиваться во что бы то ни стало проведения в жизнь тех или иных политических идей и принципов. Он не являлся приверженцем одних мер, потому только, что они считались консервативными, или решительным противником других только потому, что в них многие усматривали дух либерализма» [6, с. 70–71]. Не только Пиль, но и Грей, и Паль-

¹ Sir Robert Peel's address to the electors of the Borough of Tamworth // Quarterly Review, Vol. 53 (February and April 1835). London: John Murray, 1835. P. 261–287.

² Sir Robert Peel's address to the electors of the Borough of Tamworth // Quarterly Review, Vol. 53 (February and April 1835). London: John Murray, 1835. P. 262.

мерстон, Беконсфилд, Солсбери, Гладстон старались быть выразителями общественного мнения, а не идти у него на поводу.

П. Г. Мижув обнаруживает очень интересное сходство между политикой консерваторов и либералов в 30–50-е годы XIX в. И те, и другие стремились проводить те законопроекты, которые «способны удовлетворить желания одних, не раздражая чересчур взглядов и желаний других» [6, с. 71]. При этом консерваторы стремились удержать власть, считая, что пребывание либералов у власти только ухудшит ситуацию. К сожалению, уступок Пиля оказалось недостаточно. По мнению автора, Роберт Пиль «был слишком умен, чтобы брать на себя неблагодарную и безнадежную роль безусловного защитника интересов поземельной или денежной аристократии» [6, с. 154]. Тем не менее, П. Г. Мижув все равно считает правительство Пиля консервативным, хотя и делает вывод о том, что периоды премьерства Роберта Пиля фактически не прерывали период лидерства либералов со времени отставки герцога Веллингтона в 1830 г., так как в этот период не наблюдалось резкого поворота в реакционном направлении. Отмена Хлебных законов стала «вторичным крахом для старой Англии» [6, с. 165], после Билля о реформе 1832 г.

Следует напомнить, что Роберт Пиль являлся и ранее (с 1830 г.) членом Парламента от Тамвортса, поэтому вполне закономерно, что он ощущал «политическое единство» [11, с. 75] с собравшимися, и, благодаря их за поддержку в трудные времена, искал «обновления давно существующего доверия» [11, с. 75] представлять Тамвортс в Палате общин.

Отрицая свою личную заинтересованность и амбиции, Роберт Пиль в начале своего Манифеста объяснил причины своего выступления. Во-первых, он чувствовал необходимость выступить с изложением своих взглядов как министр Короны. Во-вторых, решил воспользоваться законной возможностью перед выборами сделать публичное обращение не только к уважаемым избирателям Тамвортса, но и через них к «великому и интеллигентному обществу» [11, с. 75], которое, по его словам, куда более заинтересовано в поддержании порядка в стране, чем в партийной борьбе. Именно им была адресована публикация Манифеста. М. В. Жолудов отмечает, что «этот документ способствовал сплочению консервативной партии, преодолению внутреннего кризиса и выдвижению Пиля в признанные лидеры партии» [3, с. 101]. Таким образом, в данном выступлении прослеживается еще и личный интерес политика, что менее свойственно для британской историографии, но определенно заслуживает внимания.

Неоднократно Роберт Пиль говорил о том, что было не в его интересах скрывать его политические убеждения и он намеревался изложить их наиболее полно и откровенно. Лейтмотивом Тамвортского манифеста 1834 г. стало отношение к «духу» Парламентской реформы 1832 г. Роберт Пиль задавался вопросом: «Должен ли я подчиниться призыву (сформировать правительство — прим. авт.)? Или уйти от ответственности, ссылаясь на причину, что я рассматриваю себя, после Билля о Реформе, действующим в некоторой моральной дисквалификации, которая должна помешать мне и всем моим единомышленникам сейчас и навсегда вступать на службу Короне?»¹.

Нельза отрицать того влияния, которое оказала Первая парламентская реформа на мировоззрение и положение консервативно настроенных членов Парламента. В течение долгого времени накануне реформы 1832 г., тори уходили в отставку, покидали Парламент, будучи несогласными с куда менее радикальными законопроектами. И вопрос присутствия тори в парламенте отчасти зависел от того, каким они будут видеть свое участие в нем. В том случае, если бы тори начали бойкотировать или отрицать работу парламента, то правительство формировалось бы только из

¹ Peel R. The Tamworth manifesto. [Электронный ресурс] URL: https://en.wikisource.org/wiki/The_Tamworth_Manifesto (дата обращения: 20.07.2015)

вигско-либеральных кругов. Именно поэтому Роберту Пилю предстояло принять непростое решение и объяснить свое отношение к изменениям в конституционных основах Великобритании. М.П. Айзенштат рассматривает Тамвортский манифест с точки зрения результатов для консолидации консерваторов, но не для личности Роберта Пилия. Рассматривая историю консервативной партии этого периода, автор делает акцент на том, что строилась она в большей степени за пределами парламента, нежели внутри него. Но призыв Роберта Пилия, выраженный в Манифесте, был обращен и к тем, чьи взгляды были далеки от его собственных, и к тем, чьи взгляды полностью совпадают, чтобы добиться общественного доверия, которое позволило бы энергично и успешно управлять страной. Именно поэтому Роберт Пиль выступил с провозглашением своих принципов, которые соответствовали его чести и характеру. Интересно отметить, что Роберт Пиль вполне четко осознавал то влияние, которым будет обладать Манифест, говоря о том, что общественное мнение впоследствии повлияет «на эти или другие выборы»¹.

Со всей торийской твердостью, переходя к теме восприятия реформы, Роберт Пиль заявил, что не примет власть, если для этого ему придется провозгласить себя «отступником от тех принципов, по которым он до нынешнего момента действовал» [11, с. 76]. Но практически сразу изложил свое политическое кредо: «Я никогда не соглашусь, что до или после Билля о реформе я был защитником злоупотреблений или противником здравых реформ» [11, с. 76].

М.В. Жолудов считает Тамвортский манифест Роберта Пилия 1834 г. первой партийной программой консерваторов. Объясняя почему либералы не последовали его примеру, автор говорит о том, что либералы 1830-х годов «представляли из себя коалицию и им чрезвычайно сложно было выработать единый программный документ, который удовлетворил бы интересы всех сторон» [2, с. 76]. Для подтверждения своих слов Пиль привел ряд законопроектов, которые были приняты по его инициативе или при его непосредственной поддержке, среди них — вопросы финансов, упорядочивание и изменение уголовного законодательства, пересмотр системы судопроизводства. Важно обратить внимание, что вопрос эмансипации католиков 1828 г. Роберт Пиль не счел важным упомянуть. Потому что именно этот вопрос стал причиной одного из первых разладов Пилия с тори и Англиканской церковью.

Но Билль о реформе начинает новую эпоху, и перед министром Короны стояла задача — понятно ответить на два ключевых вопроса. Во-первых, поддерживает ли он Билль? Во-вторых, будет ли он действовать в духе этого закона?

По первому вопросу Роберт Пиль дал исчерпывающие объяснения, повторив заявление, которое он сделал в реформированном Парламенте: « (Билль о реформе — *прим. авт.*) — это окончательное и неоспоримое установление великого конституционного вопроса, <...> которое ни один друг мира и благосостояния этой страны не попытается потревожить <...>» [11, с. 76].

«Дух реформы» [11, с. 76] и принципы, которыми Пиль собирался руководствоваться во главе правительства, были более многозначны. Отрицая погоню за общественным мнением, постоянную агитацию, обещания отменить все, что может показаться злоупотреблением, отсутствие уважения древних устоев политической системы, Роберт Пиль изложил свое видение политики «после Реформы». Будущее было, по его мнению, за осторожным пересмотром гражданских и духовных вопросов, устранению доказанных злоупотреблений и поводов для недовольства. Важным отличием этих двух точек зрения является то, что в первом случае власть фактически оказывается подчинена мнению толпы. Во втором же случае — здравому смыслу (и мнению тори — *прим. авт.*).

¹ Peel R. The Tamworth manifesto. [Электронный ресурс] URL: https://en.wikisource.org/wiki/The_Tamworth_Manifesto (дата обращения: 20.07.2015).

Н. И. Кареев использует необычное сравнение Р. Пиля и Ф. Гизо, которые были лично знакомы и находились у власти параллельно в Англии и во Франции. Фигура Роберта Пиля предстает в образе идеального правителя. По мнению автора, Пиль понимал задачу консерваторов в сдерживании, а не задерживании общественных перемен, он считал нужным временами проводить либеральные реформы. Не сдерживая эмоций, Н. И. Кареев утверждает: «Пиль — лучший представитель английского консерватизма» [4, с. 209]. Пиль не поддавался на агитацию, и политика уступок была направлена на предотвращение социальных взрывов. Он отстаивал право «действовать согласно с интересами Родины и в виду требований времени» [4, с. 210]. Безусловно, определение всему вышесказанному — политика уступок, но уступок очень взвешенных, продуманных и своевременных.

Чтобы быть более понятным для избирателей, Роберт Пиль счел нужным применить вышеизложенные принципы к некоторым вопросам, привлекавшим наибольшее внимание в первой половине 30-х годов XIX в. Хотя и сделал это достаточно кратко по сравнению с тем, как обычно Пиль выступал в Парламенте. Среди целей на предстоящий срок Роберт Пиль провозгласил поддержание мира, поддержание общественного согласия, укрепления экономики, рассмотрение того, что касается всех отраслей экономики: сельского хозяйства, мануфактур и финансов.

Роберт Пиль был уверен, что его курс будет одобрен и он получит то доверие, о котором просил в начале своего выступления. Общественный долг, высокие мотивы и твердые убеждения вдохновили Роберта Пиля.

Однако на первый раз пребывание Роберта Пиля во главе правительства оказалось недолгим, и с 1835 по 1841 гг. он пребывал в оппозиции. Позднее он сам неоднократно ссылался на Тамвортский манифест и комментировал его значение. Речь 1841 г. была более продолжительной, длилась около двух часов и была опубликована не только в периодической печати, но и отдельной брошюрой [10]. В 1841 г. Роберт Пиль решил вернуться к своим «старым друзьям» [10, с. 2] и «давним избирателям» [10, с. 2], которых он противопоставлял другим избирателям, жителям Вестминстера, более многочисленным и богатым, агитацию среди которых вел лорд Джон Рассел. И неслучайно, потому что на этот раз Роберт Пиль был намного более уверен в результатах, чем в 1834 г. Его политические убеждения не претерпели с тех пор каких-либо изменений. Будущий премьер-министр говорил: «Я твердо убежден, что я сдержал все общественные обещания, которые я когда-либо делал в ходе избирательной кампании, я осознаю, что я честно и всеми силами исполнял обязанности, которые вы доверили мне» [10, с. 2–3]. Интересной особенностью публикации данной речи является то, что помимо высказываний Роберта Пиля в ней содержатся и реплики из зала, представленные в скобках, и не только доброжелательные, но и достаточно резкие.

В речи 1841 г., как и в 1834 г., Пиль описывал политическую обстановку, вновь ссылаясь на Парламентскую реформу 1832 г., говоря о том, что в истории страны никогда не было столь насыщенного событиями периода. Июльская революция во Франции 1830 г. повлияла на многие страны, и Англия не стала исключением. По словам Пиля, появилось сильное желание изменить древние институты страны и последствием стали основательные изменения в Палате общин. Можно предположить, что для консерваторов еще долгое время отправной точкой для политических выступлений была Первая парламентская реформа, ведь именно в процессе борьбы за нее выкристаллизовались новые политические партии — консерваторы и либералы. И несмотря на то, что в 1834 г. об основании Консервативной партии Роберт Пиль ничего не упоминал, именно этот год современные консерваторы считают годом создания партии.

В Тамвортском манифесте 1841 г. Пиль пояснил свой замысел 1834 г. Видя стремление к ненужным и напрасным изменениям законодательства, он увидел

пользу от закладывания основ Консервативной партии. Будучи привязанной к правовым основам страны, она не должна была противостоять каким-либо рациональным изменениям, которые неизбежно понадобятся с течением времени и изменениями общественных реалий. Но партия была предназначена в первую очередь для защиты древних устоев Церкви и Государства. В целом, курс остался прежним в сравнении с 1834 г., но Роберт Пиль теперь был не просто представителем от Тамвортса, он стал лидером Консервативной партии, и словосочетание «великая партия» встречается неоднократно.

Говоря о создании партии, Пиль акцентирует внимание избирателей на том, что в первую очередь необходимо было расширить фундамент, на котором стоит партия, за счет людей, отличия с которыми более не существовали. Численность партии, первоначально не превышавшая сотню, за 7 лет достигла 300 голосов в Парламенте и главное, что это объединение «не столько сильно своей численностью, сколько сильно доверием страны» [10, с. 4]. За счет достаточно гибкого курса на устранение злоупотреблений время от времени консерваторы получали поддержку своих политических оппонентов. Однако движение в обратном направлении для Пилля пока было не так приемлемо: «Я никогда не вступал в искусственные коалиции с людьми крайних политических взглядов, и не искал расположения общественного мнения, голосуя общепринято, но против своих убеждений» [10, с. 5].

В параграфе «Р. Пиль и „новый консерватизм“» [7, с. 21–27], оценивая результаты выборов 1841 г., С. Ю. Торопова отмечает усилия партии на пути к победе, начиная с 1832 г. Существенным дополнением к данной точке зрения является утверждение, что «...пожалуй, наибольшая заслуга завоевания успеха тори у избирателей в обозначенный период принадлежала Роберту Пиллю, который смог решить стоявшую перед консерваторами с начала 1830-х гг. проблему лидерства и сформировал в 1841 г. свое второе министерство, опиравшееся на большинство в нижней палате. Его первый опыт в качестве главы правительства был кратковременным — продолжался с декабря 1834 по апрель 1835 гг., но, как отмечают историки, стал важным моментом в становлении двухпартийной системы страны» [7, с. 22]. С. Ю. Торопова вводит в свое повествование термин «новый консерватизм», основателем которого считается Р. Пиль. По мнению автора, именно Р. Пиль «стремился приспособить традиционные торийские ценности — уважение к короне и церкви, привилегии аристократии и землевладельцев — к новым, изменившимся условиям» [7, с. 23]. Важной вехой формирования принципов «нового консерватизма» стал Тамвортский манифест 1834 г., который в свою очередь сумел удовлетворить не только ультратори, но и умеренных сторонников лорда Грея. «Тамвортский манифест содержал положения, которые стали основными партийными принципами консерваторов на долгие годы: незыблемость традиционных государственных институтов Великобритании, приоритет короны над парламентом, сохранение роли палаты лордов, поддержание авторитета англиканской церкви, упрочение колониальной империи и унии с Ирландией» [3, с. 101].

Следует отметить, что Парламентская реформа 1832 г. и на современном этапе играет важную роль в системе аргументов британских политиков. Именно Тамвортский манифест дал основание британским историкам называть Роберта Пилля основателем консервативной партии. Отдельно от политики Роберта Пилля в 1841–1846 гг., действительно стоит признать его успех в консолидации консервативных сил страны в стенах парламента. Безусловно, Тамвортский манифест является уникальным явлением в политической истории Великобритании, как первое обращение к избирателям накануне выборов, напечатанное в периодических изданиях и произнесенное публично членом парламента.

Литература

1. Джефсон Г. Платформа. Ея возникновение и развитие. (История публичных митингов в Англии) : в 2 т. : пер. с англ. СПб. : Типография М. Акинфьева и И. Леонтьева, 1901. Т. 2.
2. Жолудов М. В. Идеология и политика либеральной партии Великобритании в 30-е годы XIX в. Рязань : Изд-во РГПУ, 1997.
3. Жолудов М. В. Развитие двухпартийной системы Великобритании в первой половине XIX века // Очерки истории Великобритании XVII–XX веков. М. : Прометей, 2002. С. 71–112.
4. Кареев Н. И. История Западной Европы в Новое время : в 5 т. 2-е изд. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1898–1903. Т. 5.
5. Клочков В. В. Кризис партии тори и формирование политической стратегии британского консерватизма. (1828–1835 гг.) Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Спец. 07.00.03. Ростов-на-Дону, 1999.
6. Мижухев П. Г. Политическая история Англии в XIX в. СПб. : Издание Акционерного об-ва «Брокгауз-Ефрон», 1916.
7. Торопова С. Ю. Становление и эволюция двухпартийной системы викторианской Англии : учеб. пособие. Ярославль : Яросл. гос. ун-т, 1998.
8. Hurd D. Robert Peel. A biography. London : Weidenfeld and Nicolson, 2007.
9. *Memoirs by the Right Honourable Sir Robert Peel* : in 2 vol. London : John Murray, 1856–1858. Vol. 2.
10. Peel R. Tamworth election. Speech of Sir Robert Peel, June 28, 1841. London : John Ollivier, 1841.
11. *The age of Peel. Documents on Modern History* // Ed. by N. Gash. New York : St. Martin's Press, 1968.

References

1. Jephson H. *The Platform. It's rise and progress. (The history of public meetings in England)* [Platforma. Eya vzniknovenie i razvitie. (Istoriya publichnykh mitingov v Anglii)] : in 2 vol. : transl. from English. SPb. : M. Akinfiev & I. Leont'ev's printing house [Tipografiya M. Akinfieva i I. Leont'eva], 1901. Vol. 2. (rus)
2. Zholudov M.V. *Ideology and policy of Liberal party of Great Britain in 30s of XIX century* [Ideologija i politika liberal'noj partii Velikobritanii v 30-e gody XIX v.]. Rjazan' : RSPU Press [Izd-vo RGPU], 1997. (rus)
3. Zoludov M.V. *The development of bipartisan system of Great Britain in the first half of XIX century* [Razvitie dvuhpartijnoj sistemy Velikobritanii v pervoj polovine XIX veka] // Essays on History of Great Britain in XVII–XX centuries [Oчерки istorii Velikobritanii XVII–XX vekov]. Moscow : Prometej, 2002. P. 71–112. (rus)
4. Kareev N. I. *The history of Western Europe in Modern times* [Istoriya Zapadnoi Evropy v Novoe vremya] : in 5 vol. 2nd ed. SPb. : M. M. Stasjulevich's printing house [Tipografiya M. M. Stasjulevicha], 1898–1903. Vol. 5. (rus)
5. Klochkov V.V. *Tory party crisis and formation of political strategy of British conservatism (1828–1835)* [Krizis partii tori i formirovanie politicheskoi strategii britanskogo konservatizma. (1828–1835 gg.)]. Thesis abstract [Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. k. ist. n. Spec. 07.00.03.]. Rostov-on-Don : 1999. (rus)
6. Mizhuev P.G. *The political history of England in XIX century* [Politicheskaya istoriya Anglii v XIX v.]. SPb. : Publication of Joint Stock Company «Brokgauz-Efron» [Izdanie Aktsionernogo ob-va «Brokgauz-Efron»], 1916. (rus)
7. Toropova S.Ju. *The making and evolution of bipartisan system in Victorian England* [Stanovlenie i evolyutsiya dvukhpartijnoi sistemy viktorianskoi Anglii]: tutorial [Uчеб. Posobie]. Jaroslavl' : Jaroslavl State University [Jarosl.gos. un-t.], 1998. (rus)
8. Hurd D. *Robert Peel. A biography*. London : Weidenfeld and Nicolson, 2007.
9. *Memoirs by the Right Honourable Sir Robert Peel*: in 2 vol. London : John Murray, 1856–1858. Vol. 2.
10. Peel R. *Tamworth election. Speech of Sir Robert Peel, June 28, 1841*. London : John Ollivier, 1841.
11. *The age of Peel. Documents on Modern History* // Ed. by N. Gash. New York : St. Martin's Press, 1968.

Инвестиционная привлекательность яхтенных марин и способы ее повышения

Ковалев Николай Васильевич

ЕУ

Кафедра экономики и управления в сфере услуг Санкт-Петербургского государственного экономического университета
nickkovalev@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются вопросы инвестиционной привлекательности бизнеса яхтенных марин, дается ее характеристика. Анализируются основные факторы, влияющие на привлекательность этого бизнеса, и способы ее повышения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

яхтенная марина, инвестиционная привлекательность яхтенной марины

Kovalev N. V.

Yacht Marinas Investment Attractiveness and Ways to Improve it

Kovalev Nikolay Vasilyevich

ЕУ

Department of Economics and Management in the service sector Saint-Petersburg State Economic University
nickkovalev@mail.ru

ABSTRACT

The article examines the yacht marinas investment attractiveness and its characteristics. It analysis the main factors influencing the attractiveness of this business, and ways to improve it.

KEYWORDS

yacht marina, yacht marina investment attractiveness

Бизнес яхтенных марин в целом можно охарактеризовать как операционно привлекательный — он генерирует стабильный денежный поток, устойчив и имеет хорошие перспективы. Основными услугами яхтенных марин, генерирующими наибольший доход, являются [2]: аренда швартовочных мест; зимнее хранение; дополнительные услуги для судовладельцев — магазин сопутствующих товаров, ресторан, гостиница; яхтенный сервис и техническое обслуживание.

При этом современная яхтенная марина, предоставляющая весь комплекс сопутствующих услуг, является устойчивым диверсифицированным предприятием. Спад активности в межнавигационный период нивелируется предоставлением услуг зимнего хранения и обслуживания. Таким образом, сезонность работы яхтенной марины характеризуется сменой спектра услуг — преобладание услуг, направленных на судовладельцев, в навигационный период и услуг, направленных на суда, в межнавигационный.

В целом все услуги яхтенной марины можно разбить на две категории — центры прибыли и услуги, косвенно влияющие на доходность. Например, информационная поддержка владельцев судов (прогноз погоды, рекомендации по маршруту плавания, навигационная информация и прочее) по степени значимости для судовладельцев находится на одном из первых мест, в то же время не является оплачиваемой. Наличие таких услуг косвенно влияет на доходность марины, так как повышает лояльность клиентов и чувство удовлетворения от комплекса оказываемых услуг. Синер-

гетический эффект центров прибыли марины и предоставляемых косвенных услуг проявляется лишь при гармоничном сочетании на единой территории разных видов деятельности и разных типов услуг.

На наш взгляд, основные направления повышения доходности функционирования марины следующие: увеличение вместимости марины; повышение заполняемости марины; снижение сезонности бизнеса (круглогодичное функционирование территории); увеличение доли резидентных судов (не гостевых); комплексное использование территории и акватории марины; расширение перечня предоставляемых услуг (ресторанное обслуживание, прокат яхт и катеров и др.); снижение операционных затрат (повышение производительности труда, использование современных технологий обслуживания и др.); объединение маркетинговых усилий и разделение затрат на продвижение.

Привлекательность инвестиций в яхтенную марину зависит от огромного количества факторов, в числе которых месторасположение, емкость марины и разнообразие предоставляемых услуг, маркетинговая активность, имидж и другие факторы. Срок окупаемости инвестиций в марину обычно составляет около 8-10 лет. При грамотном стратегическом планировании окупаемость инвестиций может быть достигнута за 3-5 лет [1].

Одна из основных проблем окупаемости инвестиций в яхтенные порты — большие первоначальные вложения. Первоначальные затраты на создание марины с нуля, особенно в случае когда необходимо создание волнозащитных сооружений и дноуглубительные работы, часто становятся чрезмерными и не могут окупиться операционной деятельностью. На развитых рынках с длинной историей яхтенного бизнеса типичной является ситуация, когда первый владелец марины вкладывает деньги в необходимую дорогостоящую инфраструктуру и прогорает. Второй собственник покупает марину по цене ниже понесенных затрат, достраивает инфраструктуру и делает прочие улучшения и прогорает. И только третий собственник, покупая готовую, полностью оборудованную марину по цене значительно ниже понесенных затрат (как проблемный актив), имеет хорошие шансы на окупаемость своих вложений.

Необходимость создания волнозащитных сооружений обусловлена основным требованием к яхтенным портам — безопасностью хранения судов. Внутренняя акватория марины должна быть хорошо защищена от ветра и волн. По международным стандартам приемлемый уровень волнения во внутренней акватории яхтенного порта составляет 0,3-0,5 м. Большинство девелоперов с целью экономии инвестиционных затрат стремится создавать яхтенные порты в защищенных естественных бухтах. Однако количество таких бухт ограничено. Так, например, на всем протяжении Черноморского побережья от Абхазии до Анапы таких бухт нет, и для организации яхтенного порта требуется создание мощных волнозащитных сооружений, способных противостоять штормам, бушующим на Черном море.

Еще одной значительной статьей первоначальных затрат могут стать дноуглубительные работы, необходимые для обеспечения достаточной глубины акватории марины. При этом дноуглубительные работы также несут в себе значительный риск — в большинстве случаев в будущем потребуются повторные дноуглубительные работы, так как природная среда имеет свойство восстанавливаться со временем, и глубина акватории будет постепенно уменьшаться. Для типичной яхтенной марины достаточно глубины в 3-4 м, так как большинство даже крупных яхт имеют осадку до 1,5-2 м. Исключение составляют очень крупные мега-яхты и килевые парусные яхты, ориентироваться на которые при создании марины на мелководье экономически нецелесообразно.

Многие эксперты по созданию яхтенных портов советуют изначально проводить дноуглубительные работы на большую глубину, чем необходимо по проекту с уче-

том этого фактора, а также с учетом того, что после завершения создания марины углубление дна станет более сложным процессом. Например, существует термин *advanced maintenance dredging* — заблаговременное техническое обслуживание дноуглубления. Это означает изначальное большее заглубление, чем необходимо по проекту, для экономии на периодическом техническом обслуживании путем сокращения его частоты¹.

Одним из основных путей оптимизации объема первоначальных вложений является грамотное проектирование яхтенной марины, основанное на тщательном маркетинговом анализе, анализе современных строительных технологий, понимании будущих тенденций. Проектирование яхтенной марины, как и любого другого сложного объекта, включает множество мелких деталей и нюансов, которые в совокупности могут иметь огромное влияние на объем инвестиций и последующую операционную деятельность. При этом, несмотря на длительную историю бизнеса яхтенных марин, его развитие и усовершенствование не прекращается. Так, например, современной тенденцией является швартовка больших яхт ближе к берегу, а не на дальнем конце причала, как это делалось ранее. Это объясняется как имиджевой составляющей — самые большие и красивые яхты оказываются, таким образом, на виду, так и сугубо утилитарным мотивом — большие яхты требуют электричество большой силы тока, и прокладка кабеля соответствующего сечения на большое расстояние является существенной статьей затрат [3].

Особенностью рынка яхтенных марин является тот факт, что даже хорошие марины с прекрасным расположением, проработанной концепцией и качественно построенные, могут быть успешны только при наличии эффективного менеджмента и персонала. В последние годы на этом рынке фокус сместился с непосредственно обслуживания судов на удовлетворение потребностей владельцев судов. При этом то, что ранее считалось основополагающим в работе яхтенного порта — швартовка, техническое обслуживание и так далее, со временем стало лишь одним из направлений работы современной полноценной яхтенной марины. Акцент все больше смещается в сторону предоставления сопутствующих яхтингу услуг. Так, по данным статистики Британской ассоциации яхтенной индустрии (*British Marine*) доля выручки от услуг, направленных непосредственно на суда, постепенно снижается, а доля услуг для владельцев, наоборот, постепенно увеличивается [4; 5].

Таким образом, все большее значение для доходности яхтенной марины играет ее менеджмент и его способность выстраивать взаимоотношения с весьма непростой и требовательной клиентурой — владельцами яхт. Профессиональное управление маринной может стать значительным фактором успеха. В мире существуют компании, профессионально занимающиеся управлением яхтенными портами. Они делятся на компании, управляющие собственными объектами, и на наемные компании-операторы. Среди основных игроков этого рынка можно выделить следующих:

- *Westrec Marinas*. По данным официального сайта (<http://www.westrec.com/>) компания управляет 28 маринами в США;
- *Camper & Nicholsons*. Старейшая и наиболее известная компания по управлению яхтенными портами. В настоящий момент по данным официального сайта (<http://www.cnmarinas.com>) под управлением компании находится 12 марин, расположенных в основном в Средиземноморье;
- *Island Global Yachting marinas (IGY)*. Компания специализируется на управлении маринами для супер-яхт (или имеющими такие места). В настоящий момент по данным официального сайта (www.igymarinas.com) под управлением компании

¹ Инженерный корпус армии США. Прибрежная и гидравлическая лаборатория (*US Army Corps of Engineers. Coastal and Hydraulics Laboratory*). URL: <http://chl.erdc.usace.army.mil/chl.aspx?p=GlossaryItems&a=Glossary;42> (дата обращения: 15.08.2015).

находится 12 марин, расположенных в основном в Северной и Южной Америке. Дочерняя компания Mourjan Marinas предоставляет услуги по управлению маринами на Ближнем Востоке;

- Arrol Ltd. (Mr. Simon Arrol). Mr. Simon Arrol (англичанин) — эксперт в области проектирования и управления маринами, работал в компании Camper & Nicholsons, участвовал в создании Island Global Yachting marinas;
- MDL Marinas Group. По данным официального сайта (www.mdlmarinas.co.uk) компания управляет 18 маринами в Великобритании, 2 — в Италии, 1 — в Испании.

Привлечение профессионального оператора обеспечивает более эффективное функционирование марины, сокращение операционных издержек, а также увеличивает стоимость марины с точки зрения потенциального инвестора. Еще одним немаловажным фактором с точки зрения окупаемости инвестиций в яхтенную марину является ее устойчивость к кризисным явлениям. Влияние экономических кризисов на деятельность яхтенных марин было рассмотрено в [3] на основании данных по американским яхтенным маринам, работавшим в кризисы 1973–1975, 1980–1982, 2001–2003 и 2007–2008. Основными выводами этого анализа можно назвать следующие:

- марины являются самой стабильной частью яхтенной индустрии. На них в последнюю очередь сказывается экономический спад и они же первыми после него восстанавливаются;
- большинство марин остается у того же собственника, что и до кризиса. В то же время в компаниях по производству и продаже яхт ситуация обратная;
- в кризисные времена большинство собственников продолжают пользоваться своими яхтами. Изменения в основном связаны с тем, что они проводят больше времени у причалов, либо совершают небольшие путешествия, экономя на горючем. В такое время собственники обычно занимаются ремонтом своих судов. Покупку же новых яхт обычно откладывают до окончания кризисных явлений. Поэтому доходы от бункеровки обычно сокращаются, а доходы от ремонта увеличиваются;
- марины с диверсифицированным набором услуг и большим количеством центров прибыли обычно переживают кризис лучше, чем яхтенные порты, специализирующиеся только на предоставлении в аренду швартовочных мест;
- хорошо управляемые марины в такое время обычно теряют меньше клиентов, а часто даже увеличивают свою загрузку, привлекая судовладельцев из марин, которые управляются хуже.

Таким образом, можно сделать вывод, что хорошо продуманные и организованные яхтенные марины в целом являются привлекательным бизнесом и показывают хорошие операционные показатели. Инвестиционная же привлекательность яхтенных марин в большой степени зависит от конкретных условий, определяющих объем первоначальных инвестиций. Марина на рынке со слабой конъюнктурой, но в физически пригодном для этого месте, не требующем значительных инвестиций, операционно будет уступать марине на активном рынке, требующей больших вложений в инфраструктуру. Однако с точки зрения инвестиционной привлекательности и особенно сроков окупаемости, марина со значительными первоначальными инвестициями демонстрирует гораздо более плохие показатели, и значительная часть таких проектов остается нереализованной из-за несоответствия ожиданиям инвесторов.

Литература

1. Новоселов П. Н. Современный яхтенный порт — марина. Практика создания. М., 2011.
2. Efficient and profitable marina operation. Practical advice for optimizing service provision. PLANCO Consulting GmbH. 2013.

3. Fundamental truths about marinas past, present & future. Common sense rules of thumb. Neil W. Ross. 2008.
4. UK leisure, superyacht and small commercial marine industry. Key performance indicators 2008/9. British Marine Federation. 2009.
5. UK leisure, superyacht and small commercial marine industry. Key performance indicators 2009/10. British Marine Federation. 2010.

References

1. Novoselov P. N. *Modern yacht port — marina. The practice of creating* [Sovremennyyi yakhtennyi port — marina. Praktika sozdaniya]. M. : 2011. (rus)
2. Efficient and profitable marina operation. Practical advice for optimizing service provision. PLANCO Consulting GmbH. 2013.
3. Fundamental truths about marinas past, present & future. Common sense rules of thumb. Neil W. Ross. 2008.
4. UK leisure, superyacht and small commercial marine industry. Key performance indicators 2008/9. British Marine Federation. 2009.
5. UK leisure, superyacht and small commercial marine industry. Key performance indicators 2009/10. British Marine Federation. 2010.

Доверие как категория политологического анализа

Рыбчак Павел Николаевич

Администрация Выборгского района Санкт-Петербурга
Ведущий специалист отдела организационной работы и взаимодействия с органами местного самоуправления
Аспирант Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург)
pavelrybchak@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья построена на междисциплинарном анализе одной из важнейших категорий общесовещедческого знания — доверии. Отдавая должное трактовке доверия в психологической и социологической парадигме, автор сосредоточил свое внимание на политологическом аспекте трактовки категории доверия. В статье описывается применение категории доверия в сфере политического анализа. Своей целью автор поставил определение исследовательских политологических задач, решение которых построено на изучаемой категории.

В работе констатируется, что доверие к власти наделяет ее более значительными ресурсами для реализации тех или иных политических решений. Доверие непосредственно включено в механизм легитимации власти, формируя социальную базу поддержания властных институтов. Доверие следует характеризовать как один из факторов, которые поддерживают интегрированность и устойчивость общества в целом.

С позиции политологической теории категории доверия можно рассматривать с точки зрения самых разных подходов: институционального, политико-культурного, с позиции социального капитала. Согласно институциональному подходу доверие есть элемент внутренней институциональной среды, выступающий важнейшей частью теории эффективного управления в государстве. В соответствии с политико-культурным подходом доверие выступает результатом развития политической культуры и политических режимов, выступая основой и итогом политического порядка. Теории социального капитала трактуют доверие как общественно-политическую ценность, которая может обмениваться на иные полезные для гражданина или общества блага. В завершение статьи делается вывод о том, что политическое доверие выступает одним из важнейших факторов, который определяет стабильность, устойчивость и эффективность политической системы общества в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политическое доверие, политические институты, институт выборов, кредит доверия, социальный обмен, основания доверия, культура доверия

Rybchak P. N.

Trust as a Category of Political Analysis

Rybchak Pavel Nikolaevich

Administration of Vyborgsky district of Saint-Petersburg
Leading specialist of department of organizational work and interaction with local governments
Graduate student of The North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
pavelrybchak@mail.ru

ABSTRACT

The article is based on an interdisciplinary analysis of one of the most important categories of social science knowledge — trust. Paying tribute to the confidence in the interpretation of psychological and sociological paradigm, the author focused on political science aspect of the interpretation of the category of trust. The article describes the use of the category of trust in political analysis. The author aims to put the definition of political science research tasks, which is built on the studied categories.

The paper stated that the credibility of the government gives it greater resources to the implementation of these policies. Confidence is directly incorporated into the mechanism of legitimation of power, forming a social base of maintaining the institutions of power. Confidence should be characterized as one of the factors that support the integrity and stability of society as a whole.

From the standpoint of political science theory of the category of trust can be viewed from the perspective of a variety of approaches: institutional, political and cultural, from the perspective of social capital. According to the institutional approach is an element of trust in the internal institutional environment is an important part of the theory of effective management in the country. In accordance with the political-cultural approach trust acts result of political culture and political regimes, addressing the basis of the outcome and the political order. Theories of social capital treat the trust as a socio-political value, which can be exchanged for other useful for the citizen or the public good. Finally, the article concludes that political trust is one of the most important factors that determine the stability, sustainability and efficiency of the political system of the society as a whole.

KEYWORDS

political trust, political institutions, elections, credit, trust, social exchange, the basis of trust, culture of trust

Актуальность политологического дискурса темы доверия базируется на стратегической проблеме: необходимости обеспечения устойчивости общественного развития. Доверие нами понимается как важнейший фактор предосторожности в российском обществе «оранжевых революций», социальной напряженности и дестабилизации. В этом смысле доверие к политическим акторам выступает ключевым инструментом обеспечения политической стабильности. Это при ответах на вопросы во время прямой линии в апреле 2015 г. подчеркнул Президент РФ В. В. Путин: «Если мы сохраним доверие граждан, тогда они будут поддерживать то, что мы делаем. Где-то готовы будут и потерпеть. Если мы будем действовать, не обращая внимания на реальную жизнь, мы очень быстро можем скатиться к той ситуации, которая была в начале 90-х годов, когда будет утрачено доверие к власти»¹.

Основной целью статьи выступает описание исследовательских проблем в сфере политического знания, которые опираются на категорию доверия. В статье предпринята попытка ответа на вопрос: Какие исследовательские задачи в политологическом анализе можно решать с помощью этого термина?

Истоки анализа проблем общественного доверия можно найти еще в трудах Г. Гроция, Дж. Локка, И. Канта, Т. Гоббса. В этих и дальнейших исследованиях понятие доверия не получило однозначной трактовки. Одной группой исследователей оно понимается как ожидание, отношение, установка, состояние, чувство, процесс передачи информации, процесс социального обмена и иных необходимых благ, личностное и групповое качество, компетенция. Другие специалисты рассматривают доверие как индивидуальное, групповое или общественное настроение, климат, социальную ситуацию или социальную проблему [16, с. 26]. В исследовательской среде можно наблюдать полемику по поводу содержания доверия, ученые из разных сфер пытаются определить необходимые и достаточные признаки для отграничения доверия от смежных состояний (доверчивости, уверенности, убежденности, веры и др.). Но при любом понимании доверия независимо от сферы рассмотрения, исследователи склоняются к тому, что оно выполняет значительный спектр функций в современном обществе, способствует гармонизации отношений человека и групп, интеграции, обеспечивает взаимодействие, регулирует межличностные, внутригрупповые и межгрупповые отношения.

¹Трансляция прямой линии с Президентом РФ от 16 апреля 2015 г. // Официальный сайт «Первого канала»: www.1tv.ru.

Также наряду с доверием объектом исследования может выступать и антоним «доверия» — «недоверие», которое чаще всего обнаруживается при взаимодействии субъектов и групп с противоположными, а иногда и противоречивыми нормами, правилами, ценностями. В результате в большинстве ситуаций обществоведческого, в том числе и политологического, изучения можно проводить совместный анализ доверия и недоверия как независимых переменных. Анализ литературы по вопросам понимания категории доверия позволяет нам выделить три подхода к ее пониманию: психологический, социологический, политологический. В указанных трех подходах общим является предмет анализа — доверие, но в каждом из них эта категория получает различные трактовки.

Психологический подход к категории доверия. С позиции психологии доверие трактуется как оценка индивидуального самочувствия людей, их внутреннего субъективного ощущения комфорта и безопасности. Объектом эмпирического анализа в данном подходе выступает психика человека и влияние ее особенностей на поведение личности в социуме.

С позиции психологического подхода можно говорить о потребности человека в обеспечении социального и психологического благополучия и безопасности при взаимодействии с внешним, в том числе политическим, миром. В этой связи Э. Эриксон вводит понятие «базовое доверие», формирующееся на ранних стадиях онтогенеза. Такое доверие является внутренним интуитивным ощущением, что мир хорош и безопасен, а если произойдет что-либо неприятное, то всегда придет помощь, что формируется на ранних стадиях онтогенеза [28, с. 110]. Фундаментом доверия в этом случае выступает ожидание справедливого и доброго отношения с миром вокруг, с теми, для кого личность открывает границы своего психологического пространства или тех, чьи границы человек нарушает [1; 11; 15; 22; 32; 33].

Внутреннее ощущение доверия или недоверия к внешнему окружению выступает мерилем отношения человека к окружающему миру, общим ожиданием от мира в целом, общественных систем и социального порядка (Б. Барбер, Т. Говир, Х. Графинкель, Н. Луман, Д. Руссо, С. Ситкин, Дж. Хоманс, Л. Хосмер и др.). Несмотря на значительный потенциал, который несут в себе психологические концепции понимания доверия и возможности эмпирического познания данного феномена, данные концепции являются односторонними, поскольку не позволяют учитывать конкретно-историческую обстановку в обществе и влияние больших и малых социальных групп на появление доверия или недоверия. Эти недостатки призваны преодолеть концепции социологического подхода, согласно которому доверие означает свойство, присущее определенному типу социума, виду группы, что может найти свое выражение в том или ином политическом поведении.

Социологический подход к категории доверия. Социологический подход основной своей целью ставит определение социального самочувствия малых и больших групп. Эмпирические социологические исследования носят инструментальный характер. В то время как в политологическом знании доверие связано не с индивидуальным уровнем, уровнем малых или больших социальных групп, а с пониманием объединения людей как сообщества.

Родоначальником понимания доверия в контексте социального обмена можно считать Т. Парсонса, по мнению которого социетальная самодостаточность, то есть сохранение обществом себя как системы может осуществиться благодаря стабильному характеру взаимообмена общества с физической средой и другими системами, а также благодаря устойчивым отношениям личности и общества [19, с. 201]. Общество «полагается», «ожидает», что люди будут добросовестно и честно реализовывать свои функции, следовать закрепленным нормам, таким образом реализуя себя в качестве членов этого социума. При этом ожидание включает и некоторую неопределенность, отсутствие абсолютной уверенности. Тогда доверие

можно определить как ожидание такого же ответа, взаимности в реализации определенных действий. Для Т. Парсонса доверие является существенным условием, которое обеспечивает общественную стабильность.

Существуют иные теории в социологии, анализирующие общественные связи в качестве социального обмена, указывающие, что большая часть взаимных обменов в обществе реализуется на основании риска, доверия и ожидания взаимности [5; 29; 30; 31]. В такой концепции получают свое развитие идеи Э. Дюркгейма о договорных началах, то есть о необходимости правил, которые регулируют рынки и управляют исполнением договоров. По мнению Г. Зиммеля и Ф. Тенниса, одним из условий перехода от традиционного к современному обществу выступает изменение природы доверия. По мере развития общества возрастает интенсивность и частота взаимодействия с людьми из иных социальных групп, часто взаимодействие осуществляется в обезличенной форме, что не может не сказаться на отношениях доверия¹.

Несмотря на значительный потенциал социологического подхода при трактовке категории доверия, данные исследования не дают возможность интерпретации специфики политической реальности, оценки влияния доверия на легитимацию политического порядка. В этой связи целесообразно обратиться непосредственно к политологическому анализу данной категории.

Политологический подход к категории доверия. В политологическом анализе понимание доверия приобретает онтологическое звучание, понимание как «метакатегории». Это означает, что отсутствие доверия к государству, власти, политическим институтам ведет к системному онтологическому кризису. В политологическом анализе доверие решает целый ряд принципиальных задач. В первую очередь — это устойчивость государства и его органов. Все институты государства функционируют в континууме, т. е. пространстве действия, доверия или недоверия. Значение доверия может меняться в зависимости от политического института, так аппарат государственного насилия может функционировать вне категории доверия, тогда как континуум института выборов имеет особую чувствительность к институту выборов. Безусловно, эффективность института выборов зависит от целого ряда факторов (законодательных, кадровых, политико-культурных, технологических), но доверие выступает некоторой синтетической субстанцией, которая пронизывает все указанные факторы, наличие доверия наделяет власть более значительными ресурсами для реализации тех или иных политических решений [26, с. 105].

В политологическом анализе доверие рассматривается также как основа для формирования стабильности власти в долгосрочном периоде, определяющая легитимность и устойчивость власти. Доверие напрямую включено в механизм легитимации власти, формируя социальную базу поддержания властных институтов и осуществляемого ими экономического или политического курса. В более широком осмыслении доверие следует рассматривать как один из факторов, которые поддерживают интегрированность и устойчивость общества в целом. Индикаторами недоверия в политологическом ключе выступают электоральный абсентеизм, сокращение количества граждан, участвующих в выборах, акции протеста против официального экономического или политического курса [4; 24]. Недоверие к официальным структурам ведет в обществе к появлению и расширению «серой зоны»,

¹ Что касается прикладных социологических исследований, то проблема доверия в них является одной из определяющих. См., например, результаты замеров показателей доверия к институтам власти в мониторинговых исследованиях Левада-центра («Рейтинги одобрения и доверия», <http://www.levada.ru/>), Фонда общественного мнения («Политические индикаторы», <http://www.fom.ru/>), Всероссийского центра исследования общественного мнения («Одобрение: государственные институты», <http://www.wciom.ru/>).

то есть неформальной зоны действий противозаконного или полуправового характера (например, коррупция, бартер и т. д.).

В свою очередь, с позиции политологической теории категорию доверия можно рассматривать с позиции самых разных подходов: институционального, политико-культурного, с позиции социального капитала.

Трактовка доверия в институционализме. С позиции сторонников институционализма и неинституционализма, институт является нормой, реализованной на практике, ставшей типичной и постоянно повторяющейся [10, с. 3–5]. Институты в современном обществе оказывают главное и формирующее воздействие на поведение отдельного человека, определяя границы индивидуального выбора через создание и артикуляцию предпочтений (Дж. Марч, К. Шепсл, Й. Ольсен, Б. Вейнгагст) [12; 21]. Значимой идеей в политологии стало то, что институты оказывают воздействие на имеющиеся в обществе ценности, среди которых справедливость, принадлежность к сообществу, коллективная идентичность, солидарность и, безусловно, доверие [23, с. 155].

Если высказать допущение, что эффективность института является качественным показателем, то он может проявляться в обобщенных характеристиках, например, в уровне доверия населения к существующим в социуме формальным институтам. В современных исследованиях доверие характеризуется и как элемент внутренней институциональной среды, выступая важнейшей частью теории эффективного управления в государстве. На основе доверия формируется институт приверженности к государственной власти, политической партии или политическому лидеру. Доверие выступает базовым элементом для конструирования институтов национальной идентичности и легитимации правящего режима.

Стремление к одобрению деятельности со стороны населения выступает неотъемлемой целью функционирования власти. Власть стремится к получению одобрения со стороны граждан, тогда как население не всегда оказывает должный уровень поддержки властным институтам. Указывая на данный факт, А. Селигмен подчеркивает, что господство, власть и насилие могут сформировать социальный порядок лишь на некоторое время, но «у них нет возможности самим по себе создать фундамент для поддержания данного порядка в долговременном периоде» [25, с. 121]. В этой связи органы власти «обречены» на постоянную активную деятельность по развитию доверия к своим институтам среди населения. Устойчивость и стабильность власти зависит от доверия к ней.

В данном политологическом контексте важнейшим каналом реализации политического доверия выступает институт выборов. Институт выборов является обменом социальной поддержки граждан на решения власти в будущем. Предоставляя доверие определенным политикам, и не поддерживая других, избиратель имеет некоторый риск, но данный риск выступает средством сокращения опасений, неуверенности по отношению к будущему.

Американский политолог Р. Пайпс определил выборы как «мягкие революции, в ходе которых в настоящих демократиях ликвидируются накопившиеся конкретные поводы для общественного недовольства» [34, с. 45]. Уклонение от выплаты выданного обществом кредита, отсутствие реализации взятых на себя обязанностей являются основными причинами низкого доверия к институтам власти [13, с. 6]. В том случае, если власть не отработывает выданный кредит доверия и нарушает ожидания избирателей, на следующих выборах происходит ее смена.

В итоге, совершенствование избирательных механизмов способно стимулировать участие граждан в политической жизни, усилить обратную связь власти и избирателей, позитивно повлиять на развитие представительной демократии. Выборы в современной демократии являются главным способом легитимации власти и развития политического участия граждан [2, с. 15]. В этой связи электоральная

политика как политика государства по отношению к институту выборов выступает важнейшим инструментом оказания влияния на степень доверия к власти в обществе. Основными мерами реализации электоральной политики выступает принятие нормативно-правовых актов, реализация кадровых решений, пропаганда, манипулирование общественным сознанием.

Результативность принятия таких решений зависит от кредита доверия как к самой власти, так и к избирательной системе, формирующей ее. Видный исследователь политических и электоральных процессов П. Мерло отмечает, что «общественное доверие в электоральном процессе — решающее условие свободных и честных выборов» [18, с. 123]. Общественность должна верить, что электоральный процесс будет реализовываться эффективно и беспристрастно, иначе исчезнет вера к тем властным институтам, которые будут сформированы в результате выборов. Выборы, по мнению П. Мерло, представляют собой некий тест, позволяющий оценить функционирование в стране ряда институтов и практическое осуществление уважения и поддержки прав человека. Избиратели должны чувствовать свободу в реализации своих прав на выборах, должны быть достаточно информированы и испытывать уверенность в том, что электоральный процесс точно отобразит их выбор [18, с. 124]. Выражение общественного мнения является одной из ключевых функций выборов [7; 8]. Именно возможности выразить свое мнение и реальность учета его в практике политического развития порождают доверие к избирательной системе. Такое доверие выступает элементом политического доверия, под которым в целом можно понимать социально-психологическое чувство безопасности и лояльности по отношению к определенным политическим силам, деятелям, властным структурам.

Трактовка доверия в политико-культурных теориях. Идеи понимания доверия в рамках политико-культурного понимания получили развитие в исследовании П. Штомпки, для которого доверие представляет собой ставку на будущие вероятные действия других людей, что дает возможность сделать более приемлемым ощущение непредсказуемости будущего при помощи его осознания как чего-то определенного [35, с. 54–56]. П. Штомпка выделяет различные виды доверия в зависимости от рассматриваемых объектов доверия: доверие выстраивается наподобие концентрических кругов (похожую идею можно найти у Ф. Фукуямы, который говорит о «радиусах доверия») [26, с. 205].

Первичное доверие образуется по отношению к тем индивидам, с которыми мы контактируем, а также «виртуальное» личностное доверие (к знаменитостям, «звездам», к группам, институтам, институциональным практикам и процедурам и т. д.). «Вторичные объекты» доверия появляются в процессе оправдания и оказания доверия в отношении первичных объектов. Значительная часть знаний людей основана на вере разнообразным инстанциям и в то, что мы читали или слышали. Следовательно, тут доверие формируется не на непосредственных данных об объекте, а на доверии иным людям и их мнению (экспертам, надежным источникам). Часто наше доверие, замечает исследователь, основывается на доверии нескольким вторичным объектам, которые образуют «пирамиды доверия».

Ф. Фукуяма выделяет различные «основания доверия» [26, с. 201–202]. Первым основанием доверия выступает оценка информации о мере доверия, которую заслуживают участники отношения. Во втором случае основания доверчивости/подозрительности индивида следует искать в личном опыте человека, его социализации. Здесь фундамент доверия составляет биографическая, индивидуальная генеалогия. Третий, культурный уровень подразумевает коллективный, исторический опыт общества. В итоге в обществах формируются культуры доверия или недоверия, которые благодаря своей системе ценностей, позитивному или негативному опыту поощряют доверие или недоверие к другим.

П. Штомка делает подробный анализ общественного доверия при различных политических режимах. В соответствии с мнением исследователя доверие выступает важнейшей предпосылкой политического порядка и в то же время само его можно назвать итогом политического порядка определенного характера. В своих рассуждениях в отношении демократических режимов автор исходит из тезисов о том, что в такой культуре в наибольшей степени проявляется культура доверия; доверие рождается демократией и поддерживает ее; доверие к демократии обусловлено такими процедурами как предварительные обязательства и подотчетность [35, с. 68–70].

На базе этих тезисов П. Штомка формулирует два главных парадокса демократии. Первый парадокс говорит о том, что доверие к демократическому режиму базируется на институционализации в ее структуру недоверия (предварительные обязательства и подотчетность). П. Штомка определяет десять главных принципов демократии, в каждый из которых может быть институционализировано недоверие: регулярность выборов и лимитирование срока занятия должности; легитимность; система разделения власти; верховенство закона и независимость судебной власти; ответственное ведение дел; права граждан; законодательная экспертиза; принуждение к выполнению законодательных норм; фундаментальные положения общественно-политической деятельности; обсуждение, носящее открытый характер. Нарушения демократических принципов выступают важнейшей опасностью для подрыва культуры доверия [17, с. 25–29].

Второй парадокс демократического режима проявляется в необходимости незначительных масштабов проявления институционализированного недоверия. Это означает, что потенциальные возможности повсеместного контроля, свойственные демократии, должны быть использованы в крайне редких случаях. Доверие невозможно обеспечивать только за счет эффективного контроля. Чрезмерный контроль выступает сигналом для граждан о том, что с системой что-то не в порядке, в результате приводящим к проявлению недоверчивости. Если в обществе преобладает культура недоверия, аппарат контроля всегда вынужден быть «наготове», тем самым углубляя культуру недоверия. В ситуации превалирования культуры доверия аппарат принуждения и контроля функционирует эпизодически, что демонстрирует гражданам редкость ситуаций нарушения доверия, тем самым улучшается «культура доверия». В такой культуре возможно успешное функционирование демократии: для общества характерна толерантность, активные коммуникации между гражданами, конфликты заменяются консенсусом и компромиссом, проявляется достаточно высокий уровень цивилизованности в ходе общественных диспутов, граждане принимают активное участие в жизни общества.

Для авторитарных режимов характерно стремление напрямую институционализировать доверие и зафиксировать его как формальное строго санкционированное требование. Граждане должны тотально и безусловно поддерживать правителя или систему власти. Институционализация доверия здесь осуществляется через политическую социализацию с пресечением доступа к информации внешнего характера и жесткий политический контроль, сурово карающий в любых случаях неоправдания доверия. Если демократия формирует доверие, то авторитарный режим — недоверие. В автократиях нет соблюдения принципа взаимности. В таких режимах проявлять и заслуживать доверия обязаны только подчиненные правителям граждане. Сами же «государи» относятся к гражданам с подозрением, они убеждены в их виновности и непослушании. Подчиненные находятся под регулярным контролем, порождающим взаимное недоверие, злобу. Таков парадокс авторитарного режима: институционализированное доверие провоцирует всепроникающее недоверие [35, с. 85].

Таким образом, в данном подходе доверие выступает продуктом и результатом развития политической культуры и политических режимов, выступая основой и итогом политического порядка.

Трактовка доверия в теории социального капитала. Создание с помощью доверия особого феномена социального капитала анализируется в трудах П. Бурдьё, Дж. Коулмана, Ф. Фукуямы, Р. Патнэма [3; 14; 20; 26]. Согласно данному подходу доверие является социальным капиталом и фундаментом для построения новых отношений в обществе.

Основу механизма формирования доверия непосредственно в политической сфере в данном контексте сформулировал французский социолог П. Бурдьё [3, с. 121]. По мнению исследователя, политическое доверие является фундаментом для политического капитала, выступающего формой символического капитала. Политическое доверие есть кредит, который основан на вере и признании, и надежде на то, что выборные лица будут «выражать и отстаивать интересы определенного лица или группы» [3, с. 208]. Общество делегирует власти некоторую сумму компетенций, которые позволяют осуществлять властные функции. В результате социум добровольно наделяет власть правом принимать решения и показывает готовность подчиняться им [6, с. 54]. Доверие, в том числе и политическое, в данном понимании представляет собой социальное взаимодействие, ориентированное на высокую вероятность того, что действия индивидов, групп, институтов будут протекать в соответствии с ожидаемым субъектом действия порядком, основанным на взаимных обязательствах [9, с. 14].

Продолжение данных идей можно найти у того же Ф. Фукуямы, который трактует доверие как общественное ожидание того, что члены этого социума будут вести себя честно и нормально, демонстрируя готовность к взаимопомощи в соответствии с общественными нормами. Доверяющий верит в то, что из его уязвимости общественный партнер не будет получать собственные выгоды при наличии такой возможности [26, с. 98]. Честное поведение, сотрудничество, доверие в профессиональной и бизнес среде как основа социального капитала ведет к экономическому успеху и развитию. Также социальный капитал, по мнению Ф. Фукуямы, обеспечивает стабильность и эффективность политических институтов в демократических странах.

По мнению Р. Патнэма [20, с. 121], включение в жизнь общества, участие в деятельности организаций гражданского общества повышает индивидуальную грамотность в политике и гражданскую компетентность человека, дает возможность добиваться коллективных целей. Особым качеством социального капитала выступает его способность увеличиваться в объеме по мере затрачивания, и, наоборот, уменьшаться, если его не используют. В итоге, чем прочнее отношения солидарности и доверия, тем чаще люди и группы участвуют в отношениях сотрудничества и взаимопомощи, тем больше увеличивается социальный капитал. В итоге формируется социальное равновесие такого типа, которому присущи значительная степень кооперации, вовлеченность граждан в общественные дела, коллективное благосостояние. Данные свойства в совокупности формируют гражданское сообщество, а отсутствие данных качеств определяет негражданское сообщество. Степень гражданской вовлеченности как особого вида социального капитала находится в фундаменте объяснения институциональной эффективности или неэффективности какого-либо общества. Наличие гражданского общества формирует платформу для общественного равновесия, для эффективного и упорядоченного функционирования институтов общества. Р. Патнэм считал доверие тем необходимым условием, которое было необходимо, чтобы «демократия сработала» [20, с. 121].

Таким образом, в теориях социального капитала доверие понимается как общественно-политическая ценность, которая может обмениваться на иные полезные для гражданина или общества блага.

Доверие в обществе выступает основополагающим фундаментом для построения отношений между людьми и группами, а также для формирования социума в целом.

Оно выступает «тотальной эмпирической категорией» [1, с. 5], которая объясняет функционирование общества как социального организма. Доверие находится в основе большинства процессов социального обмена, коммуникации, управления, можно говорить, что общество функционирует как система взаимного доверия на разных уровнях, нарушение которого ведет к отчуждению, росту агрессии, подозрительности, и, в конечном счете, деградации общества, что ярко проявляется в сфере политического.

Современные консолидированные и стабильные демократии опираются не столько на институциональную базу, нормативные процедуры легитимизации, но и на структурный фундамент политического доверия [13, с. 100]. Политическое доверие, одним из проявлений которого выступает доверие граждан к власти, является одним из важнейших факторов, который определяет стабильность, устойчивость и эффективность политической системы общества в целом.

Литература

1. Антоненко И.В. Социальная психология доверия. Диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. Ярославль, 1998.
2. Беляев А.М. Избирательный процесс в современной России: тенденции, противоречия, алгоритм: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук. М., 2013.
3. Бурдые П. Социология политики. М. : Socio-Logos, 1993.
4. Бушенева Ю.И. Абсентеизм как фактор избирательного процесса в современной России: дис. на соискание учен. степ. канд. полит. наук. СПб. : 2007.
5. Веселов Ю.В. Проблема доверия // Экономика и социология доверия. СПб., Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2004. С. 5–25.
6. Галкин А.А., Красин А.Ю. Россия: Quo vadis? М. : Издательство ИС РАН, 2003.
7. Гришин Н.В. Избирательная система как институт артикуляции политических интересов общества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2. С. 42–48.
8. Гришин Н.В. Институт выборов и российская государственность // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3. С. 405–410.
9. Гудков Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. Апрель–июнь. С. 8–48.
10. Зазнаев О.И. Вторая молодость «долгожителя»: концепт «политический институт» в современной науке // Проблемы политической науки. Казань, 2005. С. 3–29.
11. Зинченко В.П. Психология доверия. Самара : Издательство СИОКПП, 2001.
12. Институциональная политология. Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. М. : ИСП РАН, 2006.
13. Козырева П.М., Смирнов А.И. О границах политического доверия // Власть. 2014. № 5. С. 5–10.
14. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.
15. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М. : Издательство «Институт психологии РАН», 2008.
16. Купрейченко А.Б., Мерсиянова И.В. Проблема оценки уровня и содержания социального доверия // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013.
17. Лукин В.Н. Политическое доверие в современном гражданском обществе: культурологические и институциональные модели // CREDO. 2005. № 3. С. 25–29.
18. Мерло П. Электоральная практика, права человека и общественное доверие к демократической системе // Полис. 1995. № 4. С. 123–130.
19. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. М. : Аспект Пресс, 1998.
20. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М. : Ad Marginem, 1996.
21. Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: Этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. 2001. № 2. С. 146–186.
22. Поршнев Б.Ф. Элементы социальной психологии // Проблемы общественной психологии. М. : Наука, 1965.

23. Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. Науч. редактор Е.Б. Шестопал. М. : Вече, 1999. С. 150–170.
24. Сабитов М.Р. Современные детерминанты массовой протестной активности в России: дис. на соискание ученой степени канд. полит. наук. Уфа, 2013.
25. Селигмен А. Проблема доверия. М : Идея-Пресс, 2002.
26. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.
27. Халипов В.Ф., Халипова Е.В. Власть. Политика. Государственная служба: словарь. М.: Луч, 1996. 271с.
28. Эрикссон Э. Детство и общество. СПб.: Речь, 2000.
29. Эфендиев А.Г. Социальные взаимодействия: формы, типы и принципы регуляции // Общая социология / под общ. ред. А.Г. Эфендиева. М. : ИНФРА-М, 2000. С. 54–69.
30. Blau P. Social Exchange // International Encyclopedia of the Social Sciences. V. 7. N.Y. : Macmillan, 1968. P. 100–125.
31. Homans G.C. Social Behavior, its elementary Forms. NY. : NYS, 1961.
32. Lewicki R.J., Stevenson M.A., Bunker B.B. The Three Components of Interpersonal Trust: Instrument Development and Differences Across Relationships // Working paper. Ohio : College of Business, Ohio State University, 1997.
33. McAllister D.J. Two faces of interpersonal trust // Research on negotiation in organizations. Vol. 6 / Eds. R.J. Lewicki, R.J. Bies, B.H. Sheppard. Greenwich, CT : JAI Press, 1997. P. 211–215.
34. Pipes R. Three «why» of the Russian Revolution. Harvard : Published by Pimlico, 1995.
35. Sztompka P. Trust: a sociological theory. Cambridge : Cambridge university press, 1999.

References

1. Antonenko I.V. *Social psychology of trust* [Sotsial'naya psikhologiya doveriya]. The thesis for the degree of Doctor of Psychological Science. Yaroslavl : 1998. (rus)
2. Belyaev A.M. *The electoral process in modern Russia: tendencies and contradictions, the algorithm* [Izbiratel'nyi protsess v sovremennoi Rossii: tendentsii, protivorechiya, algoritm]. Abstract of dissertation for the degree of candidate of political sciences. M. : 2013. (rus)
3. Bourdieu's P. *Sociology of Politics* [Sotsiologiya politiki]. M. : Socio-Logos, 1993.
4. Busheneva Y.I. *Absenteeism as a factor in the election process in modern Russia* [Absenteyzm kak faktor izbiratel'nogo protsessa v sovremennoi Rossii]. Thesis for a candidate degree in Political Science. SPb. : 2007. (rus)
5. Veselov Y.V. *The problem of trust* [Problema doveriya] // Economics and sociology of trust [Ekonomika i sotsiologiya doveriya]. SPb. : Sociological Society named M.M. Kovalevskogo [Sotsiologicheskoe obshchestvo imeni M.M. Kovalevskogo], 2004. P. 5–25. (rus)
6. Galkin A.A., Krasin A.Y. *Russia: Quo vadis?* [Rossiya: Quo vadis?] M. : Publisher of IP RAN [Izdatel'stvo IS RAN], 2003. (rus)
7. Grishin N.V. *The electoral system as an institution of political articulation of the interests of society* [Izbiratel'naya sistema kak institut artikulyatsii politicheskikh interesov obshchestva] // The Caspian region: politics, economy and culture [Kaspiiskii region: politika, ekonomika kul'tura]. 2013. N 2. P. 42–48. (rus)
8. Grishin N.V. *Elections and the Russian State* [Institut vyborov i rossiiskaya gosudarstvennost'] // The Caspian region: politics, economy and culture [Kaspiiskii region: politika, ekonomika kul'tura]. 2012. N 3. P. 405–410. (rus)
9. Gudkov L. «Trust» in Russia: the sense functions, structure [«Doverie» v Rossii: smysl, funktsii, struktura] // Herald of public opinion [Vestnik obshchestvennogo mneniya]. 2012 April-June. P. 8–48. (rus)
10. Zaznaev O.I. *Second Youth «longevity»: the concept of «political institution» in modern science* [Vtoraya molodost' «dolgozhitelya»: kontsept «politicheskii institut» v sovremennoi nauke] // Problems of Political Science [Problemy politicheskoi nauki]. Kazan : 2005. P. 3–29. (rus)
11. Zinchenko V.P. *Psychology confidence* [Psikhologiya doveriya]. Samara : SIOKPP Publishing [Izdatel'stvo SIOKPP], 2001. (rus)
12. *Institutional political science. Modern institutionalism and political transformation of Russia* [Institutsional'naya politologiya. Sovremenniy institutsionalizm i politicheskaya transformatsiya Rossii] / Ed. S.V. Patrusheva. M. : ISP RAS [ISP RAN], 2006. (rus)
13. Koz'yrev P.M., Smirnov A.I. *On the limits of political trust* [O granitsakh politicheskogo doveriya] // Power [Vlast']. 2014. N 5. P. 5–10. (rus)

14. Coleman J. *Capital social and human* [Kapital sotsial'nyi i chelovecheskii] // Social studies and the present [Obshchestvennyye nauki i sovremennost']. 2001. N 3. P. 122–139. (rus)
15. Kupreychenko A.B. *Psychology of trust and confidence* [Psikhologiya doveriya i nedoveriya]. M. : Publisher «Academy of Sciences Institute of Psychology» [Izdatel'stvo «Institut psikhologii RAN»], 2008. (rus)
16. Kupreychenko A.B., Mersiyanova I.V. *The problem of assessing the level and content of social trust* [Problema otsenki urovnya i soderzhaniya sotsial'nogo doveriya] // Trust and distrust in terms of civil society development [Doverie i nedoverie v usloviyakh razvitiya grazhdanskogo obshchestva]. M. : Publishing House of HSE [Izdatel'skii dom NIU VShE], 2013. (rus)
17. Lukin V.N. *Political trust in modern civil society: the cultural and institutional models* [Politicheskoe doverie v sovremennom grazhdanskom obshchestve: kul'turologicheskie i institutsional'nye modeli] // CREDO. 2005. N 3. P. 25–29. (rus)
18. Merlot P. *Electoral practices, human rights and public confidence in the democratic system* [Elektoral'naya praktika, prava cheloveka i obshchestvennoe doverie k demokraticheskoi sisteme] // Polis. 1995. N 4. P. 123–130. (rus)
19. Parsons T. *The system of modern societies* [Sistema sovremennykh obshchestv] / Translated from English. M. : Aspect Press, 1998. (rus)
20. Putnam R. *Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy* [Chtoby demokratiya srabotala. Grazhdanskie traditsii v sovremennoi Italii]. M. : Ad Marginem, 1996. (rus)
21. Patrushev S.V. *Institutionalism in Political Science: Stages, trends, ideas, problems* [Institutsionalizm v politicheskoi nauke: Etapy, techeniya, idei, problem] // Political science [Politicheskaya nauka]. 2001. N 2. P. 146–186. (rus)
22. Porshnev B.F. *Elements of social psychology* [Elementy sotsial'noi psikhologii] // Problems of social psychology [Problemy obshchestvennoi psikhologii]. M. : Science [Nauka], 1965. (rus)
23. Rothstein B. *Political institutions: Common Challenges* [Politicheskii instituty: obshchie problemy] // Political science: new directions [Politicheskaya nauka: novye napravleniya]. Scientific editor E.B. Shestopal. M. : Veche, 1999. P. 150–170. (rus)
24. Sabitov M.R. *Modern determinants of mass protest activity in Russia* [Sovremennyye determinanty massovoi protestnoi aktivnosti v Rossii]. The thesis for the degree of candidate of political sciences. Ufa : 2013. (rus)
25. Seligman A. *The problem of trust* [Problema doveriya]. M : Idea Press, 2002. (rus)
26. Fukuyama F. *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity* [Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu]. M. : OOO «Publishing ACT»: NPP «Ermak» [OOO «Izdatel'stvo ACT»: ZAO NPP «Ermak»], 2004. (rus)
27. Khalipov V.F., Halipova E.V. *Power. Policy. The State Service. Dictionary* [Vlast'. Politika. Gosudarstvennaya sluzhba. Slovar']. M. : Ray [Luch], 1996. (rus)
28. Erikson E. *Childhood and Society* [Detstvo i obshchestvo]. SPb. : Rech, 2000. (rus)
29. Efendiyev A.G. *Social interaction: forms, types and principles of regulation* [Sotsial'nye vzaimodeistviya: formy, tipy i printsipy regulyatsii] // General sociology [Obshchaya sotsiologiya] / Under total. Ed. AG Efendiyev. M. : INFRA-M, 2000. P. 54–69. (rus)
30. Blau P. *Social Exchange* // International Encyclopedia of the Social Sciences. V. 7. N.Y. : Macmillan. 1968. P. 100–125.
31. Homans G.C. *Social Behavior, its elementary Forms*. NY. : NYS, 1961.
32. Lewicki R.J., Stevenson M.A., Bunker B.B. *The Three Components of Interpersonal Trust: Instrument Development and Differences Across Relationships* // Working paper. Ohio : College of Business, Ohio State University, 1997.
33. McAllister D.J. *Two faces of interpersonal trust* // Research on negotiation in organizations. Vol. 6 / Eds. R.J. Lewicki, R.J. Bies, B.H. Sheppard. Greenwich, CT : JAI Press, 1997. P. 211–215.
34. Pipes R. *Three «why» of the Russian Revolution*. Harvard : Published by Pimlico, 1995.
35. Sztompka P. *Trust: a sociological theory*. Cambridge : Cambridge university press, 1999.

Консульская служба в России от истоков и до современности: развитие и становление

Курбанов Султан Гаджибегович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Магистрант программы «Международные отношения (Мировая политика)»
sultan2984@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена вопросу истории становления российской консульской службы — от истоков и до момента распада СССР и создания государства Российской Федерации. Автор анализирует теоретические основы консульской деятельности в правоведческом дискурсе XIX в., актуальном и в наши дни. В статье поэтапно рассматривается история консульской деятельности в России и процесс становления этого важного института международных отношений, которые анализируются на основе исторических фактов и на материале Консульских уставов как основных нормативно-правовых документов, регулирующих консульскую деятельность. Автор приводит доводы, позволяющие утверждать, что советский период становления консульской деятельности не был контрпродуктивным, а, напротив, способствовал развитию консульских отношений и формированию их правовой базы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

консульские отношения, институт консульской службы, Консульский устав, консульская конвенция, кодификация консульской деятельности

Courbanoff S. G.

Consular Service in Russia from Sources and to the Present: Development and Formation

Courbanoff Sultan Gadzhibegovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Master's student of the "International Relations (World Politics)" program
sultan2984@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of establishing the Consular Service of Russia from the very beginning to the collapse of the USSR and the emergence of the Russian Federation. The author of the article analyses the theoretical grounds of consular relations in the legal discourse of the XIX century, which according to his viewpoint, is still relevant nowadays for the International Relations Studies. The article covers the genesis of the consular service step by step and considers the process of its legal establishment through the most significant clauses of the Consular Charters as the founding legal documents regulating consular service in this country. The author provides the arguments which allow to maintain that the Soviet period in the history of consular service in this country was by no means counterproductive, but on the contrary contributed to the development of consular relations and their legal grounds.

KEYWORDS

consular relations, the institute of consular service, the Consular Charter, consular covenant, consular service codification

Институт консульской службы в России имеет многовековую историю и прошел долгий путь становления и развития. Хотя отдельные исследователи склонны видеть истоки становления консульской деятельности в России еще в деятель-

ности Киевской Руси, с нашей точки зрения, история консульской службы начинается с первым назначением консулов, т. е. с XVI в. Более того, чтобы констатировать факт наличия консульских отношений, следует иметь представление о том, какова суть этого общественного института.

Первые попытки проанализировать природу консульских отношений были сделаны в конце XIX в., когда теоретики международного права разделились на два противоположных лагеря: универсалистов и партикуляристов [2, с. 21].

Несмотря на более чем столетнюю давность этой условной дискуссии, соображения, высказанные тогда, и на сегодняшний день являются актуальными для любого исследователя в области международных отношений.

Так, универсалисты считали, что международное взаимодействие, основанное на общности интересов человечества, имеет место в рамках свободного союза государств. В силу этого консульские учреждения сторонники этого подхода относили к органам международного управления или международного общения [2, с. 21].

Одной из типичных работ в духе универсализма является работа Ф. Ф. Мартенса «О консулах и консульской юрисдикции на Востоке» [2]. В этой работе Мартенс делает вывод о том, что каждое государство должно ставить перед собой цель — обеспечить все условия для развития своих подданных, что возможно только посредством международного общения. Мартенс считал, что международное общение должно осуществляться при помощи дипломатических агентов и консулов. С его позиции дипломатические агенты должны были управлять политическими сношениями между государствами, а консулам отводилась роль института, который отвечал за общественные сношения и интересы общества в международной жизни [2, с. 31–32].

Партикуляристы исходили из предпосылки государственного суверенитета, которая состояла в понимании норм международного права как совокупности юридических актов, регулирующих взаимодействие суверенных государств. В понимании партикуляристов государства должны были создавать органы внешних сношений для защиты своих интересов на международной арене. Государственные институты внешних сношений подразделялись на международные и национальные органы. К числу последних, по их мнению, относились консульские учреждения [3, с. 21–22].

В свете этого диспута консульская служба в России сочетает в себе черты, приписываемые этому институту как универсалистами, так и партикуляристами, т. е. выступает как институт международного общения с одной стороны, а с другой — защищает национальные интересы государства Российской Федерации.

Можно утверждать, что, находясь на евразийском континенте, Россия в области практики консульской деятельности следовала по европейскому пути развития. Такое положение дел было в значительной мере обусловлено большей степенью транспортной доступности европейских стран, а в силу этого — более активной торговлей и, как следствие, большим количеством проблем, возникающих у россиян в европейских странах по сравнению со странами Востока.

В рассматриваемый нами период можно разделить процесс развития консульской деятельности в России на четыре основных периода:

- предысторию консульских отношений вследствие активизации торговли и мореплавания (XVI–XVII вв.);
- ранние этапы становления консульской деятельности — Петровская эпоха — без четких представлений об основных задачах консульских учреждений;
- становление института консульской службы в той форме, в которой, с теми или иными дополнениями, этот институт существует в современном обществе;
- советский и постсоветский периоды развития консульской службы в России.

Хотя возникновение консульской службы на Руси относят к 1554 г., так как в том году Иван IV (Грозный) жаловал английскому Обществу торговли с Россией особую

грамоту, по содержанию близкую к современной экзекватуре, правильнее будет начать отсчет консульской деятельности в России со времени правления Петра I, так как именно в этот период за границей стали открывать консульские учреждения.

В период царствования Петра I активизация внешней торговли и поток русских подданных, желающих выехать в другие страны, обусловили необходимость представления интересов страны на территории соответствующих стран.

Первые консульства были открыты в европейских городах: Амстердам (1707), Венеция (1711) и Париж (1715). Однако вскоре вслед за ними стали создавать консульские учреждения и на Востоке: Пекин (1719), Шемаха (1720). Таким образом началось формирование сети консульских учреждений¹.

Вскоре в результате расширения сети консульств по всему миру потребовалась реорганизация консульской службы. Коренные преобразования всей системы центрального управления произошли в начале XIX в., после того как Александр I взошел на престол. Основой управления стал принцип единоначалия. Система коллегий Петра I была заменена системой министерств.

Одним из таких стало Министерство иностранных дел.

Был создан новый институт — «Экспедиция консульских дел», которая находилась под непосредственным руководством министра иностранных дел Н. П. Румянцева.

В октябре 1820 г. был утвержден Консульский устав, в котором были закреплены права и обязанности консульских представителей России за рубежом [1, с. 15–16].

В основу Устава было положено французское законодательство. В нем были определены полномочия и обязанности российских консулов в области торговли и юриспруденции, которые должны были осуществляться в случаях необходимости судебного разбирательства в спорах между русскими подданными [4, с. 85].

В следующем десятилетии консульская сеть постепенно расширялась: были утверждены консульства во Франции и два вице-консульства на территории Бразилии.

Консульские обязанности выполняли как штатные, так и внештатные консулы [1, с. 15]. Штатные консулы состояли на консульской службе, имели широкие права и привилегии, получали достаточно высокое жалование, т. е. содержание из казны, и являлись должностными лицами. Внештатные консулы, хотя и считались сотрудниками Министерства иностранных дел, жалования не получали. Но именно они составляли большинство лиц, выполняющих консульские обязанности.

Все консулы подчинялись послам или посланникам своей страны в стране пребывания и обычно докладывали им о событиях на местах².

Со временем к лицам, поступающим на консульскую службу, стали предъявлять более высокие требования, так как с развитием общественных институтов консульские функции усложнились. Однако потребность в официальных лицах, представляющих страну за рубежом, росла.

После Крымской войны 1854–1856 гг. сеть консульских учреждений значительно увеличилась. Новый министр иностранных дел А. М. Горчаков начал процесс усовершенствования всей структуры внешнеполитического ведомства [1, с. 17].

Были обозначены задачи зарубежных консульств Российской империи. Перед консулами за рубежом были поставлены такие задачи:

- 1) осуществление «покровительства» в чужих краях русской торговле и интересам Российской империи в целом;
- 2) помощь в возвращении на Родину русских эмигрантов;

¹ Консульский информационный портал [Электронный ресурс] // URL: <http://tinyurl.com/oqiv8qzz> (дата обращения: 20.01.2015).

² Консульский информационный портал [Электронный ресурс] // URL: <http://tinyurl.com/oqiv8qzz> (дата обращения: 20.01.2015).

3) выдача пособий неимущим русским, подданным за границей, и оказание содействия тем иностранцам, которые хотели принять русское подданство¹.

В ходе исторического развития российского и зарубежного обществ и вследствие расширения круга целей и задач, которые государство ставило перед консулами, потребовалась новая правовая основа для регулирования вопросов консульской службы. В результате почти через сорок лет после первого Устава — в 1858 г. — был принят новый Консульский устав².

Второй Консульский устав содержал более детальное описание судебных полномочий консулов, что было очень важно для развития института консульской службы.

Так как политическое влияние России в мире на протяжении XIX в. постепенно возрастало, новому министру А. М. Горчакову было важно, чтобы представители Российской империи придерживались определенных правил в своей деятельности на благо Отечества. Эта позиция министра иностранных дел привела к тому, что в 1893 г. был принят новый Консульский устав, в котором большое внимание уделялось вопросам протокола³. Устав также способствовал систематизации консульской деятельности и определял функции штатных и внештатных консулов Российской империи.

Кодификация практики деятельности консульского института в России происходила также на фоне вступления в силу тех консульских конвенций, которые Россия заключила с рядом иностранных государств.

Эти конвенции закрепили положения международного консульского права о привилегиях и функциях консулов. Такие конвенции были подписаны Россией в 1874 г. с Германией и Францией, в 1875 г. — с Италией, а в 1876 г. — с Испанией.

Таким образом, на протяжении XIX столетия было принято три Консульских устава, каждый из которых внес вклад в становление российского института консульской деятельности:

- 1) Консульский устав 1820 г. определил полномочия и обязанности российских консулов в области торговли и юридической области;
- 2) Устав 1858 г. более детально описал судебные полномочия консулов;
- 3) «устав Горчакова», т. е. Консульский устав 1893 г. отражал рост политического влияния России на международной арене и способствовал систематизации консульской деятельности.

Последний Консульский устав царской России был издан в 1904 г., т. е. уже в XX в. Он представлял собой часть Свода законов Российской империи и, преимущественно, обобщал, расширял и дополнял круг функций, а также содержал подробный перечень прав и обязанностей российских консулов⁴.

Согласно Уставу, консульства должны были подчиняться посольствам Российской империи. Устав содержал положение о том, что каждый подданный Российской империи при нахождении за границей должен был лично встать на учет в дипломатической миссии (в посольстве или консульстве), предъявить паспорт и объяснить цель своего пребывания на территории иностранного государства⁵.

В Уставе 1904 г. были систематизированы положения предшествующего ему Консульского устава и дополнены перечни прав и обязанностей, а также функций консулов. Устав определял подотчетность консульств посольствам.

¹ Консульский информационный портал [Электронный ресурс] // URL: <http://tinyurl.com/oqi8qzz> (дата обращения: 20.01.2015).

² Сборник действующих трактатов и конвенций, имеющих отношение к военному мореплаванию, с приложением Консульского устава. СПб., 1885.

³ Консульский информационный портал [Электронный ресурс] // URL: <http://tinyurl.com/oqi8qzz> (дата обращения: 20.01.2015).

⁴ Свод законов Российской империи. 1904. Т. XI, Ч. 2.

⁵ Консульский информационный портал [Электронный ресурс] // URL: <http://tinyurl.com/oqi8qzz> (дата обращения: 20.01.2015).

Новым в правовом оформлении консульской деятельности было установление Тарифа консульских пошлин, которые должны были взиматься с тем, чтобы поступать в государственный доход.

Уставы определяли задачи и функции консулов в их служении на благо Отечества и предписывали правила поведения российских граждан за рубежом. Тем временем международные отношения России с другими странами и действия консулов в этой области закреплялись и регулировались посредством положений консульских конвенций, которые Россия заключала с различными странами. На основании этих конвенций открывались консульские учреждения.

К 1913 г. Россия имела развитую сеть консульской службы, которая, несмотря на существующие недостатки, в целом была эффективна, что позволяло государству защищать интересы своих подданных за рубежом.

Через 100 лет существования российского Министерства иностранных дел — в 1902 г. — за рубежом интересы Российской империи представляли 29 генконсульств и 39 вице-консульств, существовало свыше 300 нештатных консульских учреждений в различных уголках земного шара, появились консульства в Японии, Марокко, Аргентине и Перу. Постепенно стали создаваться консульства на африканском и южно-американском континентах [2, с. 25].

Процесс совершенствования института консульской службы в Российской империи продолжался вплоть до Октябрьской революции 1917 г. Был заключен целый ряд консульских конвенций между Россией и целым рядом государств. Эти документы закрепили и развили положения международного консульского права относительно привилегий, льгот и прав консулов. Был также подписан ряд договоров о торговле и мореплавании [3, с. 57].

Как мы видим, хотя история консульской службы в России и прошла долгий путь, основы современной консульской деятельности Российской Федерации, с нашей точки зрения, сформировались преимущественно в XIX — начале XX в.

Разумеется, историческая картина развития этого института международных отношений была бы неполной без анализа консульской деятельности в советский период российской истории.

Октябрьская революция 1917 г. заставила пересмотреть ряд положений, составляющих суть консульской деятельности, так как власть в государстве перешла народу. Поэтому новое государство с новой идеологией должно было разработать собственные нормативно-правовые основы консульской деятельности, соответствующие этой идеологии и ее социальным и моральным ценностям.

Первым нормотворческим актом Советского государства в области регуляции консульской деятельности стал декрет Совета народных комиссаров «Об организации консульств» от 18 октября 1918 г.¹

Документ определил функции консульской службы нового государства. В данном акте были также сформулированы основные принципы консульских отношений РСФСР с другими странами в соответствии с нормами международного права.

Декретом отменялось действие предыдущего Устава 1903 (1904) г., а также определялся новый порядок назначения консулов. Все сотрудники консульств назначались Народным комиссариатом по иностранным делам.

Выделялось четыре класса консулов: генеральные консулы, консулы, вице-консулы и консульские агенты. Должность последних вводилась впервые. На основа-

¹ Декрет Совета народных комиссаров «Об организации консульств». 18 октября 1918 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=18542> (дата обращения: 15.02.2015).

нии декрета Советское государство вновь допускало использование внештатных консулов, от услуг которых отказались сразу после революции¹.

При отсутствии консульских учреждений в месте необходимости оказания консульской поддержки правительство Советского государства считало возможным обратиться за помощью к местному населению: «В странах и местностях, в которых нет самостоятельных Консульств или Консулов, Рабоче-Крестьянское Правительство поручает права и обязанности консулов кому-либо из местных граждан данной страны, изъявивших на то свое согласие»².

Следует отметить, что сразу после Октябрьской революции 1917 г. направленность консульской службы резко изменилась в связи с тем, что государство установило монополию на внешнеэкономическую деятельность. В связи с этим консульские учреждения отныне переставали выполнять функцию, которой, по сути, были обязаны своим появлением. Консульства более не отвечали за обслуживание экономических интересов и принятие мер по стимулированию и развитию внешней торговли государства рабочих и крестьян.

Так как на первых этапах развития советское общество было закрытым по отношению к большинству стран за границей, потребность в работе консулов по защите прав и интересов российских граждан за рубежом сократилась. В результате этого вместо торгово-экономических функций и функций по защите российских граждан за рубежом советская консульская служба стала выполнять административно-хозяйственные функции при дипломатической службе. Таким образом, в первые годы существования Советского государства самостоятельные консульские учреждения стали сокращаться, а вместо них создавались консульские отделы при дипломатических представительствах³.

Однако по мере того, как Советское государство закрепляло свои позиции на международной арене, возобновлялась и работа консульской службы. Это был уже новый институт, создаваемый на основе новой идеологии и внешнеполитического курса Советского государства.

Принятие нового Консульского устава было обусловлено образованием Союза Советских Социалистических Республик и обновлением целей и задач союзного государства⁴.

Устав включал 7 разделов, которые содержали главы об общих началах деятельности советского консула, о консульских учреждениях, их личном составе, функционировании и порядке обжалования действий консулов.

Первый раздел определял цели и задачи консульских учреждений и давал определение понятию «консульские учреждения», а также устанавливал порядок выполнения консульских функций и порядок обжалования консульских действий. Во втором разделе содержался перечень обязанностей консулов в отношении граждан СССР, находящихся за границей. Уставом также определялись нотариальные функции консулов и консульских агентов и предписывался порядок взыскания консульских сборов (Раздел III). Документ содержал описание обязанностей консулов и консульских агентов в отношении «Рабоче-Крестьянского Красного флота» и воз-

¹ Архив внешней политики Российской империи ИДД МИД России (АВПРИ). Отчеты. 1839. Д. 6. Л. 325. С. 23–24.

² Декрет Совета народных комиссаров «Об организации консульств». 18 октября 1918 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=18542>, ст.2. (дата обращения: 15.02.2015).

³ Консульский информационный портал [Электронный ресурс] // URL: <http://tinyurl.com/oqi8qzz> (дата обращения: 20.01.2015).

⁴ Консульский устав Союза Советских Социалистических Республик. От 8 января 1926 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16469> (дата обращения: 17.02.2015).

душного флота, а также — права и обязанности консулов в отношении торгового флота, в частности, их обязанности по его санитарной охране (Разделы IV, V, VI соответственно). В Разделе VII были изложены обязанности консулов и консульских агентов во время войны¹.

В Уставе 1926 г. были существенно урезаны функции консулов в области торгово-экономических связей со страной пребывания, так как после революции эта обязанность ложилась на плечи торговых представителей (торгпредов)².

В период между Октябрьской революцией и началом Второй мировой войны происходило становление правовых основ консульской деятельности. Так, было заключено несколько консульских конвенций (с Польшей в 1924 г., с Германией в 1925 и Чехословакией в 1935)³. Была достигнута договоренность о положении консулов обеих сторон между Швецией и Россией в 1927 г. Существовала также практика включения отдельных положений по консульским вопросам в других договорах и соглашениях. Такие договоры были заключены с 1920 по 1924 г. с Финляндией, Персией, Монголией и Италией.

Вторая мировая война нанесла удар по системе консульской службы и после окончания войны международное консульское право не могло существовать на прежней юридической основе. В связи с этим специальная комиссия Генеральной Ассамблеи ООН разработала проект новой консульской конвенции. По имени места проведения конференции, посвященной ее созданию, эта конвенция получила название Венской конвенции о консульских сношениях и была разработана в 1963 г., вступив в силу в 1967-м.

Советский Союз присоединился к Конвенции только в 1989 г., так как не мог принять ряд положений Конвенции, а именно ст. 20, 31, 35, 36, которые противоречили советской идеологии.

Тем не менее, принятие Конвенции о консульских сношениях на международном уровне повлекло за собой пересмотр Консульского устава 1926 г. С момента принятия прежнего документа прошло 50 лет и не только внешние, но и внутренние факторы (изменения в государственном законодательстве, положения двусторонних консульских конвенций и т. п.) привели к созданию нового Уставного документа.

Новый устав (Устав 1976 г.) был переработан с учетом международной обстановки того времени и состоял из 9 разделов, которые включали 99 статей.

В документе были изложены основные положения о задачах и организации консульских учреждений. Так, консульства должны были защищать права и интересы РФ, его юридических лиц и граждан за границей, способствовать развитию дружественных отношений со странами пребывания дипломатов и расширять и укреплять торгово-экономические, научные и культурные связи и туризм⁴.

Статья 12 поясняла значение юридической терминологии Устава. В I разделе Устава разъяснялось, кто может быть консульским должностным лицом, и каков порядок назначения данных лиц. Во II разделе были изложены функции консула в отношении юридических лиц и граждан. III раздел был посвящен описанию нотариальных действий и консульской легализации. Функции консула в отношении военных кораблей и военно-вспомогательных судов, морских и воздушных судов

¹ Консульский устав Союза Советских Социалистических Республик. От 8 января 1926 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16469> (дата обращения: 20.02.2015).

² Архив внешней политики Российской империи ИДД МИД России (АВПРИ). Отчеты. 1839. Д. 6. Л. 325. С. 26.

³ Там же.

⁴ Консульский устав Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс] // URL: <http://lawru.info/dok/1976/06/25/n118205.htm> (дата обращения: 01.03.2015).

были изложены в разделах IV, V и VI соответственно. Далее следовал VII раздел, предписывающий действия консула в отношении средств автомобильного, железнодорожного транспорта и судов речного флота.

VIII раздел включал положения по санитарной, фитосанитарной и ветеринарной охране. Раздел IX содержал положение о внештатных консулах¹.

Ввиду того, что Консульский устав 1976 г. был Консульским уставом СССР, при создании государства Российской Федерации он утратил актуальность, однако, как ни парадоксально, он просуществовал в России вплоть до 2010 г. и был отменен на основании Статьи 40 Устава 2010 г.²

На основании вышесказанного можно утверждать, что, несмотря на предысторию существования консульской службы, точкой отсчета ее начала в России следует считать период царствования Петра I. При этом следует подчеркнуть, что структура и задачи консульской деятельности, близкие к современным, наиболее четко оформились в XIX столетии, а нормативно-правовые основы во многом формировались в советский период исторического развития России.

Таким образом, современная консульская деятельность Российской Федерации вобрала в себя все лучшие практики, которые применялись консулами и консульскими учреждениями и кодифицировались в Консульских уставах и конвенциях. В новых условиях и новой международной обстановке они продолжают выполнять задачи, которые ставит перед ними российское государство, призванное защищать интересы своих граждан на международной арене.

Литература

1. Долгов В. И., Лебедева О. В. Консульская служба Российской Федерации на современном этапе: учеб. пособие. М: МГИМО-Университет, 2011. 184 с.
2. Мартенс Ф. Ф. О консулах и консульской юрисдикции на Востоке. Рипол Классик, 2013.
3. Сафронова Е. В. Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII — начале XX в. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
4. Торшина О. М. История возникновения консульской службы / Вестник РУДН. 2009. № 3. Серия «Юридические науки».

References

1. Dolgov V.I., Lebedeva O.V. *Consular service of the Russian Federation at the present stage* [Konsul'skaya sluzhba Rossiiskoi Federatsii na sovremennom etape]: tutorial. M.: MGIMO University, 2011. 184 p. (rus)
2. Martens F.F. *About consuls and consular jurisdiction in the east* [O konsulakh i konsul'skoi yurisdiksii na Vostoke]. Ripol Classic, 2013. (rus)
3. Safronova E. V. *Formation and development of consular service of the Russian Empire in XVIII — the beginning of the XX century* [Stanovlenie i razvitie konsul'skoi sluzhby Rossiiskoi Imperii v XVIII — nachale XX v.]. Spb.: Juridical Press center [Yuridicheskii tsentr Press], 2002. (rus)
4. Torshina O. M. *History of emergence of consular service* [Istoriya vzniknoveniya konsul'skoi sluzhby] / People's Friendship University of Russia Bulletin, series Jurisprudence [Vestnik RUDN, seriya Yuridicheskie nauki]. 2009, N 3. (rus)

¹ Консульский устав Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13520/?frame=1p29 (дата обращения: 14.03.2015).

² Федеральный закон Российской Федерации от 5 июля 2010 г. № 154-ФЗ г. Москва Консульский устав Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rg.ru/2010/07/07/konsulustav-dok.html> (дата обращения: 17.03.2015).

Анализ различий ресурсного потенциала региональных продовольственных рынков

Яковлев Андрей Владимирович

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Аспирант
andrew_iakovlev@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается роль территориальных факторов в развитии процессов продовольственного обеспечения населения. Подчеркивается двоякое воздействие на эти процессы экономических санкций. Отмечается необходимость усиления государственного регулирования, направленного на совершенствование ресурсного потенциала региональных продовольственных рынков и снижение уровня их дифференциации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

региональная экономика, ресурсный потенциал, региональные различия, продовольственный рынок

Yakovlev A. V.

Analysis of Distinctions of Resource Capacity of the Regional Food Markets

Yakovlev Andrey Vladimirovich

Saint-Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate student
andrew_iakovlev@mail.ru

ABSTRACT

In the article, the role of territorial factors in development of processes of food supply of the population is considered. Double impact on these processes of economic sanctions is emphasized. Need of strengthening of the state regulation directed on improvement of resource capacity of the regional food markets and decrease in level of their differentiation is noted.

KEYWORDS

Regional economy, resource potential, regional distinctions, food market

Начиная с 2014 г. Россия столкнулась с новыми вызовами в социально-экономическом развитии, обусловленными началом «войны санкций». В ответ на введенные группой западных стран при лидирующей роли США ограничения в отношении ряда российских физических лиц и компаний российская сторона объявила продовольственное эмбарго в отношении поставок из стран-санкционеров [4]. В этой связи острым стал вопрос обеспечения стабильности продовольственного рынка страны, как на федеральном, так и на региональном уровне, как за счет диверсификации импортных поставок, так и за счет развития процессов импортозамещения [5].

На стабильности региональных продовольственных рынков необходимо остановиться особо, так как Россия объективно отличается значительной дифференциацией регионального развития [3]. Эти различия проявляются в сферах хозяйственной освоенности территорий, развитости инфраструктуры, уровня доходов населения, бюджетной обеспеченности государственных и муниципальных обязательств и т. д. В таких условиях нестабильность на региональном продовольственном рынке может послужить фактором, существенно усложняющим ситуацию в кон-

кретном субъекте Федерации. Таким образом, актуальной задачей является анализ ресурсного потенциала региональных продовольственных рынков и их специфики.

Ресурсный потенциал, в общем понимании этой категории, складывается на основе сочетания природных условий определенной территории, а также органически связанных с нею трудовых и материально-технических ресурсов, образующих в своем единстве благоприятные или малоблагоприятные условия сферы обитания и ведения хозяйственной деятельности. Данная категория включает объемы использования ресурсов для производства, определяет эффект совместного их действия и возможность адаптироваться к изменяющимся условиям окружающей среды. Таким образом, под ресурсным потенциалом следует понимать совокупность имеющихся видов ресурсов, сопряженных между собой, использование которых позволяет достичь требуемого социально-экономического эффекта.

Регионы России находятся в различном положении относительно продовольственного обеспечения. Это во многом определяется природно-климатическими условиями. Их можно классифицировать на производящие продовольствие и потребляющие продовольствие. Понятно, что классификация эта нестрогая, так как по различным конкретным наименованиям продуктов питания ситуация может существенно отличаться. Например, Мурманская область, в силу северного географического положения региона, не имеет возможности для самообеспечения пшеницей и другими зерновыми культурами. В то же время, она является одним из крупнейших производителей рыбы и рыбопродуктов, поставляемых в другие регионы страны, а также на мировой рынок.

Тем не менее, следует отметить, что в Российской Федерации имеются регионы, которые испытывают постоянную потребность в продовольственном обеспечении за счет внешних поставок. К ним можно отнести районы и территории Крайнего Севера, Якутии, Бурятии, Камчатки и др. Такая ситуация определяется низким ресурсным потенциалом соответствующих региональных продовольственных рынков. На ресурсный потенциал оказывают влияние следующие факторы: обеспечение земельными ресурсами; степень деградации сельскохозяйственных земель; степень обновления основных фондов агропромышленного комплекса; уровень монополизации продовольственного рынка; степень импортного давления на внутренний продовольственный рынок; уровень безработицы в сельском хозяйстве; уровень государственной поддержки сельхозпроизводителей; уровень использования имеющегося ресурсного потенциала в агропромышленном комплексе и др.

Ограничение поставок продовольствия из-за рубежа вследствие «войны санкций» привело к разнонаправленным процессам на региональных продовольственных рынках.

С одной стороны, увеличился поток импортных продуктов питания низкого качества, экологически опасных и контрафактных (примерами такого рода могут быть поставки тропических фруктов из Беларуси, которые выдаются за продукцию собственного производства). Главной причиной роста импорта продовольствия в России является системное разрушение экономического потенциала страны, в первую очередь — сельского хозяйства и смежных с ним отраслей. Либеральные реформы 1990-х гг. привели к абсолютному сокращению места и роли сельского хозяйства в экономике. На положение отечественных сельхозпроизводителей всех форм собственности давит диспаритет цен между сельскохозяйственной продукцией и промышленными товарами и услугами. Низкие цены реализации продукции снижают рентабельность аграрного производства, при том, что значимая часть добавленной стоимости оседает не у сельхозтоваропроизводителей, а в промежуточных звеньях товаропроводящей (логистической) цепи [1].

С другой стороны, наблюдается активизация процессов импортозамещения. По расчетам специалистов Минсельхоза России, набранный темп изменений в АПК позволит обеспечить к 2020 г. увеличение внутрироссийского производства сельхоз-

продукции, сырья и продовольствия и добиться снижения зависимости внутреннего продовольственного рынка от импортных поставок мяса с 21,6 до 7,7%, молока и молочной продукции с 23,6 до 16,6%, овощей с 14,6 до 10,1%. Согласно оценкам министра сельского хозяйства А. Ткачева, озвученным в интервью телеканалу «Россия 1» 21 мая 2015 г., в течение двух-трех лет Россия сможет полностью обеспечить свои потребности по мясу свинины и птицы. По производству молока аналогичного показателя (при серьезных вложениях и дотациях со стороны государства) можно будет достичь через 7–10 лет. Перейти на полное обеспечение российских потребителей отечественными овощами и фруктами получится в течение 3–5 лет. Отметим, что на рис. 1 приведены официальные данные о тенденциях в развитии обеспечения россиян основными продуктами питания отечественного производства.

Для насыщения региональных рынков продовольственными товарами и восстановления продовольственной безопасности необходимо определить критерии оценки пороговых значений продовольственной безопасности, пересмотреть и уточнить программы выхода из аграрного кризиса, разработать меры, направленные на ликвидацию сложившихся угроз продовольственной безопасности. Можно выделить основные критерии оценки продовольственной безопасности [6]: степень удовлетворения физиологических потребностей в компонентах и энергетическом содержании пищевого рациона; соответствие ограничениями по содержанию в продуктах вредных для здоровья веществ, уровень физической и экономической доступности продовольствия для различных категорий населения; степень зависимости продовольственного снабжения страны и ресурсного обеспечения агропромышленного комплекса от импортных поставок; размеры стратегических и оперативных продовольственных запасов в сопоставлении с нормативными потребностями.

Среднесрочная цель в рассматриваемой сфере — обеспечение продовольственной независимости по всем базовым продуктам питания, которые могут быть произведены в России. Долгосрочная цель — выход страны, с учетом обострения продовольственной проблемы в мире и положительного влияния глобальных изменений климата в большинстве регионов страны, на мировой рынок продовольствия. Реализовать эти цели можно через оптимизацию государственного и рыночного регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию; регулирование объема импорта по основным стратегическим видам продовольствия; последова-

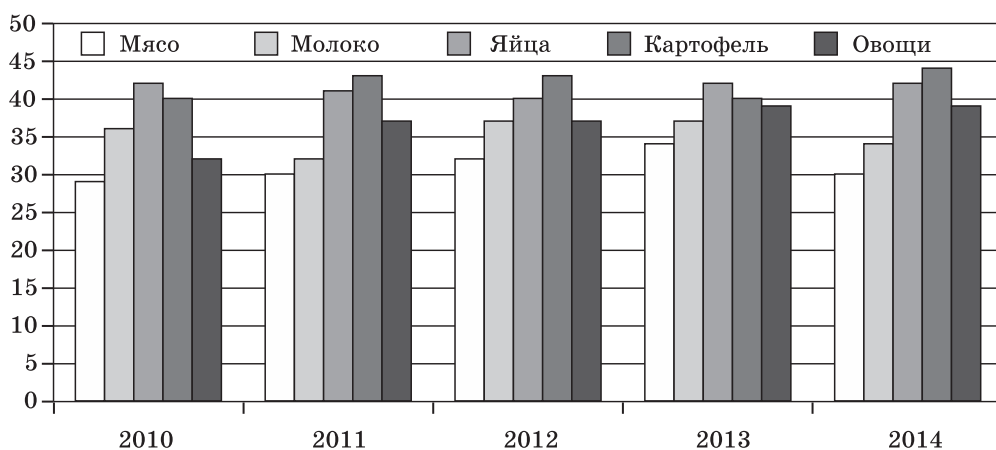

Рис. 1. Уровень обеспечения потребностей россиян основной сельскохозяйственной продукцией, %

Источник: данные Минсельхоза России и Росстата.

тельное сокращение импорта продуктов питания, производство которых может быть осуществлено в России; регулирование уровня и структуры розничных цен на продовольствие для оживления платежеспособного спроса населения и повышения конкурентоспособности отечественных товаров на внутреннем и, в перспективе, на внешнем рынке; проведение политики бюджетного субсидирования продовольствия для социально незащищенных слоев населения.

Сельское хозяйство является одной из важнейших отраслей экономики любого государства. Она дает жизненно необходимую человеку продукцию: основные продукты питания и сырье для выработки предметов потребления. Сельское хозяйство производит свыше 12% валового продукта и более 15% национального дохода России, сосредоточивает 15,7% производственных основных фондов [2]. Восемьдесят отраслей промышленности поставляют свою продукцию сельскому хозяйству, которое, в свою очередь, поставляет свою продукцию шестидесяти отраслям промышленности. То есть, налицо наличие значительного мультипликативного потенциала, связанного с развитием сельского хозяйства.

Отметим, что кроме сельского хозяйства в АПК входят отрасли, которые либо поставляют ему средства производства и оказывают услуги, либо заготавливают, перерабатывают его продукцию, производят готовые к потреблению продукты питания и непродовольственные товары из сельскохозяйственного сырья и доводят их до потребителя. На основе SWOT-анализа можно выделить наиболее существенные сильные и слабые стороны российского АПК:

1. Сильные стороны:

- природный потенциал, включающий значительные земельные ресурсы. Перевод отрасли на ресурсосберегающие технологии обеспечивает рост уровня интенсификации и снижение затрат на производство. Имеется значительное количество площадок для создания перерабатывающих производств;
- поголовье скота имеет высокий потенциал продуктивности. Производство мяса сконцентрировано на птицефабриках и свиноподкомплексах;
- имеется высокий потенциал развития производства семян сельскохозяйственных культур, высокоинтенсивного производства картофеля и овощей.

2. Слабые стороны:

- техническое и технологическое отставание отрасли от мирового уровня и, как следствие, низкий уровень интенсификации и производительности в отрасли не позволяют производить сельскохозяйственную продукцию с высокой конкурентоспособностью. Переработка сельскохозяйственной продукции недостаточно глубокая, основная масса предприятий переработки работает на привозном сырье;
- низкий уровень менеджмента сельскохозяйственных организаций;
- отсутствие инфраструктуры для сбыта продукции фермерских хозяйств;
- низкий уровень развития социальной инфраструктуры в сельских районах при низком уровне заработной платы приводит к непривлекательности сельского труда;
- ряд фермерских и личных подсобных хозяйств не в полной мере отражают свою деятельность в отчетности.

Рассмотрение ситуации в региональном разрезе показывает, что в настоящее время всего 14 из 83 субъектов Российской Федерации являются нетто-производителями продовольствия, остальные 69 выступают в роли нетто-потребителей. При этом сегодня для многих регионов Сибири и Дальнего Востока экономически выгодно закупать продовольствие, например, в Китае или республиках Средней Азии, чем везти их из Европейской части РФ. Изменить эту ситуацию, не изменив налоговое законодательство и принципы ценообразования на услуги железнодорожного транспорта, практически нереально. Точно так же ряду нетто-произво-

дителей сельскохозяйственной продукции (зерна), близких к черноморским портам России, намного выгоднее экспортировать собранное ими зерно за рубеж, чем продавать его на внутреннем рынке, особенно — в рамках государственных закупок.

В ряде регионов современной России: Москве, Санкт-Петербурге, Московской области, Тюменской области, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах у населения сформировался практически европейский тип потребления, включая потребление продовольствия, которое на 60% и более удовлетворяется за счет импортных поставок. В то же время в таких беднейших регионах России, как Республика Ингушетия, Республика Тыва, Республика Алтай, Республика Северная Осетия — Алания и др., подавляющее большинство населения вынуждено жить практически в условиях натурального хозяйства, что подразумевает ненадежность и неустойчивость их продовольственного обеспечения в случае каких-либо стихийных бедствий, особенно с учетом неразвитых логистических механизмов в данных регионах.

Отдельная группа проблем связана с товарораспределением. Если в хозяйственно освоенных регионах страны существенной угрозы, касающейся наличия товаров на прилавках, нет, то в отдаленных от центра регионах ситуация иная. В частности, в районах Крайнего Севера организован сезонный завоз различных товаров, в том числе продовольствия. В этих регионах за короткий период времени формируется запас продовольствия для населения на весь год, что предъявляет особые требования к условиям его сохранности и способам упаковки.

Определенные сложности с развитием инфраструктуры продовольственного рынка связаны с функционированием и территориально неравномерным расширением деятельности торговых сетей, приводящей к выборочной монополизации этого сегмента рынка, усложнению доступа к нему сельскохозяйственных товаропроизводителей, поддержанию высокого уровня потребительских цен на некоторые пищевые продукты. Кроме того, существует проблема с обеспечением населения отдельных сельских территорий с неразвитой дорожной сетью, что частично определяется снижением активности в деятельности потребительской кооперации. То есть эта проблема проявляется на субмезоуровне — уровне муниципальных образований.

По нашему мнению, для выравнивания уровней развития региональных продовольственных рынков следует развивать межрегиональную интеграцию в сфере продовольственных рынков и продовольственного обеспечения, более эффективно использовать механизмы поддержки регионов, находящихся в зонах недостаточного производства пищевых продуктов или оказавшихся в экстремальных ситуациях, повысить транспортную доступность отдаленных регионов для гарантированного и относительно равномерного по времени продовольственного снабжения их населения, создать условия для увеличения числа объектов торговой инфраструктуры и общественного питания различных типов.

Подводя итог, отметим, что ресурсный потенциал региональных продовольственных рынков отличается значительной дифференциацией. В этой связи необходимы энергичные меры органов власти, государственного и муниципального управления в целях выравнивания продовольственной обеспеченности населения в территориальном разрезе. Для этого необходимы государственные программы [7], направленные на развитие отечественного сельскохозяйственного и перерабатывающего производства, совершенствование логистической и торговой инфраструктуры, разумное ценовое регулирование на продовольственных рынках.

Литература

1. *Афанасьева В. Г.* Региональная транспортно-логистическая система как объект изучения теории региональной экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 3. С. 73–76.

2. Багров Н. М. Сельское хозяйство России. Растениеводство // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 1. С. 154–164.
3. Вертакова Ю. В., Клевцова М. Г., Положенцева Ю. С., Некипелова А. С. Дифференциация регионов в соответствии с фазами развития: модифицированная методика оценки структурного цикла // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 3(93). С. 15–19.
4. Плотников А. В. Эффективность современной санкционной политики // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2014. № 2(5). С. 113–114.
5. Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Импортозамещение: теоретические основы и перспективы реализации в России // Экономика и управление. 2014. № 11(109). С. 38–47.
6. Плотников В. А., Пахомов В. И. Продовольственная безопасность: экономические и военные аспекты: монография. СПб.: Лема, 2008. 144 с.
7. Рохчин В. Е., Ротенберг Р. Б. Основные условия стратегического развития экономики административно-территориальных образований // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 1. С. 37–42.

References

1. Afanaseva V.G. *Regional transport and logistic system as object of studying of the theory of regional economy* [Regional'naya transportno-logisticheskaya sistema kak ob"ekt izucheniya teorii regional'noi ekonomiki] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2014. N 3. P. 73–76. (rus)
2. Bagrov N. M. *Agriculture of Russia. Plant growing* [Sel'skoe khozyaistvo Rossii. Rastenievodstvo] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2014. N 1. P. 154–164. (rus)
3. Vertakova Yu. V., Klevtsova M. G., Polozhentseva Yu. S., Nekipelova A. S. *Differentiation of regions according to development phases: the modified technique of an assessment of a structural cycle* [Differentsiatsiya regionov v sootvetstvii s fazami razvitiya: modifitsirovannaya metodika otsenki strukturnogo tsikla] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2015. N 3 (93). P. 15–19. (rus)
4. Plotnikov A. V. *Efficiency of modern sanctions policy* [Effektivnost' sovremennoi sanktsionnoi politiki] // Innovative economy: prospects of development and improvement [Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya]. 2014. N 2 (5). P. 113–114. (rus)
5. Plotnikov V. A., Vertakova Yu. V. *Import substitution: theoretical bases and prospects of realization in Russia* [Importozameshchenie: teoreticheskie osnovy i perspektivy realizatsii v Rossii] // Economy and management [Ekonomika i upravlenie]. 2014. N 11 (109). P. 38–47. (rus)
6. Plotnikov V. A., Pakhomov V. I. *Food security: economic and military aspects* [Prodovol'stvennaya bezopasnost': ekonomicheskie i voennye aspekty]: monograph. SPb.: Lema, 2008. 144 p. (rus)
7. Rokhchin V. E., Rotenberg R. B. *Main conditions of strategic development of economy of administrative-territorial formations* [Osnovnye usloviya strategicheskogo razvitiya ekonomiki administrativno-territorial'nykh obrazovaniy] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2014. N 1. P. 37–42. (rus)

К вопросу об определении понятия «системности реформ» в контексте социально-политической ситуации в современной России

Дорогой Константин Борисович

Санкт-Петербургский государственный университет
Аспирант факультета социологии
kdorogoy@gmail.com

РЕФЕРАТ

Статья посвящена формированию категориального аппарата в отношении российских реформ переходного периода. В данной работе анализируется применимость понятия «системность реформ» к происходящим социально-политическим преобразованиям. Кроме того, автором отслеживается возможность включения различных концептуальных основ общей теории систем в рассмотрение процесса реформирования (Парсонс, Истон, Луман и др.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

российские реформы, системный анализ, структурализм

Dorogoy K. B.

On a Question of Definition of Concept «Systemicity of Reforms» in the Context of a Social and Political Situation in Contemporary Russia

Dorogoy Konstantin Borisovich

Saint-Petersburg State University Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate student of the Faculty of Sociology
kdorogoy@gmail.com

ABSTRACT

The article is devoted to the formation of the categorical apparatus in relation to the Russian reforms of the transition period. In this paper it's analyzed the applicability of the concept of «systemic reforms» to the current socio-political transformations. In addition, the author traces the possibility of integrating different conceptual foundations of general systems theory in the consideration of the reform process (Parsons, Easton, Luhmann etc.).

KEYWORDS

Russian reform, system analysis, structuralism.

Вопросы системного реформирования занимают умы множества авторов в социологической, экономической, политической и других областях. Особенно громко этот вопрос начинает звучать в период завершения холодной войны, когда потребовалась основательная институциональная реорганизация стран — бывших участников социалистического лагеря. Россия — государство, занявшее роль правопреемника одной из сверхдержав биполярного противостояния, должна была и могла занять позицию эталонного примера в ходе реализации таких преобразований. Довольно сложно оценить реальное значение реформ в условиях множественности мнений, в том числе и экспертных, относительно одних и тех же вопросов начиная от формы государственного управления, заканчивая экономической и социальной политикой.

Проблема заключается именно в том, что процесс реформирования выступает в качестве весьма уязвимой сферы для критики. Особенно сильно эта критика

проявляется, если в данный момент времени нет возможности наблюдать видимые результаты реформ.

Российские процессы реформирования не становятся исключениями для критики как изнутри, так и извне страны. Политические последствия, например, с точки зрения одного из ведущих исследователей данного вопроса Р. Симоняна [4], рассматриваются с такой позиции, что реформаторы отбили у большинства россиян желание строить демократию, полностью дискредитировав ее ценности. Увидев, в каком обществе они оказались в результате перехода к рыночным отношениям и приватизации, пишет этот автор, россияне потянулись к сильной руке, поэтому теперь складываются авторитарные механизмы в системе управления, что является органичным итогом реформ 1990-х. Авторитарная направленность нынешней власти, считает автор, есть естественная реакция на деятельность реформаторов 1990-х годов: она востребована и поддержана значительной частью населения. «Люди, которые призывают сегодня россиян под знамена демократии и либерализма, не осознают (или не хотят осознавать) враждебности основной массы населения к этим категориям и того, что «путинизм» — естественное продолжение «ельцинизма», — пишет Р. Симонян. — Сосредоточившись на критике путинского режима, они оставляют в стороне его острую востребованность: в конце 1990-х гг. общественные ожидания мог удовлетворить только тот, кто остановит эту „демократию“» [4].

Отечественные и зарубежные исследователи видят проблему в резком пере строении социально-ориентированной политической системы в новую не достаточно организованную форму. В частности, российский ученый В. П. Милецкий отмечает, что «в условиях постсоветского реформирования России в 90-е годы была демонтирована не только советская модель социализма, но и существовавшая в СССР автократическая модель социального государства» [3]. Кроме того, о России часто сообщается как о стране, имеющей слабое гражданское общество, что противопоставляется, например американскому случаю [10]. Но наиболее характерно в описании России — это то, что в ней проявляется слабость в отношении соблюдения множества официально действующих законов [9].

В то же время представляется необходимым постараться уйти от эмоционального аспекта, сопутствующего всем сопряженным с реформами проблемам. Это наталкивает исследователя на поиск методологической основы для беспристрастного изучения процессов реформирования. Оценочным потенциалом в этом отношении обладает категория «Системности», которая могла бы быть приложена к процессу реформирования.

Системность как свойство в отношении реформ и изучаемых социальных объектов в целом может быть описано с двух разных позиций, имеющих право на существование. Первая из позиций связывается с пониманием системности как признака объекта в диалектике Гегеля (который применял это понятие собственно к философии), К. Маркса, Ф. Энгельса (наиболее ясно определившие признаки системности для общественных формаций) и может способствовать особому представлению о рассматриваемом объекте. Вторая позиция определяет это понятие в контексте использования процедур системного подхода (основателем которого считается Людвиг фон Берталанфи) к процессу управления таким образом, что это действие базируется на построении системной модели, предвещающей и сопровождающей процесс (в рассматриваемом случае процесс управления).

Не умаляя значимость теорий философов XIX в., все же необходимо отметить, что их взгляды именно в отношении системности носят упрощенный характер и могут рассматриваться только в контексте широкого философского дискурса. В то же вре-

мя, вторая позиция, принимающая за основу характерные системному анализу процедуры, может быть применена к изучению проблем эффективности осуществляемых в постсоветской России общественно-политических и экономических реформ.

Системная теория позволяет нам иметь сдержанную оценку ситуации в области реформирования. В то же время, исследователь довольно часто сталкивается с понятийной и методологической путаницей. В настоящее время имеется более 40 определений системы [2, с. 228]. В данной статье рассматривается такой подход, в истоки которого были положены взгляды А. А. Богданова, Л. фон Берталанфи. Следует отметить, что оба этих ученых также выступали в качестве исследователей, стремившихся к созданию общей теории систем (последний с признаваемым большинством наших современников успешным результатом).

А. А. Богданов ввел интересный термин «ингрессия», который выражает этап перехода системы к новому качеству (например, рост сплоченности, взаимопонимания, сработанности коллектива), а понятие «дезингрессия», наоборот, означает процесс деградации системы, ее распада как целостного объединения. Представленные категории представляют чрезвычайно важное значение с точки зрения анализа системности реформ, однако они не были снабжены методологическим инструментарием в его работах.

Процесс реформ в государствах, наблюдаемых этим ученым, происходил на фоне смены исторических эпох, перехода к Версальско-вашингтонской системе международных отношений. Соответственно, проходящие события и особенности структуризации политических систем отмечались Богдановым: «Новое сохраняется и растет, но и старое не разрушается; в этом смысле положительный подбор консервативен; общих, широких преобразований общественной структуры, глубоких реформ экономическое процветание само по себе не порождает; общество, как говорится, живет настоящим, которое его удовлетворяет» [1]. В то же время, сохранение архаичных форм в новых политических моделях отечественному исследователю представлялось угрожающим: «Усложнение жизненных отношений, рост их неоднородности уменьшают стройность и устойчивость всей системы. Так, Англия в эпоху своего господства на мировом рынке после целых столетий процветания отличалась и развитием экономических крайностей — гигантских богатств рядом с глубочайшей нищетой, и сохранением отсталых идеологий одновременно с прогрессивными как страна наибольшей религиозности, устаревших политических традиций и т. п. Во всех подобных случаях рано или поздно накопление внутренней неустойчивости доходит до кризиса» [1].

Л. фон Берталанфи вместе с разработкой основных категорий, которые по сей день выступают в качестве ключевых в системной теории: система; целостность; элемент; структура; функция не затрагивал проблем реформ. Австрийский исследователь не имел определенных позиций в этом вопросе, но вслед за Богдановым он развивал мысль относительно кризисных явлений и стабильности общественных систем, углубляя методологическую проработанность этих вопросов: «По закону нестабильности, многие организации находятся в нестабильном равновесии, но демонстрируют циклические флуктуации, выступающие результатом взаимодействия подсистем. Это, кстати, вероятно может быть объяснено в терминах теории Вольтерра, так называемый первый закон бытия от Вольтерра, состоящий в описании периодических циклов в популяциях двух видов, один из которых питается за счет другого». Таким образом, Берталанфи видит причины кризисных проблем в рамках систем в колебаниях, возникающих благодаря элементам их внутренней организации. Значительное внимание он отводит проблеме конкуренции в рамках общественных систем, утверждая, что за этим скрывается общая стабильность системы: «Неписанный закон олигополитических государств состоит в том, что при наличии конкурирующих организаций, нестабильность их отношений, а отсюда и опасность разногласий

и конфликтов возрастает с сокращением числа этих организаций. Таким образом, пока они относительно небольшие и пребывают во множестве, они могут преодолевать сложности в режиме сосуществования. Как только остается лишь конкурирующая пара, как, например, колоссальные политические блоки современности, конфликты становятся разрушительными вплоть до взаимного уничтожения» [17, с. 49].

Прогресс в области рассмотрения системности реформ связан с именами Т. Парсонса, Д. Истона и К. Дойча. Создавая свои теории, вышеперечисленные социологи опирались на методологический арсенал экономической науки. В то же время их выводы стали важной методологической парадигмой политической науки. Для приверженцев системного подхода были свойственны следующие общие позиции:

1. Социальная система — это множество элементов, которые сохраняют связь и взаимодействие в данном окружении.
2. Социальная система обеспечивает интеграцию множества индивидов.
3. Состояние равновесия в системе поддерживается путем регулирующей деятельности социальных институтов на инженерном уровне, которая с помощью общих образцов, норм и ценностей организует общество в самосохраняющееся целое.
4. В социальной системе индивид, через которого осуществляется системная деятельность, выступает как исполнитель определенных ролей деятель.

Что касается вопроса реформ с позиции этого ученого, то Парсонс разработал общую теорию действия и, в частности, социального действия (структурный функционализм) как самоорганизующейся системы. В последней, которая задана набором функциональных проблем любой системы (адаптация, достижение цели, интеграция, поддержание образца), Парсонс аналитически вычленяет подсистемы социальной структуры, культуры, личности. Ориентации действующего лица (актера) описываются при этом с помощью набора стандартных (типовых) переменных. Этот теоретический язык Парсонс использовал для описания систем экономики, политики, права, религии, образования. На его взгляд, в обществе господствует инструментальная, функциональная рациональность — организационная цель, что отражает потенциал реформирования.

Структурно-функциональный метод Т. Парсонса, который базируется на модели обменов между подсистемами, представляет особую ценность для рассмотрения процесса реформирования. На уровне социальной системы, в соответствии с представлениями этого ученого, функции адаптации обеспечивает экономическая подсистема, функцию целедостижения — политическая, функцию интеграции — правовые институты и обычаи, функцию воспроизводства социальной структуры — система верований, мораль и органы социализации (включая семью и институты образования).

Парсонс уточняет необходимость реализации конкуренции в политическом процессе. В качестве примера приводит американскую двухпартийную систему, справляющуюся с проблемами нестабильности только благодаря проведению дополнительных реформ. Однако двухпартийность американской модели как раз и сохраняет некую вариативность реакций социума на изменения и делает систему гибкой по отношению к реформированию, что не могло бы реализовываться в однопартийных системах [14, р. 349–350].

Хотя социальные программы были недостаточными и разрозненными, хотя бремя их финансирования в значительной мере упало всей своей тяжестью на рабочий класс в виде повышенных налогов. Ограниченные прогрессивные перемены, о которых он говорит, и есть результаты постепенной мирной реформы. Объясняя стабильность логически несоотносимую с протекающими изменениями, Парсонс трактует подчиненность политических факторов особым иррациональным механиз-

мам, связанным с доверием политическим лидерам и политическому режиму. В наиболее устойчивой форме приобретающего характер «всеобщего консенсуса» (*overarching consensus*), который в свою очередь базируется на разнонаправленных силах, обеспечивающих стабильность, порядок и равновесие [15, р. 441–442]. В конце концов, при наличии сплочения и консолидированности в обществе, с точки зрения этого ученого, течение реформ в не зависимости от реальных их результат в определенной мере способно быть стабилизирующим фактором.

Парсонс утверждает, что наиболее эффективный способ сориентировать общество на проведение реформы — это установка на достижение (*achievement*). Чтобы склонить чашу весов общественной жизни от атрибуции к достижению — этот автор предлагает нам рационально-правовой тип модернизации — именно ту позицию, в которой реформа «работает». Чтобы изменить общественную институциональную структуру, предстоит охватить практически все другие, а именно, семью, образование, то есть школы и вузы, правительство, и политику в целом [16].

В отличие от предшествующего ученого, акцент внимания Истона — на изменчивости и динамичности политических систем, на роли различных структур в поддержании непрерывности функционирования политической системы. Истон определяет политическую систему как взаимодействия, посредством которых в обществе осуществляется распределение ценностей и на этой почве предотвращаются конфликты между членами общества. При рассмотрении политических систем Истон использует кибернетический принцип замера показателей функционирования системы на ее «входе» (запросы и потребности граждан) и «выходе» (решения и действия властей).

Все иные системы общества, не относящиеся к политической системе общества, образуют ее окружение, которое подразделяется на внутреннее и внешнее, что необходимо подвергать серьезному анализу в преддверии и в ходе осуществления реформ. «Интрасоциетальная часть окружения включает системы, принадлежащие к тому же обществу, что и политическая система, но отделенные от этой последней нашим определением политических взаимодействий. Внутренние системы включают совокупности, связанные с поведением, позициями и идеями, которые можно назвать экономика, культура, социальная структура или личность; все это элементы функционирования общества, частью которого является и изучаемая политическая система... Вторая часть окружения, которую мы называем экстрасоциетальной, включает в себя все системы, находящиеся вне рассматриваемого общества»; из этого, по Истону, следует, что суверенитет всех государств, помимо США, является мифом — ибо все они испытывают влияние глобального окружения.

По Истону, условием нормального функционирования и развития политической системы является примерное равновесие «на входе» и на «выходе», что требует от политической системы своевременно реагировать на идущие снизу запросы, без чего она лишится поддержки граждан. В случае, если требования общества станут чрезмерными, возможна перегрузка политической системы (*stress*) вплоть до угрозы ее разрушения. Ситуация перегрузки может возникнуть и в случае, если к системе будет предъявлено слишком много требований, требующих долговременного решения.

Для иллюстрации своего тезиса о «перегрузке» Д. Истон приводит пример Франции в 1965 г., когда одновременно возникли требования новой национализации в промышленности, большей солидарности с НАТО и большей солидарности в решении вопроса о прекращении ядерных испытаний [8].

Несколько иную точку зрения на осуществления реформ представляют исследователи, опирающиеся на категорию коммуникации в контексте рассмотрения общественных систем. Так, Карл Дойч трактовал нацию как группу, в пределах которой

уровень коммуникативной активности значительно выше, чем за ее пределами. Формирование идеи национальной общности и складывание государств, он считал результатом процесса постепенной урбанизации и индустриализации общества, создающего более широкие возможности для коммуникации и, на ее основе, — для «социальной мобилизации» [5]. Причины дезинтеграции и гибели государств рассматривал в постепенном ослаблении внутренней коммуникации между социальными слоями и исключал из нее низшие слои. Последние, лишаясь возможности реализовать свои интересы и повысить социальный статус, оказываются, в конечном счете, той силой, которая разрушила существующую систему либо дестабилизирует ее, делает уязвимой перед лицом внешних угроз. Образование наднациональных и межгосударственных объединений, согласно Дойчу, является средством противодействия росту национализма в отдельных государствах, а также сохранения и совершенствования их социальных систем. В то же время Дойч отмечал нестабильность существующих межгосударственных объединений и опасность возврата членов сообществ к «агрессивному национализму».

С точки зрения рассматриваемых в данной работе проблем существенным представляется вопрос эффективности политической системы, который, по Дойчу, зависит от четырех элементов:

1) веса информации, получаемой системой, то есть частоты и широты изменений, в которых должно участвовать всякое правление;

2) опоздания ответа системы при реакции на новую информацию — т. е. времени, требующегося политическим руководителям для осознания новой ситуации, имеющихся вызовов и для принятия решений («часть времени, которая протекает с момента получения информации по поводу позиции самолета противника и до момента начала огня зениток в точке перехвата»);

3) выигрыша от корректировки — т. е. от скорости и качества реакции политической системы на новые факты, с которыми она встретилась;

4) дистанции между позицией, которую займет подвижная цель в соответствии с предварительными расчетами и той позиции, которую она занимала в момент получения от нее последнего сигнала (проблема «отрыва», которую призваны решать службы информации и предвидения).

Карл Дойч выступает активным сторонником идеи «социальной мобилизации». Он задумывает «социальную мобилизацию» как процесс задействования лиц в новых, нетрадиционных паттернах коллективной деятельности [6], которая является одним из аспектов общего процесса социетальной модернизации. «Социальная мобилизация» индивидов может предположительно произойти многими различными, но взаимосвязанными путями, включая распространение СМИ, географическую мобильность, городские условия проживания, занятость в непроизводственной сфере, грамотность и образование, и повышение личного благосостояния, каждый из которых имеет весомое значение для политического развития. «Социальная мобилизация приносит с собой расширение политически значимых слоев населения, т. е. тех, действия которых необходимо учитывать в политическом процессе» [7]. Далее он предлагает, что широкая социальная мобилизация оказывает влияние на политических лидеров, подталкивая их к расширению государственных служб, которые, в свою очередь, приводят к росту размеров и масштабов национальной политической системы.

Необходимо также упомянуть, что теоретическая модель Дойча (в этом вопросе он солидаризуется с С. Хантингтоном) предполагает результат в форме «революции растущих разочарований» и политической нестабильности, если развитие политической системы не поспевает за требованиями, формируемыми в процессе «политической мобилизации» [11]. Подобные сложности, в свою очередь, замедлят или даже обратят вспять процесс политического развития путем утверждения военных диктатур, харизматично-популистских лидеров, или тоталитарных партий.

Другой адепт теории коммуникации и исследователь, расширивший представление о системной теории, Никлас Луман выдвигает предположение о центральном месте в системном подходе таких категорий, как: смысл (Sinn), коммуникация, система и среда, структурное сопряжение, функциональные эквиваленты, сложность. Способ обществ коммуницировать друг с другом находится в прямой зависимости от их описания самих себя, что, в свою очередь, неразрывно связано с их социальной структурой. Структурные изменения в обществе (в качестве примеров Луман берет переход к фабричному производству или изобретение печатного станка, электронной почты) могут привести к обнулению такого самоописания. С точки зрения Лумана, тем не менее, за семантическими изменениями следуют структурные изменения, несколько отстоя во времени. Значимые самоописания современного общества возникают только после того, как мы принимаем, что семантические традиции, например «старой Европы», в категорию бессмысленных [12].

Луман больше других исследователей системной теории уделяет внимание реформам, которые он рассматривает с той позиции, что они должны иметь некий эталонный характер, связанный с ликвидацией девиаций относительно восприятия обществом себя и реальной социальной структуры.

Во взглядах Лумана общество само по себе отдает предпочтение переменам, что толкает политических лидеров или к проведению реформ, или к замене их на иные удовлетворяющие общество процессы. Политическая система зачастую заменяет скандалами реформы или, по крайней мере, мы можем наблюдать отрицательную корреляцию между более менее реализуемыми реформами и скандалами [13]. То есть происходит имитация деятельности, которая содержательно не имеет ничего общего с процессом реформирования, но удовлетворяет текущие запросы общества и сохраняет в стабильном состоянии политическую систему.

Таким образом, можно говорить о том, что с точки зрения большинства сторонников системной теории, реформы имеют одно из приоритетных значений, позволяя компенсировать возможные колебания в развитии политической системы и вернуть ей нормальное состояние.

Системность реформ может быть определена как соответствие такому типу политического действия, который направлен на реальное реформирование институциональной и правовой структуры общества в области развития гражданского общества, образования, семьи, правительства и др. в целях достижения идеальной модели (в отношении каждого института), имеющейся в обществе в форме консенсуса (мнения большинства по конкретному вопросу).

Следует обратить внимание на потенциал имитации реформ, проблему замещения их атрибуцией в работах Истона, проблему подмены реформ скандалами в работах Лумана. В любом случае, не отменяя общих колебаний системы, такая подмена реформ несет в себе некоторую стабилизирующую функцию, что чрезвычайно интересно сопрягается с отечественным опытом реформирования, демонстрирующим обратные целевым ориентирам результаты (ярким примером может служить несостоявшаяся попытка ухода от зависимости от экспорта углеводородов национальной экономики). Тем не менее, даже попытка или упоминание данной реформы делают политиков востребованными и избираемыми, а систему практически неизменной. Можно сделать еще одно утверждение, касающееся условного шкалирования системности реформ: наиболее «системны» реформы, ведущие к достижению своих целевых ориентиров, наименее — реформы, носящие лишь атрибутивные признаки и не достигающие поставленных задач.

Проведенный в 1990-е годы колоссальный политический маневр, ускоренными темпами переводящий Россию из стран «транзитной экономики», безусловно, свои реформационные задачи не выполнил. Однако были созданы серьезнейшие институциональные преобразования, которые привели к более-менее устойчивой политической системе. В свою очередь, имеют место вспышки недовольства, проблемы в Кавказских республиках, сложности в отношении организации элементарных бытовых условий для огромного количества жителей страны, проживающих удаленно от федерального центра. Все это является свидетельством неудовлетворенности политической системой, которая на данный момент начинает испытывать на себе давление набирающей обороты социальной мобилизации. Чтобы избежать глубокого кризиса, необходима немедленная реакция в виде проведения преобразований в таких сферах, как: экономическая, политическая, правовая, органах социализации (включая семью и институты образования). Основными целевыми ориентирами должны стать рост конкуренции внутри каждой из сфер, а также реальная, а не мнимая свобода выбора.

Литература

1. Богданов А. А. Тектология — всеобщая организационная наука [Электронный ресурс]. — Url: <http://uf.kgsu.ru/lib/doc.php?path> (Дата обращения: 18.04.2015).
2. Крюков С. В. Системный анализ: теория и практика. Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального ун-та, 2011.
3. Милецкий В. П. Российский опыт социального государства // Измерение социальной напряженности. СПб. : РГПУ, 2002.
4. Симонян Р. Х. Без гнева и пристрастия. Экономические итоги реформ 1990-х годов и их последствия для России. М. : Изд-во «Экономика», 2010.
5. Deutsch K. Political Community in the North Atlantic Area. Princeton : Princeton University Press, 1957.
6. Deutsch K. Political Research in the Changing World System // International Political Science Review / Revue internationale de science politique, 1980. Vol. 1, N 1, Studies in Systems Transformation. P. 23–33.
7. Deutsch K. Social mobilization and political development // American Political Science Review. 1961. 55 (September). P. 493–514.
8. Easton D. A Systems Analysis of Political Life. New York : Wiley, 1965.
9. Fernández J., Riley D. Beyond Strong and Weak: Rethinking Postdictatorship Civil Societies // American Journal of Sociology. Vol. 120. N 2 (September 2014). P. 432–503.
10. Howard M. The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
11. Huntington S. Political development and political decay // World Politics. 1965. N 17 (April). P. 386–430.
12. Lee D. The Society of Society: The Grand Finale of Niklas Luhmann // Sociological Theory. Jul., 2000. Vol. 18, N 2. P. 320–330.
13. Luhmann N. Why Does Society Describe Itself as Postmodern? // Cultural Critique (The Politics of Systems and Environments, Part I). Spring, 1995. N 30. P. 171–186.
14. Parsons T. The Point of View of the Author / The Social Theories of Talcott Parsons. Max Black (ed.). New Jersey : Prentice-Hall, 1964.
15. Parsons T. Voting and the equilibrium of the American political system: On the concept of political power // Parsons T. Politics and social structure. New York : Free Press. 1969.
16. Uta G. Talcott Parsons and the Transformation of German Society at the End of World War II // European Sociological Review. Dec., 1996. Vol. 12. N 3. P. 303–325.
17. Von Bertalanffy L. General System Theory. Foundation, Development, Applications. New York : George Braziller, 1969.

References

1. Bogdanov A. A. *Tectology- General organizational science* [Tektologiya — Vseobshchaya organizatsionnaya nauka]. [Electronic resource]. — URL: <http://uf.kgsu.ru/lib/doc.php?path> (Date of the address: 18.04.2015). (rus)

2. Krukov S.V. *System analysis: theory and practice* [Sistemnyi analiz: teoriya i praktika]. — Rostov-on-Don : Publishing House of the South Federal University [Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo un-ta], 2011. (rus)
3. Miletsky V.P. *Russian experience of the social state* [Rossiiskii opyt sotsial'nogo gosudarstva] // Measurement of social tension [Izmerenie sotsial'noi napryazhennosti]. SPb. : RSPU, 2002. (rus)
4. Simonyan R.H. *Without anger and addiction. Economic results of reforms of the 1990th years and their consequences for Russia* [Bez gneva i pristrastiya. Ekonomicheskie itogi reform 1990-kh godov i ikh posledstviya dlya Rossii]. M.: Publishing house «Economy» [Ekonomika], 2010. (rus)
5. Deutsch K. *Political Community in the North Atlantic Area*. Princeton : Princeton University Press, 1957.
6. Deutsch K. *Political Research in the Changing World System* // International Political Science Review / Revue internationale de science politique, 1980. Vol. 1, N 1, Studies in Systems Transformation. Pp. 23–33
7. Deutsch K. *Social mobilization and political development* // American Political Science Review. 1961. 55 (September). P. 493–514.
8. Easton D. *A Systems Analysis of Political Life*. New York : Wiley, 1965.
9. Fernández J., Riley D. *Beyond Strong and Weak: Rethinking Postdictatorship Civil Societies* // American Journal of Sociology. Vol. 120. N 2 (September 2014). P. 432–503.
10. Howard M. *The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe*. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
11. Huntington S. *Political development and political decay* // World Politics. 1965. N 17 (April). P. 386–430.
12. Lee D. *The Society of Society: The Grand Finale of Niklas Luhmann* // Sociological Theory. Jul., 2000. Vol. 18, N 2. P. 320–330.
13. Luhmann N. *Why Does Society Describe Itself as Postmodern?* // Cultural Critique (The Politics of Systems and Environments, Part I). Spring, 1995. N 30. P. 171–186.
14. Parsons T. *The Point of View of the Author / The Social Theories of Talcott Parsons*, Max Black (ed.). New Jersey : Prentice-Hall, 1964.
15. Parsons T. *Voting and the equilibrium of the American political system: On the concept of political power* // Parsons T. Politics and social structure. New York : Free Press. 1969.
16. Uta G. *Talcott Parsons and the Transformation of German Society at the End of World War II* // European Sociological Review. Dec., 1996. Vol. 12. N 3. P. 303–325.
17. Von Bertalanffy L. *General System Theory. Foundadion, Development, Applications*. New York : Gearge Braziller, 1969.

Словарь-справочник по английскому языку для государственных служащих как инструмент формирования компетенции эффективной профессиональной коммуникации

РЕФЕРАТ

В статье актуализируется и описывается оригинальный словарь-справочник для формирования у государственных служащих эффективной профессиональной коммуникации на английском языке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

английский язык, государственный служащий, эффективная профессиональная коммуникация, словарь-справочник

Hancharonak I. I.

The Dictionary Reference on English for Public Servants as the Instrument of Formation of Competence of Effective Professional Communication

ABSTRACT

The paper presents original reference book: "English for Civil Servants" for supporting effective professional communication.

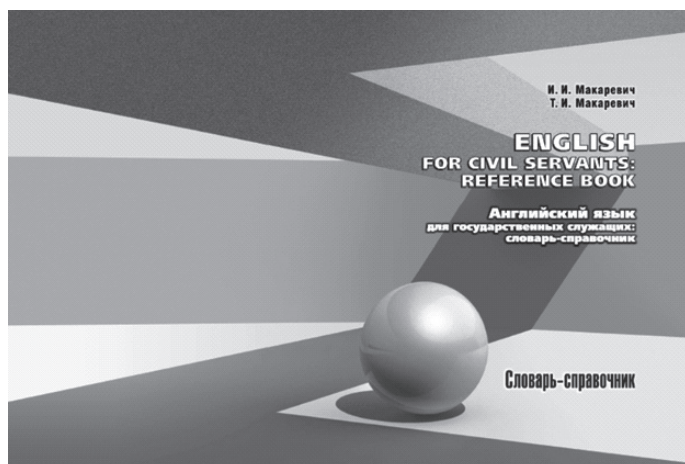
KEYWORDS

english language, civil servants, effective professional communication, reference book

English for Civil Servants. Английский язык для государственных служащих : словарь-справочник / И. И. Макаревич, Т. И. Макаревич; под ред. проф. И. И. Ганчеренка. Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2014/ 239 с.

ISBN 978-985-527-221-3

Проблемы государства, теории государственного управления, государственной службы интересовали мыслителей и ученых с древнейших времен. Еще большую актуальность они получили в настоящее время, когда государственное управление приобрело значимость синергетического параметра порядка в жизнедеятельности общества [1]. Особую резонансность вышеуказанные проблемы имеют в отношении молодых динамично развивающихся государств. При этом к историческому многообразию моделей и политик государственного управления добавились современные глобальные тренды, инновационные технологии, экологические и об-

ществленные вызовы. В этой связи в словарный обиход государственных служащих вошло огромное количество иноязычной и, прежде всего, англоязычной терминологии, понятий, которые отражают как исторические, национальные, культурные и иные особенности систем управления и государственной службы ведущих индустриально развитых государств, так и современные технологические достижения, формализованные в англоязычные понятия, вследствие широкомасштабной экспансии английского языка в научно-информационной коммуникации. Достаточно привести такие термины (взяты из программы Международной практической конференции по интернет-маркетингу (Минск, Беларусь, 11–14 марта 2014 г.)): юзабилити, экаунт-директор, диджитал-стратегии, диджитал-директор и т. д.

В настоящее время стремительно обновляется лексический состав языка и, в первую очередь, лексика профессионального общения. В связи с этим значительно возросла роль лексикографии, в частности, при создании специальных словарей по актуальным и востребованным сферам современной деятельности человека, включая многоаспектные области государственного управления и государственной службы. Автор [4] верно замечает, что разрыв между лингвистической теорией и практикой растет. Однако ликвидация этого разрыва должна состоять не в констатации недостатка теоретической базы, а в конкретной демонстрации практически значимых целевых результатов, а не фрагментарном переписывании известных истин или заимствованных конструкций.

Ведущие ученые свидетельствуют об особой роли лексикографии в современной жизни общества, поскольку ее отличительная черта сегодня — это синтез филологического знания, культурологических и других особенностей того или иного языка. Огромная роль словаря для общества подчеркивается еще и тем, что значительная часть культуры и профессионально направленной лексики реализуется через язык, а хороший словарь является фиксатором богатого разнообразия языковых средств выражения мысли.

Сегодня специалисты испытывают острую потребность в переводных словарях по языкам для специальных целей — подязыкам профессионального общения. Одна из проблем перевода английских терминов в том, что подавляющее большинство терминов и «околотерминологической» лексики появляется в английском языке и часто заимствуется в русский язык чаще всего путем транслитерации и транскрибирования. Однако весьма часто это не решает проблемы передачи смысла и многозначности языковой единицы с языка оригинала (английского языка) на язык перевода (русский язык). Более того, словари тоже имеют тенденцию «стареть». Так, например, достаточно авторитетный русско-английский словарь под ред. О. С. Ахмановой (М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952) дает перевод ученой степени кандидат наук как *bachelor of science*. С другой стороны, профессиональный язык, как уже отмечалось выше, может придавать терминам значительно большую смысловую нагрузку. В известном словаре *Collins English-Russian Dictionary* (М.: Фабула, 1996) термины *efficiency* и *effectiveness* переводятся синонимично как эффективность, а соответствующие производные в форме прилагательных как эффективный. (Заметим, что в русском языке есть еще и термин эффективный.) В то же время одна из фундаментальных монографий в области государственного управления [7] трактует термин *efficiency* некорректно как результативность, а эффективность (*effectiveness*) «управленческого или административного труда оценивается путем определения соотношения между полученным результатом и затраченными ресурсами». Различие между этими терминами мы наглядно формализовали на рис. 1. (Автор рецензии выражает признательность приглашенному профессору из Республики Корея О Tae Донгу (Dr. Oh Tae Dong) за плодотворную дискуссию по данному вопросу.)

POLICY PROCESS

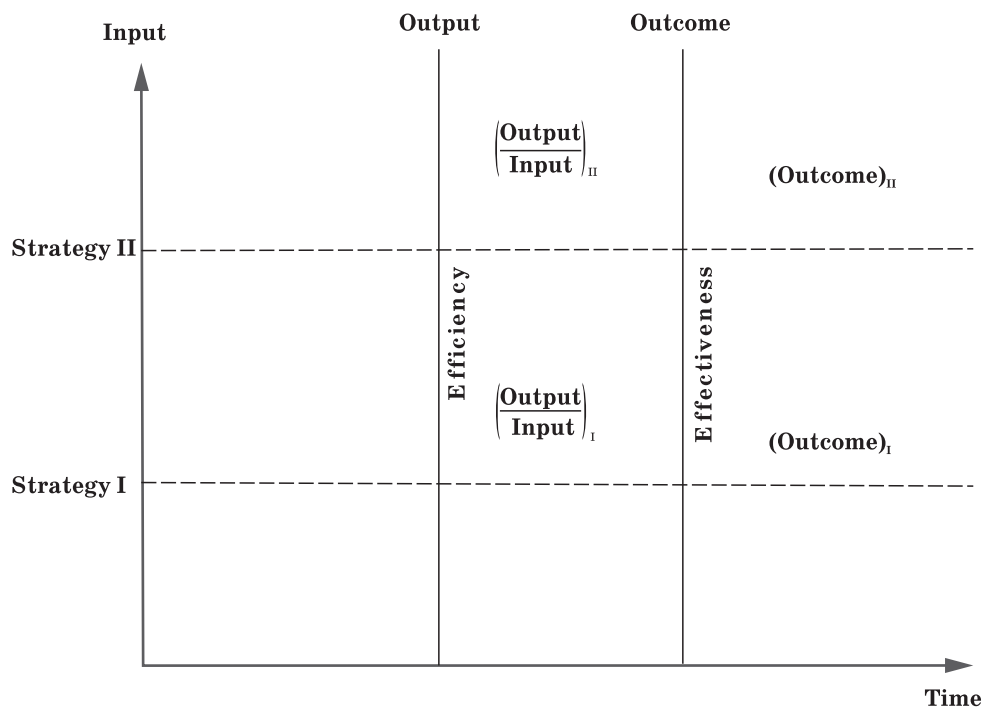

Рис 1. Процессное представление смыслового содержания терминов efficiency и effectiveness

Более того, в экономико-управленческой литературе часто используются и другие устойчивые сочетания, например, экономическая эффективность и эффективность Парето, имеющие нетривиальный контекст¹.

Отметим, что в контексте государственного управления терминология приобретает особый смысл. Так, согласно идеям профессора права Колумбийского университета и будущего 28-го Президента США В. Вильсона, высказанным еще в конце XIX века, эффективность является одной из главных ценностей государственного управления. Однако в XXI веке на первый план выдвигается ценность демократии или «democracy-oriented public values» [8]. Дальнейшую же эволюцию экономических развитых государств предлагается рассматривать как гармонизацию, поиск сбалансированности, эффективности и демократии. К сожалению, в реальном мире под лозунгом демократических преобразований игнорируются результаты позапрошлого века давности тех же американских ученых — сторонников научного управления В. Вильсона, Ф. Дж. Гудню, которые ставили под сомнение компетентность так называемого демократического правительства. Яркий современный пример этому — события в Украине.

Не буду останавливаться на большом количестве переводческих несуразностей, которыми «пестрит» целый ряд как отечественных, так и зарубежных материалов,

¹ Pareto Improvements and Pareto Efficiency: [Электронный ресурс]. URL: <http://economics.about.com/od/measuring-economic-value/ss/Pareto-Improvements-and-Pareto-Efficiency.htm/> (дата обращения: 17.08.2015).

подготовленных для различных тренингов и семинаров по проблематике государственного управления и государственной службы.

В словаре-справочнике [5] авторы стремятся решить проблему перевода языковых лакун в подъязыке государственного управления. Справочно. Языковые лакуны представляют собой национально-специфический элемент лингвокультуры в целом и сферы государственного управления, имеющие соответствующее отражение в языке и речи носителей этой культуры, который либо полностью не понимается, либо недопонимается носителями иной лингвокультуры в процессе делового общения.

Своей целью авторы данного словаря-справочника (англо-русский, русско-английский) ставят отразить адекватный перевод новых и наиболее частотных терминов (с английского языка на русский и с русского языка на английский) сферы государственного управления и электронного управления (e-governance): слов, словосочетаний и концептов в области систем управления и государственной службы в британском и американском вариантах английского языка, дать переводческий комментарий и информационно-аналитическое толкование ряду исследуемых лексических единиц.

Единицы настоящего словаря-справочника — словарные статьи, или вокабулы — упорядочены по заглавным словам и располагаются строго по алфавиту.

Словарь-справочник построен по гнездовой системе. В основу организации словарной статьи положен принцип сочетаемости слов: в гнездо словарной единицы включены свободные и устойчивые сочетания, связанные со сферой государственного управления и государственной службы. Представляемые в словаре языковые единицы отражают существующие в данное время нормы употребления языковых единиц (языковой узус).

Словарь-справочник имеет следующую организацию:

- систематизированный тематический материал дается в алфавитном порядке;
- языковые единицы, входящие в словарную статью, даются в определенной структурной последовательности;
- в качестве заголовочных слов в словаре-справочнике выступают различные части речи; если заголовочное слово употребляется только в одном сочетании — в пределах подъязыка государственного управления, — то в качестве заголовочной словарной единицы выступает целое сочетание, включенное в алфавитном порядке по первому элементу сочетания;
- внутри словарного гнезда заглавное слово заменяется знаком тильда (~);
- в плане лексикографического оформления семантические отношения оформляются в словаре следующим образом: омонимы даны в отдельных гнездах и обозначаются римскими цифрами (I, II, III); языковые единицы даны с пометами частей речи: *v* — verb, *n* — noun, *adj* — adjective, *adv* — adverb.

Представляемый словарь-справочник составлен на основе современных англо-язычных специальных текстов и статей, материалов переводческой практики, документации, официальных сайтов, справочных и лексикографических изданий.

Относительно отбора терминологии следует отметить, что авторами учитывалось достаточно последовательное различие между понятиями терминологии и номенклатуры. По О. Н. Ахмановой терминологию можно определить как «систему понятий данной науки, закрепленных в соответствующем словарном выражении», в то время как под номенклатурой подразумевается «система названий для данной совокупности более или менее конкретных объектов, составляющих содержание различных частей данной научной области в целом» (Ахманова О. Н. Словарь лингвистических терминов, 2009).

Написанию словаря-справочника предшествовала многолетняя работа авторов по изучению и преподаванию английского подъязыка государственного управления как языка для специальных целей в Академии управления при Президенте Респуб-

лики Беларусь в рамках учебных дисциплин «Деловой иностранный язык» для студентов специальностей «государственное управление и право», «государственное управление и экономика», «управление информационными ресурсами» очной и заочной форм обучения» Института управленческих кадров; слушателей Института государственной службы, повышающих квалификацию по курсам «Деловой иностранный язык для современного руководителя» и «Английский язык для управленческой деятельности»; работа авторов и редактора данной книги в ведущем в сфере государственного управления и смежных областей отечественном научно-практическом журнале «Проблемы управления». Несомненным достоинством словаря-справочника является его рецензирование международными экспертами.

Предлагаемый словарь-справочник адресован широкому кругу специалистов в области государственного управления и государственной службы, студентам и слушателям управленческих специальностей, преподавателям английского языка. Собранный в словаре-справочнике материал будет полезен и переводчикам, поскольку авторы стремились по возможности широко представить языковые варианты и эквиваленты языковых единиц, их синонимический ряд, дающих возможность выбора наиболее подходящего эквивалента при переводе как английских, так и русских текстов.

И, наконец, последнее. К сожалению, идея автора данной статьи о создании такого словаря, предложенная еще в 2003 году, нашла свое реальное воплощение только через десять лет благодаря глубокому пониманию авторов современных трендов как в обучении, так и в изучении иностранных языков и сформированной компетенции восприимчивости к инновациям [9]. За это время вышла в свет замечательная работа А. Килиевича [3], узконаправленное издание [2], возможно, другие работы, которые не всегда доступны для нашего сведения в силу ограниченности тиража либо других причин. Тем не менее, представляемый словарь, безусловно, займет свою достойную нишу в формировании и развитии профессиональной компетенции у отечественных и зарубежных государственных служащих «эффективной коммуникации на английском языке». Наконец, перефразируя название книги декана факультета государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова [6], смею утверждать, что данный словарь необходим еще и потому, что «все в государственном управлении имеет значение».

Ганчеренок Игорь Иванович

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь (Минск)
Проректор по учебной работе — директор Института управленческих кадров
Доктор физико-математических наук, профессор
gancher@pac.by*

Hancharonak Ihar Ivanavich

*Academy of Public Administration under the Aegis
of the Republic of Belarus (Minsk)
Vice-Rector on Academic Affairs — The Director of the Institute
of Managerial Education
Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor
gancher@pac.by*

Литература

1. Ганчеренок И. И. Меганауки и государственное управление // Вестник Московского государственного университета. Сер. 21. 2009, № 1. С. 25–33.
2. Ганчеренок И. И. Электронное правительство: англо-русско-корейский глоссарий терминов / сост.: И. И. Ганчеренок, Т. И. Макаревич, И. И. Макаревич, Т. А. Пранник, Х. Чой (Dr. Choi)

- Ho-jin); под ред. проф. И.И. Ганчеренка. Минск: Акад. упр. при Президенте Республики Беларусь, 2012. 62 с.
3. *Килиевич А.* Англо-русский глоссарий терминов и понятий в сфере анализа политики, государственного управления и экономики общественного сектора. Бишкек: ОсОО "V. R. S. Company", 2009. 484 с.
 4. *Лещева Л. М.* Когнитивная лингвистика и терминологическая двуязычная интерпретирующая лексикография // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015.
 5. *Макаревич И. И., Макаревич Т. И.* Английский язык для государственных служащих: словарь-справочник / под ред проф. И. И. Ганчеренка. Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2014.
 6. *Никонов В. А.* Государственное управление имеет значение: Открытая лекция проф. В. А. Никонова для студентов факультета государственного управления МУЕ им. М. В. Ломоносова 3 сентября 2012 г. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012.
 7. *Шамхалов Ф.* Теория государственного управления. М.: ЗАО «Издательство „Экономика“», 2002.
 8. *Discover Korea in Public Administration.* Seoul: The Korea Institute of Public Administration, 2011. P. 119.
 9. *Hancharonak I.* Public Administration; *Belarusian Model*/I. Hancharonak/Public Administration and Policy Studies of CIS; edited by Seo Young-seok. Sinjosa: The Korea Institute of Public Administration, 2011. P. 231–282. (in Korean)

References

1. Hancharonak I.I. *Megasciences and state management* [Meganauki i gosudarstvennoe upravlenie] // Messenger of the Moscow State University. Series. 21 [Vestnik Moskovskogo gosuniversiteta]. 2009, N 1. P. 25–33. (rus)
2. Hancharonak I.I. *E-Government: An English-Russian-Korean Glossary=electronic government: English-Russian-Korean glossary of terms* [Elektronnoe pravitel'stvo: anglo-russko-koreiskii glossarii terminov] / collection I.I. Hancharonak, T.I. Makarevich, I.I. Makarevich T.A. Prannik, H. Choi (Dr. Choi Ho-jin); under the editorship of the prof. I.I. Hancharonak. Minsk: The Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus [Akad. upr. pri Prezidente Respubliki Belarus'], 2012. 62 p. (rus)
3. *Kilievich A.* *English-Russian glossary of terms and concepts of the sphere of the analysis of policy, public administration and economy of public sector* [Anglo-russkii glossarii terminov i ponyatii v sfere analiza politiki, gosudarstvennogo upravleniya i ekonomiki obshchestvennogo sektora]. Bishkek: "V. R. S. Company", 2009. 484 p. (rus)
4. *Leshcheva L. M.* *Cognitive linguistics and the terminological bilingual interpreting lexicography* [Kognitivnaya lingvistika i terminologicheskaya dvuyazychnaya interpretiruyushchaya leksikografiya] // Language and thought: Contemporary cognitive linguistics [Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika] / Compiled by A. A. Kibrik and A. D. Koshelev. Ed. by A. A. Kibrik, A. D. Koshelev, A. V. Kravchenko, Ju. V. Mazurova, and O. V. Fedorova. M.: Languages of Slavic culture [Yazyki slavyanskoi kul'tury], 2015. (rus)
5. *Makarevich I. I., Makarevich T. I.* *English for public servants: the dictionary reference book* [Angliiskii yazyk dlya gosudarstvennykh sluzhashchikh: slovar'-spravochnik] / Under edition of the prof. I. I. Hancharonak. Minsk: The Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus [Akad. upr. pri Prezidente Resp. Belarus'], 2014. (rus)
6. *Nikonov V. A.* *Public administration matters* [Gosudarstvennoe upravlenie imeet znachenie]: Open lecture of the prof. V. A. Nikonov for students of faculty of public administration of the Moscow State University of M. V. Lomonosov on September 3, 2012. M.: Publishing house of the Moscow university [Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta], 2012. (rus)
7. *Shamkhalov F.* *Theory of public administration* [Teoriya gosudarstvennogo upravleniya]. M.: JSC "Publishing house "Economy" [Izdatel'stvo "Ekonomika"], 2002. (rus)
8. *Discover Korea in Public Administration.* Seoul: The Korea Institute of Public Administration, 2011. P. 119.
9. *Hancharonak I.* *Public Administration; Belarusian Model* / I. Hancharonak / Public Administration and Policy Studies of CIS; edited by Seo Young-seok. Sinjosa: The Korea Institute of Public Administration, 2011. P. 231–282. (in Korean)

Рецензия на учебник «GR и лоббизм: взаимодействие бизнеса и органов власти»

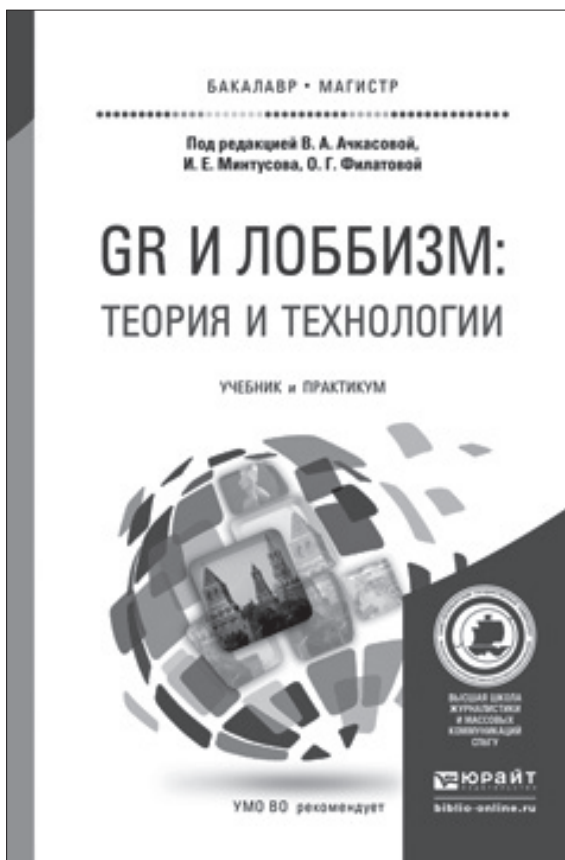
Kolesnikov V. N., Kuzmin A. E.

Review on the Tutorial «GR and Lobbying: Interaction of Business and Government Departments»

GR и лоббизм: взаимодействие бизнеса и органов власти: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / под ред. В.А. Ачкасовой, И.Е. Минтусова, О.Г. Филатовой. М. : Издательство Юрайт, 2015. 321 с.

ISBN: 978-5-9916-5100-4

Трансформационные процессы в постсоветской России привели к фундаментальным изменениям основ государственной и общественной жизни. В первую очередь это касается эволюции представлений о новой философии и практики взаимодействия государственных институтов и бизнес-структур. Эффективный диалог между ними превращается в детерминирующий фактор развития государства и общества в целом. Именно этим обстоятельством во многом объясняется появление и бурное развитие такого специфического для России направления в системе общественно-государственных связей, как Government relations (далее — GR) — связи с государством. Отечественный рынок образовательных услуг достаточно оперативно в последние годы реагирует на эти изменения. В номенклатуре современных профессий специалисты по связям с общественностью, включая и GR-специалистов, являются одними из самых востребованных. Все это существенно обострило необходимость разработки современных теоретико-методологических основ и методики подготовки специалистов по взаимодействию власти и бизнеса. Появились первые отечественные учебные пособия в этом направлении высшего образования, речь идет о таких учебниках и учебных пособиях, как учебное пособие под редакцией Л.В. Сморгунова и Л.Н. Тимофее-

вой и книгах других авторов [1–5]. В этой же волне учебных изданий по связям с государством в 2015 г. издательство «Юрайт» выпустило в свет в серии «Бакалавр. Академический курс» учебник и практикум под редакцией известных российских специалистов по связям с общественностью В.А. Ачкасовой, И.Е. Минтусова и О.Г. Филатовой [6].

Авторы учебника сразу же поясняют, что явилось исходным мотивом в написании данной работы. Во-первых, это высокая степень актуальности становящейся профессии, приводящая к появлению заметного числа изданий, посвященных теоретическим и методическим основам GR. Во-вторых, по мнению авторов, определилась неразработанность базовых понятий, начиная с самого понятия «GR» и его соотношения с родственными понятиями (лоббизм, public affairs и т. д.). В связи с этим, авторы справедливо констатируют недостаточное количество существующей как научной, так и учебно-методической литературы по данной тематике. В-третьих, в учебнике совершенно обосновано отмечается высокая степень непрозрачности отношений бизнеса и НКО с государственными органами, препятствующая институционализации профессии.

Эти исходные соображения позволили авторам-составителям учебника определить довольно удачную архитектуру издания и вытекающую из нее логику и структуру изложения теоретических оснований, методики и системы применяемых в современном GR и лоббизме технологий.

Отталкиваясь от генетического родства понятий GR и лоббизм, авторы учебника исходят из существенных специфических особенностей этих двух родственных направлений. Это нашло свое отражение в самой структуре издания, первый раздел которого целиком посвящен концептуализации GR, характеристике субъектов GR, этическим основаниям деятельности специалистов по GR и лоббизму, а также анализу наиболее распространенных GR-технологий. Второй раздел учебника целиком посвящен описанию такого же рода тематических смыслов, но уже применительно к лоббистской деятельности.

Представив в первом разделе краткий очерк сложившихся в отечественном экспертно-аналитическом сообществе представлений о сущности GR, авторы учебника дают этому феномену свое определение. Согласно этой позиции, которая нам представляется достаточно аргументированной, *«government relations — многоаспектная (прежде всего — коммуникативная) деятельность негосударственных структур, направленная на осуществление взаимодействия с органами государственной власти»* [6, с. 16].

В том же разделе учебника получает свое разрешение давняя проблема в сфере профессиональной деятельности специалистов по связям с общественностью. Пожалуй, впервые в отечественной литературе сформулирована такая четкая позиция, показывающая дистанцию между GR и PR-деятельностью. Согласно этой авторской позиции, *«специалисты в области GR — люди, которые строят мост между властью и бизнесом (или иными общественными организациями), для того чтобы по этому мосту могли свободно пройти лоббисты для решения своих вопросов с властью»*. Если лоббист должен владеть теорией принятия решений в различных властных структурах и обязан знать конкретные процедуры принятия решений на том или ином уровне государственной власти, то GR-деятельность предполагает, по утверждению авторов, *«умение выстраивать доверительные отношения с властью с помощью технологий PR-деятельности...»* [6, с. 17]. Чуть ниже авторы формулируют совсем краткое определение на этот счет, которое они сами называют основным: *«GR — вид PR-деятельности социального субъекта, связанный с отношениями с органами власти»*.

Едва ли не главным достоинством представленного учебника является его методическая конструкция. Данная работа предстает как бы иллюстрацией выраженного компетентностного подхода, когда вслед за постановкой основной цели опре-

делением навыков и умений, на формирование которых у студентов ориентирован данный раздел, последовательно разворачивается теоретический, методический и информационный материал. К тому нельзя не отметить еще одно достоинство этого учебника. Каждая глава работы завершается выводами и практикумом, что дает возможность студентам составить достаточно полное и цельное представление в рамках предметного поля каждой главы.

Удачно подобранный актуальный иллюстративный материал органичным образом «вплетается» в смысловое пространство изучаемых феноменов и категорий, к тому же такой формат призван ориентировать студентов на более целенаправленную и эффективную самостоятельную работу.

Второй раздел учебника отличается от первого хорошим кросс-национальным анализом лоббистской деятельности. Постранный очерк специфики институциональных оснований и технологий лоббизма, представленный в одном издании, существенно усиливает практическую востребованность издания. Возможно, что подобный очерк был бы уместен и в первом разделе. Однако это несколько не снижает, на наш взгляд, общий высокий содержательный и методический уровень раздела о GR-деятельности.

И последнее, возможно, самое главное для такого рода изданий: с первых же дней публикации учебника «GR и лоббизм: взаимодействие бизнеса и органов власти» он оказался нужным и в профессиональной, и преподавательской среде, так и среди студентов, обучающихся не только по направлению «Связи с общественностью» и по программам GR-деятельности, но и среди будущих политологов, специалистов по государственному и муниципальному управлению и т. п. С чем, в первую очередь, и следует поздравить коллектив авторов этого учебника.

Литература

1. Сушинский С. А. Лоббирование от «А» до «Я». Ростов-на-Дону : Феникс, 2015.
2. Терещенко И. А. Лоббизм и политические процессы в современной России. М. : Граница, 2012.
3. Толмачева И. В. Лоббизм по-русски: между бизнесом и властью. М. : Коммерсантъ, Эксмо, 2012.
4. Толстых П. А. GR. Практикум по лоббизму в России. М. : Альпина Бизнес Букс, 2007.
5. GR-связи с государством. Теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством: учеб. пособие / под ред. Л. В. Сморгунова и Л. Н. Тимофеевой. М. : РОССПЭН, 2012.
6. GR и лоббизм: взаимодействие бизнеса и органов власти: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / под ред. В. А. Ачкасовой, И. Е. Минтусова, О. Г. Филатовой. М. : Издательство «Юрайт», 2015.

References

1. Sushinskiy S. A. *Lobbying from «A» to «Z»* [Lobbirovanie ot «A» do «Ya»]. Rostov-on-Don : Phoenix [Feniks], 2015. (rus)
2. Tereschenko I. A. *Lobbying and political process in modern Russia* [Lobbizm i politicheskie protsessy v sovremennoi Rossii]. M. : Border [Granitsa], 2012. (rus)
3. Tolmacheva I. V. *Lobbying in Russian: between business and government* [Lobbizm po-russki : mezhdru biznesom i vlast'yu]. M. : Kommersant, Eksmo, 2012. (rus)
4. Tolstykh P. A. *GR. A workshop on lobbying in Russia* [GR. Praktikum po lobbizmu v Rossii]. M. : Alpina Business Books, 2007. (rus)
5. *GR — government relations. Theory, practice and mechanisms of interaction between business and civil society with the state* [GR-svyazi s gosudarstvom. Teoriya, praktika i mekhanizmy vzaimodeistviya biznesa i grazhdanskogo obshchestva s gosudarstvom]. Tutorial / Ed. L. V. Smorgunov and L. N. Timofeeva. M. : ROSSPEN, 2012. (rus)

6. *GR and Lobbying: interaction of business and government departments* [GR i lobbizm: vzaimodeistvie biznesa i organov vlasti]: tutorial and workshop for bachelors and masters / Ed. V.A. Achkasova, I.E. Mintusov, O.G. Filatova. M. : «Yurayt», 2015. (rus)

Колесников Владимир Николаевич

*Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры истории и политологии
Доктор политических наук
istor@szags.ru*

Кузьмин Алексей Евгеньевич

*Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры общего менеджмента и логистики
Кандидат политических наук
km@szags.ru*

Kolesnikov Vladimir Nikolaevich

*North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg,
Russian Federation)
Professor of the Chair of History and Political Sciences
Doctor of Science (Political Science)
istor@szags.ru*

Kuzmin Aleksey Evgenevich

*North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg,
Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of general management and logistics
PhD in Political Science
km@szags.ru*

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем Вам разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в различных отраслях государственного управления, ученым и преподавателям.

Журнал «Управленческое консультирование» включен ВАК Минобрнауки РФ в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН. Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией

В соответствии с рекомендациями ВАК, редакцией устанавливаются требования к содержанию и оформлению публикуемых в нем статей.

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются оригинальные научные материалы, соответствующие основной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления, экономики, общества и реформ.

Требования к направляемым в редакцию материалам

1. Автор представляет в редакцию:
 - ♦ распечатанный экземпляр статьи, подписанный автором, а также электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному; в конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником, материал не содержит сведений ограниченного распространения»
 - ♦ две рецензии — внешнюю и внутреннюю, заверенные печатью.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору направляется аргументированный отказ или рекомендации по доработке.
3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

Требования к оформлению материалов

1. Каждая статья должна быть сопровождается:
 - **сведениями об авторах** (на русском и английском языках), которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
 - ◆ **кратким рефератом на русском и английском языках**, раскрывающим основное содержание статьи (≈ 200–300 слов);
 - ◆ **ключевыми словами на русском и английском языках**.
2. Технические требования к материалу:
 - поля — 2,5 см везде;
 - ◆ номера страниц — в низу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
 - ◆ шрифт — Times New Roman;
 - ◆ аннотации, ключевые слова — 12 кегль, межстрочный интервал — 1;
 - ◆ основной текст — 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5;
 - ◆ ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы **в алфавитном порядке**), 12 кегль, межстрочный интервал — 1. **Ссылки на электронные ресурсы, правовые и законодательные акты, архивные материалы и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!**
3. Порядок расположения материалов:
 - ◆ инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе(-ах);
 - ◆ название статьи (на русском и английском языках). Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
 - ◆ краткий реферат на русском языке;
 - ◆ краткий реферат на английском языке (идентичный реферату на русском языке);
 - ◆ ключевые слова на русском языке;
 - ◆ ключевые слова на английском языке;
 - ◆ основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
 - ◆ абзацный отступ — 1,25 см (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
 - ◆ расстановка переносов не применяется;
 - ◆ все примечания, в том числе сведения об авторе, оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста в низ полосы документа;
 - ◆ все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
 - ◆ выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным шрифтом, не допускаются);
 - ◆ нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;
 - ◆ маркированный список пунктов оформляется только с помощью тире.
5. Оформление ссылок (**ВАЖНО!!!**):
 - ◆ ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
 - ◆ краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место

издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка дается на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (полный объем издания либо конкретные страницы). Области библиографического описания разделяются точкой;

- ◆ для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер источника и диапазон страниц, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком «точка с запятой»;
- ◆ список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

Примеры оформления материалов

1. Сведения об авторе

Иванов Иван Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Заведующий кафедрой

Доктор философских наук, профессор.

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки

В тексте:

«А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире : политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках

◆ *Монографии:*

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

◆ *Статьи в научных сборниках:*

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

◆ *Публикации в многотомных изданиях:*

Ирвинг В. Собр. соч. В 5 т. : пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

◆ *Статьи в научных журналах:*

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба: Вестник Координаци-

онного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.
2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

◆ *Статьи в газетах:*

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

◆ *Правовые акты:*

О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

◆ *Архивные документы* (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

◆ *Электронные ресурсы оформляются следующим образом:*

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: Сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2013).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2012).

Ссылки на таблицы и рисунки приводятся внутри текста: (табл. 2, рис. 1).

Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

2015. № 9(81)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. В. АНТОНОВА

Сдано в набор 01.09.2015.
Подписано к печати 15.09.2015.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 17,1. Тираж 650 экз.
Заказ № 9/15.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Аннотации статей и перевод
на английский язык В. В. ПОЛЯХ

Корректор Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России» 82909, по каталогу
Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97